Историческая и социально-образовательная мысль

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Том 13 №2 2021

Главный редактор:
док. ист. наук, профессор
Бугай Н. Ф.

Заместитель главного редактора - научный редактор:
канд. полит. наук, доцент
Т.А. Халилов

Заведующий редакцией:
Н.В. Вавилкина

Редактор электронной версии:
А.М. Литвинов

Редактор англоязычных текстов:
канд. полит. наук, доцент
Т.А. Халилов

Корректор:
А.Ф. Мишина

АДРЕС РЕДАКЦИИ

350080, Россия, г. Краснодар,
мкр. Пашковский,
ул. Заводская, д. 32, к. 301
Редакция журнала
«Историческая и социально-образовательная мысль»

Тел/факс: +7 905 471 31 94

E-mail: akademus07@rambler.ru

УЧРЕДИТЕЛИ

НОЧУ ДПО Кубанская многопрофильная Академия подготовки, переподготовки и повышения квалификации специалистов;
АНПОО Северо - Кубанский гуманитарно - технологический колледж.

Электронная версия: http://www.hist-edu.ru

Журнал «Историческая и социально-образовательная мысль» представляет собой сетевое, периодическое, рецензируемое научное издание.

Миссия журнала - публикация оригинальных статей, рецензий и историографические обзоры российских и зарубежных учёных, а также молодых исследователей на русском и английском языках, повышение уровня научных исследований и развитие международного научного сотрудничества по истории, образованию и социологии.

Статьям журнала «Историческая и социально-образовательная мысль», начиная с № 6 2014 г., присваиваются уникальные буквенно-цифровые идентификаторы DOI (Digital Object Identifier).

Редакция журнала является членом Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ).

Редакция журнала является членом Международного Комитета по публикационной этике COPE (Committee on Publication Ethics) с 2017 года.

Журнал размещается в национальной информационно-аналитической системе РИНЦ (Российский индекс научного цитирования) Российской научной электронной библиотеки.

http://elibrary.ru/issues.asp?id=29001

Свидетельство о регистрации:
Эл. № ФС77-37034 от 04.08.2009

(ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА ПО НАДЗОРУ В СФЕРЕ СВЯЗИ, ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ)

ISSN 2219-6048 (Online)

Выходит 6 раз в год

Все права защищены. Ни одна часть этого издания не может быть занесена в память компьютера либо воспроизведена любым способом без предварительного письменного разрешения издателя.

Рукописи рецензируются. Учредитель и издатель предупреждают авторов о юридической ответственности за несанкционированное использование чужих авторских прав.

Historical and Social-Educational Idea

SCIENTIFIC JOURNAL

Volume 13 #2 2021

Editor-in-Chief:
N. F. Bugay
Dr. Sci. (History), Professor

Deputy Editor-in-Chief - Scientific Editor:
T.A. Khalilov
Cand. Sci. (Political Science), Associate Professor

Head of Editorial Board:
N.V. Vavilkina

Web Layout Designer:
A.M. Litvinov

Editor for the English Version:
T.A. Khalilov
Cand. Sci. (Political Science), Associate Professor

Proofreader:
A.F. Mishina

OFFICE ADDRESS

32 Zavodskaya Str., Apt. 301,
Pashkovsky micro-distr.,
Krasnodar city, 350080, Russia
Editorial Office Journal
«Historical and Social-Educational Idea»
Phone/fax: +7 905 471 31 94
E-mail: akademus07@rambler.ru

INCORPORATORS

N-SEPI oAPE Kuban Region Multi-Sector Academy of Vocational Training and Upgrading and Advanced Training of Specialists;
AN-PPEO Northern Kuban Region College for the Humanities and Technologies.

Web Version address:
http://www.hist-edu.ru

The Academic Journal "Historical and Social-Educational Idea" is online, a periodical, peer-reviewed, scientific publication.

The mission of the journal is the publication of original articles, reviews, historiographic reviews of Russian and foreign scientists, as well as young researchers in Russian and English, increasing the level of scientific research and the development of international scientific cooperation in history, education and sociology.

Unique alphabetic-digital identifiers DOI are assigned to the articles of the journal «Historical and Social-Educational Idea», starting from its issue No 6, 2014.

Editorial Board is a member of the Association of Science Editors and Publishers (ASEP).

The editorial board is a member of the COPE (Committee on Publication Ethics) since 2017.

The Journal is located at the nationwide data analysis framework of the Russian Academic Citation Index operated by the E-Library.

http://elibrary.ru/issues.asp?id=29001

Certificate of Incorporation:
El No. FS77 - 37034 of August 4th, 2009

ISSN 2219-6048 (Online)

The Journal is issued 6 times a year

All rights reserved. No part to this publication may be stored at the outsider computer memory nor reproduced by any means, without the prior written permission by the publisher.

The author's copies shall be subject to review. Both the Promoters and the Publisher notify the authors about legal liability for unauthorized use of another author's rights.

«Историческая и социально-образовательная мысль» - это сетевой, научный, рецензированный журнал, основной целью, которого является публикация научных статей высокого качества по историческим, социологическим и педагогическим научным специальностям с целью стимулирования дальнейших социально-гуманитарных исследований и академических дискуссий, посвященных различным аспектам, параметрам и уровням социальности.

Журнал принимает к публикации оригинальные научные тексты в рамках следующих профильных специальностей:

- 07.00.02 Отечественная история;
- 07.00.03 Всеобщая история;
- 07.00.15 История международных отношений и внешней политики;
- 22.00.04 Социальная структура, социальные институты и процессы;
- 22.00.06 Социология культуры, духовной жизни;
- 13.00.01 Общая педагогика, история педагогики и образования;
- 13.00.02 Теория и методика обучения и воспитания;
- 13.00.08 Теория и методика профессионального образования.

Редакция журнала в своей деятельности руководствуется принципами научности, объективности, профессионализма, информационной поддержки наиболее значимых профильных исследований и соблюдения норм издательской этики.

Концепция научного журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» подразумевает междисциплинарный характер социального знания. Исследования, ориентированные на изучение современной реальности, связывают историческое прошлое с реалиями современности и позволяют объяснить настоящее и прогнозировать будущее, зачастую с использованием методологии смежных отраслей научного знания.

"The Historical and Social-Educational Idea" is online, a scientific, peer-reviewed journal, the main purpose of which is to publish high-quality scientific articles on historical, sociological and pedagogical scientific specialties in order to stimulate further social and humanitarian studies and academic discussions on various aspects, parameters and levels of sociality.

The journal accepts original scientific texts for publication in the following profile specialties:

- 07.00.02 Russian History;
- 07.00.03 World History;
- 07.00.15 History of International Relations and Foreign Policy;
- 22.00.04 Social Structure, Social Institutions and Processes;
- 22.00.06 Sociology of Culture, Spiritual Life;
- 13.00.01 General Pedagogy, History of Pedagogy and E ducation;
- 13.00.02 Theory and Methods of Training and Education;
- 13.00.08 Theory and Methodology of Professional Education.

The editorial board of the journal is guided in their activities by the principles of sciene, objectivity, professionalism, information support of the most significant specialized research and compliance with the standards of publishing ethics.

The concept of the scientific journal "The Historical and Social-Educational Idea" implies the interdisciplinary nature of social knowledge. Studies focused on the study of modern reality connect the historical past with the realities of modernity and allow us to explain the present and predict the future, often using the methodology of related branches of scientific knowledge.

Главный редактор:

Бугай Николай Федорович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт российской истории РАН, действительный государственный советник Российской Федерации III класса
ORCID iD: 00-203-21202-8363-1638
Scopus Author ID: 55481483000
Москва. Россия

Научный редактор

Халилов Тимур Александрович, заместитель главного редактора - научный редактор журнала "Историческая и социально-образовательная мысль", кандидат политических наук, доцент, Кубанский государственный университет, член Экспертного совета Федерального агентства по делам национальностей РФ
ORCID iD: 0000-0002-5806-0351
Краснодар. Россия

Редакционная коллегия

Состав редакционной коллегии по историческим наукам

Ващук Ангелина Сергеевна, доктор исторических наук, профессор, заведующая отделом социально-политических исследований, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, Дальневосточное отделение Российской академии наук
ORCID iD: 0000-0002-0593-6698
Scopus Author ID: 57192098956
Владивосток. Россия

Ма Вэйюнь, доктор исторических наук, профессор, Центр исследований России при Хэйлунцзянском университете, заместитель председатателя Ученого совета
ORCID ID: 0000-0002-0769-7766
Харбин. Китай

Нефедов Сергей Александрович, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт истории и археологии, Уральское отделение Российской академии наук
ORCID iD: 0000-0003-0136-5020
Scopus Author ID:40861593700
ResearcherID: Q-1642-2015
Екатеринбург. Россия

Сактаганова Зауреж Галимжановна, доктор исторических наук,
Профессор, Карагандинский государственный университет им. Е. А. Бунетова, директор Центра этнокультурных и историко-антропологических исследований.
ORCID iD: 0000-0002-8678-3629
г. Караганда.Республика Казахстан.

Хон Вунг Хо, кандидат исторических наук, профессор истории, Центр восточных исследований, факультет международных отношений, Государственный университет Донгук
Сеул. Республика Корея

Состав Редакционной коллегии по социологическим наукам.

Атанесян Артур Владимирович, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой прикладной социологии, факультет социологии, Ереванский государственный университет
ORCID iD: 0000-0001-8458-2447
Scopus Author ID: 53868717600
Ереван. Армения

Верещагина Анна Владимировна, доктор социологических наук, профессор, кафедра теоретической социологии и методологии региональных исследований, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет
ORCID iD: 0000-0003-0045-7468
Scopus Author ID: 56584492400
Ростов-на-Дону. Россия

Гузенина Светлана Валерьевна, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры теоретической и прикладной социологии факультета истории, мировой политики и социологии, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, председатель Тамбовского регионального отделения Российского общества социологов (РОС), Член Международной Социологической Ассоциации (ISA)
ORCID iD: 0000-0002-2909-9513
г. Тамбов, Россия

Догнал Йосеф, доктор философии, доцент, кафедра русистики, философский факультет, Университет им. св. Кирилла и Мефодия (г. Трнава Словацкая Республика), Институт славистики, философский факультет, Университет им. Масарика (г. Брно Чешская Республика)
ORCID iD: 0000-0002-0763-5784
ScopusID: 55542765600
Брно. Чешская Республика

Касьянов Валерий Васильевич, доктор социологических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, Кубанский государственный университет
ORCID iD: 0000-0002-9844-1802
ScopusID: 57147373800
Краснодар. Россия

Сухомлинова Марина Валерьяновна, профессор, доктор социологических наук, кандидат педагогических наук, Международный языковой бизнес-сервис ESZETT, член Российского профессорского собрания, член Общества социологов России.
ORCID iD: 0000-0001-6214-1587
г. Аннандейл, шт. Вирджиния, США

Цыганков Андрей Павлович, доктор философских наук, профессор международных отношений и политических наук, Университет Сан-Франциско
ORCID iD: 0000-0003-0011-2339
ScopusID: 7102020604
Сан-Франциско. США

Шишкина Ольга Евгеньевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и административного права Юридической школы Дальневосточного федерального университета
ORCID iD: 0000-0003-3545-3985
Владивосток, Россия.

Состав Редакционной коллегии по педагогическим наукам.

Бедерханова Вера Петровна, доктор педагогических наук, профессор, кафедра социальной работы, психологии и педагогики высшего образования, Кубанский государственный университет
Краснодар. Россия

Блейх Надежда Оскаровна, заслуженный деятель науки и образования, доктор исторических наук, кандидат педагогических наук, профессор, Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л.Хетагурова», академик Российской Академии Естествознания
ORCID iD: 0000-0002-6715-9185
г. Владикавказ, Республика Северная Осетия-Алания, Россия

Быкасова Лариса Владимировна, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры общей педагогики, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал)
ORCID iD: 0000-0003-4866-1222
г. Таганрог. Россия

Дыбовский Александр Сергеевич, кандидат филологических наук, профессор, Школа языка и культуры аспирантуры, Осакский университет
ORCID iD: 0000-0001-6236-0886
Осака. Япония

Эдита Поорова, доктор, (теория обучения английского языка и педагогика высшего учебного заведения), зам. декана факультета социальных наук по международным связям Университета Св. Кирилла и Мефодия в г. Трнаве,
ORCID ID – 0000-0001 – 9877 - 1118
г. Трнава Словакия.

Editor-in-Chief

Nikolay F. Bugay, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of Russian History, Russian Acad-emy of Sciences, Full State Counselor of the Russian Federation - Class III
ORCID iD: 00-203-21202-8363-1638
Scopus Author ID: 55481483000
Moscow. Russia

Scientific Editor

Timur A. Khalilov, Deputy Editor-in-Chief - Scientific Editor of the Academic Journal "Historical and Social-Educational Idea", Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Kuban State University, Expert of the Russian Federal Agency for Nationalities
ORCID iD: 0000-0002-5806-0351
Krasnodar. Russia

Editorial board

Composition of the Editorial Board for Historical Sciences

Angelina S. Vashchuk, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of Social and Political Studies Department, Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of Russian Academy of Sciences
ORCID iD: 0000-0002-0593-6698
Scopus Author ID: 57192098956
Vladivostok. Russia

Ma Weiyun, Doctor of Historical Sciences, Professor, Research Center of Russia at Heilongjiang University, Deputy Chairman of the Academic Council
ORCID ID: 0000-0002-0769-7766
Harbin. China

Sergei A. Nefedov, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences
ORCID iD: 0000-0003-0136-5020
Scopus Author ID:40861593700
ResearcherID: Q-1642-2015
Yekaterinburg. Russia

Zauresh G. Saktaganova, Doctor of Historical Sciences,
Professor of the Karaganda State University named after E. A. Bunetov, Director Of the Center for Ethnocultural and Historical-Anthropological Research.
ORCID iD: 0000-0002-8678-3629
Karaganda. Republic of Kazakhstan.

Hong Vung Ho, Candidat of Historical Sciences, Professor of History, Center for Oriental Studies, Faculty of International Relations, Donguk State University
Seoul. Republic of Korea

Composition of the Editorial Board for Sociological Sciences.

Arthur V. Atanesyan, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Applied Sociology Department, Faculty of Sociology, Yerevan State University
ORCID iD: 0000-0001-8458-2447
Scopus Author ID: 53868717600
Yerevan. Armenia

Anna V. Vereshchagina, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Department of Theoretical Sociology and Methodology of Regional Studies, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University
ORCID iD: 0000-0003-0045-7468
Scopus Author ID: 56584492400
Rostov-on-Don. Russia

Svetlana V. Guzenina, Doctor of Social Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Theoretical and Applied Sociology, Faculty of History, World Politics and Sociology, Tambov State University named after G. R. Derzhavin, Chairman of the Tambov regional branch of the Russian Society of Sociologists (ROS), Member of the International Sociological Association (ISA)
ORCID iD: 0000-0002-2909-9513
Tambov, Russia

Josef Dohnal, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Department of Russian Studies, Faculty of Philosophy, St. Cyril and Methodius University
(Trnava, Slovak Republic);
Institute of Slavic Studies, Faculty of Philosophy, Masaryk University
ORCID iD: 0000-0002-0763-5784
ScopusID: 55542765600
Brno. Czech Republic

Valery Kasyanov, Doctor of Social Sciences, Doctor of History Professor, Head of the Department of Russian history, Kuban state University state University
ORCID iD: 0000-0002-9844-1802
ScopusID: 57147373800
Krasnodar. Russia

Marina V. Sukhomlinova - Professor, Doctor of Sociological Sciences, Candidate of Pedagogical Sciences. International Language Business Service "ESZETT". The Member of the Professor's Assembly and the Member of the Sociologists' Society in Russia.
ORCID iD: 0000-0001-6214-1587
Annandale, Virginia, USA

Andrei P. Tsygankov, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of International Relations and Political Science, San Francisco State University
ORCID iD: 0000-0003-0011-2339
ScopusID: 7102020604
San Francisco. USA

Olga E. Shishkina, Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Law School of the Far Eastern Federal University
ORCID iD: 0000-0003-3545-3985
Vladivostok. Russia

Composition of the Editorial Board for Pedagogical Sciences

Vera P. Bederkhanova, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Department of Social Work, Psychology and Higher Education Pedagogy, Kuban State University
Krasnodar. Russia

Nadezhda Os. Blaikh, Honored Worker of Science and Education, Doctor of Historical Sciences, Candidate of Pedagogical Sciences, Professor, K. L. Khetagurov North Ossetian State University, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences
ORCID 0000-0002-6715-9185
Vladikavkaz, Republic of North Ossetia-Alania

Larisa V. Bykasova, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Professor of General Pedagogic Department, Rostov State Economic University (RINE), Chekhov Taganrog Institute (branch)
ORCID iD: 0000-0003-4866-1222
Taganrog. Russia

Alexander S. Dybovsky, Candidate of Philology, Honorary Professor of the School of Language and Culture of the Osaka University Graduate School. In 2019-2020, invited researcher of the Department of Comparative Study of Languages and Cultures of the Osaka University Graduate School.
ORCID iD: 0000-0001-6236-0886
Osaka. Japan

Edita Poorova, Ph.D. (*Theory of English Teaching (PhDr.), Higher Education Pedagogy (Ph.D.*), Vice-Dean for Foreign Relations, Faculty of Social Sciences, University of Saints Cyril and Methodius
ORCID ID – 0000-0001 – 9877 - 1118
Trnava, Slovakia

Редакционный совет

Состав редакционного совета по историческим наукам

Давидсон Аполлон Борисович, академик Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», заведующий Центром африканских исследований Института всеобщей истории РАН
Москва. Россия

Икэда Ёсиро, доктор философии (история), доцент, кафедра истории стран Запада, Высшая школа гуманитарных наук и социологии, Токийский университет
ORCID iD: 0000-0002-0476-6658
ScopusID: 57161830600
Токио. Япония

Кислицын Сергей Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой политологии и этнополитики, Южно-Российский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
ORCID iD: 0000-0003-2264-8636
Ростов-на-Дону. Россия

Ларин Виктор Лаврентьевич, доктор исторических наук, профессор, академик РАН, руководитель Центра азиатско-тихоокеанских исследований, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, Дальневосточное отделение Российской академии наук
ScopusID: 57192267254
Владивосток. Россия

Мамсиров Хамитби Борисович, доктор исторических наук, профессор кафедры «Истории России», профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Кабардино-Балкарский государственный университет им Х.М. Бербекова, заслуженный деятель науки Кабардино-Балкарской Республики, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.
Нальчик, Кабардино-Балкарская Республика, Россия Россия

Юн Санг Вон, доктор исторических наук, профессор истории Кореи, Государственный университет Чонбук, директор Исследовательского центра Корё сарам
Чонджу. Республика Корея

Состав редакционного совета по социологическим наукам.

Бунимович-Мендражицкая Светлана Юрьевна, доктор философии, доктор математики, доктор биологии, профессор, кафедра компьютерных наук и математики, Ариэльский университет
ScopusID: 8870184100
Тель-Авив. Израиль

Гомулка Кристина, доктор политических наук, профессор, Гданьский политехнический университет
ORCID iD: 0000-0002-7046-0729
Гданьск. Польша

Латипова Нодира Мухтаржановна, профессор, доктор социологических наук, заведующая кафедрой «Социальная работа». Национальный университет Узбекистана
г. Ташкент, Узбекистан

Песцов Сергей Константинович, доктор политических наук, доцент, заведующий отделом международных отношений и региональной безопасности, Центр азиатско-тихоокеанских исследований, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, Дальневосточное отделение Российской академии наук,
ORCID iD: 0000-0001-7441-989X
Владивосток. Россия

Токтосунова Адаш Искендеровна, доктор политических наук, профессор, председатель Общественного объединения "Диалог культур и цивилизаций"
Бишкек. Кыргызстан

Шахбанова Мадина Магомедкамиловна, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН,
ORCID iD: 0000-0003-1325-9452
г. Махачкала, Республика Дагестан, Россия

Состав редакционного совета по педагогическим наукам.

Гребенникова Вероника Михайловна, доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики и психологии, декан, факультет педагогики, психологии и коммуникативистики, Кубанский государственный университет
ORCID iD: 0000-0003-0705-7985
ScopusID: 56530681200
Краснодар. Россия

Грушевский Сергей Павлович, доктор педагогических наук, профессор, декан, факультет математики и компьютерных наук, заведующий кафедрой информационных образовательных технологий, Кубанский государственный университет
ORCID iD 0000-0002-7263-4673
Краснодар. Росси
Позднякова Оксана Константиновна, член-корреспондент Российской академии образования, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и психологии, Самарский государственный социально-педагогический университет
Самара. Россия

Спалбер Диана, доктор философии (методология исследований в психологии и педагогике), научный советник, кафедра ЮНЕСКО, университет Генуи, преподаватель, Link Campus University в Риме
ORCID iD: 0000-0001-7395-986X
Scopus Author ID: 57194034492
Генуя. Италия

Чепель Татьяна Леонидовна, действительный член Академии прогнозирования, российское отделение Международной академии исследования будущего, кандидат психологических наук, профессор, кафедра психологии и педагогики, Новосибирский государственный педагогический университет
ORCID iD: 0000-0001-9005-4659
ScopusID: 57191886265
Новосибирск. Россия

Editorial Board

Composition of the editorial Board for historical Sciences

Apollon B. Davidson, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the National Research University Higher School of Economics, Head of the Center for African Studies of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences
Moscow. Russia

Yoshiro Ikeda, Ph.D. (History), Associate Professor, Department of Occidental History, Graduate School of Humanities and Sociology, University of Tokyo
ORCID iD: 0000-0002-0476-6658
ScopusID: 57161830600
Tokyo. Japan

Sergey A. Kislitsin, Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Head of Department of Political Science and Ethnic Policy, South-Russian Institute of Management, Russian Pre-sidential Academy of National Economy and Public Administration
ORCID iD: 0000-0003-2264-8636
Rostov-on-Don. Russia

Victor L. Larin, Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the Center for Asian and Pacific Studies, Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences
ScopusID: 57192267254
Vladivostok, Russia

Khamitbi B. Mamsirov, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of General History of the Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Honored scientist of the Kabardino-Balkarian Republic, Honorary worker of higher professional education of the Russian Federation.
Nalchik, Russia

Yoon Sang Won, Doctor of Historical Sciences, Professor of Korean History, Chonbuk State University, Director of the Koryo Saram Research Center
Chonju. Republic of Korea

Composition of the editorial Board for Sociological Sciences.

Svetlana Yu. Bunimovich-Mendrazitsky, Doctor of Philosophy, Doctor of Mathematics, Doctor of Biology, Professor, Department of Computer Sciences and Mathematics, Ariel University
ScopusID: 8870184100
Tel-Aviv. Israel

Krystyna Gomolka, Doctor of Political Sciences, Professor, Gdansk Polytechnic University
ORCID iD: 0000-0002-7046-0729
Gdansk. Poland

Nodira M. Latipova, Professor, Doctor of Sociological Sciences Department of Social Work, National University of Uzbekistan, Head of the Department of Social Work.
Tashkent, Uzbekistan

Sergey K. Pestsov, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Head of International Relations and Regional Security Department, Center for Asian and Pacific Studies, Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of Russian Academy of Sciences
ORCID iD: 0000-0001-7441-989X
Vladivostok. Russia

Adash I. Toktosunova, Doctor of Political Sciences, Professor, President of Public Association "Dialogue of Cultures and Civilizations"
Bishkek. Kyrgyzstan

Madina M. Shakhbanova, Doctor in sociological sciences, senior researcher Institute of History, Archeology and Ethnography Dagestan Federal Research Center Russian Academy of Science
ORCID iD: 0000-0003-1325-9452
Makhachkala, Republic of Dagestan, Russia

Composition of the Editorial Board for Pedagogical Sciences

Veronika M. Grebennikova, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of Department of Pedagogy and Psychology, Dean, Faculty of Pedagogy, Psychology and Communication Studies, Kuban State University
ORCID iD: 0000-0003-0705-7985
ScopusID:56530681200
Krasnodar. Russia

Sergey P. Grushevsky, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Dean, Faculty of Mathematical and Computer Sciences, Head of Department of Information Technology in Education Sphere, Kuban State University
ORCID iD 0000-0002-7263-4673
Krasnodar. Russia

Oksana K. Pozdnyakova, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Department of Pedagogy and Psychology, Samara State Social Pedagogical University
Samara. Russia.

Diana Spulber, Doctor of Philosophy (Methodology of Research in Psychology and Pedagogy), Scientific Advisor, Unesco Department, University of Genoa, Lecturer, Link Campus University Rome
ORCID iD: 0000-0001-7395-986X
Scopus ID: 57194034492
Genoa. Italy

Tatyana L. Chepel, Member of Academy of Forecasting, Russian Branch of International Academy of Researches of Future, Candidate of Psychological Sciences, Professor, Depart-ment of Pedagogy and Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University
ORCID iD: 0000-0001-9005-4659
ScopusID: 57191886265Novosibirsk.

Дорогие друзья, коллеги!

Поздравляем Вас с Днем Победы в Великой Отечественной войне!
Сегодня - святой и светлый день памяти всех, кто отдал жизнь
за Родину, трудился в тылу во имя свободы и жизни
будущих поколений.
Спасибо им за мир и Вечная Память!

От всей души желаем вам мирного неба,
доброго здоровья,
благополучия
и дальнейших успехов в вашей деятельности!

С уважением,
главный редактор журнала
«Историческая и социально-образовательная мысль»
доктор исторических наук, профессор,
действительный государственный советник
Российской Федерации III класса

Бугай Николай Федорович
Редакция журнала

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

В декабре 2022 года исполняется 100 лет образования Советского Союза. В связи с этой исторической датой, знаковым событием в жизни нашей страны редакция журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» приглашает всех желающих принять участие в ДИСКУССИИ, посвященной *«100-летию образования Союза ССР»,* которая будет проходить в течение 2021 - 2022 годов. Это событие затронуло каждого из нас, оно не может не волновать наше общество.

У нас есть возможность возвратиться к этим проблемам, переосмыслить их, сделать выводы, опираясь на ставшие доступными новые архивные источники, накопленный богатый опыт в изучении таких научных проблем как многонациональная государственность, нациестроительство.

Это позволяет нам возвратиться и к анализу тех социальных технологий, на основе которых строилось новое «многонациональное объединение народов» – Советский Союз. Мы также имеем возможность раскрыть эволюционный процесс, выявить причины его создания и недостатки, оценить роль народов, партий и общественных движений, личности в этом деле, показать также сущность причин распада государства, представить глубокий анализ положения на постсоветском пространстве.

Форма подачи материала свободная.

К участию в дискуссии приглашаются научная общественность, соискатели, аспиранты, преподаватели вузов.

Редакция журнала будет благодарна Вам за распространение данной информации среди представителей научной общественности.

С уважением,
главный редактор журнала
«Историческая и социально-образовательная мысль»
доктор исторических наук, профессор,
действительный государственный советник
Российской Федерации III класса

Бугай Николай Федорович

Редакция журнала "Историческая и социально-образовательная мысль"

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

К 100-летию образования Союза ССР		***To the 100th anniversary of the formation of the USSR***
Бугай Н. Ф., Бушуева Т.С. г. Москва, Россия Накануне распада СССР: история одной дискуссии	19	N.F.Bugay, T.S.Bushueva Moscow, Russia On the eve of the decay of the USSR: the history of one discussion
Отечественная история		***National History***
Ващук А.С., Воронцов Н.С. г. Владивосток, Россия Актуальные проблемы истории Дальнего Востока России периода радикально-либеральных реформ.	49	A.S.Vashchuk, N.S. Vorontsov Vladivostok, Russia Actual issues in the history of the Russian Far East during the period of radical liberal reforms.
Дударенок С.М. г. Владивосток, Россия Путь длиною в пять десятилетий.	69	S.M.Dudarenok Vladivostok, Russia Five decades long path.
Кайтуков Г.Б. г. Владикавказ, Россия Допризывная подготовка учащихся средних школ Северной Осетии в годы Великой Отечественной Войны.	87	G.B. Kaitukov Vladikavkaz, Russia Pre-conscription training of secondary school students in North Ossetia during the Great Patriotic War.
Кислицын С.А., Кучинский С.В. г. Ростов-на-Дону, Россия Несостоявшиеся проекты идеологии казачьего национализма в первой половине XX века.	99	S.A. Kislitsin, S.V. Kuchinsky Rostov-on-Don, Russia Failed projects of cossack nationalism ideology in the first half of the 20th century.
Нохрина В.А. г. Москва, Россия Съезды московского общества сельского хозяйства: система развития аграрных преобразований. XIX – начало XX в..	112	V.A. Nokhrina Moscow, Russia Congresses of the Moscow Rural Society: a system for the development of agrarian reforms. 19th – early 20th centuries.
Петров В.И. г. Краснодар, Россия Межрегиональная сравнительная характеристика национального состава населения Среднего Поволжья и Южного Урала второй половины XIX века.	128	V.I. Petrov Krasnodar, Russia Interregional comparative characteristics of the national composition of the population of the Middle Volga region and the Southern Urals of the second half of the 19th century.
Подхомутникова М.В. г. Краснодар, Россия Расказачивание: трудные вопросы истории	151	M.V. Podkhomutnikova Krasnodar, Russia Raskazachivanie: difficult issues of history.
Шишкина О.Е. г. Владивосток, Россия Причины институционализации административной ответственности в постреволюционной России (1917-1924 гг).	161	O. E. Shishkina Vladivostok, Russia The reasons for the institutionalization of administrative responsibility in post-revolutionary Russia (1917-1924)

Всеобщая история		World History
Надиров Р.А. г. Тамбов, Россия Социально-экономическое положение Вены в годы Первой мировой войны 1916–1918 гг.	175	R.A. Nadirov Tambov, Russia Socio-economic situation in Vienna during the First World War 1916–1918.
История международных отношений и внешней политики		**History of International Relations and Foreign Policy**
Шахэти Аибота г. Москва, Россия-г. - Синьцзян-Инь, Китай Анализ отношения к Китаю в разных типах сообщений Российских СМИ.	183	Ayibota Shahety г. Moscow, Russia - City Xinjiang Ying, China Analysis of attitudes toward china in different types of Russian media reports.
Социальная структура, социальные институты и процессы		**Social Structure, Social Institutions and Processes**
Шахбанова М.М. г. Махачкала, Республика Дагестан, Россия Типы религиозности городского населения Дагестана.	191	M.M. Shakhbanova Makhachkala, Republic of Dagestan, Russia Types of religious city population of Dagestan.
Общая педагогика, история педагогики и образования		**General pedagogy, history of pedagogy and education**
Блейх Н. О. г. Владикавказ, Республика Северная Осетия-Алания, Россия Известные педагоги и просветители первой половины XX века о проблемах северокавказского мусульманского образования.	208	N. Os. Blaikh Vladikavkaz, Republic of North Ossetia-Alania, Russia Famous teachers and educators of the first half of the XX century about the problems of the North Caucasian muslim education
Быкасова Л.В. г. Таганрог, Россия Интерсубъективность правовой культуры молодежи.	223	L.V. Bykasova Taganrog, Russia Intersubjectivity legal culture of young people.
Дабаева А. г. Улан-Батор, Монголия Особенности организации образовательной деятельности детей в классах предшкольной подготовки в условиях дистанционного образования.	236	A. Dabaeva Ulan Bator, Mongolia Features of the organization of educational activities of children in preschool classes in the context of distance education
Дорофеева М.А. г. Владивосток, Россия Проблема «клипового мышления» в контексте выбора методик обучения студентов высших учебных завений.	244	M.A. Dorofeeva Vladivostok, Russia The problem of "clip thinking" in the context of the choice of teaching methods for students of higher educational institutions
Lukac M., Imrovic M., Orlikova M., Poorova E., Trnava, **Slovenská** Developing reader´s literacy in primary education**.**	265	M. Lukac, M. Imrovic, M. Orlikova, E. Poorova Трнава, Словакия Развитие навыков читательской грамотности в системе начального образования.

Сорокина Е.Н., Гулякин Д. В. г. Краснодар, Россия Технологические аспекты формирования и эффективного функционирования системы воспитания в условиях технического университета.	286	Sorokina E.N., Gulyakin D.V. Krasnodar, Russia Technological aspects of formation and effective functioning of the education system in the conditions of a technical university.
Рецензия		***Reviews***
Бугай Н. Ф. г. Москва, Россия Рецензия на книги: Гаврилов С.В.: Представительная власть Камчатки (1917–1977). Кн. 1., (1977–1993). Кн. 2.	293	N.F.Bugay Moscow, Russia S.V. Gavrilov: Representative authority of Kamchatka (1917–1977).Book. 1., (1977–1993). Book. 2.
ИНФОРМАЦИЯ	305	***INFORMATION***

CC BY

К 100-летию образования Союза ССР
To the 100th anniversary of the formation of the USSR

Научная статья

DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-2-19-48
УДК: 930.01

НАКАНУНЕ РАСПАДА СССР: ИСТОРИЯ ОДНОЙ ДИСКУССИИ

БУГАЙ Николай Федорович,
Институт российской истории РАН
г. Москва, Россия
ORCID id: https://orcid.org/0000-0002-8363-1638
nikolay401@yandex.ru

БУШУЕВА Татьяна Семёновна
Институт российской истории РАН
г. Москва, Россия
t_bush@mail.ru

Введение. Анализ материалов предложенного совещания позволяет пополнить знания о столь важном и сложном периоде истории СССР в конце 1980-х годов и в дальнейший период развития государственности. Несомненно, в той или иной мере участники совещания касались ситуации, ее оценок в тот период. В их выступлениях была попытка разобраться в сложной общественно-политической обстановке, дать объективную оценку имевшимся трансформациям во многих сферах жизни государства, его экономики, культуры, состоянии общества в целом, взаимоотношениям между народами в государстве.
Авторы статьи придают этому историческому моменту особое значение. Их целью было частично отразить обстановку в государстве, опираясь на представленные материалы совещания директоров филиалов одного из ведущих центров марксизма-ленинизма (ИМЛ), действовавшего при ЦК КПСС до ноября 1991 г.
Методы исследования. На основе известных методов исторического исследования, анализа источников, научных трудов предшественников по истории советского государства, мер партии и общественных движений [1-18], материалов выступлений участников совещания (группа общественных и политических деятелей) в названных временных рамках (апрель 1989 г.) появилась возможность реконструировать и дополнить исторические знания о событиях и трудностях, испытываемых обществом в Советском Союзе конца 1980-х годов.
Результаты. Созыв совещания в Институте марксизма-ленинизма в апреле 1989 г. позволил по свежим следам дать оценку сложной общественно-политической ситуации в Союзе ССР, связанной с трудностями экономического развития государства. Участниками совещания были рассмотрены основания возникавших противоречий на национальной почве, обострений межэтнических отношений. Анализировались также недостатки методов управления национальными процессами в обществе, появление возможности перехода к принципу регулирования этой стороны жизни общества, к созданию новых социальных технологий обустройства жизни народов страны, демократизации общественных от-

ношений. Решение этих задач приходилось на последующий период развития государственности – 1990–2000-е годы.

Выводы. О том, насколько сложной была обстановка с политической составляющей общества, свидетельствует содержание выступления участников совещания – представителей партий и политических движений, занимавшихся разработкой теории строительства многонационального государства на принципах широкой демократии.

Анализ разных аспектов этого процесса позволяет выявить несовершенство многих форм и методов работы по консолидации многонационального сообщества, его мобилизации на поступательное развитие. Материалы совещания являются одновременно и содержательным источником для изучения истории этого периода советской государственности. Вывод предложен самими участникам совещания. «Мы все – и политические деятели, и ученые – должны учитывать, что национальные движения не остаются уделом истории, т.е. не остаются в прошлом. Они существуют и сегодня, и возможно будут существовать долго, и мы должны научиться относиться к ним спокойно, терпеливо и деликатно» (Г.Р. Симонян). «Необходимо создать специальный научно-исследовательский институт, который занимался бы изучением межнациональных отношений, возникающих их проблем» (Д.Г. Стуруа). (Здесь и далее цитаты из стенограммы приводятся дословно. – Авт.).

Ключевые слова: Марксизм, ленинизм, Союз, развал, дискуссия, государство, общество, мнения, национальная политика, поиск

Для цитирования*:* Бугай Н. Ф., Бушуева Т.С. Накануне распада СССР: история одной дискуссии. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2021. Том.13 № 2. С. 19-48.
DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-2-19-48

Original article

ON THE EVE OF THE DECAY OF THE USSR: THE HISTORY OF ONE DISCUSSION

Nikolay F. BUGAY
Institute of Russian History RAS
Moscow, Russia
ORCID id: https://orcid.org/0000-0002-8363-1638
nikolay401@yandex.ru

Tatiana S. BUSHUEVA
Institute of Russian History RAS
Moscow, Russia
t_bush@mail.ru

Introduction. An analysis of the materials of the proposed meeting makes it possible to replenish knowledge about such an important and difficult period in the history of the USSR in the late 1980s and in the subsequent period of development of statehood. Undoubtedly, in one way or another, the participants in the meeting referred to the situation and its assessments at that time. In their speeches, there was an attempt to understand the complex socio-political situation, to give an objective assessment of the transformations that took place in many spheres of the life of the state, its economy, culture, the state of society as a whole, relations between peoples in the state. The authors of the article attach particular importance to this historical moment. Aiming to partially reflect

the situation in the state, relying on the presented materials of the meeting of directors of branches of one of the leading centers of Marxism-Leninism (IML), which operated under the Central Committee of the CPSU until November 1991.
Research methods. On the basis of well-known methods of historical research, analysis of sources, scientific works of predecessors on the history of the Soviet state, measures of the party and social movements [1-18], materials of speeches by the participants of the meeting (a group of public and political figures) in the named time frame (April 1989), it became possible to reconstruct and supplement historical knowledge of the events and difficulties of the late 1980s. Society experienced them during the period under review in the Soviet Union.
Results. The convocation of a meeting at the Institute of Marxism-Leninism in April 1989 also made it possible, on the fresh trail, to assess the complex socio-political situation in the USSR, associated with the difficulties of the economic development of the state. The participants of the meeting considered the principles of the emerging contradictions on ethnic grounds, exacerbation of interethnic relations. The participants in the meeting analyzed the reasons for the contradictions that arose and the aggravation of the national policy. The authors also analyzed the shortcomings of methods of managing national processes in society, the emergence of the possibility of transition to the principle of regulating this aspect of society's life, to the creation of new social technologies for arranging the life of the peoples of the country, and democratization of social relations. The solution of these tasks fell on the subsequent period of development of statehood – the 1990–2000s.
Conclusions. The content of the speeches by the participants in the conference – representatives of the party and political movements who were developing the theory of building a multinational state based on the principles of broad democracy – testifies to how difficult the situation with the political component of society was. An analysis of various aspects of this process allows us to reveal the imperfection of many forms and methods of work to consolidate the multinational community, its mobilization for progressive development. The materials of the meeting are at the same time a meaningful source for studying the history of this period of Soviet statehood. The conclusion was suggested by the participants themselves. “All of us – both politicians and scientists – should take into account that national movements do not remain the province of history, that is, do not remain in the past. They exist today, and perhaps they will exist for a long time, and we must learn to treat them calmly, patiently and delicately” (G.R. Simonyan). “It is necessary to create a special research institute that would study interethnic relations and their problems” (D.G. Sturua).

Keywords: Marxism, Leninism, Union, collapse, discussion, state, society, opinions, national policy, search

For citation: Bugay N.F., Bushueva T.S. On the eve of the decay of the USSR: the history of one discussion. // *Historical and Social-Educational Idea.*. 2021. Vol. 13. No.2. PP. 19-48. (In Russ.).
DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-2-19-48

Введение.

Распад Советского Союза в 1991 г. на 15 независимых государств коренным образом изменил геополитическую картину мира, оказал влияние на обострение напряженности в сфере национальной политики, развитие самосознания и национального сознания граждан многонациональной страны.

Что же лежало в основе произошедшего: воля народов или субъективный, совершенно необоснованный, нарушающий основной закон страны, Конституцию Союза ССР, договор трех президентов, который касался прежде всего причин все-

го случившегося? По-прежнему в государствах политики жестко спорят по этой проблеме и она остается чрезвычайно актуальной как в отечественной, так и зарубежной советологии.

В связи с этим публикуемый далее малоизвестный источник в определенной степени приближает современных исследователей темы к ответу на поставленный вопрос о существовании сложных внутренних причин разрушения Союза ССР, прежде всего с точки зрения межэтнических отношений внутри страны.

Обсуждение.

3 ноября 1931 г. решением Президиума ЦИК СССР Институт Ленина был объединен с Институтом К. Маркса и Ф. Энгельса и создан Институт Маркса-Энгельса-Ленина (ИМЭЛ). За 1956–1991 гг. название претерпевало изменения. Он стал именоваться Институтом марксизма-ленинизма (ИМЛ) при ЦК КПСС. Как известно, в ноябре 1991 г. Институт как самостоятельный политический центр прекратил свое существование.

За два года до его закрытия академик **Георгий Лукич Смирнов,** будучи последним директором Института, 28-29 апреля 1989 г. провел знаковое совещание директоров, а также работников филиалов ИМЛ Закавказья и Среднеазиатского региона с повесткой дня: «*Актуальные социально-политические проблемы и современное состояние национальных отношений в республиках Закавказья и Средней Азии».* Стенограмма совещания (с некоторыми изъятиями) сохранилась в архиве Института в фонде Российского государственного архива социально-политической истории [РГАСПИ. Ф.71. Оп.29. Д.327. Л.1-126].

Москва, Манежная площадь

Самый многочисленный антиправительственный митинг за всю историю советской власти. 10 марта 1991 г.

Moscow, Manezhnaya Square

The largest anti-government rally in the history of Soviet power. March 10, 1991.

8 декабря 1991 г. высшие должностные лица и главы правительств трех союзных республик подписали Соглашение о создании Содружества Независимых Государств.

На снимке: (слева направо) Б. Ельцин, С. Шушкевич, Л. Кравчук

On December 8, 1991, top officials and heads of governments of the three Union republics signed an agreement to create the Commonwealth of Independent States.

Pictured: (from left to right) B. Yeltsin, S. Shushkevich, L. Kravchuk

«Национальные отношения – одна из важнейших сторон нашей жизни...»

28 апреля 1989 г., открывая совещание, **Г.Л. Смирнов** [1] сравнил его по своему назначению со «Всесоюзным советом» по некоторым острым вопросам идейно-теоретического содержания. Он отмечал при этом, что, «с одной стороны, партия и народ поддерживают перестройку, с другой стороны, существуют тревожные настроения, связанные с тем, что в ряде сфер, социально-экономической, идейно-политической, национальной, назрели очень острые проблемы, которые ведут к противостоянию инициативных групп».

Г. Смирнов поставил вопрос «Вызвано ли это перестройкой или уже накопилось ранее?» и сослался на М.С. Горбачева, который в своих выступлениях говорил «о разрыве роста зарплаты и ростом производства товаров массового потребления, что рождает дефицит, раздражает народ». С мест поступали различные мнения, в первую очередь предложения определить четкую черту, где кончается ответственная тревога, которая требуется от партийного работника, и где начинается паническое ощущение обстановки.

Немало раздавалось критики в адрес Центра, ЦК партии. Главное заключалось в том, чтобы теоретически осмыслить и глубоко понять, выстроить систему аргументов, прежде всего в сфере межэтнических отношений. «Ощущается некоторая растерянность под напором чисто буржуазно-националистических или национал-популистских концепций. Они получили особенно широкое распространение в Прибалтике, которые вносят сумятицу в общество, дезориентируют их. Появилась возможность для проявления таких, трудно поддающихся обоснованию сторон межнациональной вражды, которые, казалось, канули в вечность, и трудно дать всему этому научное, политическое или даже психологическое объяснение».

Затем слово было предоставлено **А.А. Сазонову**[2], который, выступая, подчеркнул: «Наши ученые, исследователи утверждали до апреля 1985 г. о том, что в стране сложилась очень сердечная, благополучная обстановка в сфере межэтнических отношений, царит единство и дружба народов нашей страны. Как правило, дальше этого определения не продвигались, уповая на то, что "национальный вопрос" в нашей стране с победой Октября решен».

Выступавший также отметил, что с апреля 1985 г. в стране берет начало курс на демократизацию, расширение процесса гласности. В обществе стали открыто заявлять о том, что все чаще ставятся острые вопросы межэтнических отношений. «Так появилась проблема Нагорного Карабаха, и ощущается вся та острота ситуации, что вокруг нее; сложилась крайне серьезная обстановка в Прибалтике, обострились межэтнические отношения в Молдавии, и здесь же возник-

[1] Смирнов Георгий Лукич – с 1985 по 1987 г. был помощником по идеологии Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева; в 1987–1991 гг. – директор ИМЛ при ЦК КПСС.

[2] Сазонов Анатолий Александрович – в 1972 г. поступил в аспирантуру АОН при ЦК КПСС, по окончании которой защитил кандидатскую диссертацию по теме «Программные документы и опыт прогрессивных преобразований в Египте и Сирии (60–70 гг. XX в.)». В 1989 г. стал доктором философских наук. С марта 1990 г. работал помощником члена Совета Федерации СССР, советником Аппарата Президента СССР; позднее являлся заместителем руководителя Аппарата Президента СССР. Им написано более 20 книг. Богатый профессиональный и жизненный опыт дает ему возможность активно изучать историю и современные проблемы казачества.

ли проблемы культуры языка. Появилась необходимость сохранения национальных особенностей самобытных культур, родных языков, и особенно это находило выражение в Украине, в ряде ее областей. Эти же проблемы проявились в республиках Средней Азии, Казахстане.

Получается, что в последние три года сфера межэтнических отношений представляется исключительно взрывоопасной сферой, основой для конфликтных ситуаций, иногда доведенных до столкновений на межнациональной почве, как это было в Закавказье, в связи с событиями в Нагорном Карабахе, завершившихся человеческими жертвами. В чем причина, почему национальные аспекты жизни и деятельности нашего общества приобрели такую негативную окраску и такое острое звучание в жизни общества?»

В качестве причин такого состояния дел в отдельных регионах страны **А. Сазонов** назвал следующие:

– «на рубеже 1970–1980-х годов экономика государства оказалась в предкризисном положении, недовольство нерешенностью проблем экономического, социального порядка в ряде регионов привело к возмущению трудящихся с активизацией инициативных групп»;

– «проблема Нагорного Карабаха, стремление его населения соединиться с Арменией существовали десятилетиями … На это не обращалось должного внимания… [РГАСПИ. Ф.71. Оп.29. Д.327. Л.13]. Общество Ильи Чавчавадзе[1] и другие организации агитируют за свои идеи, ставят под меньшевистские флаги, агитируют за поддержку сепаратистских идей, за немедленное отделение от Советского Союза. Эти идеи находят поддержку со стороны значительной части интеллигенции, грузинской творческой интеллигенции. И в это время ЦК компартии Грузии в Тбилиси планирует и проводит митинги для актива, агитируя за борьбу по преодолению этого кризисного положения…».

А. Сазонов отметил, что партийные аппараты на ранней стадии могли еще овладеть ситуацией, но эта активная форма не использовалась; не проявилась и роль научных коллективов. В настоящее время в Союзе ССР существует более 200 националистических организаций, многие из них антисоветские, «действуют с позиций экстремизма, ярого национализма и антисоветизма».

Сазонов также выделил следующие проблемы: недовольство социально-экономическим развитием и уровнем развития экономики, уровнем жизни в некоторых регионах страны, в сравнении с Центром. Он заострил внимание на стремлении к переделу территорий, к изменению территориальных границ союзных республик: «Так, таджикское население просит о возвращении Самаркандской и Бухарской областей Таджикистану. Узбекские товарищи ставят вопрос: в таком случае пусть таджикские товарищи возвратят нам три района, в которых живет узбекское население довольно значительное; а заодно киргизские товарищи пусть возвратят нам Ошскую область».

В Средней Азии в последние годы возникают споры и претензии, чей Авиценна[2], чей аль-Фараби[3] и т.д. Предпринимаются попытки, с одной стороны,

[1] «Общество Ильи Чавчавадзе» – политическая организация-группа Грузии, названная в честь национального героя Ильи Чавчавадзе, была создана в октябре 1987 г. после серии амнистий для диссидентов и выступила важным фактором роста грузинского национализма.

[2] Авиценна – средневековый персидский ученый, философ и врач.

[3] аль-Фараби – философ, математик, теоретик музыки, ученый Востока; крупнейший представитель средневековой восточной философии.

удревнить свой народ, а также доказать, что сосед младше. Многие стремятся доказать, что христианство, которое «исповедует армянское население, более лояльное, более доброе», что «жестокость свойственна только исламу» [РГАСПИ. Ф.71. Оп.29. Д.327. Л.16]. Сетуют на то, что наихудшие условия для изучения армянского языка созданы при Алиеве[1] и Багирове[2]. «Партийные деятели решили, что руководители религий сами справятся с этой проблемой. Там, где есть стремление соединить национальные аспекты, национализм с религией, появляется очень негативное начало. Оно ведет к усилению отрицательного воздействия на самосознание широких масс населения» [РГАСПИ. Ф.71. Оп.29. Д.327. Л.18].

Сазонов отметил, что «Великий Октябрь создал письменность для более 40 народов СССР. Провозгласив равноправие республик, мы во многом реализовали это право. Но создались неправомерные условия для изучения родного языка. Заметим, дети средних школ Нагорного Карабаха учили четыре языка. Долгое время украинские поэты, в том числе Борис Олейник[3], ратовали за то, чтобы дать возможность украинскому языку развиваться гармонично. Особенно в тех регионах, где значительная часть населения не украинского происхождения – это промышленные районы, Ворошиловградская область, Донецкая и некоторые другие – там, где очень мало школ с украинским языком, украинских школ … Партийные работники, прожив десятилетиями, не говорят на национальных языках…, познать, хотя бы маленькую толику местного языка, языка той нации, среди которой ты живешь. Это благородное стремление и, по мнению Олейника, его надо всячески поддерживать.

Внимание к национальной культуре, стремление сохранить национальную самобытность – а ведь все начинается с языка – это одна из задач современности. Как реализовать, чтобы не в ущерб, чтобы язык многонационального общения, русский язык, не исчез из обращения, как некоторые предлагают, давайте вводить английский язык в качестве языка межэтнического общения. Проблема сохранения национального языка, культуры, развития их, приумножение этого богатства – одна из серьезнейших задач нашего общества в современных условиях» [РГАСПИ. Ф.71. Оп.29. Д.327. Л.19].

Сазонов выразил сожаление, что сейчас сами понятия «патриотизм», «интернационализм» «все меньше и меньше, все реже и реже употребляются в работах ученых, в периодической печати». Подчеркивается, что это все пропаганда, а понятие «советский народ», которое стало реальностью, «вызывает отчуждение, что это продукт застойно-брежневского периода».

Сазонов подчеркнул, заостряя внимание на проблемах, связанных со Средней Азией, что следует особо выделить, а затем и разрабатывать тему соединения национализма с религиозным фактором [РГАСПИ. Ф.71. Оп.29. Д.327. Л.21]. «Мы

[1] Алиев Гейдар Алиевич – (1923–2003 гг.) – советский и азербайджанский государственный, партийный и политический деятель. Президент Азербайджана с 1993 по 2003 гг.

[2] Багиров Мир Джафар Аббасович (1895–1956 гг.) – советский и азербайджанский партийный и государственный деятель, первый секретарь ЦК КП Азербайджанской ССР (1933–1953 гг.).

[3] Олейник Борис – (1935–2017 гг.) – советский, украинский поэт, убежденный коммунист, но допускавший критику в ходе построения коммунистического общества. В статье «Испытание Чернобылем» обличал виновных в аварии. В 1988 г. на XIX конференции КПСС в Москве делал доклад о сталинском терроре 1937–1938 гг., впервые поднял вопрос о голоде 1932–1933 гг.

отмечаем, что в последние год-полтора особенно активно действуют исламский фундаментализм, и неформальные, самодеятельные, незарегистрированные муллы оказывают все более и более сильное воздействие на верующих и, если хотите, неверующих, своей деятельностью, своей обработкой общественного мнения, своим влиянием. Это характерно и для Азербайджана, это характерно для тех регионов Средней Азии, где традиционно исповедуется ислам.

Имеют хождение идеи панславизма, пантюркизма, идеи принадлежности и возможного объединения в 2000 г., как заявил в свое время Хомейни[1], создания всемирной исламской республики, осуществления всемирной исламской революции. И такие идеи имеют широкое хождение. Наверное, вы лучше нас знаете обстановку, и можете представить, кто из ученых, исследователей, специалистов постоянно и непримиримо выступает на страницах в печати среднеазиатских республик, стремясь дать объективную научную оценку и этим идеям, этим лозунгам; скажем, кто из ученых выходит на встречу с движением студенчества в Ташкенте.

Мне приходилось недавно беседовать с товарищами – с Халмухамедовым[2], Нишановым[3], другими, быть на конференциях. Нужно заметить, что они находятся, конечно, в тяжелом положении, когда возникающие политические группировки и движения требуют введения и государственного языка – узбекского, осуществления ряда совершенно серьезных и очень конкретных мер, которые вправе они требовать. Но, как сказал Георгий Лукич, я хотел бы повторить и продолжить его мысль о том, что очень мало бойцов в партийном аппарате, да и не только в партийном, но и среди ученых, научных работников. Мы ведь привыкли как? Написал статью, отработал ее – и трава не расти, как ее воспринимают, сожгли ли ее, уничтожили ли ее или предали анафеме наши антиподы идеологические?

[Необходимо] отстаивать свои идеи, пойти в трудовые коллективы. Сделать их своими союзниками, то есть чтобы такие меры носили прикладной характер, чтобы была определенная польза для партийного, советского аппарата. В конечном итоге мы порекомендовали товарищам: соберите ученых, исследователей, посоветуйтесь вместе с ними, создайте постоянно действующий совет, который бы реагировал на каждое изменение, на каждую промелькнувшую тень в обществе, чтобы можно было упреждать эти события, прогнозировать развитие событий. Пока ведь такой активности нет» [РГАСПИ. Ф.71. Оп.29. Д.327. Л.22.].

Сазонов говорил и о бытующих в обществе негативных явлениях и в развитии экономики и в решении социальных проблем. Во всех республиках практически активизируется деятельность разного рода националистических, антисоветских, вплоть до сепаратистских, организаций. Так, например, изначально «Общество Ильи Чавчавадзе», партия национальной независимости Грузии, другие организации ведут бескомпромиссную борьбу, «отрицая с порога всякого рода диалог с советской властью, а в качестве цели ставят уничтожение советской власти, выход из состава Советского Союза, создание Временного правительства, восста-

[1] (Хамейни) Хамейни Али – иранский религиозный, духовный, государственный и политический деятель.

[2] Халмухамедов Мутал Хашимович – автор многих научных работ по проблемам истории национальной политики.

[3] Нишанов Рафик Нишанович – советский и узбекский государственный и политический деятель. В 1988–1989 гг. – первый секретарь ЦК КП Узбекской ССР. В 1989 г. – председатель Совета Национальностей Верховного Совета СССР.

новление Грузии только для грузин». **Сазонов** здесь же отметил такие настроения, когда все, что не грузинское, не может иметь права на жизнь в Грузии; есть настроения антиаджарские, антиабхазские, антиазербайджанские, антирусские и др., есть платформа, программа. В этих условиях нельзя не сказать «о пассивности работников аппарата, неспособности прогнозировать эти события, упреждать эти события и каким-то более совершенным образом влиять на их изменение».

Сазонов также рассказал: «Недавно мне пришлось выступать в КПК[1] при ЦК КПСС на аппаратном совещании по всем вопросам проявления национализма, шовинизма, антисоветизма с конкретными характеристиками. Один из товарищей задал вопрос, а куда же смотрит ЦК КПСС, почему до сих пор не прекратили деятельность этих организаций? Не поставили их вне закона? Надо было проверить, на какой бумаге издают сионистские организации города Москвы и других еврейских националистических организаций 8 изданий? На какой бумаге, на какой технике издается? В типографиях печатается. Оказывается, в Эстонии, Литве и Латвии в издательствах ЦК компартий этих республик публикуются все бюллетени "Саюдиса"[2] и других изданий. На той же бумаге. Не из-за рубежа покупают, на свои деньги. Значит, партийный бюджет оплачивает публикации идейных противников».

Подал реплику **Смирнов**: «Даже в Польше вынуждены были завозить из-за границы, а у нас – на свои».

Сазонов настойчиво продолжал свою мысль: необходимо воздействовать через народный контроль [РГАСПИ. Ф.71. Оп.29. Д.327. Л.27]. При этом произнес резкую фразу: «Как будто борьба против советской власти их не касается, она идет сама собой, а мы, вот так сказать, будем ждать, пока нас будут вешать на фонарях».

Смирнов внес реплику: «Будто партийных комиссий нет при ЦК компартий».

Сазонов продолжал: «Предлагали идти в "Саюдис", внедряться туда, работать, биться на кулаках, как угодно, идейно отстаивать позиции; убьют вас – придет на ваше место другой; только такая идея... Тишина... Я говорю – иначе ведь вешать будут на фонарях, вас будут вешать».

После этих слов прозвучал голос из зала: «А вас?»

Сазонов отреагировал: «Я говорю нас тоже, только позже, мы подальше. И если мы запустим процесс до такого состояния, что дело дойдет до этого, до Гражданской войны. ... Документы показывают, что в каждом регионе есть силы, которые хотели бы дело довести до межэтнических столкновений, до резни. Эти силы есть. Вы знаете об этом. Усилиями идеологического воздействия, разоблачений нашими учеными, идеологическими силами, с одной стороны, принятием законных мер – с другой стороны (сейчас издан Указ и принят Закон об уголовной ответственности) – появилась возможность "схватить за руку", наказать человека на полную катушку за разжигание межэтнической розни, антисоветскую агитацию и пропаганду, за действия, которые противоречат существующему строю. Только этим надо умело пользоваться ... Но стоило арестовать ряд деятелей из "Карабаха", как сейчас же движение в защиту – "освободите", "это жертвы" и т.д.

[1] КПК – Комитет партийного контроля.

[2] «Саюдис» — общественно-политическая партия Литвы, в 1988–1990 гг. возглавила процесс выхода (отделения) Литовской ССР из состава СССР.

Хотя есть неопровержимые доказательства виновности и Манучарова[1] – руководителя "Крунка"[2], одного из деятелей, и других деятелей, которых арестовали…

Сложилась ситуация, когда в республиках Прибалтики, в аппаратах идея националистическая овладела и партийным аппаратом. Аппарат оказался в плену ее.

Когда в июле прошлого года (1988) мне пришлось приехать в Степанакерт и познакомиться с ситуацией, две недели там заниматься с местными товарищами подготовкой в преддверии заседания Президиума Верховного совета СССР о Нагорном Карабахе, то в реальности оказалось, что обком партии бездействует. Горком также бездействует. Они считают, что "даешь Нагорный Карабах", он присоединяется к Армении. Больше их ничего не интересует. Опасная тенденция, когда партийный аппарат поддается такому соблазну. Предстоит пленум, надо создать единую структуру парт. и госорганов, систему управления межэтническими отношениями и в целом национальной политики. В свое время был Госкомнац[3], был Комитет, когда его распускали, он насчитывал более 800 человек в своем штатном расписании. Это был очень действенный орган, знал обстановку» [РГАСПИ. Ф.71. Оп.29. Д.327. Л.27].

Сазонов при этом обратил внимание на то, что в письмах ставится вопрос о необходимости создания государственного образования, которое бы занималось национальными отношениями, национальной политикой. «Речь идет о необходимости создания научно-исследовательского института национальных отношений, который мог бы заниматься в рамках Президиума Верховного совета СССР, может быть, в рамках и при подчинении ЦК КПСС в определенной степени проблемами межэтнических отношений. Речь идет о необходимости создания специальных подразделений в ИМЛ крупного порядка и отделов, подотделов в филиалах ИМЛ, кафедр в высших партийных школах на местах, в Академии общественных наук. В Президиуме Верховного совета СССР создан отдел межнациональных отношений. Такие отделы будут созданы в Президиумах Верховных советов республик» [РГАСПИ. Ф.71. Оп.29. Д.327. Л.30].

Сазонов изложил свое отношение к опыту работы: «Есть очень хороший опыт противодействия созданию неформальных объединений типа национальных фронтов; скажем, мы сейчас одобрительно относимся к опыту Украины. ЦК Компартии Украины сдерживает это движение. Необходимо отметить, в связи с этим идут открыто на участие в политических дискуссиях по ТВ, практически выступают секретари ЦК Ю. Ельченко[4], выступает и Кравчук[1], заведующий идеологическим отделом».

---

[1] Манучаров А.М. – руководитель национального движения Армении – Арцаха, последний политзаключенный СССР. Борец за повышение статуса НКАО до республиканской автономии. Депутат Верховного Совета Армении и «НКР». Сторонник передачи из состава Азербайджанской ССР НКАО в состав Армянской ССР.

[2] «Крунк» – национальное общественное движение в Нагорном Карабахе (г. Степанакерт), руководимое А. Манучаровым. Имеет национальные организации в структуре «Союза армян России». Принимает активное участие в решении проблем миграции.

[3] Госкомнац. В ноябре 1989 г. был учрежден Госкомитет РСФСР по национальным вопросам. В июле 1990 г. он был переименован в Государственный комитет РСФСР по делам национальностей, а в ноябре 1991 г. преобразован в Государственный комитет РСФСР по национальной политике (Госкомнац). В марте 1993 г. Госкомнац России был переименован в Госкомитет по делам федерации и национальностей.

[4] Ельченко Юрий Никифорович (1929–2019 гг.) – советский партийный и государственный деятель. Член Политбюро ЦК КПУ в октябре 1982 – июне 1990 г.

Сазонов подчеркнул, что необходимо изучать истинное положение дел на местах. Он затронул в этой связи вопрос о турках-месхетинцах. Они настойчиво «требуют возвращения в Месхетию»[2]. По его мнению, они «неправомерно были выселены с территории Грузии в период Великой Отечественной войны (1944 г.)»[3]. «Статистики точно нет, но по приблизительным данным их более 300 тыс. человек[4]. 9 мая более трех тыс. турок-месхетинцев приедут в Москву отмечать День Победы. Ими будет выдвинуто требование о принятии срочных мер для возвращения их в родные места» [РГАСПИ. Ф.71. Оп.29. Д.327 Л.30].

Далее **Сазонов** затронул тему о немцах, которые «ставят вопрос о необходимости восстановления своей автономии. И определенная динамика в осознании необходимости восстановления автономии есть. Мы представляем себе, что не все, не два миллиона приедут на территорию, которую они раньше занимали (а это территория – часть Саратовской области, часть Волгоградской области) ... Советские немцы говорят, дайте нам полную политическую и духовную реабилитацию, мы будем жить, и большинство будет жить в Северном Казахстане, в Сибири» [РГАСПИ. Ф.71. Оп.29. Д.327. Л.31].

Сазонов затронул также «восстановление крымско-татарской автономии в рамках района, возможно доведение до уровня национального округа. Но, конечно, нельзя соглашаться с тем, как они ставят вопрос в Узбекистане (большая часть из них живет в Узбекистане, более 280 тыс. крымских татар). Они говорят: верните нам всю Крымскую область. Такой автономии крымско-татарской не было[5].

---

[1] Кравчук Леонид Макарович – советский, украинский партийный и государственный деятель.

[2] Месхетия – историко-культурная область Грузии.

[3] Следует заметить, что этнические меньшинства Грузии, антисоветский контингент из Прибалтики принудительно переселялись по просьбе правительств этих государственных образований.

[4] 15 ноября 1944 г. три эшелона с 26 591 переселенцем были отправлены с территории Аджарской АССР на восток. За 10 дней из южных районов Грузии вывезли 91 095 человек. Общая численность спецпереселенцев составила 94 995 человек (турки-месхетинцы, курды, хемшилы)[4]. Среди них было 8694 курда, 1385 хемшилов, а также военнослужащие, принадлежавшие к этническим меньшинствам Грузии. Представители курдского меньшинства Грузии заняли в этом перечне по численности второе место после турок-месхетинцев. Выселялись заодно также два вагона цыган (Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф– Р.9479. Оп.1. Д.241. Л.39). См. также: *Бугай Н., Дасни Ю.* Курды: храбры, трудолюбивы, гостеприимны. М.: Аквариус, 2020. 588 с.

[5] 18 октября 1921 г. постановлением ЦИК и СНК РСФСР была образована Крымская АССР как административно-территориальная республика, в которой предполагалось «удовлетворить все нужды трудовых элементов коренного населения Крыма». На год создания Крымской АССР (18 октября 1921 г.) на территории республики насчитывалось населения 719 531 человек. В Крыму одновременно расселялись несколько этнических общностей, однако самой значительной по своему количеству была русская. Затем по численности следовали украинцы, крымские татары.

Подобной формы автономной государственности на территории РСФСР было только три: Горская АССР, Республика немцев Поволжья и Крымская АССР. Предусматривалось, что они создавались для всех этнических общностей, проживающих на их территориях. Поэтому рассмотрение их некоторыми современными политиками, практиками сферы национальных отношений республик как предназначавшихся одной этнической общности ошибочно. К этой категории формирования административных единиц можно было причислить и создававшуюся позднее Северо-Кавказскую Республику.

В Постановлении ЦК КПСС от 24 ноября 1956 г. «О восстановлении национальной автономии калмыцкого, карачаевского, балкарского, чеченского и ингушского народов»

Были национальные районы – три еврейских, были греческие районы, были немецкие районы, были татарские районы на территории Крымской области. И то, что сейчас решением Государственной комиссии созданы возможности их переселения в Северную часть Крыма, это реальная возможность для постепенного воссоздания своей автономии. Как она будет, при каком количестве людей? Сейчас трудно сказать. Сейчас около 40 тыс. крымских татар переселилось в Крым, из них за прошлый, 1988 год – 20 тыс. А 20 тыс. – за весь предшествующий период после окончания Великой Отечественной войны, то есть процесс идет очень плотный. В Херсонской области около 40 тыс. ждут решения, когда это будет; около 40 тыс. остаются в Краснодарском крае[1] и в других регионах, соседствующих с Крымом» [РГАСПИ. Ф.71. Оп.29. Д.327. Л.32].

Далее **Сазонов** поднял вопрос о народах Севера, в частности о том, что сейчас идет разговор о создании Вепского национального района, или трех районов на территории Ленинградской, Вологодской областей и на близко расположенных территориях. Было предложно в этом плане обратиться к Карелии, опробовать решение этой задачи в порядке эксперимента, чтобы сохранить национальные вепские кадры, культуру, язык. Надо признать, что наши вепсы живут хуже, чем живут вепсы в соседних северных зарубежных странах, особенно с точки зрения сохранения культуры.

Следующим выступил **А.А. Павленко**, который подчеркнул, что наука отвечает не на вопрос *что*, а на вопрос, *почему* возникли эти события, почему они обнажились, почему именно в последние годы.

относительно крымских татар констатировалось: «Признать нецелесообразным предоставление национальной автономии крымским татарам, ранее проживавшим в Крыму, имея в виду, что бывшая Крымская АССР не была автономией только татар, а представляла собой многонациональную республику, в которой татары составляли менее одной пятой части всего населения, и что в составе РСФСР имеется Татарское национальное объединение – Татарская АССР…». (См.: РГАНИ. Ф.3. Оп.58. Д.184. Л.82-87).

[1] В соответствии с действовавшими законами Президиум Верховного совета РСФСР не имел права изменять территорию республики. Такой вопрос не мог быть решен без участия Верховного Совета РСФСР как высшего органа государственной власти союзной республики. Не имел полномочий изменять границы между союзными республиками и Президиум Верховного Совета СССР. Соответственно, принятые в 1954 г. решения Президиумов Верховных Советов РСФСР и СССР о передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР не соответствовали ни Конституции РСФСР, ни Конституции СССР. Что касается Севастополя, то в силу его особого административного статуса город остался под юрисдикцией РСФСР, несмотря на передачу в 1954 г. Крымской области в состав Украинской ССР. Это подтвердил своим постановлением «О статусе города Севастополя» от 9 июля 1993 г. Верховный Совет Российской Федерации. Единственным способом получения согласия РСФСР на изменение ее территории, указывают юристы, был бы референдум. И пункт «г» статьи 33 Конституции Российской Федерации наделял Президиум Верховного Совета правом проводить всенародный опрос (референдум). В 1954 г. этого сделано не было: референдум, учитывающий мнение жителей Крыма, при передаче не проводился. Таким образом, акты 1954 г. о передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР действительно не имели юридической силы с момента их принятия. В Краснодарском крае в ходе возвращения в Крым временно проживали от 19 до 20 тыс. крымских татар. Они были расселены частично и в Республике Адыгея.

Указ Президента Российской Федерации «О мерах по реабилитации армянского, болгарского, греческого, крымско-татарского и немецкого народов и государственной поддержке их возрождения и развития» был подписан 21 апреля 2014 г. за № 268.

Сазонов в форме реплики заметил, что это произошло в результате того, что «вообще замалчивались процессы конфликтной ситуации, которые раньше были в сфере национальных отношений, они накапливались, они никак не разрешались, и это не могло не привести к переходу количества в качество. А в процессе демократизации создались реальные условия и надежды на разрешение этих проблем. И поэтому наука практически молчала об этих конфликтных ситуациях, проблемах. Только в справках ЦК КПСС об этом, конечно же, писали ученые в справках в инстанции, но о реакции на них мало что известно».

В этой связи **Смирнов** напомнил решение о политической работе в Львовской области. В ее основу были положены «вскрытые глубокие процессы националистического характера. Справка была содержательная, аналитическая, решение политическое, хотя оно также сыграло свою роль, и довольно значительную. Это рикошетом ударило по руководству Шелеста[1] и в конечном итоге привело к его замене.

Постановление ЦК партии о националистических проявлениях в Тбилиси не рикошетом, а прямо привело к смещению с поста Мжаванадзе[2]. Проверке тщательной, глубоко аналитической подверглась Эстонская ССР. Были вскрыты крупные националистические проявления, в результате тов. Вяляс[3] был отправлен послом, а затем через некоторое время вернулся первым секретарем ЦК».

Р.К. Караев задал вопрос: **«**Почему тянем с созданием секторов в филиалах ИМЛ по межнациональным отношениям?».

Ответ **Смирнова** был следующим: «Вот и создавайте, штатами ИМЛ не занимается, штатами занимается ЦК КП Туркмении, Казахстана и т.д. … у меня в кармане секторов нет».

Л.М. Чижова, представлявшая московский филиал, подчеркнула: «Мы услышали глубокий анализ причин оживления национализма на нашей внутренней почве». Она призывала: «Давайте вспомним, как заверял один из националистов Украины – Пожелинский, что мы всеми силами будем стремиться (стараться) оживлению национализма в Советском Союзе» [РГАСПИ. Ф.71. Оп.29. Д.327. Л.36].

Сазонов дополнил выступление: «Какое бы движение мы не взяли, они имеют свои определенные связи с зарубежными доброхотами, в ряде случаев это подпитывают и спецслужбы. Сейчас активизировались в Москве порядка 35 организаций, ассоциаций представителей разных национальностей, скажем несколько грузинских, несколько армянских, семь еврейских, ассирийских и т.д. Вот мы посмотрели, кто что подпитывает. Среди семи еврейских – пять примерно имеют связь с сионистскими центрами из-за рубежа».

Грант Михайлович Адибеков отметил, что мы иногда свою бездеятельность или полудеятельность сваливаем на активность зарубежных радиоволн и прочих организаций.

---

[1] Шелест Петр Ефимович (1908–1996 гг.) – советский партийный и государственный деятель, член Политбюро (Президиума) ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КП Украины (1963–1972 гг.).

[2] Мжаванадзе Василий Павлович (1902–1988 гг.) – советский партийный деятель, первый секретарь ЦК КП Грузии (1953–1972 гг.).

[3] Вяляс, правильно Вяльяс, Вайно Иосипович – политический деятель Эстонской ССР, советский дипломат, в 1988–1990-е годы – первый секретарь КП Эстонии.

Г.Р. Симонян подчеркнул, что «…мы говорили о деятельности националистических сил в республиках. Хотелось бы узнать о деятельности "Памяти"».

Сазонов ответил на этот вопрос следующее: «…в Российской Федерации есть силы, которые, как они заявляют, действуют во имя спасения русской культуры, русского языка, русской литературы, очищения и т.д., спасения русских памятников. Так начиналось общество "Память" с Васильевым[1]. Затем они превратились в экстремистов националистического антисемитского (я бы даже усилил) расистского толка. Дурная память о "Памяти", особенно в Ленинграде [РГАСПИ. Ф.71. Оп.29. Д.327. Л.38]. Московская школа дискутирует с демократическим союзом Новодворской[2], эти десисты[3] не выдерживают дискуссий с нашими партработниками. "Память" очень активизировалась, и мы просили соответствующие органы установить контроль над местами компактного проживания там еврейской национальности, были угрозы погрома евреев в Киеве».

Г.Г. Пацадзе выступил от грузинского филиала. Он подчеркнул: «В Грузии вы говорите о национализме, но ничего – о шовинизме. Лично мне кажется, что любой национализм в нашей стране – это реакция малочисленных национальностей на проявление шовинизма со стороны многочисленных национальностей. Вы не сказали, что в Грузии произошла резня. Одни факты у ЦК, и вообще надо было с этого начинать, потому что это трагедия общемирового масштаба. Без ведома Политбюро лично я уверен, одна тысяча танков не могла появиться в 4 часа ночи» [РГАСПИ. Ф.71. Оп.29. Д.327. Л.40].

Сазонов парировал: **«**Разве не является проявлением шовинизма со стороны деятелей, представителей Общества Ильи Чавчавадзе, которые воспитывают антиабхазские, антиаджарские настроения? Разве это не шовинизм одного народа против другого? Шовинизм малого народа к малому тоже проявляется[4]. Ведь то, что произошло со стороны, в отношении азербайджанцев, бывшего руководства Азербайджана к Нагорному Карабаху, ведь это тоже определенный элемент шовинизма одной нации к другой, когда узурпировали, когда урезались права и возможности. Ведь наши идейные противники заявляют, все, что происходит здесь (и кстати, начинают с событий декабря 1986 г., в Казахстане), это следствие, цепочка, которая тянется от шовинизма русского народа царской России по отношению к казахам. Да вовсе нет. Это совершенно новое явление. И второе. Произошла резня. Следствие покажет, были ли там применены газы, кто применил, по чьей команде».

Иллюзия – «национальный вопрос у нас при социализме решен полностью и окончательно»…

Выступили в дискуссии:

Даниил Пириевич Гулиев, доктор исторических наук, директор Азербайджанского филиала ИМЛ (доклад прилагается[5]).

[1] Васильев Дмитрий Дмитриевич (1945–2003 гг.) – российский общественный деятель и председатель центрального совета Национально-патриотического фронта «Память».

[2] Новодворская Валерия Ильинична (1950–2014 гг.) – советский диссидент, политик, публицист.

[3] Очевидно, диссиденты.

[4] В исторической литературе имеются устоявшиеся понятия о народах: «малочисленные», «этнические меньшинства», но не «малые народы».

[5] В архивном деле отсутствует.

Грачик Рубенович Симонян, директор Армянского филиала ИМЛ, доктор философских наук, вспомнил о трагедии 7 декабря, когда произошло землетрясение и в итоге без крова остались 600 тыс. человек, десятки тысяч погибли. Он подчеркнул, что «национальные отношения – одна из важнейших сторон нашей жизни» [РГАСПИ. Ф.71. Оп.29. Д.327. Л.46].

«В истории национальные отношения описывались как "гладкий", беспроблемный процесс, и создавалась иллюзия, что национальный вопрос у нас при социализме решен полностью и окончательно. Если так, то чем объяснить серьезные волнения в республиках Средней Азии, Закавказья, в Прибалтике, в других регионах? Если национальный вопрос у нас решен, то чем объяснить недовольство целых народов, особенно так называемых этнических меньшинств, своим положением?» [РГАСПИ. Ф.71. Оп.29. Д.327. Л.47].

Выступавший отметил, что в плане автономизации Сталина происходило «…неуклонное урезывание прав и полномочий союзных и автономных республик, ликвидировался ряд национальных образований. В руках центра все более и более концентрировалась власть. Такая система управления оказалась единственной приемлемой для диктатора[1]. Сталин и его окружение в предвоенные годы нанесли тяжелый удар по национальным кадрам во всех республиках. В результате этого были истреблены многочисленные кадры партийных и советских работников, представителей национальной интеллигенции. В Армении почти полностью были уничтожены видные деятели революционного движения, старые коммунисты. От сталинских репрессий тяжело пострадал и сам грузинский народ. Известно, как Сталин сводил счеты с грузинскими коммунистами»[2].

Симонян далее обратил внимание на положение национальных школ вообще и школ для так называемых этнических меньшинств в союзных республиках. При этом подчеркнул, что «еще до войны стали усиленно сокращаться, а затем закрываться средние и даже начальные школы для нацменьшинств в союзных республиках. До революции в России действовали десятки армянских школ, в таких крупных городах, как Петербург, Москва, Астрахань, Ростов-на-Дону и многих других. Имелись крупные очаги армянской культуры. Более 100 лет в Москве действовал Лазаревский армянский институт восточных языков. А сегодня на территории Российской Федерации нет ни одной армянской школы...» [РГАСПИ. Ф.71. Оп.29. Д.327. Л.48].

«В США действуют десятки армянских школ, ведется подготовительная работа по открытию армянского университета в Лос-Анджелесе. В Бейруте – 70 армянских школ. В Бейруте живет столько же армян, сколько в Москве [РГАСПИ. Ф.71. Оп.29. Д.327. Л.49]. В Монтевидео живет 10 тыс. армян, есть школы, их радио. Острые проблемы, связанные с развитием наций и межэтнических отношений, существовали давно. Они были в годы застоя, не было никакой возможности открыто поставить эти вопросы на обсуждение. Отмахивались, их инициаторы обвинялись в национализме. Сколько пострадало честных коммунистов в Нагорном Карабахе, что они ставили вопросы об устранении допущенной в начале 1920-х годов несправедливости в отношении определения административного положе-

[1] Политика управления национальными процессами в государстве при Сталине отличалась своей специфичностью. Прежде всего она носила персонифицированный характер. Судьбы множества людей зависели во многом от воли одного человека.

[2] Всем навешивался ярлык «национал-уклонисты».

ния в области. Всех зачислили в ряды дашнаков [РГАСПИ. Ф.71. Оп.29. Д.327. Л.50]. Необходима качественная перестройка национальных отношений.

Мы мыслим перестройку как подлинную, хотя и не насильственную революцию, как радикальные преобразования всех сфер жизни общества. Совершенствование межэтнических отношений является составной частью всей перестройки. Национальные движения – это часть этой революции снизу. Имея общие интересы, нации и в союзе имеют свои специфические интересы, которые могут и не совпадать с интересами и представлениями соседнего народа. Разве по всем параметрам интересы азербайджан и армян совпадают? Различий много [РГАСПИ. Ф.71. Оп.29. Д.327. Л.52]. Почему к демократическим движениям армянского населения Карабаха воссоединиться с матерью Арменией пытаются пришить ярлыки экстремизма? В Армении звучит лозунг "Ленин – партия – Горбачев". В Тбилиси пустили в ход танки – это тяжелый удар по перестройке»...

Далее Симонян продолжил свою мысль: «…мы в Армении были потрясены происшедшими событиями в Тбилиси [РГАСПИ. Ф.71. Оп.29. Д.327. Л.54]. Разворачиваются демократические процессы, а там вместо диалога, политических решений, пустили в ход танки и даже газ. Это тяжелый удар по перестройке… В отношении к армянской действительности такими причинами явились, в частности, невзвешенные оценки карабахского движения некоторыми руководящими деятелями, дезинформация и искажение фактов многими центральными органами печати и центральным ТВ[1].

Нами сопоставлены материалы "Правды" 1937–38 годов с материалами 1988 г., с теми материалами, в которых дана характеристика карабахскому движению как националистическому экстремистскому и т.п. Можно сделать вывод, что это две фотокарточки. Те же слова, которые были в свое время использованы против Зиновьева, Бухарина и других деятелей, такие же слова, этот лексикон был применен в отношении карабахского движения».

И далее Симонян делает вывод: «Нас спасло землетрясение, а то до сих пор продолжалась бы на страницах газет эта антиармянская кампания, которая вызвала бурю в народе. Были сделаны попытки вскрыть общественностью [скрыть от общественности (?) – *Авт.*] факты антиармянского погрома в Сумгаите. Известно, что в последующем официальные местные правоохранительные органы власти всячески стремились к тому, чтобы квалифицировать этот геноцид как "простое хулиганство" [РГАСПИ. Ф.71. Оп.29. Д.327. Л.55]. Беспрецедентный в истории нашей страны, чудовищный, немыслимый в советских условиях акт вандализма и группового бандитизма так и не получил своей политической оценки со стороны наших самых высоких инстанций. Все это вызвало чувство национального оскорбления, обиды и гнева, что отчасти послужило почвой для неадекватных в ряде случаев реакций.

Мы все – и политические деятели, и ученые – должны учитывать, что национальные движения не остаются уделом истории, т.е. не остаются в прошлом. Они существуют и сегодня и, возможно, будут существовать долго. Мы должны научиться относиться к ним спокойно, терпеливо и деликатно. Не считая, что они нарушают закономерный ход развития общества, хотя кое-кому и не нравится, что они нарушают казарменный порядок, как в Нагорном Карабахе».

[1] Речь идет о Викторе Григорьевиче Афанасьеве (1922–1994 гг.) – советском ученом-обществоведе, философе, журналисте, общественном деятеле.

Симонян замечал далее, пользуясь тем, что здесь присутствуют Сазонов и Смирнов: «Необходимо бы поднять один вопрос – в 1937–38 гг. у нас только за один месяц были репрессированы 5 тыс. коммунистов, у них были конфискованы личные архивы, архивы надо бы вернуть, но вопрос не решается [РГАСПИ. Ф.71. Оп.29. Д.327. Л.56]. В одном из личных архивов Рубена Даштояна, старого большевика, с 1904 г. члена партии, было 14 писем Степана Шаумяна. И вдруг примеры – это хранится в партархиве».

Деви Георгиевич Стуруа, доктор исторических наук, подчеркнул, что события 9 апреля в Тбилиси – это «удар в спину перестройке, трагическое событие не только для Грузии, а всей нашей страны». Он констатировал, что «в годы застоя многие вопросы межэтнических отношений загонялись внутрь. В его выступлении прозвучало требование о выходе Грузии из СССР. «Я хочу сказать, что с момента потери государственности Грузии (я имею в виду не Георгиевский трактат, а акцию 1801 г., когда Грузия потеряла государственность, когда развернулось национально-освободительное движение в Грузии), ее руководители, такие государственные деятели, как Николае Бараташвили[1]; особенно "шестидесятники" грузинские, сподвижники и единомышленники русских революционных демократов – Илья Чавчавадзе, Акакий Церетели, Яков Николадзе, Якоб Гогиашвили, Нико Николадзе и другие ... не были сепаратистами. Они не представляли Грузии вне России [РГАСПИ. Ф.71. Оп. 29. Д. 327. Л. 59]. Их идеалом была национальная культурная автономия в пределах России, … которая осуществляла колониальную политику в окраинных регионах. И речь должна идти больше не о выделении, хотя есть и такие лозунги, а о достижении подлинного суверенитета.

После провозглашения 30 декабря 1922 г. образования СССР, на следующий же день, 31 декабря, Ленин констатировал, что мы еще вернемся к вопросу об образовании СССР. Оставим Союз – военный, дипломатический [РГАСПИ. Ф.71. Оп.29. Д.327. Л.59]. Во всех остальных отношениях – полная самостоятельность комиссариатов. То есть речь идет о ленинском понимании суверенитета, здесь смыкаются мнения определенных кругов партийного руководства и трезво мыслящей части интеллигенции, а не экстремистских, не радикальных кругов неформальных организаций. И это реальная основа того диалога, который должен состояться и которого, к сожалению, не было.

Положение Горбачева "сильный центр – сильные республики" абсолютно совпадает именно с ленинским пониманием этой проблемы...» Грачик Рубенович здесь заметил, что «форма Союза ССР осталась, может быть, в ленинской формулировке, но фактически автономизация все равно была осуществлена и даже больше, не настоящая автономизация, потому что автономия предполагает большую независимость и большие права, чем то, что было при Сталине.

Я должен и то сказать, что, конечно, централизацию, которая была в те годы, ее нельзя только объяснить диктаторскими устремлениями Сталина и его окружения. Это был экстремальный период. И, возможно, некоторые моменты централизации, такой очень строгой и особенно в тех сферах, которые касались обороны нашей страны и защиты ее от внешней экспансии, может быть, диктовали такую централизацию. В репрессии 1937 г. попали национал-уклонисты, сей-

[1] Бараташвили Николай Мелитонович – известный грузинский поэт, романтик.

час клеймо сняли. Они практически единственные выступили, тогда как украинская, азербайджанская, армянская парторганизации согласились с планом автономизации. Взгляды уклонистов соответствовали взглядам Ленина, и он их поддержал. Я вырос в Грузии и знаю, что сепаратистские настроения среди грузинского народа не были популярны. Грузины также знают, что Хомейни считает, Кахетия – это исконно персидская провинция, Турция же считает, что аджары и ахавы, ахав-халаки, вплоть до Абустамани[1], – это грузинские вилайеты[2], и грузины понимают, что значит выделение из Союза ССР» [РГАСПИ. Ф.71. Оп.29. Д.327. Л.61].

Смирнов по этому поводу высказал реплику следующего содержания: «Вам останется только Южная Осетия и Сванетия».

Стуруа подчеркнул, что на тот момент настроения, которые были об отделении, не отражали настроения большинства грузинского народа, и нужно создавать специальный научно-исследовательский институт, исследующий межэтнические отношения и проблемы. Он сослался на то, что Смирнов был согласен и что он тогда говорил, что это «будет, будет, об этом уже беспокоиться не надо. Теперь уже деваться некуда». **Стуруа** также добавил, что нужны и филиалы, и институты в республиках, нужно вести диалог с силами. «Наши неформалы – это не просто случайные люди, они очень подготовленные. Они прекрасно знают историю Грузии, знают все детали, они навязывают очень сложную дискуссию об установлении и победе советской власти в Грузии. Мы не можем так писать: 25 февраля 1921 г. было всеобщее восстание в Грузии, восставшие создали ревком и пригласили 11-ю армию.

Установление советской власти – это не акт одного дня, что тут надо взять и 18-й год, когда устанавливалась советская власть в ряде регионов Грузии, 19-й год. Вопрос 1924 г., истинных причин – это было инспирировано меньшевистским центром за рубежом. Почему такое большое количество людей поддержало этот мятеж. Важно новое прочтение материалов, на которых лежит печать культа личности».

Смирнов спрашивает **Стуруа**: «Как Вы трактуете ленинскую концепцию с федерацией?»

Стуруа: «Ленин писал 31 декабря так, что мы вернемся еще к вопросу. Видимо, Ленин предчувствовал, что в его отсутствие, несмотря на то, что проект автономизации был отвергнут, что Сталин и не только Сталин возможно все-таки будут проводить ту концепцию, которую они отстаивали, разрабатывая вопрос об автономизации. Вот поэтому он сказал, что будет союз военный, дипломатический».

Смирнов: «Так это относилось к периоду Гражданской войны. У нас был действительно союз военный, дипломатический».

В ходе заседания выступил директор Казахского филиала, член-корр. **Байдайбек Ахмедович Тулепбаев** (доклад прилагается)[3].

После доклада **Смирнов** спросил **Тулепбаева**: «Вы говорили, что-то о языках, и такое впечатление осталось, что должен остаться только один язык, казах-

[1] Абустамани – современный поселок городского типа, горноклиматический курорт в Грузии.

[2] Вилайет – административно-территориальная единица.

[3] В архивном деле отсутствует.

ский». Тулепбаев дал следующий ответ: «Пленум решил, что казахский и русский языки являются государственными» [РГАСПИ. Ф.71. Оп.29. Д.327. Л.61].

С докладом выступил директор Киргизского филиала **Джениш Джунулалиев** (доклад прилагается[1]). Он выразил точку зрения, что «выступления за отделение должны пресекаться».

Выступил также директор Таджикского филиала **Укур Моллабаевич Султанов** (доклад прилагается[2]).

Выступивший зам. директора Туркменского филиала **Редшеп Караевич Караев** (доклад прилагается[3]) настаивал на принятии единого постановления ЦК КПСС по вопросам атеистического воспитания.

В своем выступлении **Смирнов** подчеркнул: «Яковлев[4], как первый зам. зав. отделом пропаганды отмечал, что будет лучше – меньше заниматься национальными и религиозными отношениями» [РГАСПИ. Ф.71. Оп.29. Д.327. Л.70]. И далее его мысль свелась к одобрению выступавших, справедливо отмечавших, что вера, религиозные организации сейчас являются основой национальной разобщенности; «верование наталкивает друг на друга отдельные народы».

Караев: «Нужно окончательное решение по регистрации религиозных организаций и о передаче в руки исполкомов местных советов, а не Совету по делам религии при Совете Министров СССР, потому что работники исполкомов хорошо знают обстановку на местах, чем, например, в центре».

Смирнов задал **Караеву** вопрос: «А как с самосознанием у вас?». На это **Караев** ответил, что это было и остается у нас проблемой.

Затем выступил **Рустам Абдурахимович Нуруллин,** зам. директора Узбекского филиала (доклад прилагается[5]). Нуруллин в ходе прений констатировал: «Все-таки, надо Ленина брать, но всегда брать в конкретной исторической обстановке. Речь шла о военно-политическом союзе в истории партии. Речь шла именно об этом, насчет того, чтобы вот эти договорные отношения ... для нас в годы войны сыграли роль. Но потом оказалось, что их недостаточно. И опять-таки, по Ленину – мы перешли к Союзу ССР. Возвращаться к договорным отношениям было бы непростительным шагом назад» [РГАСПИ. Ф.71. Оп.29. Д.327. Л.70]. В ходе прений была подана реплика, что «Ленину принадлежит идея слияния наций, но не Сталину. В чем ее порочность как объективного идеала?» [РГАСПИ. Ф.71. Оп.29. Д.327. Л.73].

Кандидат исторических наук **А.В. Нуруллаев** затронул проблему связи религиозного и национального факторов. Он отметил, что в литературе это не освещается. «А если взять районы традиционного распространения ислама, влияние религии там довольно серьезное. Не так давно в Таджикистане были проведены по-новому социологические исследования, и они показали, что 80 и более процентов можно отнести к числу верующих.

В Душанбе на промышленных предприятиях можно отнести к числу верующих порядка 50%. Что касается подрастающего поколения молодежи, то, если

[1] В архивном деле отсутствует.

[2] В архивном деле отсутствует.

[3] В архивном деле отсутствует.

[4] Яковлев Александр Николаевич (1923–2005 гг.) – советский и российский политический деятель, академик РАН, один из главных идеологов, «архитекторов» перестройки.

[5] В архивном деле отсутствует.

взять в среднем и сельскую, и городскую молодежь, тоже получается 40–50%. Религиозность тесно связана с религиозными чувствами. И многие религиозные обряды и предписания воспринимаются значительной частью населения как национальное достояние. Национальные и религиозные чувства переплетаются, [они] весьма ранимы. Товарищ **Нуруллин** из Узбекистана, что под влиянием экстремистов был освобожден от занимаемой должности муфтий и целый ряд служителей культа имама. И это верно.

А почему это удалось? Почему экстремистам удалось повести за собой массу верующих? В печати было сказано, что муфтий вел неподобающий религиозному деятелю образ жизни и поэтому его потребовали освободить. Ему говорили те, кто требовал его смещения, что ты, религиозный деятель, ведешь неподобающий образ жизни, не печешься об исламе в республике и в целом в Средней Азии. Не добиваешься у властей, чтобы были открыты мечети, чтобы у нас была возможность нормально молиться. Вот православные, они добиваются и добились многого…

Экстремисты религиозные, их называют фундаменталистами, ваххабитами, и надо отметить, что они теперь есть не только в Таджикистане, не только в Узбекистане, но и в Ошской области Киргизии тоже действуют. Они призывают вроде бы как к чистоте ислама, или за чистый ислам борются. И это привлекает и молодых людей, и пожилых верующих. Но они требуют еще, чтобы восстановить шариатские нормы: они говорят о том, что имеющиеся негативные явления в республиках Советского Востока из-за того, что религиозность снизилась, пала, что от шариата отказались. А отсюда призыв – восстановить шариат, провести исламизацию всего населения. Но они идут дальше. Они заявляют о необходимости установить исламский режим в республиках советского Востока, подобный Хомейни, или тому режиму, который существует в Саудовской Аравии. И в этом опасность движения. Они требуют покончить с равноправием женщин, чтобы она сидела дома. Это движение берет свое начало с середины 1970-х годов.

Сказались, конечно, и механизм торможения социально-экономического развития, и коррумпированность, и нарушение социалистической законности в отношении верующих людей, в отношении религиозных организаций. Все это привело к возникновению исламского экстремизма…

За годы советской власти православных церквей стало меньше в 10 раз, что же касается мусульманских религиозных объединений – более чем в 100 раз. На территории Узбекистана было до революции 14 тыс. мечетей, а на 1 января 1989 г. – менее 100. Недавно в Совете по делам религии Российской Федерации обсуждался вопрос о состоянии религиозной обстановки в Дагестане (а там существует 27 мечетей, потребность гораздо большая, конечно).

В конце 1987 г. ЦК КП Таджикистана принял конструктивное решение об обрядах: разрешить совершать ритуальное обрезание в медучреждениях, но есть добавка – решительно пресекать факты превращения этой операции в религиозный исламский обряд. Но это же столетиями было религиозным обрядом. И как можно запрещать верующим приглашать служителя культа освещать этот религиозный обряд. Это противоречит Конституции, вызывает недовольство населения. 39% рабочих и служащих предприятий Душанбе – "признают этот обряд, как обряд приобщения к исламу" [РГАСПИ. Ф.71. Оп.29. Д.327. Л.79]. В Узбекской ССР – решение рекомендовать в законно действующих религиозных объединениях не проводить религиозного обряда бракосочетания, и на бумаге этот обряд сократился в десятки раз за два года. В жизни-то он не уменьшился. И таким образом

опять ударили не по религии, а по верующим, вызвали недовольство [РГАСПИ. Ф.71. Оп.29. Д.327. Л.79]. Сегодня мы удивляемся, почему верующие идут за экстремистами?» [РГАСПИ. Ф.71. Оп.29. Д.327. Л.82].

Выступивший заведующий сектором национальных отношений ИМЛ **Эдуард Александрович Баграмов** анализировал ошибочность долго распространяемого тезиса о якобы разрешенности «национального вопроса» в Союзе ССР. «Эта формула принадлежит Сталину, только в какой-то мере в последующее время модифицировалась. Мы много замечаем о том, что решен "национальный вопрос", вместо того, чтобы заниматься реальными проблемами межэтнических отношений.

На XIII съезде партии Зиновьев заявил, что "национальный вопрос" у нас решен, осталось доделать лишь некоторые детали. Это был 1924 год. Насколько уже тогда [был] такой схоластический умозрительный подход к этой сложнейшей проблеме. К тому же надо учесть, что раз и навсегда такого сложного национального вопроса нет и не может быть, что даже, решив его в определенном содержании, мы вновь и вновь возвращаемся в новой обстановке к тем или иным аспектам этого вопроса, еще не решенным... Ленин говорил, я цитирую 45-й том: "Причем не следует зарекаться заранее никоим образом от того, чтобы в результате всей этой работы вернуться на следующем съезде Советов назад, т.е. оставить СССР лишь в отношении военном и дипломатическом. А во всех других отношениях восстановить полную самостоятельность отдельных наркоматов".

У Ленина не следует зарекаться от того, чтобы на следующем съезде вернуться обратно. Назад вернуться! Иметь в виду прогресс в этом вопросе, интернационализация, безусловно, и назад, то есть к идее конфедерации. Да, Ленин допускал, что в сложных условиях национальных, может быть, придется вернуться на какой-то период к идее конфедерации. Но когда Ленин имеет в виду следующий съезд Советов, то он имеет в виду не тот съезд, который состоится 25 мая 1989 г., он имеет в виду 1922-й и 1923-й год. А за это время прошло 70 лет. Неужели с точки зрения интернационализации всего народного хозяйства в стране, общественной жизни мы остались в тех временах, когда Ленин произносил эти фразы? Конечно, нет. Мы утверждаем самостоятельность, которая была попрана сталинским периодом».

Стуруа: «Но я не говорил о конфедерации ни одного слова».

Баграмов: «Идея конфедерации очень навязывается прибалтийскими народными фронтами».

Стуруа: «Я категорический противник этой идеи» [РГАСПИ. Ф.71. Оп.29. Д.327. Л.85].

Баграмов: «Но, когда мы говорим, что Ленин, когда он предлагал оставить Союз только в отношении дипломатии и обороны, мы тем самым возвращаемся к идее конфедерации. А нам она сейчас не подходит, эта идея. Не подходит потому, что мы сделали огромный шаг вперед. Идея конфедерации даже с точки зрения мирового общественного развития Западной Европы, Америки, капиталистических стран – давно уже пройденный этап. У Ленина есть и вторая мысль, он говорит: "Дробление наркоматов, несогласованность их работы в отношении Москвы и других центров может быть парализована партийным авторитетом, если он будет применяться со сколько-нибудь достаточной осмотрительностью и беспристрастно" [РГАСПИ. Ф.71. Оп.29. Д.327. Л.86].

В межэтнических отношениях мы без партийного авторитета, видимо, не сделаем ни одного шага вперед, потому что этот вопрос теснейшим образом свя-

зан с эмоциями. И партийный вожак в любой республике он должен уметь воздействовать не только на разум, но и на чувства масс, на их настроения ... В Узбекистане лишь 25% опрошенных коммунистов знакомы с Лениным, с его произведениям, 75% – ничего не знали, и вы повторяете чепуху».

Баграмов настаивал, что это социологические исследования, их еще не использовали, положений Ленина не знают.

Смирнов: «75%, убейте меня, я в эту "брехню" не верю».

Баграмов отвечал, что **«**это абсолютно правильные данные» и продолжил: «Общество Ильи Чавчавадзе провозглашает Сталина, Орджоникидзе, Филиппа Махарадзе и других грузинских большевиков, принимавших участие в советизации Грузии и в августе 1924-го подавивших в крови национальное восстание за освобождение Грузии, предателями родины и злейшими врагами грузинского народа. Просим католикоса, чтобы предал проклятию имена злейших врагов грузинского народа: Сталина, Орджоникидзе, Махарадзе и других грузинских большевиков, продавших родину» [РГАСПИ. Ф.71. Оп.29. Д.327. Л.90].

Г.Г. Пацадзе: «Они есть враги – Сталин, Орджоникидзе, на совести Махарадзе – убийство Ильи Чавчавадзе» [РГАСПИ. Ф.71. Оп.29. Д.327. Л.90].

Баграмов: «Я не могу верить, что Орджоникидзе был враг грузинского народа и враг вообще».

Пацадзе: «В партархивах есть документы».

Баграмов: «Нам эти документы не известны». Далее речь идет о депортированных месхах, о том, что они были выселены из Грузии[1] [РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 29. Д. 327. Л. 91], подвергнуты репрессиям. «Что они, не заслуживают возвращения в Грузию? Почему? Потому, что в Грузию, написано в документе, следует возвратить только месхов грузинской ориентации, причем последовательно, поэтапно. А мы считаем грузинами только тех, кто признает себя грузином ... Грузин протурецкой ориентации для нас тот же турок, а турку нет и не может быть места в Грузии. А если завтра турецкий коммунист, который испытывает репрессии со стороны правительства, попросит права политического убежища и жить в Грузии, Вы дадите ему это право?»

Пацадзе: «Это ведь не партийный документ».

Баграмов: «Нужно эти выводы, товарищи, критиковать по причине за отсутствие всякого намека на интернационализм, который был свойственен и Илье Чавчавадзе, и Руставели. Почему же общество Ильи Чавчавадзе делает шаг назад на пять столетий от Руставели? ... Не следует забывать, говорится в этом заявлении, что советское государство, как империю, отнюдь не волнуют судьбы грузинского, да и любого другого народа. Это говорится о советском государстве... И как это можно сказать, что наше государство не волнуют судьбы народов?.. Я лично глубоко осуждаю этот произвол и насилие, которое было совершено "головотяпами" в Тбилиси, … но вопрос, как случилось, что в республике, которая отличается сравнительно высоким уровнем материального благополучия, в этом плане куда дальше ушла от России, Украины, Молдавии. Грузия всегда жила относительно благополучно в силу ряда причин. Но как случилось, что люди из общества Чавчавадзе выступают с антисоветскими лозунгами, лозунгами выхода из СССР? [РГАСПИ. Ф.71. Оп.29. Д.327. Л.92]. Так они могут и оставить страну. Это согласно Хельсинкскому пакту. Но, если они все же остаются в Союзе ССР, зачем тя-

[1] Принудительно выселялись по просьбе правительства Грузии. Все меры по операции были согласованы наркомом Л. Берией с правительством Грузинской ССР.

нут за собой весь народ? Я слышал такую версию, что "абхазский вопрос" дал толчок демонстрациям. Их требование выделиться в союзную республику из Грузии продиктовано следующими мотивами. Я слышал и такую версию, что, поскольку часть грузинской молодежи и вообще общественности ставит вопрос даже открыто о выходе из состава СССР, а мы, абхазцы, хотим остаться в СССР, мы провозглашаем свой выход из Грузии и объявление суверенной Советской Социалистической Республики Абхазии, которой она и была до 1931 года. Как вы отнесетесь к этому тезису?»

Стуруа: «До 1931-го года она была договорной».

Баграмов: «Да, договорной с Грузией, правильно».

Голос: «Самостоятельной ССР, которую уничтожил Берия...»

Баграмов: «Да мы-то знаем историю...»

Стуруа: «Это не так».

Голос: «Так, так».

Баграмов далее подчеркнул, что «надо сосредоточиться не на критике ученых, которые, может быть, были догматиками, но не внесли большого вклада в науку, а типа Цемеряна, сосредоточить внимание в этот острый критический момент в истории Грузии на реальных противниках, а не поднимать из могил… Сейчас требуют прах Ленина вытащить из мавзолея... "требуем убрать останки Филиппа Махарадзе из пантеона на Тацминде"».

Пацадзе: «Убийца лежит вместе со своими жертвами».

Баграмов: «Вы еще не доказали этого».

Голос: «И это никто не докажет».

Баграмов: «Нужен судебный процесс, который докажет с фактами в руках, пока вы еще не доказали... Перед нами исключительно сложная задача стоит – найти пути к восстановлению революционного братства компартий Закавказья … Сейчас все коммунисты Закавказья должны сплотиться. Может, нам вернуться к Закавказской Федерации, товарищи, которую в 1936 г., может быть, Сталин рано отменил? Может быть, нам в условиях Закавказской Федерации попытаться найти вот эту связь между коммунистами и трудящимися Грузии, Азербайджана, Армении и Абхазии?.. Первейшая задача – поднять авторитет партийных организаций и первейшая задача – вооружить коммунистов подлинной ленинской теорией национального вопроса. Я лично не почитаю трудов ученых Грузии по национальному вопросу».

Валентина Георгиевна Чеботарева, заведующая Отделом филиалов ИМЛ, доктор исторических наук, выразила благодарность академику **Георгию Лукичу Смирнову** за организацию совещания директоров по национальной политике. «Все события трагические из-за того, что мы выкинули на свалку истории ценный исторический опыт КПСС, на X, XII съездах партии были четко разработаны стратегия и тактика государственной национальной политики. На XIV съезде было принято специальное решение ввести в практику систематический контроль над осуществлением национальной политики. Были выработаны организационные формы – подотделы нацменьшинств при обкомах, отделы при центральных исполнительных комитетах на всех уровнях. И конструктивно работал Совет национальностей, отчеты, принимались жесткие меры, серьезные решения, которые союзные республики не смели игнорировать. И этому общество следовало вплоть до начала 1930-х годов, когда Сталин не начал политику унификации в национальной жизни. Возникающие национальные проблемы были пущены на самотек. Пример, когда в 1918 г. к Ленину обратилась группа представителей немцев По-

волжья с просьбой дать автономию (у них была создана Коммуна немцев Поволжья), Ленин сразу же подписал декрет о создании Автономной области немцев Поволжья.

Проблема автономий в остром положении – Карабах. Но у нас есть богатый исторический опыт. В Узбекистане республика создана в 1924 г. В таком деликатном положении оказались казахи Канимеха, и тогда эта область была передана под эгиду ЦИК Узбекистана. Председатель Президиума Верховного Совета республики Ю. Ахунбабаев занимался казахами Канимеха. Собственно, это было небольшое по численности казахское население, но ему был предоставлен особый статус. Можно и сейчас передать какие-нибудь национальности под эгиду Президиума Верховного Совета, и нацменьшинства. Нужно воссоздать национальные школы. В 1920–1930-е годы в Украине даже были ассирийские школы, я знаю польские школы, литовские, латвийские... Существовали национальные театры, национальные техникумы на языках некоторых народностей. Надо создать материально-техническую базу культуры этих народов, издательства. Пусть они будут региональными, мощные издательства для народов Закавказья, Средней Азии, для немцев Поволжья, их было немного, но на них работал специально собственный [созданный (?) – Авт.] Немгосиздат, и было еще Издательство иностранных рабочих в Москве, выпускавшее для них учебники, книги, общественно-политическую литературу, художественную на немецком языке. Не было никаких проблем, издавались газеты на немецком языке.

Меня беспокоит активизация мусульманского духовенства, это очень опасно. В общественной жизни коренных народов Средней Азии верх берет экстремистское духовенство. Это также опасно. К страшным последствиям может привести усиление влияния мусульманского духовенства. Муллы активизировали свою деятельность, уже в 1970-е годы в Средней Азии – 10 тыс. незарегистрированных мулл. Откуда они взялись? Медресе у нас не так много – только в Ташкенте и Бухаре. Я неоднократно наблюдала, как узбеки с благоговением слушают арабскую молитву, молитву из Корана на арабском языке, ни слова не понимая положений этой молитвы. Народ не понимает молитвы, но с благоговением к ней относится [РГАСПИ. Ф.71. Оп.29. Д.327. Л.101].

Мы, конечно, виноваты, что попрали многие нравственные нормы, может быть, по этой причине народ и обращается к исламу. Ученые должны создавать работы о панисламизме, пантюркизме, есть обращения о переходе на арабскую графику. Это отбросит любую нацию среднеазиатскую на десятки лет назад в развитии культуры. Я сама знаю арабскую графику и хорошо представляю, что значит читать книгу на арабской графике. Дело в том, что при написании слов там отсутствуют многие гласные, идут в основном согласные. Над буквами много огласовок... если арабская графика будет принята – это регресс в развитии нации.

То ли в 1910 или в 1911 гг. Турция перешла на латинский алфавит, затем в нашем государстве подняли голос за латинизацию азербайджанские ученые, потом в Узбекистане это же было, и в Таджикистане. В Турции – латинский алфавит. Если есть тяга к изучению арабской графики, надо идти на уступки, ввести факультативы, вреда не будет, пусть дети изучают.

Узбекские матери в 1987 г. обращались с просьбой принять узбекского ребенка в русскую школу, напротив, узбекская интеллигенция настроена враждебно к русскому языку [РГАСПИ. Ф.71. Оп.29. Д.327. Л.100]. С мужским шовинизмом сталкиваемся даже в Москве, очень важен женский вопрос на Востоке. Растет число самосожжений женщин в Средней Азии. Самоубийство восточной женщины –

это уже политическое дело [РГАСПИ. Ф.71. Оп.29. Д.327. Л.105]. Представители женсоветов Самарканда, Намангана, Андижана говорят, что им навязывают феодально-байские условия жизни».

Стуруа высказал мысль**,** что Ленин критиковал Орджоникидзе за ошибки в национальном вопросе. «Я состою членом комиссии по расследованию убийства Ильи Чавчавадзе, нельзя снять обвинения с Филиппа Махарадзе, также, как и с Жордания, некоторых других социальных демократов, ту вину, что они не поняли значение национально-освободительной борьбы, вели травлю великого грузинского писателя. Нет пока доказательств, что убийство организовали социал-демократы, но моральную ответственность они несут. Абхазскую проблему хорошо знаю. Речь идет об абхазском письме, опубликованном в гудаутской газете «Бзыбь». Требования письма были неконституционны и неправомерны, … мы не должны делать шаг от Советского Союза к конфедерации. Именно сильный центр – сильные республики, вот надо к чему надо стремиться. Но и я понимаю цитату Ленина, что мы должны стремиться к подлинному суверенитету, подлинному расширению прав союзных республик».

С.Ф. Трапезников по поводу панисламизма и пантюркизма высказал мысль о необходимости развивать сотрудничество между закавказскими филиалами, акцентировал «роль буржуазно-националистических партий Закавказья в разжигании межнациональной розни». Историческая мысль много нагрешила в различных регионах нашей страны, необходимо показать общность исторических судеб народов Союза ССР, делать совместные научные труды.

Смирнов довел до сведения, что предложил статью в «Вопросы философии» и зам. главного редактора Борис Украинцев, познакомившись с ней, заметил, что «легко на тигра сесть, но как с него слезть?». «Все требует глубокого осмысления, переосмысления на высоком философском уровне, в плане политической стратегии, практического опыта, практической политической деятельности. Конкретные вопросы исторических судеб народов, эти проблемы надо брать в контексте мировом или европейском. Тот же 1939 год с точки зрения ряда ученых, 1939 год для Прибалтийских республик, это, дескать, была прямая аннексия, была оккупация. Именно под этим лозунгом народные фронты развернули борьбу. А между тем ход мировых событий поставил весь европейский регион и особенно восточноевропейский регион, взаимоотношения Союза ССР с Германией, Польшей, Прибалтикой в такую ситуацию, когда объективно, несмотря на то что, это осуществлялось руками И. Сталина, В. Молотова. Союз ССР был поставлен в такую ситуацию, когда он должен был:

Во-первых, позаботиться о собственной безопасности, ибо первое социалистическое государство попадало в капкан с двух сторон, империалистический противник нацеливался на Советский Союз. И была создана ударная сила в лице германского фашизма, в виде гитлеровского фашизма, которая была готова разрушить Советский Союз. Все усилия бывшей Антанты – Англии, Франции, Италии и Японии также, в общем, где-то, пересекались в этом страстном желании и мечте.

Во-вторых, сама Прибалтика, как и многие другие, была намечена объектом гитлеровского нападения и частичного ее уничтожения. Это – документы, не агитация, не выдумка. Польша также стала объектом нападения. В этом общем мировом контексте 1939 год предстает в сознании подлинных научных аналитиков как год, когда поведение Союза ССР было безупречным в этом смысле. Особенно вначале, в той части, когда была достигнута договоренность о ненападении, договоренность, которая последовала после того, как ее с Германией заключили Ан-

глия, Франция, Польша, прибалтийские государства обвиняют только Советский Союз. Это форма выражения. Если в современных условиях рассматривать приход 11-й Красной армии как враждебную акцию к грузинскому народу, тогда-то все станет ясным.

Национальный вопрос всегда теснейшим образом был связан с классовыми проблемами, с классовыми интересами. Эта истина особенно часто подчеркивалась Лениным. Да, национальные отношения не сводятся к классовым. Они имеют свою огромную гигантскую специфику. Только учет многообразных интересов может быть базой единства, а не жесткое сколачивание механическими жестокими, политическими мерами этого единства. Это не то единство, которое нам надо. Сталин вбил гвоздями в сознание, что "у нас решен национальный вопрос" [РГАСПИ. Ф.71. Оп.29. Д.327. Л.113].

Допустим, что мы знаем о переселении калмыков, группе Мдивани. Когда мы воевали, то не думали, кто рядом с нами: узбек, грузин или кто другой, мы были все советские люди. Почему спустя некоторое время общество так жестко размежевывается? Вероятно, не только потому что национальности наделали ошибок, но и потому, что есть силы, объективные политические силы, чуждые к нам в этническом (не в прямом природном отношении, а во взглядах на этнические национальные проблемы), чуждые силы, мало думающие, кстати, о судьбах своих народов, а скорее больше думающие о собственном личном успехе и престиже.

Наш златоуст Николай Шмелев [замечает]: выделение любой республики ставит государственность ее в катастрофическое положение, если вы думаете, что вас, отколовшуюся республику, подхватит какая-то патронажная страна. Вряд ли Сталин силу страны довел до абсурда, он подчинил идее силы все и вся. Отчасти поэтому мы победили в войне, отчасти поэтому мы вышли победителями в создании военно-стратегического паритета. И теперь уже вышли на мысль, убеждаем мир в том, что мы должны остаться на уровне страны разумной достаточности в соотношении военных потенциалов.

Национальная, националистическая эмоциональность закрыла уже здравый разум, есть элементарный здравый смысл. Я много поездил по Союзу, видел русские кадры, работающие в среднеазиатских республиках, владеющих языками этих республик. Надо учить двум языкам обязательно, как алгебре и геометрии, если возьмет верх в республиках фундаментализм, исламизм восторжествует, то ситуация в Прибалтике покажется райским уголком на земле.

Вы знаете, примеры, которые показала Персия, то бишь Иран, показывает нам Восток. Надо обеспечить и свободу совести, но, с другой стороны, пресекать или преодолевать антиобщественные, антипрогрессивные тенденции, которые несет с собой развитие в такой тяжелой форме господство фундаментализма – этой разновидности ислама. Добиваться подразделений по национальным отношениям [РГАСПИ. Ф.71. Оп.29. Д.327. Л.124], избавлять межгосударственные отношения от идеологических нагрузок.

Как-то вот тихо, тихо, тихий либерал (такой при ближайшем знакомстве вроде либеральный человек), но сумел многие сферы деятельности, которые находились раньше в ведении только республик, превратить в общесоюзные ведомства. Академия педагогических наук, министерства просвещения, торговли – чего только не натворили, все в руки Союза взяли. Но, товарищи, насадите вы хоть миллион специалистов в Москве еще по разным направлениям, никогда же они не добьются такого знания местных условий жизни, которые имеют местные органы власти. Вообще это химера – все взять в центр. Мы уже получили достаточно до-

казательств бесплодности таких усилий и такого способа руководства» [РГАСПИ. Ф.71. Оп.29. Д.327. Л.125].

Заключение. Обращение к историографической составляющей исследования рассматриваемой проблемы, а также в данном случае к новым выявленным архивным материалам свидетельствует об актуальности изучения межнациональных отношений на рубеже 1980–1990-х годов, когда набирали силу межэтнические конфликты, усиливалась напряженность в отношении центра и периферии. Со стороны властных структур имели место обвинения в адрес науки и ученых, якобы не предупредивших общество о грядущей опасности. Публикуемая стенограмма в определенной степени опровергает подобное обвинение.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Абашидзе А.Х. Проблемы обеспечения правовых предпосылок культурного диалога народов республик Закавказья в Москве // Этнодиалог. Московское эхо Кавказа. – М.: Этносфера, 1997. – С. 108.
2. Национальные истории в советском и постсоветских государствах / Аймермахер К., Анчабадзе Ю., Арутюнян Б. и др.; под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова; предисл. Ф. Бомсдорфа и др. – М.: Аспект-пресс, 1997. – 285 с.
3. Барсенков А.С. Введение в современную российскую историю 1985–1991 гг. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 367 с.
4. Бугай Н.Ф. Кавказ. Этнические меньшинства: прошлое и настоящее. Очерки. – М.: [б. и.]; Тула: Гриф и К, 2014. – 418 с.
5. Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. – М„ 1989–1991.
6. Воротников В.И. А было это так… Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС. – М.: Центрполиграф, 1995. – 473 с.
7. Здравомыслов А.Г. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. – М.: Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2000. – 395 с.
8. Константинов Н.Н. Советский Союз 1944–1991 годов в историографии. Репрезентация полиэтнического политического сообщества / Н.Н. Константинов; М-во образования и науки РФ, Уральский гос. экономический ун-т. – Екатеринбург: Гриф, 2012. – 250 с.
9. Материалы Пленума ЦК КПСС. 19–20 сентября 1989 г. – М., 1989. – С. 13-14, 205-211.
10. Михайлова Н.В. Концептуальная эволюция национальной и федеративной политики в России: Дис. ... д-ра пед. наук. – М., РАГС, 2012. 23.00.02. – М., 2012.
11. Народы стран Балтии в условиях сталинизма (1940-е – 1950-е годы): Документированная история. – Ганновер-Штуттгарт, Ibidem-Verlag. 2005 / Сост., автор Н.Ф. Бугай.
12. Сенюшкина Т. Украина. Власть, государство, политика // Этническая ситуация в странах СНГ и Балтии. Ежегодный доклад, 2005. Сети этнологического мониторинга. – М., 2006. – С. 423 / Ред. В. Тишков, Е. Филиппова.
13. Турки из Месхетии: долгий путь к реабилитации. 1944–1994. – М.: Дом Росс,

1994 / Сост. Н.Ф. Бугай.
14. Национальные истории в советском и постсоветских государствах / Карл Аймермахер, Юрий Анчабадзе, Бабкен Арутюнян и др.; под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова; предисл. Ф. Бомсдорфа, Фонд Фридриха Науманна и др. – М.: АИРО-XX, 1999. – 445 с.
15. Хроника межнациональных конфликтов в России, 1991 г. / Центр по изуч. межнац. отношений; Авт.-сост. Г.А. Комарова. – М.: Б. и., 1994. – 196 с.
16. Чешко С.В. Распад Советского Союза. – 2-е изд. – М.: Институт этнологии и антропологии Этносфера, 1998. – 197 с.

REFERENSES

1. Abashidze A.KH. Problemy obespecheniya pravovykh predposylok kul'turnogo dialoga narodov respublik Zakavkaz'ya v Moskve [Problems of ensuring the legal prerequisites for the cultural dialogue of the peoples of the Transcaucasian republics in Mos] M.: Etnosfera, 1997. P. 108. (In russ)
2. Natsional'nyye istorii v sovetskom i postsovetskikh gosudarstvakh [National histories in the Soviet and post-Soviet states [Text] / Karl Aymermakher, Yuri Anchabadze, Babken Harutyunyan and others; ed. K. Aymermakher, G. Bordyugov] Aspekt-press, 1997. 285 p. (In russ)
3. Barsenkov A.S. [Introduction to modern Russian history 1985–1991] M.: Aspekt Press, 2002. 367 p.
4. Bugay N.F. Kavkaz. Etnicheskiye men'shinstva: proshloye i nastoyashcheye [Caucasus. Ethnic minorities: past and present. Essays]. M., 2014; (In russ)
5. Vedomosti S"yezda narodnykh deputatov SSSR i Verkhovnogo Soveta SSSR [And it was like this: From the diary of a member of the Politburo of the CPSU Central Committee]. M., 1989–1991.(In russ)
6. Vorotnikov V.I. A bylo eto tak: Iz dnevnika chlena Politbyuro TSK KPSS. [And it was like this: From the diary of a member of the Politburo of the CPSU Central Committee] M.: Tsentrpoligraf,1995. 473 p. (In russ)
7. Zdravomyslov A.G. Mezhnatsional'nyye konflikty v postsovetskom prostranstve [Interethnic conflicts in the post-Soviet space]. M.: N.N. Miklukho-Maklaya RAN, 2000. 395 p. (In russ)
8. Konstantinov N.N. Sovetskiy Soyuz 1944–1991 godov v istoriografii. Reprezentatsiya politicheskogo obshchestva [The Soviet Union 1944-1991 in historiography. Representation of political society] Yekaterinburg, Grif, 2012.P. 93–94. (In russ)
9. Materialy Plenuma TSK KPSS. 19–20 sentyabrya 1989 g. [Materials of the Plenum of the Central Committee of the CPSU. September 19-20, 1989] M., 1989. P. 13-14, 205-211 (In russ)
10. Mikhaylova N.V. Kontseptual'naya evolyutsiya natsional'noy i federativnoy politiki v Rossii [Conceptual evolution of national and federal politics in Russia] Dis. ... d.p.n. M., RAGS, 2012. 23.00.02. M., 2012. (In russ)
11. Narody stran Baltii v usloviyakh stalinizma (1940-ye – 1950-ye gody) Dokumentirovannaya istoriya. [The peoples of the Baltic States under Stalinism (1940s – 1950s) Documented history] Gannover-Shtuttgart, Ibidem-Verlag. 2005. Sost., avtor N.F. Bugay (In russ)

12. Senyushkina T. Ukraina. Vlast', gosudarstvo, politika. Etnicheskaya situatsiya v stranakh SNG i Baltii. Yezhegodnyy doklad, 2005. Seti etnologicheskogo monitoring [Ukraine. Power, state, politics. Ethnic situation in countries CIS and Baltic states. Annual Report 2005. Ethnological Monitoring Networks]. M., 2006. P. 423 /Red. V. Tishkov, Ye. Filippova. (In russ)
13. Turki iz Meskhetii: dolgiy put' k reabilitatsii. 1944–1994 [Turks from Meskheti: a long road to rehabilitation. 1944-1994] M., 1994). Sost. Bugay N.F. (In russ)
14. Natsional'nyye istorii v sovetskom i postsovetskikh gosudarstvakh [Tekst]. Karl Aymermakher, Yuriy Anchabadze, Babken Arutyunyan i dr. ; pod red. K. Aymermakhera, G. Bordyugova ; predisl. F. Bomsdorfa, Fond Fridrikha Naumanna i dr. [National stories in the Soviet and post-Soviet states [Text]. Karl Aimermacher, Yuri Anchabadze, Babken Harutyunyan and others; ed. K. Aymermakher, G. Bordyugov; foreword F. Bomsdorf, Friedrich Naumann Foundation and others]. M.: AIRO-XX, 1999. 445 p.: (In russ)
15. Khronika mezhnatsional'nykh konfliktov v Rossii, 1991 g.. Tsentr po izuch. mezhnats. otnosheniy; Avt.-sost. G.A. Komarova [Chronicle of interethnic conflicts in Russia, 1991. Center for Studies. internat. relationships; Auth.-comp. G. A. Komarova]. M.: B. i., 1994. 196 p. (In russ)
16. Cheshko S.V. Raspad Sovetskogo Soyuza. [The collapse of the Soviet Union] 2-ye izd. M.: Institut etnologii i antropologii Etnosfera. 1998. 197 p.: (In russ)

***Информация об авторах**:* Бугай Николай Федорович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт российской истории Российской академии наук, действительный государственный советник Российской Федерации III класса
ORCID id: https://orcid.org/0000-0002-8363-1638
nikolay401@yandex.ru

Бушуева Татьяна Семеновна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории Российской академии наук
г. Москва, Россия
t_bush@mail.ru

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи

Information about the authors: Bugai Nikolai Fedorovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Acting State Advisor of the Russian Federation, Class III
ORCID id: https://orcid.org/0000-0002-8363-1638
nikolay401@yandex.ru

Bushueva Tatyana Semyonovna, Candidate of Historical Sciences, Leading Research Fellow, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences Moscow, Russia
t_bush@mail.ru

ORCID: ORC 5001 версия англ. обесп. 1500240410 сер № 000024041001 16205787866
Wed. dec. 17.07.05002003 верс. прогр обесп. 3.4.369 № прием. 351307381192

The authors have read and approved the final manuscript.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 28.02.2021
Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 19.04.2021
Принята к публикации / Accepted for publication: 27.04.2021

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов./ The author declares no conflicts of interests

© Бугай Н. Ф. 2021
© Бушуева Т.С. 2021
© «ИСОМ». 2021

CC BY

Отечественная история
National History

Научная статья

DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-2-49-68
УДК 947.088(571.6.)(09)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ ПЕРИОДА РАДИКАЛЬНО-ЛИБЕРАЛЬНЫХ РЕФОРМ

ВАЩУК Ангелина Сергеевна
Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН
г. Владивосток, Россия
ORCID iD: 0000-0002-0593-6698
Scopus Author ID: 57192098956
va_lina@mail.ru

ВОРОНЦОВ Николай Степанович
Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока ДВО РАН
г. Владивосток, Россия
nsv91@yandex.ru

Введение. Статья представляет собой аналитический обзор публикаций сотрудников Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН в 2010–2020 гг. Историографический анализ трудов ИИАЭ имеет свою научную ценность – это путь определения места и роли научного коллектива в становлении нового направления в отечественной историографии – постсоветской региональной истории. Из всего многообразия проблематики авторы сосредоточили свое внимание на аналитическом обзоре двух тематических комплексов современной региональной истории. Первый посвящен обзору работ, которые можно объединить идеей «движущие социальные силы дальневосточной политики» или затрагивают тему ее «общего блага». Вторую проблему авторы обозначают через комплекс трудов, раскрывающих концепцию «трансформационного кризиса» в дальневосточном регионе.
Методология. Статья выполнена на основе синтеза двух подходов: историографического и элементов методологии интеллектуальной истории. В частности авторы опирались на принцип интеллектуальной истории, учитывая взаимодействия между движением идей и их исторической средой. Историографический обзор проведен в сравнении с трудами ученых других научных учреждений и центров за последние 10 лет. Учитывается исходный постулат историографического анализа: группировка литературы может иметь разные конфигурации с учетом актуальности заявленной проблематики и исторической дистанции, отделяющей авторов от объекта и предмета исследования.

Результаты исследования. В ИИАЭ ДВО РАН в последние годы сформировалось новое научное направление – Дальний Восток в эпоху радикальных реформ. Спецификой публикаций является анализ изменений дальневосточной политики на основе главного критерия – социальных результатов в рамках концепции «общего блага», что позволило ученым показать проблемы поворота России на Восток. Анализ работ показал эвристические возможности концепции трансформационного кризиса. Установлено солидарное мнение научного сообщества: создание новых институтов развития дальневосточной территории выдвинуло из социальных групп на передний план бюрократию. Ставка реформаторов на быстрое формирование предпринимательства в регионе и его участие в развитии Дальнего Востока в 1990-е годы не оправдалась, поскольку здесь преобладали компании-рантье.

Ключевые слова: Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Дальний Восток России, исторические исследования, модернизация, радикальные реформы

Для цитирования: Ващук А.С., Воронцов Н.С. Актуальные проблемы истории Дальнего Востока России периода радикально-либеральных реформ // Историческая и социально-образовательная мысль. 2021. Том.13 № 2. С. 49-68.
DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-2-49-68

Original article

ACTUAL ISSUES IN THE HISTORY OF THE RUSSIAN FAR EAST DURING THE PERIOD OF RADICAL LIBERAL REFORMS

Angelina S. VASHUK
Institute of History, Archeology and Ethnography
of the Peoples of the Far East FEB RAS
ORCID iD: 0000-0002-0593-6698
Scopus Author ID: 57192098956
Vladivostok, Russia
va_lina@mail.ru

Nikolay S. VORONTSOV,
Institute of History, Archeology and Ethnography
of the Peoples of the Far East FEB RAS
Vladivostok, Russia
nsv91@yandex.ru

Introduction. The article is an analytical review of the publications of the staff of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences in 2010–2020. The historiographical analysis of the works of the Institute of Archeology and Ethnography has its own scientific value. This is the way to determine the place and role of the scientific team in the formation of a new direction in

Russian historiography - post-Soviet regional history. Of all the variety of problems, the authors focused their attention on an analytical review of two thematic complexes of modern regional history. The first is devoted to a review of works united by the idea of "driving social forces of Far Eastern politics" or touching on the topic of its "common good". The authors identify the second problem through studies that reveal the concept of a "transformational crisis" in the Far East region.

Methodology. The article is based on a synthesis of two approaches: historiographical approach and elements of the methodology of intellectual history. In particular, the authors relied on the principle of intellectual history, taking into account the interaction between the movement of ideas and their historical environment. The historiographical review is carried out in comparison with the works of scientists from other scientific institutions and centers over the past 10 years. The initial postulate of analysis is taken into account: the grouping of literature can have different configurations, taking into account the relevance of the stated problem and the historical distance separating the authors from the object and subject of research.

Research results. In recent years, a new scientific direction has been formed at the IHAE FEB RAS – the Far East in the era of radical reforms. The specificity of the publications is the analysis of changes in the Far Eastern policy based on the criterion of social results within the framework of the concept of "common good", which allowed scientists to show the problems of Russia's turn to the East. The analysis of research has shown the heuristic possibilities of the concept of a transformational crisis. The solidarity opinion of the scientific community was established: the creation of new institutions for the development of the Far Eastern territory brought the bureaucracy to the fore. The reformers' stake on the rapid formation of entrepreneurship in the region and its participation in the development of the Far East in the 1990s did not materialize, since rentier campaigns prevailed here.

Keywords: Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Russian Far East, historical research, modernization, radical reforms

For citation: Vashchuk A.S., Vorontsov N.S. Actual issues in the history of the Russian Far East during the period of radical liberal reforms. Historical and Social-Educational Idea.. 2021. Vol. 13. No.2. PP. 49-68. (In Russ.).
DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-2-49-68

Постановка проблемы. Данная статья посвящается двум знаменательным событиям в истории научного коллектива: 50-летию Института и 100-летию со дня рождения академика А.И. Крушанова. Безусловно, двойной юбилей в Институте – это повод подвести итоги нашим научным поискам. В научном творчестве А.И. Крушанова большое место занимал анализ социальных процессов в дальневосточном регионе в так называемые переломные периоды отечественной истории [1]. В то же время и сама проблема социальной трансформации российского

общества в 1990-е – начале 2000-х годов сегодня является одной из основных в исторической науке, требующих активного изучения.

Поиск ответа на такой вопрос, как сущность глобального сдвига в истории российского общества на рубеже двух веков, со всей очевидностью сегодня встал перед российским научным сообществом. Только многогранное исследование недавнего пережитого людьми на конкретных территориях, позволяет объяснить все последствия преобразований в России, раскрыть содержание наступившего нового общественного порядка не только в рамках экономического подхода и смены политического режима, но и с позиций социогуманитарных последствий.

Научную актуальность теме также придает современная ситуация в области дальневосточной политики, акцентирование внимания правительства на необходимости развития территории как к национальному проекту, обеспечивающему социально-политическую и экономическую безопасность России. В ИИАЭ ДВО РАН на протяжении последних десяти лет активно исследовались социально-экономические и политические реформы, были апробированы разные концептуальные подходы в процесс исследования социальных последствий радикальных преобразований. Историографический анализ публикационной деятельности ИИАЭ ДВО РАН имеет свою научную ценность – это путь определения места и роли научного коллектива в становлении нового направления в отечественной историографии – постсоветской истории.

Методология. Временная дистанция, отделяющая нас от бурных и тяжелых для общества событий, по сравнению с исследователями-предшественниками 1990-х годов дает нам некоторые дополнительные критерии для оценки исторического процесса в России в виде полноты отложившихся источников, а также результатов реформ. В условиях современного теоретического плюрализма мы готовы к использованию важнейшего принципа историографического обзора – прочтению итогов, полученных ранее объяснений предшественниками, к принятию или не принятию той или иной опубликованной точки зрения.

В историографическом жанре нельзя абстрагироваться от появления новых обстоятельств, влияющих на понимание процесса реализации реформ. К числу таких обстоятельств относится смена былого идеологического давления на историческую науку «сверху», на более сложный доминирующий набор факторов: с одной стороны, прослеживается сильное влияние западной социальной, экономической и политической литературы, а с другой — трактовка реформ подвержена многообразным формам политизации «снизу».

Статья выполнена на основе синтеза двух подходов: историографического и элементов методологии интеллектуальной истории. В частности, авторы опирались на принцип интеллектуальной истории, учитывая взаимодействия между движением идей и их исторической средой – теми политическими, социально-экономическими, культурными и научными контекстами, в которых идеи рождаются, распространяются, развиваются. Надо заметить, что политика (а реформы – это результат политики) и наука всегда имеют личностное измерение, так как они рефлексивны в смысле систематизации опыта. Поэтому проблематизация со-

циальных процессов на территории и ее научная концептуализация гуманитариями – это две взаимосвязанных грани познавательного процесса.

Важно учитывать еще один исходный постулат историографического анализа: группировка литературы может иметь разные конфигурации. На наш взгляд, среди всех аспектов обширной темы на первый план выходит обзор литературы по социальным последствиям радикальных преобразований. Он приобретает глубину и полноту в тесной взаимосвязи с анализом имеющейся литературы по вопросам развития дальневосточной территории. Мы выдвинули на передний план анализ литературы, которую можно увязать в систему «развитие территории, ее социальные движущие силы – общее благо». Данный подход к литературе позволяет раскрыть богатство историографической палитры в контексте связей между дальневосточной политикой и социально-экономическими реформами. В такой постановке историографическая рефлексия рассматривается впервые.

Обсуждение.

В поисках движущих социальных сил дальневосточной политики и ее «общего блага»

Характерной и доминирующей точкой зрения в трудах исследователей института является концептуальный тезис, раскрывающий роль геополитического фактора при формировании дальневосточной политики. Причем она имеет давнюю традицию, и А.И. Крушанов не раз упоминал в своих трудах об этом.

Продекларированный Россией «поворот на Восток» имеет несколько компонентов, в том числе и курс внутренней составляющей. Он связан с попыткой политической элиты России переосмыслить парадигму и модели развития российских территорий Сибири и Дальнего Востока в контексте существенных трансформаций внешней среды и растущей экономической и демографической асимметрии между европейской и азиатской частями России. Наиболее последовательно разрабатывают данный концепт специалисты-международники ИИАЭ ДВО РАН [2].

Прежде всего, важно отметить наличие в публикационном поле трудов, в которых уже содержится историографическая рефлексия ученых на наблюдения, умозаключения, идеи, оценки поворота России на Восток. В этом плане следует выделить статью академика В.И. Ларина [3]. В целом в статье признается приоритет тематики поворота России на Восток. В контексте нашей постановки проблемы в статье Ларина особое значение представляет историографический анализ в разделе «Приграничные и межрегиональные связи».

Для понимания характера дальневосточной политики сегодня остается актуальным аспект выявления политической мотивации Центра разработки такого курса и установления его движущих сил. В числе работ ученых института, где анализируется этот вопрос, монография «Тихоокеанская Россия» [4]. Ее авторы раскрывают мотивы российского руководства в начале XXI в., «принудившие его активизировать восточную политику». По мнению ученых, они представляли целый комплекс факторов. На первом месте стоят геополитические и военно-стратегические факторы, на втором – экономические.

Среди главных интересов присутствия Москвы в АТР в монографии называется мотив стимулирования экономического развития восточных районов Рос-

сии с целью сделать их плацдармом и мостом для продвижения в Тихоокеанскую Азию. Можно отметить, что такое же мнение присутствует и в работах других российских авторов. Например, в статье А.В. Торкунова, Д.В. Стрельцова и Е.В. Колдуновой отмечается следующий вывод: поворот России на Восток был задуман, во многом исходя из геостратегических и геоэкономических соображений. Очевидно, что баланс сил в мире сегодня в существенной степени зависит от ситуации в Азии, и России требуется опора на тот регион, где в концентрированном виде проявляются глобальные экономические и политические процессы [5, с. 9]. Такая трактовка специалистов свидетельствует о том, что развитие Дальнего Востока – это путь к укреплению позиций России в АТР, но в этом политическом повороте не обозначена проблема «общего блага».

Историки, исследующие внутреннюю дальневосточную политику, пытаются найти ответ на этот вопрос, изучив научные основания в модернизационном курсе России [6]. Они акцентируют свое внимание на принятии руководством реформаторского состава страны стратегии, которая стала основываться на западных концепциях [7], в частности на теории пространственной экономики, в надеждах, что она даст импульс модернизации всего хозяйственного комплекса региона [8]. Большое внимание изучению политики России на Дальнем Востоке уделяют сотрудники Отдела социально-политических исследований. Фактор значения геополитического для региона отмечается в коллективной монографии [9, с. 663-671, 739-754], также в статьях, особое внимание уделяется специфике формирования и закрепления населения [10]. В последние годы была опубликована серия работ А.Е. Савченко, в которых автор раскрывает характеристику отношения российского руководства к Дальнему Востоку. В 2011 г. А.Е. Савченко в своей диссертации [11] подчеркивал, что в 1990-е годы российская политическая элита не имела четкой стратегии развития Дальнего Востока. В дальнейшем в его статьях подчеркивается мысль, что для центральной власти регион выступал (автор использует на западный манер термин «бремя») в основном в роли «геополитического бремени», то есть стратегически важной территории, на содержание и тем более развитие которой не хватало государственных ресурсов. В целом эта точка зрения также нашла отражение в коллективной монографии Отдела-социально-политических исследований [12]. У либерального блока российского правительства в 1991–1995 гг., в первый срок президентства Б.Н. Ельцина, не было ни символических, ни материальных ресурсов для проведения региональной политики, но отношения с регионалами надо было все равно выстраивать, чтобы укрепить свои позиции, отмечается в коллективной монографии и ряде статей Савченко [13].

Тем не менее в истории обоснования поворота России на Восток были намерения либерального блока правительства, связанные с формированием в регионе новой социальной силы – предпринимательства. Этой теме посвящены работы, появившиеся в результате выполнения ряда проектов в институте. Одной из первых монографий, где была проанализирована тема создания на Дальнем Востоке предпринимательства как новой социальной силы развития территории, в том числе и тема совместных предприятий, стала монография Л.А. Моисеевой и А.С. Ващук. Было установлено: в 1990-е годы проявилась первая попытка либера-

лов опереться в дальневосточной политике на формирующийся слой предпринимательства [14, с. 263-290]. Но частный капитал на Дальнем Востоке в 1990-е годы ушел в торговлю и стал специализироваться на вывозе за границу природных ресурсов.

В трудах ученых института при всем разнообразии тематики и сюжетов прослеживается общая тенденция относительно 1990-х годов – начала XXI в.: российская политическая и бизнес-элита была не готова к интеграции в АТР [4, с. 9]. Процесс создания совместных предприятий происходил под влиянием интереса «торгово-купеческого характера» созданных здесь частных российских предприятий. Такой же торгово-посреднический интерес был и у китайских бизнесменов, где объектом внимания были природные ресурсы Дальнего Востока и Сибири.

Специалисты Института отмечают, что определенные результаты в реализации задачи по интеграции России в АТР были достигнуты в 2007–2014 гг. Были построены нефте- и газопроводы из Сибири к Тихому океану. Россия стала членом ряда международных организаций и даже хозяйкой Саммита-2012 во Владивостоке [4, с. 105]. В определенной степени была снята с политической повестки угроза потери Дальнего Востока, озвученная в декабре 2006 г. на Совете безопасности [4, с. 106].

Результат такой тенденции в истории подчеркивает академик В.И. Ларин: «В конечном итоге исследователи вынуждены признать, что, преуспев в продвижении крупных межгосударственных проектов, декларируя важность развития приграничных и межрегиональных отношений и создавая политическую платформу для этого, Москва и Пекин не смогли радикально улучшить общую картину связей на низовом уровне. Межрегиональное и приграничное взаимодействие, несмотря на, казалось бы, постоянное внимание к нему с обеих сторон, оказалось в перечне "отстающих сфер". Ни победные реляции и декларированные намерения чиновников двух стран, ни даже санкционированные на самом "верху" программы соразвития соседних территорий не повлекли за собой ни роста объемов и качества двусторонней торговли, ни существенного увеличения взаимных инвестиций» [3, с. 28].

Заслуживает особого внимания другой вывод коллег: проекты важны для России в целом, но фактически мало связаны с экономикой Дальнего Востока [15], а следовательно, и созданием условий для роста благополучия дальневосточников. Ученые института вносят справедливое уточнение. Реализованные проекты «обеспечивали безбедное существование районным администрациям и активной части местного населения на этапе строительства инфраструктуры, но рентный доход и высокие заработки "улетучивались", когда заканчивалась стройка» [15, с. 4-5]. Выводы, сделанные специалистами ИИАЭ ДВО РАН, разделяют и другие ученые [5, с. 13]. Проекты имеют ограниченное влияние на региональную экономику [16], и прежде всего потому, что не затрагивают интересы большинства населения региона [7].

Интересную точку зрения высказал С.А. Иванов: проанализировав процесс российско-китайского приграничного сотрудничества в 1990-е годы XX в. – в первом десятилетии XXI в. с позиций участия в нем как российской бюро-

кратии, так и китайской, он называет это сотрудничество «бюрократическим проектом» [18, с. 67-68].

Несмотря на особенности исследований учеными-международниками и историками, специализирующимися на отечественной истории, в рамках институтского научного сообщества можно заметить еще одно солидарное мнение; оно касается изменений в правительственном курсе в период руководства тандема Путина – Медведева. Федеральный центр после саммита АТЭС 2012 г. начал сокращать финансирование программ развития Дальнего Востока [18, с. 14-15]. По замыслу центральной власти, компенсацией сокращения бюджетного финансирования должен был стать поток инвестиций российского и иностранного бизнеса [19].

В условиях отсутствия крупного доморощенного бизнеса на Дальнем Востоке и отраслей с конкурентоспособной продукцией такими игроками выступали региональная и местная власть дальневосточных территорий России [15, с. 14-15]. Ученым института принадлежит приоритет в выявлении особенностей связей между местными органами самоуправления и китайскими предпринимателями: «Наиболее тесные связи складываются между китайскими предпринимателями и органами местного самоуправления. Последние хорошо осведомлены о формальной и неформальной деятельности первых на подведомственной территории, но в силу объективных причин лишены возможности строго контроля. В настоящее время некоторые районные администрации пытаются создать систему общественных и межведомственных комиссий, которые бы занимались проверкой деятельности предпринимателей (не только китайских) в сельском хозяйстве» [15, с. 15].

В последние три – четыре года одной из популярных тем становится история создания особых экономических зон на Дальнем Востоке, ТОРов и Свободного порта Владивосток (СПВ). В работах С.А Иванова были прослежены корни идеи создания ОЭЗ в годы перестройки и продемонстрировано нелинейное развитие первых проектов ОЭЗ. В центре внимания оказались противоречия теоретического обоснования необходимости подобных структур как новых элементов развития и практической реализации конкретных проектов ОЭЗ, возникшие вследствие множественности вовлеченных в их разработку акторов и неоднозначности мотиваций. Отмечалась определенная спонтанность возникновения идеи особых зон в отечественной практике и ее быстрое превращение из перспективного механизма экономической трансформации в политический инструмент, используемый центральной и локальной бюрократией в своих целях [20].

По мере ослабления центральной власти и перехода инициативы к регионам последние проявляли инициативу при разработке собственных амбициозных проектов, нередко идущих вразрез с планами союзной и российской бюрократии [21]. При изучении процесса создания ОЭЗ в динамике были выявлены различные подходы к созданию и управлению особыми зонами на Дальнем Востоке России, характерные для начала 1990-х годов и периода 2010-х. На первом этапе создание особых зон проводилось центральной властью под давлением локальных акторов, но на практике исполнение принятых решений блокировалось федеральной бюрократией. С 2010-х годов преференционные режимы в регионах России, при-

шедшие на смену ОЭЗ первого поколения, учреждались и контролировались центром в русле проводимой им социально-экономической политики [22].

В статьях, посвященных дальнейшей трансформации практики создания особых экономических зон, дается анализ созданных институтов, отмечаются весьма скромные социальные результаты для дальневосточников [23]. В рамках обозначенной проблемы – социальных процессов, происходивших в период реализации новых проектов на Востоке страны, важно выделить особый историографический факт, отличающий информационно-аналитическое поле института: обсуждение концепции формирования «бюрократии развития» в России и ее возрастающей роли в регионе. Анализ данного социального феномена прослеживается в статье, посвященной истории создания и реализации Закона «О Свободном порте Владивосток» [19]. Исследование, проведенное группой исследователей из Высшей школы экономики, подтверждает актуальность и научную значимость обсуждения этого аспекта. Позволим процитировать московских авторов: «Несмотря на предполагаемый плюрализм и широкое представительство в этой административной системе (Наблюдательный совет. – Примеч. А.С. Ващук), вклад предпринимателей и бизнес-ассоциаций в развитие СПВ ограничен» [24]. «Таким образом, – заключают авторы ВШЭ, – центральная власть контролирует не только планирование развития, но и оперативное управление СПВ. Федеральное правительство руководит СПВ через подведомственные структуры, такие как АО КРДВ, АНО АПИ и АРЧК. Несмотря на то, что данные структуры созданы за рамками существующей региональной системы управления и не подчиняются ее обычным правилам, они являются частью существующей административной иерархии, где Москва имеет полную и неоспоримую власть в принятии решений, тогда как региональные и местные субъекты мобилизованы только для выполнения ее указаний» [24, с. 111].

Сравнив исследования международников института и социальных историков, а также точки зрения, присутствующие в других публикациях отечественных исследователей, получаем следующий вывод. В поисках «движущих социальных сил» развития дальневосточных территорий в работах обнаруживается доминирующая роль бюрократии Центра. Следующая часть историографического анализа углубляет данный вывод.

Концепция трансформационного кризиса в публикациях ученых ИИАЭ

Среди современных отечественны исследователей, изучающих радикально-либеральные реформы, в отличие от мнений 1990-х годов, когда речь шла о демократическом транзите и что «рынок отрегулирует все», сегодня доминирует теория так называемого «трансформационного кризиса» [25]. По своей сути это еще одно измерение социальных процессов в пореформенный период на Дальнем Востоке России [26]. Концепция трансформационного кризиса в России является сегодня одной из объяснительных моделей социальных процессов и изменений в обществе [27]. В российской [28; 29; 30; 31] и также зарубежной литературе [32] авторы задаются вопросом: что же произошло в России на рубеже веков в результате реформирования? Например, Дж. Стиглиц в книге «Глобализация: тревожные тенденции» по этому поводу писал: «Редко бывает такое несоответствие между ожиданиями и реальностью, как это случилось при переходе от коммунизма к

рыночной экономике. Предполагалось, что комбинация приватизации, либерализации и децентрализации быстро, в крайнем случае после короткой переходной рецессии, приведет к значительному подъему производства. Ожидалось, что преимущества этого перехода проявятся <...> по мере того, как будет заменяться старое неэффективное оборудование и возникнет новое поколение предпринимателей. Полная интеграция в глобальную экономику со всеми ее благами тоже наступит быстро, если не немедленно. Эти ожидания экономического роста не осуществились, и не только в России, но и в большинстве экономик, переходивших к рынку <...>. Россия быстро трансформировалась из промышленного гиганта – первой в мире страны, спутник которой вышел на околоземную орбиту, – в экспортера природных ресурсов, в особенности нефти и газа, которые составляют сегодня половину ее экспорта <...>. Странный характер российских реформ продемонстрировал, что <...> тот эрзац-капитализм, который возник в России, не обеспечивает стимулов к созданию богатства и экономического роста, скорее, он стимулирует обдирание активов. Вместо безукоризненно работающего рыночного механизма быстрые реформы привели к Дикому Востоку, где царит хаос» [33, с. 185].

Такие оценки в мировой литературе в большой степени совпадают с выводами, сделанными в публикациях сотрудников Отдела социально-политических исследований ИИАЭ ДВО РАН, который выполнил научную программу «Трансформация власти и общества на Дальнем Востоке в 90-е годы XX – начале XXI в». Отдельные ее результаты являются основой для историографического обзора.

Традиционная для отечественной литературы проблематика формирования многоукладной экономики в сельской местности в трудах сотрудников Института нашла специфическое отражение в постановке двух аспектов. Первый касается анализа выживания сельского населения в период проведения аграрной реформы на Дальнем Востоке [34] в рамках теоретических подходов Дж. Скотта, практик, формирующих этику выживания.

Второй аспект, отличающий дальневосточную литературу, посвящен сравнительному анализу зарубежных оценок присутствия китайской рабочей силы в сельском хозяйстве региона в период проведения аграрной реформы. При наличии отдельных оценочных моментов (например, численного присутствия на отдельных территориях) выявляется некоторая схожесть взглядов историков института и зарубежных авторов. Например, прослеживается общая точка зрения на особенности в аграрной сфере приграничных территорий Дальнего Востока. В частности, здесь за годы реформ произошло существенное расширение и усложнение форм китайского присутствия – от экспорта рабочей силы до образования фермерских хозяйств, а затем и крупных агропредприятий [35]. Данные процессы имели противоречивые последствия для сельских районов российского приграничья в условиях экономической и демографической деградации последних.

Историки института активно исследовали проблему деиндустриализации в регионе в рамках двух концепций. Так в формате модернизационной парадигмы был сделан вывод о провале «модернизационного проекта» на Дальнем Востоке в начале 2000-х годов. Причем научные результаты были получены не только на

основе статистических и иных данных, но и в ходе проведенных экспедиций и фиксирования путем фотографирования [36].

Специфика исследования процесса деиндустриализации заключалась в том, что объективные информационные ресурсы были дополнены субъективным восприятием эпохи перемен [37]. Второй подход обозначился в ходе обращения к концепции «ржавого пояса» при изучении особенностей процесса деиндустриализации территории Дальнего Востока [38]. Автор такого подхода Ю.Н. Ковалевская выдвинула экономические и социальные критерии этого процесса. К экономическим критериям, по ее мнению, относятся: потеря высоких базовых позиций (концентрации производства и населения выше средней). С этим можно согласиться, но что касается социальных, то в их характеристиках прослеживается, на наш взгляд, некая натяжка относительно явления геттоизации в регионе. «Социальные критерии "ржавого пояса": это "убывающие города", депопуляция региона (в США имеет специфическую форму white flight – "бегство белых"); рост безработицы, бедности, преступности, геттоизация городской среды (в США это касается преимущественно центра города – inner city – из-за бегства богатого населения в пригород)» [38, с. 61].

В региональной историографии по изучению социально-экономических вопросов вводится дефиниция «шоковых реформ» и понятие формирования и дискриминационных институтов, практик, изъятия ресурсов. Влияние западных теорий для критики реформ особенно заметно при анализе социальных процессов. Так, одной из первых, кто обратился к понятию экстрактивных институтов и практик, также была Ю.Н. Ковалевкая. Она, изучив концепцию А.М. Эткинда «Суперэкстрактивное государство»[1], увидела в ней потенциальную возможность исследовать социальные результаты реформ как новый тип социального расслоения, появления слоя: «паразитической элиты» и так называемого «избыточного населения» [39]. В своей статье она подчеркивает: «Источником обогащения для нового господствующего класса являются не только приватизация государственной собственности, но и особая форма социального исключения и дискриминации»[2]. «Именно дальневосточники добывают значительную часть "от бога данных" ресурсов: рыбу, лес, уголь, нефть и газ, но их поселения, даже в самых богатых регионах (Сахалинская область), не демонстрируют признаков экономического процветания. Парадоксы российского неравенства доходят до того, что рыба, выловленная в Приморье, на месте дороже, чем в Москве; построить дом из леса, срубленного на Дальнем Востоке, дешевле в Белгородской области, чем в самом регионе; Сахалинская область не газифицирована и т.п.» [37].

Проблема отношения населения к власти в период радикальных реформ являлась для историков Института новой, однако и она получила свое осмысление сквозь призму отношения дальневосточников к результатам реформ, достигшего наивысшей своей формы в протестном движении. Безусловно, приори-

[1] Государство, элита которого напрямую, внеэкономическими методами контролирует экспортные природные ресурсы и/или рынок, полностью исключая население из политэкономического процесса.

[2] Источниковую базу статьи Ю.Н. Ковалевской составили ряд полуформализованных интервью, проведенных во время экспедиций 2012–2015 гг. (Амурская и Сахалинская области, Хабаровский и Приморский края).

тет в этом направлении принадлежит А.П. Коняхиной, которая представила результаты своих исследований в целой серии статей [40; 41]. Исследуя дальневосточный социум в парадигме «гражданского общества» и теории общего блага, автор доказывает, что миграция была не единственной формой реакции дальневосточного сообщества на результаты реформ, здесь также зарождалась и протестная форма активности, а тенденция социальной реакции «от человека недовольного к человеку действующему» хотя и медленно, но постепенно вызревала [42;43; 44].

Заключение.

Сравнение представленных выше научных результатов, полученных исследователями Института по двум актуальным проблемам современной истории Дальнего Востока и учеными других научных центров, позволяет утверждать следующее. Несмотря на теоретический и методологической плюрализм концепций в современной литературе применительно к итогам дальневосточной политики и рыночным реформам в дальневосточном регионе, обнаруживаются выводы, которые не только не противоречат друг другу, а даже вносят немного нового один относительно другого. Вывод о том, что проекты развития Дальнего Востока, несмотря на их стратегическую и организационную новизну, не имели социального эффекта для большинства дальневосточников, прослеживается во всех упомянутых научных публикациях.

В целом можно сказать, что в ИИАЭ ДВО РАН в последние годы сформировалось новое научное направление, главной чертой которого является социогуманитарный анализ дальневосточной политики. Также для большинства ученых главным критерием оценки реализации реформ в регионе выступают социальные результаты реформирования. Хотя в трудах формально не обозначается концепция «общего блага», тем не менее она ярко прослеживается и в публикациях, посвященных новому повороту России на Восток, в частности при изучении отношений приграничных территорий с Китаем. Особенностью историографической современной ситуации является складывание солидарной точки зрения и по другому актуальному вопросу региональной истории: ставка реформаторов на предпринимательство как локомотив реализации новой стратегии развития дальневосточных территорий в конце 1990-х – первом десятилетии XXI в. не оправдалась в силу того, что на территории преобладали компании-рантье. Создание новых институтов и структур развития территории выдвинуло на передний план другую движущую социальную группу – бюрократию.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Крушанов А.И. Октябрь на Дальнем Востоке. Ч. 1. Русский Дальний Восток в период империализма (1908 – март 1917 гг.). – Владивосток: Дальневосточное книжное издательство, 1968. – 136 с.; Ч. 2: Победа Великой Октябрьской социалистической революции. (Март 1917 – апрель 1918 гг.). – Владивосток: Дальневосточное книжное издательство, 1969. – 179 с.
2. Ващук А.С. Дальневосточная политика постсоветской России в конце XX – начале XXI в.: концепции, экспертные мнения и точки зрения публицистов //

Историческая и социально-образовательная мысль. – 2018. – Т.10. – № 3/1. – С.30-45. DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-2-30-45

3. Ларин В.Л. Исследователи тихоокеанской России о политике Китая и его развитии // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. – 2020. – Т.29. – С. 7-50.
4. Тихоокеанская Россия в интеграционном пространстве Северной Пацифики в начале XXI века: опыт и потенциал регионального и приграничного взаимодействия / под ред. В.Л. Ларина. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2017. – 386 с.
5. Торкунов А.В., Стрельцов Д.В., Колдунова Е.В. Российский поворот на Восток: достижения, проблемы и перспективы // Политические исследования. – 2020. – № 5. – С. 8-21.
6. Исторические проблемы социально-политической безопасности российского Дальнего Востока (вторая половина XX – начало XXI в.). Кн. 1. Дальневосточная политика: стратегии социально-политической безопасности и механизмы реализации. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2014. – 360 с.
7. Ващук А.С. Западные идеи в проектах развития Дальнего Востока России в начале XXI в. // Расширение Западной цивилизации и смена Восточной цивилизации: Мат-лы междунар. конф. – Сеул: Университет Сунгсиль, 2019. – С. 347-360;
8. Ващук А.С. Дальневосточный вектор России в контексте диалога власти и научного сообщества (XX в. и современность) // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. – 2019. – № 22. – С. 9-29;
9. Общество и власть на российском Дальнем Востоке в 1960–1991 гг. (История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 5) / под общ. ред. В.Л. Ларина; отв. ред. А.С. Ващук. – Владивосток: Дальнаука, 2018. – 904 с.
10. Чернолуцкая Е.Н. Государственные программы развития Дальнего Востока и демографическая динамика в дальневосточном приграничье в конце XX – начале XXI в. // Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. – 2019. – № 22. – С. 76-93.
11. Савченко А.Е. История административно-политических взаимоотношений центра и регионов юга Дальнего Востока (середина 1980-х – 1990-е гг.): Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Владивосток, 2011. – 30 с.
12. Савченко А.Е. Дальний Восток во второй половине XX – начале XXI в.: место и роль региона в процессах модернизации страны // Тихоокеанская Россия в межцивилизационном и общероссийском пространстве: прошлое, настоящее, будущее. (Седьмые Крушановские чтения). – Владивосток: Дальнаука, 2013. – С. 153-166.
13. Савченко А.Е. Дальний Восток конца XX – начала XXI в. как зеркало системных проблем российского государства // Россия и АТР. – 2017. – № 4. – С. 8-26;
14. Моисеева Л.А., Ващук А.С. История предпринимательства на Дальнем Востоке России в конце XX – начале XXI в. – Владивосток: Дальнаука, 2006. – 348 с.
15. Иванов С.А., Савченко А.Е., Зуенко И.Ю., Козлов Л.Е. Китайский капитал на юге Дальнего Востока России: ожидания государства и реалии взаимодействия. Аналитический доклад. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2016. – 29 с.
16. Ващук А.С. Международный транспортный коридор «Приморье–2»: идеи, проекты, реалии в русле «тихоокеанского разворота» // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. Международный информационно-

аналитический журнал. – 2016. – № 3. – 20 с.
17. Vaschuk A.S., Konyakhina A.P. The Modernization of Khasanskii raion in the Russian Far East: Potential, problems, and perspectives // Asian Perspective (Institute for Far Eastern Studies, Kyungnam University. Lynne Rienner Publishers). – 2016. July-September. – Vol. 40. №. 3. – Pp. 435-463.
18. Иванов С.А. Китайский капитал как фактор этнизации пространства городов и сел Приморского края // Вестник Томского государственного университета. – 2015. – № 5. – С. 120-127.
19. Ващук А.С., Шишкина О.Е. История создания Свободного порта Владивосток: от идей к реализации закона // Россия и АТР. – 2019. – № 3. – С. 161-179.
20. Иванов С.А., Кожевникова П.А. Особые экономические зоны Дальнего Востока России: децентрализованная и централизованная модели управления. // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. – 2019. – № 24. – С. 161-176.
21. Воронцов Н.С. Нереализованные проекты свободных экономических зон в Приморье: исторический очерк // Россия и АТР. – 2018. – № 3. – С. 31-44.
22. Иванов С.А. Советские свободные экономические зоны как идея развития // Россия и АТР. – 2021. – № 1. – С. 86-103.
23. Ващук А.С., Савченко А.Е. Специальные экономические зоны в Приморье: исторический опыт и перспективы реализации (Элосы биньхай бяньцзянцюйцзинцзитэцюй: лиши цзиняньюйшишицяньцзин) // Элосысюекань. Журнал россиеведения. – Харбин: Издание Хэйлунцзянского университета. – 2015. – Т.5. – № 28. – С. 75-83.
24. Кутелева А.В., Сальникова П.О., Чернилевская К.В. Свободный порт Владивосток: тенденции и перспективы развития // Россия и АТР. – 2021. – № 1. – С. 104-124.
25. Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества. Деятельностно-структурная концепция. – М.: Дело, 2002. – 568 с.
26. Савченко А.Е. Дальний Восток в региональной политике Центра в 1990-е гг. (на примере Приморского, Хабаровского краев и Амурской области) // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2013. – № 3. – С. 146-151.
27. Научное осмысление реализации российских реформ конца XX – начала XXI в. на Дальнем Востоке: Материалы круглого стола / отв. ред. Е.Н. Чернолуцкая. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2019. – 74 с.
28. Мелихова О.Н. Феномен трансформационного кризиса в экономике России: Дис. … канд. экон. наук. – Волгоград, 2001. – 175 с.
29. Зоидов К.Х. К проблеме создания синтетической теории преодоления трансформационного кризиса // Экономическая наука современной России. – 2002. – № 2. – С. 37-50.
30. Князев И.В. Трансформационные процессы в России: субъектный аспект: Автореф. дис. … канд. соц. наук. – Новочеркасск, 2006. – 28 с.
31. Шипилов Д.В. Сущность и природа трансформационных кризисов // Вестник КРСУ. – 2014. – Т. 14. – № 2. – С. 45-49.
32. Чернолуцкая Е.Н. Вхождение российских территорий в эпоху системных трансформаций 1990-х гг.: оценки зарубежных аналитиков // Россия и АТР. – 2020. – № 1. – С. 14-27.
33. Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции. – М.: Мысль, 2003. – 302 с.

34. Ващук А.С. Формирование многоукладности в дальневосточном селе (конец XX – начало XXI вв.) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2015. – № 4. – С. 7-19.
35. Чернолуцкая Е.Н. Англоязычная историография об участии граждан Китая в аграрной отрасли юга Дальнего Востока России в 1990–2010-е гг. // Региональные проблемы. – Биробиджан, 2017. – Т.20. – № 3. – С. 50-57.
36. Ващук А.С., Ковалевская Ю.Н., Коваленко С.Г., Крушанова Л.А., Савченко А.Е., Заровнева Н.В. Опыт крушения модернизационного проекта: от перестройки к дню сегодняшнему: Аналитический доклад. – Владивосток, 2015. – 30 с.
37. Ковалевская Ю.Н. «Эпоха перемен» (1985–2000 гг.) в обыденном сознании: публичная и частная версии // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2015. – № 4. – С. 55-64.
38. Ковалевская Ю.Н. «Ржавый пояс» Дальнего Востока России: специфика деиндустриализации в 1990-2010 гг. // Россия и АТР. – 2020. – № 1. – С. 58-71.
39. Эткинд А.М. Механизмы демодернизации в ресурсном государстве. [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=fwudNCavtxA (дата обращения: 12.02.2021).
40. Коняхина А.П. «Общее благо» в представлениях и протестных практиках дальневосточников (1985/2015 гг.) // Современные проблемы регионального развития: тезисы междунар. науч. конф. – Биробиджан: ИКАРП ДВО РАН – ФГБОУ ВПО «ПТУ им. Шолом-Алейхема», 2016. – С. 402-405.
41. Коняхина А.П. Власть как контрагент: случай российского Дальнего Востока (1985–2014 гг.) // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2015. – № 4. – С. 43-54.
42. Коняхина А.П. Гражданская активность на юге Дальнего Востока России (1980–1990-е гг.) // Россия и АТР. – 2013. – № 4. – С. 113-127.
43. Коняхина А.П. К истокам гражданского общества на Дальнем Востоке России: от человека недовольного к человеку действующему // Советский Дальний Восток в сталинскую и постсталинскую эпохи: Сб. науч. ст. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2014. – С. 174-179.
44. Коняхина А.П. Практики гражданского участия на Дальнем Востоке (От частного интереса к публичной политике: в поисках солидарности) // Россия и АТР. – 2014. – № 4. – С. 38-55.

REFERENCES

1. Krushanov A.I. Oktjabr' na Dal'nem Vostoke. Part. 1. Russkij Dal'nij Vostok v period imperializma (1908 – mart 1917 gg.) [October in the Far East. Part 1. The Russian Far East during the period of imperialism (1908 – March 1917)]. Vladivostok: Dal'nevostochnoe knizhnoe izdatel'stvo, 1968. 136 p. (In Russ.); Part. 2: Pobeda Velikoj Oktjabr'skoj socialisticheskoj revoljucii. (Mart 1917 – aprel' 1918 gg.) [Victory of the Great October Socialist Revolution. (March 1917 - April 1918)]. Vladivostok: Dal'nevostochnoe knizhnoe izdatel'stvo, 1969. 179 p. (In Russ.)
2. Vashhuk A.S. Dal'nevostochnaja politika postsovetskoj Rossii v konce XX –nachale XXI v.: koncepcii, jekspertnye mnenija i tochki zrenija publicistov [Far Eastern policy of post-Soviet Russia in the late XX – early XXI centuries: concepts, expert opin-

ions and publicists' points of view]. Istoricheskaja i social'no-obrazovatel'naja mysl' = Historical and Socio-Educational Idea .2018. Vol.10. No 3/1. PP. 30-45. (In Russ.) DOI: 10.17748/2075-9908-2018-10-2-30-45

3. Larin V.L. Issledovateli tihookeanskoj Rossii o politike Kitaja i ego razvitii [Researchers of Pacific Russia on China's policy and its development]. Trudy instituta istorii, arheologii i jetnografii DVO RAN = Proceedings of the Institute of History, Archeology and Ethnography, FEB RAS. 2020. Vol. 29. PP. 7-50.
4. Tihookeanskaja Rossija v integracionnom prostranstve Severnoj Pacifiki v nachale XXI veka: opyt i potencial regional'nogo i prigranichnogo vzaimodejstvija [Pacific Russia in the integration space of the North Pacific at the beginning of the XXI century: experience and potential of regional and border interaction]. pod red. V.L. Larina. Vladivostok: IIAJe DVO RAN, 2017. 386 p. (In Russ.)
5. Torkunov A.V., Strel'cov D.V., Koldunova E.V. Rossijskij povorot na Vostok: dostizhenija, problemy i perspektivy [Russian Turn to the East: Achievements, Problems and Prospects]. Politicheskie issledovanija = Political Studies. 2020. № 5. S. 8-21. (In Russ.)
6. Istoricheskie problemy social'no-politicheskoj bezopasnosti rossijskogo Dal'nego Vostoka (vtoraja polovina XX – nachalo XXI v.). Kn. 1. Dal'nevostochnaja politika: strategii social'no-politicheskoj bezopasnosti i mehanizmy realizacii. [Historical problems of socio-political security of the Russian Far East (second half of XX – early XXI century). Book. 1. Far Eastern policy: strategies of socio-political security and implementation mechanisms]. Vladivostok: IIAJe DVO RAN, 2014. 360 p. (In Russ.)
7. Vashhuk A.S. Zapadnye idei v proektah razvitija Dal'nego Vostoka Rossii v nachale XXI v. [Western ideas in projects for the development of the Russian Far East at the beginning of the XXI century]. Rasshirenie Zapadnoj civilizacii i smena Vostochnoj civilizacii [Expansion of Western civilization and change of Eastern civilization]. Seul: Universitet Sungsil', 2019. PP. 347-360. (In Russ.)
8. Vashhuk A.S. Dal'nevostochnyj vektor Rossii v kontekste dialoga vlasti i nauchnogo soobshhestva (XX v. i sovremennost') [The Far Eastern vector of Russia in the context of the dialogue between the authorities and the scientific community (XX century and the present)]. Trudy Instituta istorii, arheologii i jetnografii DVO RAN = Proceedings of the Institute of History, Archeology and Ethnography, FEB RAS. 2019. No. 22. PP. 9-29. (In Russ.)
9. Obshhestvo i vlast' na rossijskom Dal'nem Vostoke v 1960–1991 gg. (Istorija Dal'nego Vostoka Rossii. T. 3. Kn. 5) [Society and government in the Russian Far East in 1960-1991. (History of the Russian Far East. Vol. 3. Book. 5)]. pod obshh. red. V.L. Larina; otv. red. A.S. Vashhuk. Vladivostok: Dal'nauka, 2018. 904 p. (In Russ.)
10. Chernoluckaja E.N. Gosudarstvennye programmy razvitija Dal'nego Vostoka i demograficheskaja dinamika v dal'nevostochnom prigranich'e v konce XX – nachale XXI v. [State programs for the development of the Far East and demographic dynamics in the Far Eastern borderlands in the late XX - early XXI centuries]. Trudy Instituta istorii, arheologii i jetnografii DVO RAN = Proceedings of the Institute of History, Archeology and Ethnography, FEB RAS. 2019. No. 22. PP. 76-93. (In Russ.)
11. Savchenko A.E. Istorija administrativno-politicheskih vzaimootnoshenij centra i regionov juga Dal'nego Vostoka (seredina 1980-h – 1990-e gg.) [The history of

administrative and political relations between the center and regions of the south of the Far East (mid-1980s – 1990s)]. Avtoref. diss. kand. ist. nauk. Vladivostok, 2011. 30 p. (In Russ.)

12. Savchenko A.E. Dal'nij Vostok vo vtoroj polovine XX – nachale XXI v.: mesto i rol' regiona v processah modernizacii strany [The Far East in the second half of the XX – early XXI century: the place and role of the region in the processes of modernization of the country]. Tihookeanskaja Rossija v mezhcivilizacionnom i obshherossijskom prostranstve: proshloe, nastojashhee, budushhee. (Sed'mye Krushanovskie chtenija) = Pacific Russia in the intercivilizational and all-Russian space: past, present, future. (Seventh Krushanov readings). Vladivostok: Dal'nauka, 2013. PP. 153-166. (In Russ.)
13. Savchenko A.E. Dal'nij Vostok konca XX – nachala XXI vv. kak zerkalo sistemnyh problem rossijskogo gosudarstva [Far East of the late XX – early XXI centuries as a mirror of the systemic problems of the Russian state]. Rossija i ATR = Russia and the APR. 2017. No. 4. PP. 8-26. (In Russ.)
14. Moiseeva L.A., Vashhuk A.S. Istorija predprinimatel'stva na Dal'nem Vostoke Rossii v konce XX - nachale XXI v. [The history of entrepreneurship in the Russian Far East in the late XX - early XXI century]. Vladivostok: Dal'nauka, 2006. 348 p. (In Russ.)
15. Ivanov S.A., Savchenko A.E., Zuenko I.Ju., Kozlov L.E. Kitajskij kapital na juge Dal'nego Vostoka Rossii: ozhidanija gosudarstva i realii vzaimodejstvija [Chinese Capital in the South of the Russian Far East: State Expectations and Interaction Realities]. Analiticheskij doklad. Vladivostok: IIAJe DVO RAN, 2016. 29 p. (In Russ.)
16. Vashhuk A.S. Mezhdunarodnyj transportnyj koridor «Primor'e-2»: idei, proekty, realii v rusle «tihookeanskogo razvorota» [International transport corridor "Primorye-2": ideas, projects, realities in line with the "Pacific turn"]. Crede Experto: transport, obshhestvo, obrazovanie, jazyk. Mezhdunarodnyj informacionno-analiticheskij zhurnal = Crede Experto: transport, society, education, language. International information and analytical journal. 2016. No. 3. 20 p. (In Russ.)
17. Vaschuk A.S., Konyakhina A.P. The Modernization of Khasanskii raion in the Russian Far East: Potential, problems, and perspectives. Asian Perspective (Institute for Far Eastern Studies, Kyungnam University. Lynne Rienner Publishers). 2016. July-September. Vol. 40. No. 3. PP. 435-463.
18. Ivanov S.A. Kitajskij kapital kak faktor jetnizacii prostranstva gorodov i sjol Primorskogo kraja [Chinese capital as a factor in the ethnization of the space of cities and villages of Primorsky Krai]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Tomsk State University. 2015. No. 5. PP. 120-127. (In Russ.)
19. Vashhuk A.S., Shishkina O.E. Istorija sozdanija Svobodnogo porta Vladivostok: ot idej k realizacii zakona [The history of the creation of the Free Port of Vladivostok: from ideas to implementation of the law]. Rossija i ATR = Russia and the APR. 2019. No. 3. PP. 161-179. (In Russ.)
20. Ivanov S.A., Kozhevnikova P.A. Osobye jekonomicheskie zony Dal'nego Vostoka Rossii: decentralizovannaja i centralizovannaja modeli upravlenija [Special economic zones of the Russian Far East: decentralized and centralized management models]. Trudy instituta istorii, arheologii i jetnografii DVO RAN = Proceedings of the Institute of History, Archeology and Ethnography, FEB RAS. 2019. No. 24. PP. 161-176. (In Russ.)

21. Voroncov N.S. Nerealizovannye proekty svobodnyh jekonomicheskih zon v Primor'e: istoricheskij ocherk [Unrealized projects of free economic zones in Primorye: a historical review]. Rossija i ATR = Russia and the APR. 2018. No. 3. PP. 31-44. (In Russ.)
22. Ivanov S.A. Sovetskie svobodnye jekonomicheskie zony kak ideja razvitija [Soviet free economic zones as an idea of development]. Rossija i ATR = Russia and the APR. 2021. No. 1. PP. 86-103. (In Russ.)
23. Vashhuk A.S., Savchenko A.E. Special'nye jekonomicheskie zony v Primor'e: istoricheskij opyt i perspektivy realizacii (Jelosy bin'haj bjan'czjancjujczinczitjecjuj: lishi czinjan'jujshishicjan'czin) [Special economic zones in Primorye: historical experience and prospects for implementation]. Jelosysjuekan'. Zhurnal rossievedenija = Elossysyuekan. Journal of Russian Studies. Harbin: Izdanie Hjejlunczjanskogo universiteta. 2015. Vol. 5. No. 28. PP. 75-83. (In Chin.)
24. Kuteleva A.V., Sal'nikova P.O., Chernilevskaja K.V. Svobodnyj port Vladivostok: tendencii i perspektivy razvitija [The Free Port of Vladivostok: Trends and Development Prospects]. Rossija i ATR = Russia and the APR. 2021. No. 1. PP. 104-124. (In Russ.)
25. Zaslavskaja T.I. Societal'naja transformacija rossijskogo obshhestva. Dejatel'nostno-strukturnaja koncepcija [Societal transformation of Russian society. Activity-structural concept]. M.: Izd-vo «Delo», 2002. 568 p. (In Russ.)
26. Savchenko A.E. Dal'nij Vostok v regional'noj politike Centra v 1990-e gg. (na primere Primorskogo, Habarovskogo krajov i Amurskoj oblasti) [The Far East in the regional policy of the Center in the 1990s. (on the example of Primorsky, Khabarovsk Territories and the Amur Region)]. Social'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke = Social and Human Sciences in the Far East. 2013. No. 3. PP. 146-151. (In Russ.)
27. Nauchnoe osmyslenie realizacii rossijskih reform konca XX – nachala XXI v. na Dal'nem Vostoke: materialy kruglogo stola [Scientific comprehension of the implementation of Russian reforms of the late XX – early XXI centuries in the Far East: materials of the round table]. by E.N. Chernoluckaja. Vladivostok: IIAJe DVO RAN, 2019. 74 p. (In Russ.)
28. Melihova O.N. Fenomen transformacionnogo krizisa v jekonomike Rossii [he phenomenon of a transformational crisis in the Russian economy]. Diss. kand. jekonom. nauk. Volgograd, 2001. 175 p. (In Russ.);
29. Zoidov K.H. K probleme sozdanija sinteticheskoj teorii preodolenija transformacionnogo krizisa [On the problem of creating a synthetic theory of overcoming the transformational crisis]. Jekonomicheskaja nauka sovremennoj Rossii = Economic science of modern Russia. 2002 No. 2. PP. 37-50. (In Russ.)
30. Knjazev I.V. Transformacionnye processy v Rossii: sub'ektnyj aspect [Transformational Processes in Russia: Subject Aspect]. Avtoref diss. kand. soc. nauk. Novocherkassk, 2006. 28 p. (In Russ.)
31. Shipilov D.V. Sushhnost' i priroda transformacionnyh krizisov [The essence and nature of transformational crises]. Vestnik KRSU = Bulletin of the KRSU. 2014. Vol. 14. No. 2. PP. 45-49. (In Russ.)
32. Chernoluckaja E.N. Vhozhdenie rossijskih territorij v jepohu sistemnyh transformacij 1990-h gg.: ocenki zarubezhnyh analitikov [The entry of Russian territories into the era of systemic transformations of the 1990s: estimates of foreign analysts]. Rossija i ATR = Russia and the APR. 2020. No. 1. PP. 14-27. (In Russ.)
33. Stiglic Dzh. Globalizacija: trevozhnye tendencii [Globalization: Alarming Trends].

M.: Mysl', 2003. 302 p. (In Russ.)
34. Vashhuk A.S. Formirovanie mnogoukladnosti v dal'nevostochnom sele (konec XX – nachalo XXI vv.) [Formation of multi-structure in the Far Eastern village (late XX – early XXI centuries)]. Ojkumena. Regionovedcheskie issledovanija = Oikumena. Regional studies. 2015. No. 4. PP. 7-19. (In Russ.)
35. Chernoluckaja E.N. Anglojazychnaja istoriografija ob uchastii grazhdan Kitaja v agrarnoj otrasli juga Dal'nego Vostoka Rossii v 1990-2010-e gg [English-language historiography on the participation of Chinese citizens in the agricultural sector of the south of the Russian Far East in the 1990s-2010s]. Regional'nye problem = Regional problems. Birobidzhan, 2017. Vol. 20. No. 3. PP. 50-57. (In Russ.)
36. Vashhuk A.S., Kovalevskaja Ju.N., Kovalenko S.G., Krushanova L.A., Savchenko A.E., Zarovneva N.V. Opyt krushenija modernizacionnogo proekta: ot perestrojki k dnju segodnjashnemu. Analiticheskij doklad [The experience of the collapse of a modernization project: from restructuring to the present day. Analytical report]. Vladivostok, 2015. 30 p. (In Russ.)
37. Kovalevskaja Ju.N. «Jepoha peremen» (1985–2000 gg.) v obydennom soznanii: publichnaja i chastnaja versii [The Epoch of Changes" (1985–2000) in the Ordinary Consciousness: Public and Private Versions]. Ojkumena. Regionovedcheskie issledovanija = Oikumena. Regional studies. 2015. No. 4. PP. 55-64.
38. Kovalevskaja Ju.N. «Rzhavyj pojas» Dal'nego Vostoka Rossii: specifika deindustrializacii v 1990-2010 gg [The "rusty belt" of the Russian Far East: the specifics of deindustrialization in 1990-2010]. Rossija i ATR = Russia and the APR. 2020. No. 1. PP. 58-71. (In Russ.)
39. Jetkind A.M. Mehanizmy demodernizacii v resursnom gosudarstve [Demodernization mechanisms in the resource state]. [Internet]. Available from: URL https://www.youtube.com/watch?v=fwudNCavtxA (In Russ.)
40. Konjahina A.P. «Obshhee blago» v predstavlenijah i protestnyh praktikah dal'nevostochnikov (1985/2015 gg.) ["Common Good" in the views and protest practices of the Far East (1985/2015)]. Sovremennye problemy regional'nogo razvitija: tezisy mezhdunar. nauch. konf. Birobidzhan = Modern problems of regional development. IKARP DVO RAN – FGBOU VPO «PTU im. Sholom-Alejhema», 2016. PP. 402–405.
41. Konjahina A.P. Vlast' kak kontragent: sluchaj rossijskogo Dal'nego Vostoka (1985–2014 gg.) [Power as a counterparty: the case of the Russian Far East (1985–2014)]. Ojkumena. Regionovedcheskie issledovanija = Oikumena. Regional studies. 2015. No. 4. PP. 43-54. (In Russ.)
42. Konjahina A.P. Grazhdanskaja aktivnost' na juge Dal'nego Vostoka Rossii (1980–1990-e gg.) [Civic Activity in the South of the Russian Far East (1980–1990s)]. Rossija i ATR = Russia and the APR. 2013. No. 4. PP. 113-127. (In Russ.)
43. Konjahina A.P. K istokam grazhdanskogo obshhestva na Dal'nem Vostoke Rossii: ot cheloveka nedovol'nogo k cheloveku dejstvujushhemu [Towards the origins of civil society in the Russian Far East: from a dissatisfied person to an acting person]. Sovetskij Dal'nij Vostok v stalinskuju i poststalinskuju jepohi = Soviet Far East in the Stalin and post-Stalin eras. Vladivostok: IIAJe DVO RAN, 2014. PP. 174-179. (In Russ.)
44. Konjahina A.P. Praktiki grazhdanskogo uchastija na Dal'nem Vostoke (Ot chastnogo interesa k publichnoj politike: v poiskah solidarnosti) [Practices of civic participation in the Far East (From private interest to public policy: in search of solidarity)]. Rossija i ATR= Russia and the APR. 2014. No. 4. PP. 38-55. (In Russ.)

Информация об авторах: Ващук Ангелина Сергеевна, доктор исторических наук, профессор, заведующая отделом социально-политических исследований, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, Дальневосточное отделение Российской академии наук,
г. Владивосток, Россия
ORCID iD: 0000-0002-0593-6698
Scopus Author ID: 57192098956
va_lina@mail.ru

Воронцов Николай Степанович, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
г. Владивосток, Россия
nsv91@yandex.ru

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи

Information about the authors: Angelina S. Vashchuk, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of Social and Political Studies Department, Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far East, Far-Eastern Branch of Russian Academy of Sciences,
Vladivostok, Russia
ORCID iD: 0000-0002-0593-6698
Scopus Author ID: 57192098956
va_lina@mail.ru

Nikolay S. Vorontsov, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East FEB RAS,
Vladivostok, Russia
nsv91@yandex.ru

The authors have read and approved the final manuscript.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 04.04.2021
Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 19.04.2021
Принята к публикации / Accepted for publication: 27.04.2021

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов./ The author declares no conflicts of interests

© Ващук А.С. 2021
© Воронцов Н. С. 2021
© «ИСОМ». 2021

CC BY

Отечественная история
National History

Научная статья

DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-2-69-86
УДК 930.1(571.6)(09)

ПУТЬ ДЛИНОЮ В ПЯТЬ ДЕСЯТИЛЕТИЙ

ДУДАРЕНОК Светлана Михайловна,
доктор исторических наук, профессор,
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
ДВО РАН,
г. Владивосток, Россия
dudarenoksv@gmail.com

В предлагаемой статье на основе текущего архива Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН и ежегодных научных отчетов Института воссоздана 50-летняя история ИИАЭ, показана роль в становлении и развитии Института его директоров: академика АН СССР А.И. Крушанова, академика РАН В.Л. Ларина и член-корреспондента РАН Н.Н. Крадина. Особое внимание уделено сложному периоду в жизни страны и исторической науки – периоду 1990-х годов. Ликвидация КПСС, крушение советской системы, распад СССР привели к кризису исторической науки. В этот период перед руководством ИИАЭ ДВО РАН стояли довольно сложные задачи: обеспечить финансирование научных исследований; сохранить кадры профессионалов-историков; выработать новые методологические подходы и принципы анализа исторических событий и «белых пятен» истории Дальнего Востока; определить перспективы на будущее. Все эти задачи были успешно решены и к 2000 г. Институт вернул себе роль объединяющего всех историков Дальневосточного региона научного центра.

Введение. Кратко изложены причины, приведшие к необходимости открытия во Владивостоке академического центра исторической науки: шел процесс интенсивного освоения природных ресурсов региона; создавались новые промышленные предприятия, вузы; обновлялись дальневосточные города, росло население; росло идеологическое и военное противостояние двух «сверхдержав», резко обострились отношения между СССР и Китаем. В этих условиях возрастала роль гуманитарной и идеологической составляющей общественной жизни региона, которую и должна была формировать историческая наука.

Методы. Содержание статьи основывается на разных методах исследования, в первую очередь сравнительно-генетическом методе, последовательного изложения событийного ряда, имеющего отношение к истории становления и развития ИИАЭ ДВО РАН. Путем применения нарративного метода более широко представ-

лена история развития Института при трех его директорах, выведены особенности деятельности каждого из директоров и направлений научных исследований сотрудников. Для выстраивания событийного ряда приобретает особую ценность использование информационного метода. Этот метод вполне применим к анализу публикационной активности научных сотрудников и выявлению основных направлений научных исследований. В изложении статьи применен также метод сравнительно-исторического анализа.

Результаты. Настоящая статья строилась прежде всего на документах текущего архива Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, ежегодных научных отчетах Института, библиографических указателях трудов сотрудников ИИАЭ. Это позволило представить историю Института во всей ее полноте и противоречивости, показать роль и значение его как академического центра исторической науки в Дальневосточном регионе, определить основные направления исторических исследований в будущем.

Ключевые слова: Институт истории, археологии и этнографии, научные сотрудники, историческая наука, диссертационные исследования, научные публикации, архивные материалы, методология исторических исследований, радикальные реформы, кризис исторической науки

Для цитирования*:* Дударенок С.М. Путь длиною в пять десятилетий // Историческая и социально-образовательная мысль. 2021. Том. 13. № 2. С. 69-86.
DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-2-69-86

Original article

FIVE DECADES LONG PATH

Svetlana M. DUDARENOK
Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East
FEB RAS
Vladivostok, Russia
dudarenoksv@gmail.com

This article, based on the current archive of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, as well as the annual scientific reports, recreates the 50-year history of IHAE, shows the role of its directors in the formation and development of the Institute: Academician of the USSR Academy of Sciences A.I. Krushanov, Academician of the RAS V.L. Larin and Corresponding Member of the RAS N.N. Kradin. Particular attention is paid to a difficult stage in the life of the country and historical science – the period of the 1990s. The liquidation of the CPSU, the fall of the Soviet system and the collapse of the USSR contributed to the crisis of historical science. During this period, the leaders of the IHAE FEB RAS faced quite difficult tasks: to provide funding for scientific research; re-

tain the cadres of professional historians; to develop new methodological approaches and principles for the analysis of historical events and "blind spots" in the history of the Far East; determine the prospects for the future. All these tasks were successfully solved, and by 2000 the Institute regained the role of a scientific center uniting all historians of the Far Eastern region.

Introduction. The reasons that led to the need to open an academic center of historical science in Vladivostok are stated: there was a process of intensive development of the region's natural resources; new industrial enterprises and universities were created; Far Eastern cities were renewed, the population grew; the ideological and military confrontation between the two “superpowers” grew, and relations between the USSR and China sharply deteriorated. In these conditions, the role of the humanitarian and ideological component of the social life of the region increased, which was to be formed by historical science.

Methods. The content of the article is based on different methods of research, first of all the comparative-genetic method, a consistent presentation of the event series, related to the history of the formation and development of **IHAE FEB RAS**. Through the application of the narrative method, the history of the Institute's development under its three directors is more widely presented, the specifics of each of the directors and research areas of the staff are displayed. The use of the information method is particularly valuable for building an event series. The method of comparative-historical analysis is also used in the article's presentation.

Results. This article was based primarily on the documents of the archive of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the **FEB RAS**, the annual scientific reports of the Institute and bibliographic indexes of the works of staff of IHAE. This made it possible to present the history of the Institute in all its completeness and contradictions, to show its importance as an academic center of historical science in the Far Eastern region, to determine the main directions of historical research in the future.

Keywords: Institute of History, Archaeology and Ethnography, Scientists, Historical Science, Dissertation Research, Scientific Publications, Archives, Historical Research Methodology, Radical Reforms, Crisis of Historical Science

For citation: Dudarenok S.M. Five decades long path. *Historical and Social-Educational Idea*. 2021. Tom. 13 № 2. P. 69-86. (In Russ.).
DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-2-69-86

Первого июля 2021 г. Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН отметит свое ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЕ! Его создание и становление пришлось на весьма примечательное время для российского Дальнего Востока: шел процесс интенсивного освоения природных ресурсов региона, создавались новые промышленные предприятия, вузы, обновлялись дальневосточные города, росло население. Росло идеологическое и военное противостояние

двух «сверхдержав», резко обострились отношения между СССР и Китаем. В этих условиях возрастала роль гуманитарной и идеологической составляющей общественной жизни региона, которую и должна была формировать историческая наука [12, с. 5].

Решение об организации во Владивостоке Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока было приято Президиумом АН СССР 26 ноября 1970 г. Менее чем через год, 1 июля 1971 г., на базе существовавшего с 1954 г. в Дальневосточном филиале им. В.Л. Комарова СО АН СССР небольшого Отдела истории и археологии был создан ИИАЭ. Его первым и бессменным руководителем на протяжении 20 лет был академик АН СССР **Андрей Иванович Крушанов (1921–1991).**

Именно его усилиями Институт истории стал признанным в стране центром дальневосточной исторической науки.

А.И. Крушанов вел огромную редакторскую работу: под его редакцией вышли в свет десятки монографий, коллективных трудов и научно-популярных изданий. Под его руководством началась работа над фундаментальными коллективными трудами Института – «Историей Дальнего Востока», «Историей Северо-Восточного Китая», историко-этнографической серией «История и культура народов Дальнего Востока» и др.

А.И. Крушанов – основатель научной школы «Комплексного анализа регионального исторического процесса». При нем активизировалась подготовка научных кадров для всего Дальнего Востока через аспирантуру, в том числе целевую. Андрей Иванович дал путевку в «большую науку» многим ученым и преподавателям высшей школы: под его руководством подготовлено 8 докторских и 60 кандидатских диссертаций. Его ученики работают не только в ИИАЭ, но и практически в каждом вузе Дальнего Востока, определяя лицо исторической науки всего Дальневосточного региона.

В память о А.И. Крушанове, крупном ученом, патриоте Дальнего Востока, названы одна из улиц г. Владивостока, а также средняя общеобразовательная школа в с. Михайловка Михайловского района Приморского края, директором которой он был после службы в армии – (МБОУ СОШ им. А.И. Крушанова с. Михайловка). В ДВО РАН учреждена премия им. А.И. Крушанова в области гуманитарных наук; есть серебряная монета «Академик А.И. Крушанов, руководитель ИИАЭ ДВО РАН»; раз в два года проходит научная конференция «Крушановские чтения». В 1993 г. на здании созданного им ИИАЭ ДВО РАН была установлена мемориальная доска.

У истоков Института стояли ученые, оставившие заметный след в отечественной исторической науке. Среди них: археологи д.и.н. **Э.В. Шавкунов**, положивший начало систематическим исследованиям в области средневековой археологии Дальнего Востока, д.и.н. **Ж.В. Андреева** – исследователь памятников первобытной археологии и железного века Приморья, к.и.н. **В.Д. Леньков** – специалист по древней металлургии чжурчжэней; этнографы д.и.н. **Ю.А. Сем** – основатель дальневосточной этнографической школы, д.и.н. **Н.В. Кочешков** – крупнейший специалист по истории и культуре коренных народов Дальнего Востока и Центральной Азии; востоковеды д.и.н. **В.Ф. Соловьев** – основатель дальневосточной

школы по истории и культуре Китая, д.и.н. **В.Г. Щебеньков** – организатор советского японоведения на Дальнем Востоке; историки д.и.н. **А.П. Деревянко** – исследователь истории Дальнего Востока в советский период, д.и.н. **Л.И. Галлямова** – специалист по истории рабочего класса Дальнего Востока в имперский период, д.и.н. **А.Т. Мандрик**, главной темой научного творчества которого стала история рыбной промышленности, д.и.н. **И.Г. Стрюченко,** занимавшийся изучением истории культуры народов Дальнего Востока; д.и.н. **Ю.В. Аргудяева,** изучавшая материальную и духовную культуру русских дальневосточников; исследователи языка и культуры коренных малочисленных народов Дальнего Востока кандидаты исторических наук **Л.И. Сем, Н.Б. Киле, Г.А. Отаина, Н.К. Старков, Е.А. Гаер**. Большой вклад в становление социальной и демографической истории XX в. Дальнего Востока России внесла к.и.н. **В.Е. Борчанинова**.

К 1985 г. сотрудниками Института было опубликовано 2.900 научных публикаций, из них 189 коллективных трудов (табл. 1) и 61 монография (табл. 2).

С 1991 по 2017 г. ИИАЭ ДВО РАН возглавлял акад. РАН **Виктор Лаврентьевич Ларин**. Первые годы его руководства совпали со сложным периодом радикальных реформ в стране, повлекших за собой коренные изменения общественно-политического и социально-экономического развития.

Ликвидация КПСС, крушение советской системы, распад СССР и т.д. оказали непосредственное влияние на историков России, привели к кризису исторической науки. Степень этого влияния по-разному оценивается различными исследователями. Ряд из них достаточно негативно оценивают то, что происходило в отечественной исторической науке в первой половине 1990-х годов. П.К. Гречко, например, характеризует ситуацию, сложившуюся в исторической науке в это время, как «исторический беспредел», имеющий «ярко выраженный демократический уклон» [7, с. 84].

Ю.А. Поляков отмечал, что историческая наука в первой половине 1990-х годов «выглядела лишенной прежних и не создавшей новых концепций, с углубляющейся поляризацией, с амбициями новых лидеров и номенклатурно-должностными бастионами старых деканов, с недоразвитым догматизмом и вышедшей на авансцену конъюнктурной некомпетентностью» [20, с. 205]. На фоне этого господствовало критическое отношение к исторической науке в массовом сознании.

В наиболее сложной ситуации оказались историки российских регионов и региональные институты Академии наук с их филиалами, возникла определенная напряженность во взаимоотношениях Москвы и российской «исторической периферии».

В такой ситуации перед руководством ИИАЭ ДВО РАН стояли довольно сложные задачи: обеспечить финансирование научных исследований; сохранить кадры профессионалов-историков; выработать новые методологические подходы и принципы анализа исторических событий и «белых пятен» истории Дальнего Востока; определить перспективы на будущее.

В результате «шоковой терапии» произошло массовое обнищание российского населения, сопровождавшееся многомесячными задержками заработной платы, обесцениванием вкладов и пр. Практически прекратилось финансирова-

ние научных учреждений, дальневосточные историки потеряли возможность работы в федеральных и региональных архивах, нормальной организации археологических и этнографических экспедиций и пр. Все это поставило региональные учреждения ДВО РАН, в том числе и ИИАЭ, на грань выживания.

Значительная часть научных сотрудников ИИАЭ искали любую дополнительную работу, тратили значительную часть своего времени не на научные изыскания, а на поиск средств к существованию, что сказывалось на количестве и качестве научных публикаций.

В результате сокращения финансирования значительная часть научных сотрудников ИИАЭ меняет свою профессиональную деятельность. Кто-то ушел в бизнес, кто-то переехал в центральные регионы страны. Определенная часть высококвалифицированных сотрудников в первой половине 1990-х годов полностью перешли на преподавательскую работу.

Стабилизация положения с организацией научных исследований и финансированием научных учреждений ДВО РАН к началу 2000-х годов, благодаря усилиям директора ИИАЭ, делает работу в Институте вновь привлекательной для молодых исследователей.

Необходимость выработки новых методологических подходов и принципов в освящении региональной истории побудила научных сотрудников Института принять участие в обсуждении ряда основополагающих категорий исторической науки, таких как: «формация», «цивилизация», «исторический прогресс», «исторический регресс» и пр., которые активно обсуждались в тот период на страницах исторических изданий [см.: 8, 13, 15].

Ведущими научными сотрудниками ИИАЭ ДВО РАН в середине 1990-х годов была предпринята попытка создания новой концепции понимания и изучения истории Дальнего Востока. В журнале «Россия и АТР» (1995. № 2) были опубликованы статьи д.и.н. Н.В. Кочешкова [16], д.и.н. А.С. Ващук [3], к.и.н. Н.П. Рябченко [21], д.и.н. Б.И. Мухачёва [18], д.и.н. А.Т. Мандрика [17], посвященные данной концепции.

В данных статьях к разряду методологически новых подходов следует отнести новые импульсы взгляда на историю российского Дальнего Востока, помогающие понять всю ее многомерность и противоречивость. Дальнейшее развитие новая концепция получила в работах д.и.н., проф. А.С. Ващук [см.: 1, 2, 4, 5]. В рамках новой концепции иначе стали рассматриваться проблемы ДВР [см.: 17; 19], различные альтернативы становления и развития дальневосточного социализма.

Не менее значимой для историков ИИАЭ в 1990–2000 гг. стала проблема отношения к активно обсуждаемым в российской исторической науке подходам: цивилизационному и формационному. Развернутая критика марксизма привела к тому, что в отечественной исторической науке возобладала точка зрения, что основным в объяснении событий отечественной истории доложен стать цивилизационный подход. Рассматривая два основных подхода в освящении отечественной истории, А.С. Ващук обратила внимание на то, что невозможно вписать историю России в рамки одной цивилизации, что историки по-разному понимают, к какому типу цивилизации необходимо относить Россию: европейской или евразийской. Поэтому она настаивает, что изучать историю России можно и нуж-

но, используя два подхода: и цивилизационный, и формационный [см.: 3; 4]. Помимо этих подходов необходимо, по ее мнению, использовать концепцию модернизации и региональный подход, которые позволяют рассматривать события истории российского Дальнего Востока как часть тех модернизационных процессов, которые проходили в стране в целом, но имели свои региональные особенности.

Наиболее сложной задачей, стоявшей перед директором и коллективом ИИАЭ в 1990–2000 гг., была задача определения основных направлений исторических исследований; в первую очередь это касалось отечественной истории, ибо исследования по всемирной истории, археологии и этнографии в меньшей степени зависели от методологических установок, выработанных в марксистско-ленинской философии.

После распада СССР по инициативе директора В.Л. Ларина в ИИАЭ ДВО РАН произошли структурные изменения: был ликвидирован Отдел теории и практики идеологической работы; созданы ряд новых Центров, в том числе Центр по изучению социально-политических исследований (1994), Центр изучения российской эмиграции (1995) и ряд других.

Анализ публикаций этого периода показывает, что интерес к социально-экономической истории Дальнего Востока упал; на первое место вышло исследование социально-политической проблематики. Это можно объяснить рядом причин. Во-первых, слабой ее разработкой в советской дальневосточной историографии; во-вторых, сменой методологических парадигм. Руководитель Центра социально-политических исследований д.и.н., проф. А.С. Ващук не только сформулировала основные методологические подходы к изучению социально-политической истории Дальневосточного региона [см.: 5; 6], но и создала творческий коллектив, который заметно проявил себя уже в конце 1990-х годов (д.и.н. Е.Н. Чернолуцкая, к.и.н. Ю.Н. Ковалевская (Поповичева), к.и.н. Л.А. Крушанова, к.и.н. Г.Б. Дудченко и др.).

В 1990-е годы сотрудники ИИАЭ обратились к изучению тех социальных слоев, которые не пользовались ранее вниманием историков: предприниматели, дворянство, чиновничество, купечество и особенно казачество (к.и.н. О.И. Сергеев, к.и.н. С.И. Лазарева, к.и.н. Ю.Н. Поповичева и др.).

Одной из новых тем, активно разрабатываемой с 1990-х годов, становится история восточной ветви российской эмиграции. Если в 1990–1991 гг. не было ни одной публикации по истории российской эмиграции, то с 1993 г. данная тематика становится востребованной (табл. 1). К.и.н. О.И. Сергеев, к.и.н. С.И. Лазарева, к.и.н. С.Б. Белоглазова, к.и.н. Н.Л. Горкавенко, к.и.н. Н.П. Гридина, д.и.н. В.Ф. Печерица, к.и.н. Н.А. Василенко и др. сотрудники ИИАЭ рассматривали в своих работах те или иные стороны жизни восточной ветви российской эмиграции, повседневную жизнь русских эмигрантов в Китае, Австралии, США и пр. Создание Центра изучения российской эмиграции говорит о том, что история эмиграции, история рассеяния россиян перестает быть запретной, что история зарубежной России начинает восприниматься как часть отечественной истории.

Еще со времен перестройки в ИИАЭ началось изучение истории православия на Дальнем Востоке. Это и роль православия в культуре Дальнего Востока (д.и.н. А.Р. Артемьев), и история православия в Русской Америке (к.и.н.

С.Б. Белоглазова), и изучение жизни и деятельности православных иерархов (м.н.с. Г.В. Прозорова). Однако эти работы носили фрагментарный характер и не давали полного представления о роли Русской православной церкви в хозяйственном и культурном освоении региона. В настоящее время, помимо истории РПЦ, сотрудники ИИАЭ (д.и.н. С.М. Дударенок, д.и.н. О.П. Федирко) активно занимаются историей религиозных общин Дальнего Востока. За последние пару лет вышло уже три монографии из серии «Религиозная жизнь Дальнего Востока России» [см.: 9, 10, 11].

Одной из приоритетных тем научных исследований в ИИАЭ с 1990-х годов становится проблема миграций, как принудительных, так и добровольных, а также формирование трудовых ресурсов и роль в этом процессе органов власти. Активно занимались данной проблематикой д.и.н. А.С. Ващук, д.и.н. Е.Н. Чернолуцкая, д.и.н. Г.А. Ткачёва, к.и.н. Г.Б. Дудченко и др.

Большая работа в 1990–2000 гг. была проделана по рассекречиванию архивных документов. Наибольший интерес для сотрудников ИИАЭ представляли архивные документы периода сталинских репрессий. Репрессии против различных категорий населения становятся еще одним новым направлением исторических исследований. Репрессии среди вузовских преподавателей исследовал к.и.н. В.Г. Макаренко, в среде крестьянства – к.и.н. Л.И. Проскурина; в рыбной промышленности – д.и.н. А.Т. Мандрик; в целом историю Дальневосточного ГУЛАГа – д.и.н., проф. А.П. Деревянко.

Еще одним новым направлением исторических исследований в ИИАЭ становится так называемая история повседневности, позволяющая пролить дополнительный свет на глубинные, личностно-общественные процессы, протекающие в том или ином обществе. Героями исследования становятся не народы, классы, социальные группы, а «живые» «простые люди» с их обыденными взаимоотношениями, надеждами, разочарованиями, планами, причем на разных ступенях общественной лестницы. С позиций истории повседневности стали изучаться история и культура дальневосточных городов (к.и.н. Т.З. Позняк), жизнь и деятельность российских женщин в Маньчжурии (к.и.н. С.И. Лазарева) и др.

Огромной популярностью среди сотрудников ИИАЭ в 1990–2000 гг. пользовался такой жанр исторических публикаций, как историческая биография [см.: 14]. Были написаны исторические биографии Н.П. Матвеева (д.и.н. Л.И. Галлямова, д.и.н. Л.Я Иващенко); А.И. Крушанова (д.и.н. А.П. Деревянко, д.и.н. Э.В. Ермакова, д.и.н. А.Т. Мандрик, к.и.н. М.А. Патрушева); К.А. Харнского (д.и.н. Е.Ю. Бондренко); В.М. Савича (к.и.н. Е.В. Васильева); В.К. Арсеньева (к.и.н. Л.Я. Иващенко); С.Н. Стебницкого (к.и.н. Л.Я. Иващенко); Л.Н. Иваньева (к.и.н. Н.А. Клюев); В.И. Иохельсона (д.и.н. Н.В. Кочешков); А.М. Краснощекова (д.и.н. Б.И. Мухачёв); С.П. Крашенинникова (к.и.н. В.Н. Чернавская); Б.О. Пилсудского (к.и.н. Т.С. Шульгина) и многих других известных дальневосточников.

Труднейшая задача – сохранить традиции и основной костяк Института в сложный период радикальных реформ, привлечь к работе молодых специалистов, развернуть исследования по новым перспективным направлениям – была В.Л. Лариным в основном успешно решена.

Под его руководством ученые Института стали вести исследования по 5 укрупненным темам, в рамках которых разрабатывалось 14 актуальных научных проблем, в том числе: «Человек на восточном побережье Евразии в условиях традиционного общества»; «Россия и народы Дальнего Востока: опыт цивилизационно-культурного взаимодействия»; «Этнокультурные и демографические процессы на Дальнем Востоке России и в странах АТР»; «Исторический опыт освоения русскими тихоокеанских берегов России»; «Трансформация общества и власти на российском Дальнем Востоке во второй половине XX – начале XXI в.»; «Россия в системе международных отношений и обеспечения безопасности в АТР» и др.

С октября 1992 г. Институт стал издавать свой научный журнал «Россия и АТР», продолжал активно работать редакционно-издательский отдел, аспирантура, докторский совет по четырем специальностям (отечественной и всеобщей истории, археологии и этнографии), был создан Музей археологии и этнографии, в фондах которого более 100 тыс. уникальных экспонатов.

Виктор Лаврентьевич придавал огромное значение развитию научных международных отношений, были установлены связи с 17 университетами и научными организациями Японии, КНР, Республики Корея, США, Франции, Австралии.

За период с 1986 по 2015 г. сотрудниками Института было опубликовано 14.158 научных работ (табл.1). Наибольшее количество работ было посвящено проблемам отечественной истории и истории Дальнего Востока России (3.216 публ.). На втором месте находятся археологи, которые продолжали заниматься проблемами первобытной и средневековой истории Дальнего Востока. изучением истории и культуры государства Бохай и золотой империи Цзинь (2.745 публ.). На третьем месте – этнографы и филологи, которые продолжили научную традицию предыдущего периода и активно занимались изучением быта, культуры и обычаев коренных малочисленных народов Дальнего Востока России (1.879 публ.). Стабильным был интерес к проблемам внешней политики и международным отношениям (1.522 публ.) и всеобщей истории (1.043 публ.). Интерес к проблемам безопасности и международным отношениям возрос в 2011–2015 гг. более чем в два раза (575 публ.) по сравнению с 2005–2010 гг. (236 публ.)

Таблица 1. Публикации сотрудников ИИАЭ ДВО РАН (1971–2015 гг.)
Table 1. Publications of IIAE FEB RAS Staff (1971-2015)

	1971–1985	1986–1995	1996–2000	2001–2005	2006–2010	2011–2015	Итого
Коллективные работы	189	10					199
Философия. Социология	49	60	8			32	149
Истрия КПСС	34						34
Идеологическая работа	226						226
Отечественная история	739	796	486	504	599	831	3.955
Российская эмиграция в странах АТР			97	31	26		154
Историография и источниковедение			39	53	100	100	292

История международных отношений	202	345	217	150	236	574	1.724
История зарубежных стран	574	394	131	180	171	167	1.617
Археология	316	516	406	593	610	620	3.061
Этнография. Филология	445	339	329	338	452	421	2.324
Учебные и справочные издания		19	52	41	37	42	191
Научно-популярные публикации	126	106					232
ИТОГО:	2.900	2.585	1.765	1.890	2.231	2.787	14.158

Подсчитано автором на основе библиографических указателей, издаваемых ИИАЭ [см.: 22; 23; 24; 25; 26; 27].

Наиболее значимыми публикациями для историков всегда были индивидуальные и коллективные монографии, которые позволяют не только поставить научную проблему, но и решить ее.

В 1986–2015 гг. сотрудниками ИИАЭ ДВО РАН было опубликовано **440** монографий: **133** монографии по отечественной истории и истории Дальнего Востока; **116** – археологии; **89** – этнологии и филологии **47** – внешней политике и международным отношениям; **39** – всеобщей истории; **14** – историографии и источниковедению; **5** – истории российской эмиграции и **8** – по философии.

Таблица 2 Монографии сотрудников и соискателей ИИАЭ ДВО РАН (1971–2015 гг.)

Table 2. Monographs by staff members and graduate students of the Institute of IIAE FEB RAS (1971-2015).

	1971–1985	1986–1995	1996–2000	2001–2005	2006–2010	2011–2015	Итого
Философия. Социология	1	4				3	8
Отечественная история	38	31	16	31	35	20	171
Российская эмиграция в странах АТР			3	2			5
Историография и источниковедение	2	5		4	4	1	16
История международных отношений		10	14	3	6	14	47
История зарубежных стран	8	11	9	7	11	1	47
Археология	4	12	11	20	35	28	110
Этнография. Филология	8	22	18	14	20	15	97
ИТОГО:	61	95	71	81	111	82	501

Подсчитано автором на основе библиографических указателей, издаваемых ИИАЭ [см.: 22; 23; 24; 25; 26; 27].

Особое значение в исторических исследованиях всегда занимали и занимают диссертационные исследования. Диссертация как научно-исследовательская работа является определенной вехой в деятельности любого историка. За период своего существования сотрудниками ИИАЭ и в диссертационных советах ИИАЭ ДВО РАН было защищено 43 докторских и 314 кандидатских диссертаций (табл. 3, 4).

Таблица 3. Докторские и кандидатские диссертации, защищенные сотрудниками и в диссертационных советах ИИАЭ ДВО РАН

Table 3. Doctoral and Ph.D. theses defended by staff members and in the dissertation councils of the Institute of IIAE FEB RAS

	1971–1985	1986–1995	1996–2000	2001–2005	2006–2010	2011–2015	2016–2020	Итого
Докторские диссертации	8	10	12	7	4	2		43
Кандидатские диссертации	122	56	30	52	46	6	2	314
ИТОГО:	130	66	42	59	50	8	2	357

Таблица 4 Тематика диссертационных работ, защищенных сотрудниками и в диссертационных советах ИИАЭ ДВО РАН

Table 4. Topics of dissertations defended by employees and in dissertation councils of the IIAE FEB RAS

	Количество диссертационных работ	
	Число	в %
Отечественная история. Социальная и политическая история Дальнего Востока России	129	36,13%
История промышленности и сельского хозяйства Дальнего Востока России; история рабочего класса и крестьянства	39	10,92%
Археология	40	11,20%
Этнография	34	9,52%
Культура Дальнего Востока России и сопредельных стран	42	11,76%
История международных отношений	36	10,08%
Всеобщая история	24	6,72%
Философия	5	1,40%
Филология, педагогика	8	2,24%
ИТОГО:	357	100%

Подсчитано автором на основе библиографических указателей, издаваемых ИИАЭ [см.: 22; 23; 24; 25; 26; 27] и авторефератов диссертаций

Одним из показателей научной активности историков были и остаются научные конференции. Участие в конференции дает не только возможность пообщаться с коллегами и поучаствовать в дискуссии, но и поделиться своими научными достижениями и результатами. Без подобного общения историк становится «историком сам для себя», он не может получить квалифицированную оценку результатов своего труда.

За период с 1971 по 2020 г. Институт выступил организатором и соорганизатором 417 научных мероприятий, 141 из них – международного уровня.

Таблица 5 Конференции, проведенные ИИАЭ ДВО РАН (1971–2020 гг.)
Table 5. Conferences held by the IIAE FEB RAS (1971-2020)

	1971–1985	1986–1995	1996–2000	2001–2005	2006–2010	2011–2015	2016–2020	Итого
Международные	1	17	16	27	25	19	36	141
Всероссийские (всесоюзные)	1		1	1	8	1	9	21
Региональные	23	23	12	11	8	3	9	89
Институтские	31	20	7	4	6	5	27	100
Круглый стол			6	1	15	18	26	66
ИТОГО:	56	60	42	44	62	46	107	417

Подсчитано автором на основе библиографических указателей, издаваемых ИИАЭ [см.: 22; 23; 24; 25; 26; 27] и годовых научных отчетов ИИАЭ ДВО РАН.

С 2018 г. ИИАЭ ДВО РАН возглавляет чл.-корр. РАН **Николай Николаевич Крадин**, который стремится не только продолжить и развить традиции, заложенные его предшественниками, но и вывести Институт на новые высоты. Научные достижения Института – это результат совместных усилий всех его сотрудников от директора до младшего научного сотрудника и лаборанта.

Сегодня в структурных подразделениях Института работают **92** научных сотрудника, 58,7% (54) из них – доктора и кандидаты наук.

В последние пять лет ученые Института вели исследования по 6 укрупненным темам: «Традиционные культуры российского Дальнего Востока в историко-культурном ландшафте Азиатско-Тихоокеанского региона»; «Историко-культурные ландшафты островной и прибрежной зон Северной Пасифики»; «Археология и история юга Дальнего Востока России и смежных зон Азии в древности и средневековье»; «Трансформация общества и власти на российском Дальнем Востоке во второй половине XX – начале XXI в.»; «Тихоокеанская Россия: исторические модели освоения, место региона в общероссийском и восточноазиатском цивилизационном пространстве»; «Россия в планах и политике стран Северной Пасифики в контексте современных проектов евразийской интеграции и новой геополитической ситуации в зоне Тихоокеанской Азии».

В рамках этих тем разрабатывались ряд актуальных научных проблем и проектов, в том числе такие проекты, как: «Экономическая, социокультурная, политическая и гуманитарная безопасность Тихоокеанской России в национальном

и международном контекстах»; «Приграничные регионы Дальнего Востока в условиях быстрых социальных изменений 1987–2017 гг.: опыт развития и обеспечения безопасности»; «Малая Восточная Азия на Дальнем Востоке России: исторический опыт и современные проблемы этнокультурного сосуществования россиян и мигрантов из Восточной Азии»; «Влияние региональной политики на международную интеграцию периферийных территорий (на примере стран Северо-Восточной Азии)»; «Этномиграционные процессы в Приморье в XX – начале XXI в.»; «Социально-политическая безопасность Дальнего Востока России в XX – начале XXI в.»; «Политико-административные проблемы управления ускоренным развитием: история особых экономических зон на Дальнем Востоке России»; «Городища и крепости Дальнего Востока (Приморье, Приамурье)» и др. В результате активизировалась публикационная активность сотрудников ИИАЭ.

В конце 2020 г. Ученным советом ИИАЭ ДВО РАН были определены новые укрупненные темы исследований для различных структурных подразделений Института. Как и в предыдущий период, данные темы позволять выделить наиболее значимые и актуальные научные проблемы, на решение которых будет направлена деятельность научных сотрудников. За последние пять лет (2016–2020) научными сотрудниками ИИАЭ было опубликовано 2.261 научная публикация, из них 33 монографии и 206 публикаций, изданных за рубежом.

Институт осуществляет многоплановое сотрудничество (проведение совместных научных исследований и конференций, подготовка кадров высшей квалификации, стажировки научных сотрудников и преподавателей и др.) с вузами Приморского края и Дальневосточного региона. Помимо руководства научно-исследовательской работой студентов и магистрантов, сотрудники Института проводили и проводят археологические практики для студентов ДВФУ гуманитарных дисциплин, являлись председателями ГАК и ГЭК. Более трети научных сотрудников Института преподают в вузах: ДВФУ, МГУ им. Невельского, ВГУЭС, ДВГАИ, СахГу, где читают учебные дисциплины и оригинальные курсы по гуманитарным специальностям.

Кроме вузов, ИИАЭ ДВО РАН активно сотрудничает со школами (школа-интернат им. Дубинина), гимназиями (гимназия № 1), учреждениями дополнительного образования. Сотрудники Института участвуют в качестве организаторов, членов жюри, модераторов секций на конкурсах, олимпиадах, школьных конференциях.

Активно сотрудничает ИИАЭ с органами государственной власти. Это сотрудничество осуществляется путем проведения семинаров, научных экспертиз, консультаций, ситуационных анализов, систематической подготовки справок, докладов, информационно-аналитических бюллетеней об изменениях международной обстановки в АТР, политической, экономической, этнической, культурной ситуации на российском Дальнем Востоке, на смежных территориях Северо-Восточной Азии и др.

ИИАЭ имеет четыре периодических издания. С октября 1992 г. издается научный журнал «Россия и АТР» (главный редактор – акад. РАН, д.и.н., проф. В.Л. Ларин). На страницах журнала освещаются проблемы истории, археологии и этнографии, культуры, политики и международных отношений, связанные с

Дальним Востоком России и сопредельными странами Азиатско-Тихоокеанского региона. Миссия журнала – объединять исследователей вокруг наиболее важных проблем прошлого и настоящего этой наиболее динамично развивающейся части мира.

В 2019 г. было возобновлено издание информационно-аналитического бюллетеня «У карты Тихого океана» (главный редактор – акад. РАН, д.и.н., проф. В.Л. Ларин). Бюллетень издавался с 1974 по 1991 г. Цель издания – научно-информационное обеспечение мероприятий правительства РФ и региональных властей Дальнего Востока по интеграции России в АТР.

«Труды Института истории, археологии и этнографии ДВО РАН» (главный редактор – чл.-корр. РАН, д.и.н., директор ИИАЭ ДВО РАН Н.Н. Крадин) основаны в 1959 г. под первоначальным названием «Труды Отдела истории и археологии Дальневосточного филиала Сибирского отделения Академии наук СССР». С 2018 г. издание выходит 4 раза в год как регулярное научное рецензируемое издание.

Научный журнал «Мультидисциплинарные исследования в археологии» (главный редактор – чл.-корр. РАН, д.и.н., директор ИИАЭ ДВО РАН Н.Н. Крадин) создан на основе продолжающегося издания с одноименным названием, выпускавшегося в 2014–2017 гг. На страницах журнала освещаются проблемы мультидисциплинарных исследований в археологии не только Дальнего Востока и Сибири, но и более широких территорий, включая Северную и Северо-Восточную Азию. Целью создания журнала является консолидация усилий исследователей в изучении истории человечества с использованием методов и достижений разных областей знаний.

Институт развивает международные связи с 17 университетами и научными организациями Японии, Республики Корея, КНР, США, Франции, Австралии, Тайваня, Сингапура и других стран. Среди совместных проектов – международные конференции, археологические и этнографические экспедиции, стажировки специалистов, совместные публикации, обмен изданиями и пр.

В истории становления и развития дальневосточной академической исторической науки воедино слились прошлое, настоящее и будущее.

Становления дальневосточной академической исторической науки началось в Отделе истории и археологии Дальневосточного филиала СО АН СССР, продолжилось в ИИАЭ ДВНЦ АН СССР и ИИАЭ ДВО АН СССР, и продолжает развиваться в Институте истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН.

Мы благодарны прошлому, в котором закладывались традиции дальневосточной академической исторической науки. Мы благодарны настоящему, которое дало могучий импульс развитию исторического знания и исторической науке. Мы входим в будущее с большим потенциалом в области научной и просветительской деятельности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ващук А.С. Актуальные проблемы изучения социальной истории // Россия и АТР. – 2006. – № 2. – С. 22-40.
2. Ващук А.С. Главные задачи историков: направления и результаты иссле-

дований отечественной истории // Россия и АТР. – 1996. – № 2. – С. 16-24.
3. Ващук А.С. Двумя методами: Изучать прошлое – цивилизационным и формационным: Концепции развития российского общества // Россия и АТР. – 1995. – № 2. – С. 6-12.
4. Ващук А.С. История Дальнего Востока в советский период: концепции 60–90-х годов // Вестник ДВО РАН. – 1996. – № 2. – С. 12-23.
5. Ващук А.С. Научные поиски: Аналитико-библиографический обзор // Россия и АТР. – 2011. – № 2. – С. 74–95.
6. Ващук А.С. Социальная политика в СССР и ее реализация на Дальнем Востоке (середина 40–80-х годов XX в.). – Владивосток: Дальнаука, 1998. – 212 с.
7. Гречко П.К. О сознании, истине и лжи в истории // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Сер.: История, философия. – 1993. – № 1. – С. 3-29.
8. Дезер М. Крайности истории и крайности историков // Крайности истории и крайности историков?: Сб. ст. – М., 1997. – 279 с.
9. Дударенок С.М., Федирко О.П. [и др.] История евангельских христиан-баптистов Дальнего Востока России в XIX–XX вв.: Монография / Отв. ред. С.М. Дударенок, О.П. Федирко, М.С. Чернявский [Религиозная жизнь Дальнего Востока России] ИИАЭ ДВО РАН. – СПб., Реноме, 2021. – 544 с.
10. Дударенок С.М., Федирко О.П. [и др.] История христиан веры евангельской (пятидесятников) Дальнего Востока России (1920-е – конец 1980-х гг.): Монография / Под ред. О.П. Федирко (отв. ред.), С.М. Дударенок, А.Г. Устинова [и др.] [Религиозная жизнь Дальнего Востока России] – М.: Терция, 2018. – 464 с.
11. Дударенок С.М., Федирко О.П. Церковь христиан адвентистов седьмого дня Дальнего Востока России (1910–1990-е гг.): Монография / Под ред. С.М. Дударенок (отв. ред.) [Религиозная жизнь Дальнего Востока России] ИИАЭ ДВО РАН – М.: Терция, 2019. – 472 с.
12. Институту истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока – 40 лет // Россия и АТР. – 2011. – № 2. – С. 5-7.
13. Искендеров А.А. Историческая наука на пороге XXI века // Вопросы истории. – 1996. – № 4. – С. 3-31.
14. История Дальнего Востока в лицах. Забытые имена. Вып. 1: Ст. и очерки / Редкол.: И.Г. Стрюченко (отв. ред.), С.Б. Белоглазова, Г.И Суббот. – Владивосток: Дальнаука, 1994. – 182 с.
15. Дискуссия о методологических поисках в современной исторической науке // Новая и новейшая история. – 1996. – № 3. – С. 75-90.
16. Кочешков Н.В. Об итогах конкурса: К вопросу о создании новой концепции исторического процесса на Дальнем Востоке России 1917–1991 гг. // Россия и АТР. – 1995. – № 2. – С. 5-6.
17. Мандрик А.Т. На марксистских догмах…: Строительство «государственного социализма» на Дальнем Востоке России в 1920–1930-е годы XX столетия // Россия и АТР. – 1995. – № 2. – С. 27-31.
18. Мухачёв Б.И. «Белые пятна» Красного октября // Россия и АТР. – 1995. – № 2. – С. 21-26.

19. Мухачёв Б.И. Правда истории: Дальневосточная республика и борьба с интервенцией на Дальнем Востоке // Россия и АТР. – 1992. – № 1. – С. 11-22.
20. Поляков Ю.А. Наше непредсказуемое прошлое. – М., 1995. – 215 с.
21. Рябченко Н.П. Россия, Дальний Восток и «социализм» // Россия и АТР. – 1995. – № 2. – С. 12-20.
22. Труды Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВНЦ АН СССР. 1971–1985 гг. – Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1986. – 294 с.
23. Труды Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. 1986–1995 гг.: Библиогр. указ. – Владивосток: Даль-наука, 1996. – 204 с.
24. Труды Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. 1996–2000 гг.: Библиогр. указ. – Владивосток: Даль-наука, 2001. – 172 с.
25. Труды Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. 2000–2005 гг.: Библиогр. указ. – Владивосток: Даль-наука, 2006. – 212 с.
26. Труды Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. 2006–2010 гг.: Библиогр. указ. – Владивосток: Даль-наука, 2011. – 288 с.
27. Труды Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. 2011–2015 гг.: Библиогр. указ. – Владивосток: Даль-наука, 2017. – 336 с.

REFERENCES

1. Vashchuk A.S. Aktual'nye problemy izucheniya social'noj istorii [Actual problems of studying social history]. Rossiya i ATR. 2006. №2. P. 22-40.
2. Vashchuk A.S. Glavnye zadachi istorikov: Napravleniya i rezul'taty issledovanij otechestvennoj istorii [The main tasks of historians: Directions and results of research of domestic history]. Rossiya i ATR. 1996. № 2. P. 16-24.
3. Vashchuk A.S. Dvumya metodami: Izuchat' proshloe – civilizacionnym i formacionnym: Koncepcii razvitiya rossijskogo obshchestva [Two methods: To study the past - civilizational and formal: Concepts of the development of Russian society]. Rossiya i ATR. 1995. № 2. P. 6-12.
4. Vashchuk A.S. Istoriya Dal'nego Vostoka v sovetskij period: koncepcii 60-90-h godov [History of the Far East in the Soviet period: the concepts of the 60-90s]. Vestnik DVO RAN. 1996. № 2. P.. 12-23.
5. Vashchuk A.S. Nauchnye poiski: Analitiko-bibliograficheskij obzor [Scientific Searches: Analyst-Bibliographic Review].Rossiya i ATR. 2011. № 2. P.. 74–95.
6. Vashchuk A.S. Social'naya politika v SSSR i ee realizaciya na Dal'nem Vostoke (seredina 40 – 80-h godov XX v.) [Social policy in the USSR and its implementation in the Far East (mid 40- 80s of the 20th century)]. Vladivostok: Dal'nauka, 1998. 212 p.
7. Grechko P.K. O soznanii, istine i lzhi v istorii [On consciousness, truth and lies in history]. Vestnik Rossijskogo un-ta druzhby narodov. Ser.: Istoriya, filosofiya. 1993. № 1. P. 3-29.

8. Dezer M. Krajnosti istorii i krajnosti istorikov [Extremes of History and Extremes of Historians]. Krajnosti istorii i krajnosti istorikov?: Sb. st. M., 1997. 279 p.
9. Dudarenok S.M., Fedirko O.P. i dr. Istoriya evangel'skih hristian-baptistov Dal'nego Vostoka Rossii v XIX–XX vv. [The history of evangelical Baptist Christians of the Far East of Russia in the 19th and 20th centuries]. Monografiya, Otv. red. Dudarenok S.M., Fedirko O.P., Chernyavskij M.S. [Religioznaya zhizn' Dal'nego Vostoka Rossii]. IIAE DVO RAN, SPb, Renome, 2021. 544 p.
10. Dudarenok S.M., Fedirko O.P. i dr. Istoriya hristian very evangel'skoj (pyatidesyatnikov) Dal'nego Vostoka Rossii (1920-e- konec 1980-h gg.) [The history of evangelical Baptist Christians of the Far East of Russia in the 19th and 20th centuries]: monografiya. Pod redakciej: Fedirko O.P. (otv. redaktor), Dudarenok S.M, Ustinova A.G. i dr. [Religioznaya zhizn' Dal'nego Vostoka Rossii] M.: Terciya, 2018. 464 p.
11. Dudarenok S.M., Fedirko O.P. Cerkov' hristian adventistov sed'mogo dnya Dal'nego Vostoka Rossii (1910-1990-e gg.) [Church of Seventh-day Christians of the Seventh East of Russia (1910-1990s)]: monografiya. Pod redakciej: Dudarenok S.M. (otv. redaktor) [Religioznaya zhizn' Dal'nego Vostoka Rossii] IIAE DVO RAN, M.: Terciya, 2019. 472 p.
12. Institutu istorii, arheologii i etnografii narodov Dal'nego Vostoka – 40 let [The Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East - 40 years].Rossiya i ATR. 2011. № 2. P. 5-7.
13. Iskenderov A.A. Istoricheskaya nauka na poroge XXI veka [Historical Science on the eve of the 21st century]. Voprosy istorii. 1996. № 4. P. 3-31.
14. Istoriya Dal'nego Vostoka v licah. Zabytye imena. Vyp. 1: St. i ocherki [The history of the Far East in the faces. Forgotten names. Vol. 1: St. and essays], Redkol.: I.G. Stryuchenko (otv. red.), S.B. Beloglazova, G.I Subbot. Vladivostok: Dal'nauka, 1994. 182 p.
15. Diskussiya o metodologicheskih poiskah v sovremennoj istoricheskoj nauke [Discussion about methodological search in modern historical science]. Novaya i novejshaya istoriya. 1996. № 3. P. 75-90.
16. Kocheshkov N.V. Ob itogah konkursa: K voprosu o sozdanii novoj koncepcii istoricheskogo processa na Dal'nem Vostoke Rossii 1917-1991 g. [On the results of the competition: To the question of creating a new concept of the historical process in the Far East of Russia 1917-1991]. Rossiya i ATR. 1995. № 2. P. 5-6.
17. Mandrik A.T. Na marksistskih dogmah…: Stroitel'stvo «gosudarstvennogo socializma» na Dal'nem Vostoke Rossii v 1920-1930-e gody XX stoletiya [On Marxist dogmas...: Construction of "state socialism" in the Russian Far East in the 1920s and 1930s of the 20th century]. Rossiya i ATR. 1995. № 2. S. 27-31.
18. Muhachyov B.I. «Belye pyatna» Krasnogo oktyabrya ["White Spots" of October]. Rossiya i ATR. 1995. № 2. P. 21-26.
19. Muhachyov B.I. Pravda istorii: Dal'nevostochnaya respublika i bor'ba s intervenciej na Dal'nem Vostoke [True of history: Far Eastern republic and the fight against intervention in the Far East]. Rossiya i ATR. 1992. № 1. P. 11-22
20. Polyakov Yu.A. Nashe nepredskazuemoe proshloe [Our unpredictable past]. M., 1995. 215 p.
21. Ryabchenko N.P. Rossiya, Dal'nij Vostok i «socializm» [Russia, Far East and "socialism"]. Rossiya i ATR. 1995. № 2. P. 12-20.
22. Trudy Instituta istorii, arheologii i etnografii narodov Dal'nego Vostoka DVNC AN SSSR. 1971-1985 gg. [Works of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the peoples of the Far East of the Soviet Union. 1971-1985]. Vladivostok: DVNC AN SSSR, 1986. 294 p.

23. Trudy Instituta istorii, arheologii i etnografii narodov Dal'nego Vostoka DVO RAN. 1986-1995 gg. [Works of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East IHAE FEB RAS. 1986-1995]: Bibliogr. ukaz. Vladivostok: Dal'nauka, 1996. 204 p.
24. Trudy Instituta istorii, arheologii i etnografii narodov Dal'nego Vostoka DVO RAN. 1996-2000 gg. [Works of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East IHAE FEB RAS. 1996-2000]: Bibliogr. ukaz. Vladivostok: Dal'nauka, 2001. 172 p.
25. Trudy Instituta istorii, arheologii i etnografii narodov Dal'nego Vostoka DVO RAN. 2000-2005 gg. [Works of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East IHAE FEB RAS. 2000-2005]: Bibliogr. ukaz. Vladivostok: Dal'nauka, 2006. 212 p.
26. Trudy Instituta istorii, arheologii i etnografii narodov Dal'nego Vostoka DVO RAN. 2006-2010 gg. [Works of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East IHAE FEB RAS. 2006-2010]: Bibliogr. ukaz. Vladivostok: Dal'nauka, 2011. 288 p.
27. Trudy Instituta istorii, arheologii i etnografii narodov Dal'nego Vostoka DVO RAN. 2011-2015 gg. [Works of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East IHAE FEB RAS. 2011-2015]: Bibliogr. ukaz. Vladivostok: Dal'nauka, 2017. 336 p.

Информация об авторе: Дударенок Светлана Михайловна, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. Г. Владивосток, Россия
dudarenoksv@gmail.com

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи

Information about the author: Dudarenok Svetlana Mikhailovna, Doctor of Historical Sciences, professor, lead researcher of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the peoples of the Far East TWO RAS Vladivostok, Russia
dudarenoksv@gmail. com

The author read and approved the final version of the manuscript

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 20.03.2021
Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 16.04.2021
Принята к публикации / Accepted for publication: 25.04.2021

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов./ The author declares no conflicts of interests

© Дударенок С.М. 2021
© «ИСОМ». 2021

CC BY

Отечественная история
National History

Научная статья

DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-2-87-98
УДК 93/94

ДОПРИЗЫВНАЯ ПОДГОТОВКА УЧАЩИХСЯ СРЕДНИХ ШКОЛ СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

КАЙТУКОВ Георгий Борисович
Северо-Осетинский государственный университет
имени Коста Левановича Хетагурова
г. Владикавказ, Россия
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-6680-1183
e-mail: kaitukovgeorgy@yandex.ru

Введение. На всех уровнях идет поиск новой модели военно-патриотического воспитания. Учитывая, что срок действительной военной службы составляет 1 год, необходимость военного обучения в школах, гимназиях, колледжах становится весьма важной и значимой. С этим связана актуальность темы военно-патриотического воспитания на разных этапах истории России.
Целью данной статьи, являющейся частью диссертационного исследования автора, является анализ форм и методов военно-патриотического воспитания школьников и допризывной подготовки в средних учебных заведениях Северной Осетии в годы Великой Отечественной войны.
Материалы и методы. Историографический анализ проблемы позволяет заключить, что проблемы военной допризывной подготовки нашли свое место в трудах историков (Г.П. Шатунова, И.А. Пешкова, Е.В. Молокова, Л.П. Реутовой, Ю.И. Журавлева и др.). Исследователи анализируют оборонно-массовую работу партийно-государственных органов в годы войны, изучают вневойсковые методы подготовки населения, реконструируют виды и формы работы.
Историки анализируют многие аспекты большой проблемы по разным регионам страны (П.А. Мухаметов, Е.В. Банзаракцаева, С.В. Суханов, В.А. Петьков и др.). Это стало возможно благодаря введению в научный оборот большого корпуса новых архивных документов. Были установлены общие закономерности проведения всевобуча и его проявления в регионах.
Вместе с тем на материалах Северной Осетии данная тема не стала предметом научного изучения.
Основными общенаучными методами являются метод историзма и объективности. В работе были использованы междисциплинарные подходы, которые позволили глубже вскрыть сущность изучаемых процессов. Историко-сравнительный метод дал возможность сопоставить процессы в военно-спортивной подготовке кануна войны с ходом реализации программы военного обучения в годы войны. Историко-хронологический метод применялся при

рассмотрении процесса допризывной подготовки на разных этапах войны. Методы этнографии дали возможность остановиться на специфике военного воспитания, характерной для региона.
Результаты исследования. Анализ источниковой базы и имеющейся историографии по вопросу военного воспитания в школах дает возможность определить методы проведения занятий по допризывной подготовке на территории Северной Осетии. Также предпринята попытка дать анализ форм военной подготовки школьной молодежи к службе в армии, к оказанию первой медицинской помощи. Кроме военного обучения упор делался на воспитание патриота, способного любить свою Родину и защитить ее от неприятеля. Внимание уделено также институту школьных военных руководителей (военруков) и их роли в деле допризывной подготовки.

Ключевые слова: школа, война, ученик, военная подготовка, нормы ГТО, сандружинницы

Для цитирования: Кайтуков Г.Б. Допризывная подготовка учащихся средних школ Северной Осетии в годы Великой Отечественной Войны. // *Историческая и социально-образовательная мысль.* 2021. Том. 13. № 2. с. 00-00
DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-2-00-00

Original article

PRE-CONSCRIPTION TRAINING OF SECONDARY SCHOOL STUDENTS IN NORTH OSSETIA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Georgy B. KAITUKOV
Kosta Khetagurov North Ossetian State University
Vladikavkaz, Russia
kaitukovgeorgy@yandex.ru
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-6680-1183

Introduction. At all levels, there is a search for a new model of military-patriotic education; given that the period of active military service is 1 year, the need for military training in schools, gymnasiums, colleges becomes very important and significant. This is related to the relevance of the topic of military-patriotic education at different stages of the history of Russia.
The purpose of this article, which is part of the author's dissertation research, is to analyze the forms and methods of military-patriotic education of schoolchildren and pre-conscription training in educational institutions of North Ossetia during the Great Patriotic War.
Materials and methods. Historiographical analysis of the problem allows us to conclude that the problems of military pre-conscription training have found their place in the works of historians (Shatunova G.P., Peshkova I.A., Molokov E.V., Reutova L.P., Zhuravlev Yu.I., etc.). Researchers analyze the mass defense work of party and state bodies during the war, study non-military methods of training the population, reconstruct the types and forms of work.

Historians analyze many aspects of the big problem in different regions of the country (Mukhametov P.A., Banzaraktsaeva E.V., Sukhanov S.V., Petkov V.A., etc.). This was made possible by the introduction of a large body of new archival documents into scientific circulation. General patterns of Vsevobuch and its manifestations in the regions were established.
However, based on the materials of North Ossetia, this topic has not become the subject of scientific study.
The main general scientific methods are the method of historicism and objectivity. Interdisciplinary approaches were used in the work, which allowed us to reveal the essence of the studied processes more deeply. The historical and comparative method made it possible to compare the processes in military sports training on the eve of the war with the implementation of the military training program during the war. The historical and chronological method was used when considering the process of pre-conscription training at different stages of the war. The methods of ethnography made it possible to focus on the specifics of military education characteristic of the region.
The results of the study. The analysis of the source base and the available historiography on the issue of military education in schools makes it possible to determine the methods of conducting pre-conscription training classes on the territory of North Ossetia, and an attempt is also made to analyze the forms of military training of school youth for service in the army, for first aid. In addition to military training, the emphasis was placed on the education of a patriot who was able to love his homeland and protect it from the enemy. Attention is also paid to the institute of the school military leader (military instructors) and their role in pre-conscription training.

Keywords*:* school, war, student, military training, TRP standards, sandruzhinnitsy

For citation: Kaitukov G.B. Pre-conscription training of secondary school students in North Ossetia during the Great Patriotic War. *Historical and Social-Educational Idea.* 2021. Vol. 13. No.2. PP. 00-00 . (In Russ.).
DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-2-00-00

Введение

Готовность гражданина России к защите своей Родины является священным долгом. Чтобы быть готовым на деле отстоять завоевания своих предшественников, необходимо готовиться к военной службе. Многие десятилетия молодые люди в школах, вузах проходили военную подготовку, получали военно-учетные специальности, необходимые в армии. Такая система остается востребованной и в современных условиях.

Целью статьи является анализ форм и методов военно-патриотического воспитания школьников и допризывной подготовки в учебных заведениях Северной Осетии в годы Великой Отечественной войны.

Результаты исследования

Осложнение международной ситуации в 1930-е годы вело к необходимости милитаризации жизни во многих странах. Перед советской властью также стояла

проблема подготовки граждан страны к возможной войне. С этой целью повсеместно вводился военный всеобуч, в том числе в школьные программы.

В штаты многих школ была введена должность военрука. Военруки (военные руководители) проводили факультативы в 8–10-х классах, обучая школьников азам военного дела (метание гранат, стрельба, рытье окопов, определение расстояния до цели, выбор огневой позиции, ориентирование на местности и т.д.). Нередко эти занятия носили формальный характер, так как военруки сами давно не имели связи с кадровой армией, кроме того остро не хватало учебных, наглядных пособий.

В планы первого военного учебного года сразу были внесены изменения с учетом сложившейся тяжелой ситуации. Большое внимание уделялось военному обучению школьников, осуществляемому в соответствии с Постановлением ГКО СССР и указанием Главного управления Всевобуча НКО СССР (ГУВВО). Накануне начала 1941–1942 учебного года СНК СССР приняло Постановление «Об усилении военной и физической подготовки в 8–10 классах средних школ», в соответствии с которым все учебные заведения страны перешли к организации военно-допризывной подготовки по 110-часовой программе, рассчитанной на учащихся старших классов. Местные партийно-советские органы с первых дней войны занимались перестройкой школьной работы, хотя опыт в этой области был незначительным: «Обратить особое внимание учителей на введение на уроках элементов оборонного характера, обеспечивая воспитание у учащихся чувства патриотизма, любви к Родине, готовность в любую минуту защищать свою страну. Не позднее 15 октября закончить с учащимися прохождение программы по нормам ПВО и ПВХО» [1, л. 18].

Программа включала в себя комплекс мероприятий военно-прикладного характера (кроссы, стрельба по мишени, метание гарант, бег с препятствиями). Военруки обучали подростков пользоваться средствами индивидуальной защиты, оказывать первую медицинскую помощь, оборудовать убежища. По решению Северо-Осетинского обкома ВКП (б) в декабре 1941 г. в школах республики был определен один полный день военной подготовки [1, л. 26]. Школьники не только постигали теоретические навыки военного дела, но и совершали длительные переходы по пересеченной местности, овладевали горными видами спорта, в ходе которых формировались простейшие навыки выносливости и способность принимать решения в нештатных ситуациях. Кроме того, школьники обучались методам оповещения населения в случае авианалета или применения химического оружия, знали виды и формы светомаскировки и т.д. [2, с. 199].

В школах были организованы учебные пункты, с 10 января 1942 г. подобран начальствующий состав, командирская учеба проводилась регулярно один раз в неделю. Орджоникидзевский (Владикавказский) комитет обороны держал ситуацию с организацией военного дела на постоянном контроле: «…а) не позднее 5 февраля 1942 г. оборудовать военно-учебные пункты, обеспечив их необходимой учебной базой и наглядными пособиями; б) добиться 100% посещаемости военных занятий учащимися, привлекая к строгой ответственности за каждый случай нарушения советско-воинской дисциплины; в) организовать на учебных пунктах систематическое проведение политмассовой работы, направив ее на укрепление дисциплины среди учащихся и преподавательского состава» [3, л. 26].

Физическая подготовка сопровождалась патриотическим воспитанием: на занятиях подростки знакомились с наиболее героическими страницами истории

РККА, изучали биографии и военный гений выдающихся полководцев и военачальников страны.

Первый учебный год выявил слабые места в организации допризывной подготовки. Как правило, преподавали основы военно-физической подготовки учительницы и только в редких случаях – представители военкомата. Это было связано с тем, что по мобилизации практически все военруки школ были направлены в действующую армию. Вторым препятствием в усвоении военных навыков стала хроническая нехватка учебного оружия и наглядных пособий. ЦС Осоавиахима СО АССР сам располагал небольшими учебными резервами и мог лишь штучно выделить наглядные пособия и единицы учебных гранат и винтовок.

По результатам первого военного учебного года начальную военную подготовку прошли свыше 3,5 тыс. мальчиков и девочек [4, с. 49]. В том же году из учебных заведений в РККА в ФЗО было мобилизовано 1010 человек.

Для усиления подготовки будущих воинов РККА в 1942–1943 учебном году в учебные планы был включен новый предмет – «Военное дело». Каждая ступень образования имела свои задачи в реализации навыков военной подготовки: начальная школа (1–4-е классы) должна была овладеть военно-физической подготовкой в объеме 850 часов; остальные (5–10-е классы) в том же объеме занимались допризывной подготовкой [5]. Девочки постигали азы оказания первой медицинской помощи, изучали радиодело.

Благодаря введению этой дисциплины РККА регулярно пополнялась бойцами из резерва, способных и знающих начатки военного дела. Да и сама школа получила определенные положительные результаты в усилении дисциплины, большой сознательности и т.д.

Такой подход к военной подготовке школьников был ориентирован на воспитание стойкого и выносливого поколения, физически и духовно готового защищать свою Родину. Примеров самоотверженности молодежи очень много: в рядах партизан Осетии были 14-15-летние подростки, которые ходили в разведку, принося нужную информацию; девочки того же возраста оказывали медицинскую помощь в госпиталях, размещенных в г. Орджоникидзе; когда же город подвергся авианалетам противника и появились первые жертвы, эти подростки, рискуя собственной жизнью, спасали десятки пострадавших. Немало было бойцов строительных батальонов, которые участвовали в создании системы оборонительных рубежей в Северной Осетии. Воспитанные в духе верности своему Отечеству, пионеры давали торжественное обещание: «Я всем сердцем ненавижу фашистских захватчиков и буду неустанно готовить себя к защите Родины…» [6].

Подготовка к новому 1942–1943 учебному году в школах Северо-Осетинской АССР проходила в сложной обстановке, когда немецко-фашистские захватчики с боями пробирались на Кавказ. Это создало большую угрозу для региона. 7 августа 1942 г. в Северо-Осетинской АССР, как и в соседних республиках и краях, было объявлено военное положение. После нескольких дней занятий в связи с усложнившейся военной обстановкой занятия в школах прекратились в соответствии с решением Орджоникидзевского (Владикавказского) комитета обороны. Из г. Орджоникидзе началась эвакуация всех детей до 16-летнего возраста [7, л. 16].

В конце октября и в первых числах ноября в связи со временной оккупацией части территории Северо-Осетинской АССР занятия прекратились во всех школах республики и здания на неоккупированной территории были заняты воинскими частями [8, с. 43].

Занятия в школах были возобновлены 15 января 1943 г. Был произведен учет детей школьного возраста. Всего в республике было учтено детей 5–10-х классов 35 130 человек, из которых не посещали школу свыше 8 тыс. по причине отсутствия одежды и обуви, а также занятости в домашнем хозяйстве из-за отсутствия взрослых членов семьи [9, л.5.].

Возвращение к мирной жизни населения Северной Осетии требовало скорейшего восстановления школьной сети и проведение занятий, в том числе по военно-патриотическому воспитанию.

В ноябре 1942 г. при наркомате обороны СССР было создано Управление по военной подготовке учащихся гражданских учебных заведений, которое разработало Программу военно-физической подготовки учащихся начальных и 1–4-х классов неполных средних и средних школ. Еженедельные теоретические занятия имели практическое дополнение в период двухнедельных летних сборов учеников старших классов. В летних лагерях курсанты получали навыки по огневой, строевой подготовке в объеме 120 часов. Занятия проходили в точном соответствии с общеармейским порядком. В период обучения каждый курсант мог сдать нормативы ГТО, ПВХО [10, л. 27].

За работой летних лагерей наблюдали представители военкоматов, которые должны были обеспечить учебу всеми необходимыми средствами, а также проверенными инструкторами [11, л. 16].

Всего за летние месяцы 1943 г. было организовано 17 лагерей, через которые прошли свыше 7 тыс. школьников [12, л. 31].

Большое внимание уделялось военной подготовке девочек. Они посещали курсы телеграфисток, сандружинниц и телеграфисток. Так как специалистов радиодела в республике было мало, многие девочки могли стать сандружинницами.

Анализ отложившегося архивного материала показал, что наилучших показателей добились средние школы № 3, 18, 30 г. Орджоникидзе, школа с. Дарг-Кох, ст. Змейской [13, л. 93].

Школьники обучались основным военным навыкам, среди которых стрельба из автомата, миномета, рытье окопов, многочасовые марш-броски и др. Например, в марте 1943 г. в Алагирском районе республики была проведена военная игра, где апробировались навыки, полученные в ходе обучения в местном отделении Всеобуча [14, л. 47]. По сигналу «Воздушная тревога» любая группа могла привлечь прохожих, оказавшихся в данном районе, чтобы совместными силами очистить улицу от завалов, обрывов проводов, помочь раненным [15, л. 6].

Чтобы показать наглядно, каких успехов добились местные отряды самообороны, регулярно проводились учения. Так, учения апреля 1942 г. показали некоторые ошибки в организации МПВО, и были предложены механизмы их устранения: «Усилить практику проведения воздушных тревог не только днем, но и в ночное время, обучение проводить условными знаками, в проводимых занятиях добиться лучших результатов» [16, л. 10].

В ходе практических занятий становилось понятно, какие формы работы нуждаются в корректировке. Фронт требовал пополнения определенными специалистами: снайперами, пулеметчиками, санитарками и т.д. Поэтому в школах СО АССР произведено пять выпусков, давших фронту 5 тыс. специалистов, дообучившихся в условиях фронта [17, л. 62].

Наряду с проведением занятий по военной подготовке в программу были включены также вопросы политического обучения. Это было важно, так как в ходе проведения таких занятий в сознании граждан складывались морально-

патриотические идеалы, за которые стоило воевать и отдавать жизнь. В 110-часовую программу были включены занятия по истории СССР, лекции по освободительной борьбе народов страны и др. Ежедневно перед началом занятий проходили обязательные политинформации, в каждом сборном пункте выпускались «боевые листки».

Каждый год учащиеся сдавали строгий экзамен по военной подготовке. Например, по итогам экзамена в октябре 1943 г. из 720 человек 629 сдали на «хорошо» и «отлично», остальные – на «удовлетворительно». Кроме того, было организовано 4 марш-броска на 10 км в противогазах. 10 500 чел. за период с начала войны до середины 1943 г. сдали нормы ГСО (Готов к санитарной обороне) [18, л. 15]. Лучшими были названы школы № 2, 22, 6, с. Ногир, с. Эльхотово. В 1944 г. проведены следующие мероприятия:

1) Март-апрель – внутришкольные мероприятия по пятиборью (13 тыс. учащихся);
2) Проведены соревнования по троеборью (20 тыс. учащихся);
3) В Моздокском, Алагирском, Правобережном районах и в г. Дзауджикау проведены спортивные соревнования по бегу, прыжкам и походам, например в Моздокском районе командное первенство оспаривали 30 команд (198 чел.);
4) В зимнем кроссе приняли участие 15,5 тыс. школьников 5–10-х классов;
5) Организованы товарищеские встречи по волейболу и баскетболу;
6) Детская спортивная школа насчитывает 40 учащихся. Работают секции бокса, гимнастики, игровая [19, л. 6].

Наряду с большими успехами в обучении военному делу экзамены показали и определенные недоработки. Во-первых, наблюдатели установили, что учащиеся не всегда могли сочетать движение с ведением огня, не могли определиться с выбором огневой позиции. Это свидетельствовало об отсутствии практических навыков на местности.

Во-вторых, военные руководители и военные преподаватели слабо «владеют методикой преподавания военных дисциплин, что зачастую снижает качество урока и интерес к нему».

В-третьих, большим недостатком в работе школ было отсутствие необходимого табельного имущества и учебного оружия (ППШ, РПД и пулемет «Максим»). У более чем 70% школ имелись штурмовые полосы, спортплощадки, но оборудованы они были не полностью.

В 1943–1944 учебном году военная допризывная подготовка имела некоторые недостатки. Например, учебный план по военной подготовке в школы города был спущен с опозданием на три месяца; в некоторых школах отсутствовали преподаватели военных дисциплин; военные кабинеты были организованы только в 10 городских школах [20, л. 63].

В целях улучшения допризывной подготовки организовывались оборонно-спортивные игры, состязания, походы, эстафеты, конно-стрелковые состязания, в которых сильнейшими оказывались «Ворошиловские всадники» и «Ворошиловские стрелки» школ Дарг-Кохского района республики.

Отметим, что система Всеобуча сыграла исключительно важную роль, дав каждому третьему фронтовику навыки военного дела. Эта работа была результа-

том тесного сотрудничества власти и общества. Так в тяжелейших условиях Великой Отечественной войны решалась проблема обязательной военной подготовки.

Особо следует сказать о военных руководителях школ (военруках), которые осуществляли доармейскую подготовку в школах. В зависимости от вида школы – неполная средняя и средняя школа – кадры военруков подбирались по-разному. Так как учащиеся выпускных классов средних школ подлежали мобилизации в первую очередь, уровень их военной подготовки должен был соответствовать армейской. Поэтому в такие школы назначались специалисты из военкомата, имевшие опыт фронтовой практики [21, с. 125].

Также разным был уровень военной подготовки внутри каждой школы. В младших классах, где требования были не такие жесткие, военное дело преподавали рядовые или младший командный состав. В среднем, и особенно старшем, школьных звеньях военруками были младшие офицеры, иногда даже назначались люди из старшего начсостава. Как правило, за их спиной были полковая школа, военное училище или академия. Такая же серьезная военная подготовка существовала у военруков техникумов, училищ и вузов. Однако, как признают руководители военных отделов при райкомах ВКП (б), некоторые военруки не соответствуют «своему назначению, малограмотные, слабо держали дисциплину учащихся и сами авторитетом среди учащихся не пользовались». Военные отделы совместно с горкомом ВКП (б) приняли ряд мер, направленных на улучшение военной работы в школах. При РК ВКП (б) регулярно проведились специальные совещания с директорами и военруками школ о практике проведения военных занятий, о методике организации Всевобуча со школьниками разных возрастов.

В 1944–1945 учебном году в республике функционировало 221 учебное заведение и 2 педучилища. Учебные заведения укомплектованы военруками недостаточно, о чем свидетельствует данная таблица:

Таблица. Обеспеченность военными кадрами школ СО АССР [22, л. 16]
Provision of military personnel in the schools of the SO ASSR

Типы школ	Количество школ	Военруков	Преподавателей		
			учителей	имеющих пед.образование	имеющих физ. образование
начальная школа	71	18	15	15	3
семилетка	68	58	7	12	-
средняя школа	92	90	3	3	-
педучилища	2	2	1	1	-
Итого	222	168	25	30	3

Из них по военному образованию: офицерский состав – 102 чел. (40%), сержантский состав – 88 чел. (35%), рядовой состав и не имеющие военного образования – 62 чел. (25%); по образованию: высшее и среднее – 173 чел. (69%), незаконченное среднее – 71 чел. (27%) и начальное – 8 чел. (4%).

Недоукомплектованность начальных школ военными руководителями и семилетних школ военными преподавателями физкультуры объясняется, прежде всего, отсутствием должных кадров, и поэтому в этом учебном году было уделено особое внимание подготовке преподавателей физкультуры в школьном педучилище и на педкурсах. В 1943–1944 учебном году выпущено 120 педагогов с правом преподавания для подготовки в 1–4-х классах.

Огневая подготовка – изучение оружия (ППШ, ПТР, РПД) – фактически не выполнена из-за отсутствия такового оружия. Учебные стрельбы из М/К патронов не проведены из-за их отсутствия. По тактической подготовке не выполнен раздел (в сельских школах) тактического обучения в составе взвода из-за отсутствия требуемого количества учащихся в 8–10-х классах [23, л. 4].

Однако в деле военного обучения имелся ряд организационных недостатков, как то: не все учебные пункты оборудованы, не хватало военруков. В целях налаживания нормальной работы в учебных пунктах комитет обороны дал задание Наркомпросу СО АССР в кратчайший срок ликвидировать указанные недостатки в работе всеобуча среди учащихся и не позднее 5 февраля 1942 г. оборудовать военно-учебные пункты, обеспечив их необходимой учебной базой и наглядными пособиями, а также добиться 100% посещаемости военных занятий учащимися, привлекая к строгой ответственности за каждый случай нарушения воинской дисциплины [24, л. 26-27].

В постановлении Орджоникидзевского горкома ВКП (б) предписывалось учителям истории «поставить преподавание истории СССР в школе так, чтобы каждый учащийся был вооружен знаниями героического прошлого и настоящего советского народа, чтобы школа готовила смелых, решительных, любящих свою родину и ненавидящих своих врагов, воинов Красной армии» [25, л. 17].

Были выпущены минометчики, автоматчики, радисты, шоферы 3-го класса[26, л. 15]. Занятия велись в условиях, приближенных к боевой обстановке. Бойцы совершали 5-километровые марш-броски с преодолением водных и горных преград, состязались в быстроте окапывания и занятия обороны, проводили боевые стрельбы из миномета. Например, в марте 1943 г. в Алагирском районе республики была проведена военная игра, где апробировались навыки, полученные в ходе обучения в местном отделении Всевобуча [27, л. 47].

В ходе обучения первой очереди Всевобуча руководство пришло к осознанию необходимости внести коррективы в подготовку молодежи. Фронт требовал пополнения определенными специалистами: снайперами, пулеметчиками, санитарками и т.д. Поэтому в школах Всевобуча СО АССР начали готовить истребителей танков, снайперов, подрывников и других военных специалистов. Например, за пять выпусков Всевобуча в СО АССР было подготовлено 24 261 человек, в том числе 1269 снайперов, 422 минометчика, 269 истребителей танков [28, л. 62].

В целях улучшения допризывной подготовки организовывались оборонно-спортивные игры, состязания, походы, эстафеты, конно-стрелковые состязания, в которых сильнейшими оказывались «Ворошиловские всадники» и «Ворошиловские стрелки» Дарг-Кохского района республики.

Заключение

Итак, в годы Великой Отечественной войны школа стала одним из важных институтов, обеспечивавших подготовку молодого поколения советских граждан к борьбе с врагом. Исключительную роль в ее функционировании в тяжелейших условиях военного времени сыграли реформы учебных планов, структуры обра-

зовательного процесса, центром которого стала начальная военная подготовка, усиление патриотической направленности воспитания.

Несмотря на возникающие препоны школа смогла включиться в процесс подготовки подрастающего поколения к жизни военного времени, основным девизом которой стало желание внести свой посильный вклад в дело победы над врагом.

Школы Северной Осетии, несмотря на трудности и определенные недостатки, смогли справиться с исключительной сложности задачей организации допризывной военной подготовки и обучения. Подростки, дети, которым предстояло встать в ряды РККА, изучив основы военного дела, были готовы к исполнению своего гражданского долга. Кроме того, курс молодого бойца значительно сокращал время на обучение в ходе боевых действий, помогал нередко избегать напрасных потерь на фронте.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Хубулова С.А., Хаблиева Л.Ч., Батыров А.Е. Орджоникидзевский (Владикавказский) комитет обороны. 1941–1944 гг. – Владикавказ, 2012. – 216 с.
2. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия–Алания (далее – ЦГА РСО-А). ФР.56. Оп.2. Л.44. Л.25.
3. ЦГА РСО-А. ФР.56. Оп.2. Д.43. Л.18.
4. Самбур Б.Н. Военно-патриотическая подготовка и трудовое использование подростковой молодежи накануне и в начале Великой Отечественной войны (на примере Ставропольского края) // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 2-6 (62). – С. 198-200.
5. Государственный архив новейшей истории Республики Северная Осетия-Алания (далее – ГАНИ РСО-А). Ф.3. Оп.1. Д.15. Л.26.
6. Культурное строительство в Северной Осетии. Сборник документов и материалов. 1917–1977. Т.2. – Орджоникидзе: Ир, 1983. – 351 с.
7. ЦГА РСО-А. ФР.56. Оп.2. Д.788.
8. Черник С.А. Советская школа в годы Великой Отечественной войны. – М., 1975. – 48 с.
9. Пионерская правда, 1942, 12 окт.
10. ЦГА РСО-А. ФР.786. Оп.1. Д.2. Л.5-6.
11. ГАНИ РСО-А. Ф.53. Оп.1. Д.253. Л.16.
12. ЦГА РСО-А. ФР.56. Оп.2. Д.738. Л.31.
13. ГАНИ РСО-А. Ф.53. Оп.1. Д.248. Л.93.
14. ГАНИ РСО-А. Ф.827. Оп.1. Д.12. Л.47.
15. ГАНИ РСО-А. Ф.3. Оп.1. Д.73. Л.6.
16. ЦГА РСО-А. ФР.56. Оп.2. Д.43. Л.10.
17. ГАНИ РСО-А. Ф.3. Оп.1. Д.19. Л.62.
18. ГАНИ РСО-А. Ф.3. Оп.1. Д.18. Л.15.
19. ГАНИ РСО-А. Ф.827. Оп.1. Д.6. Л.4.
20. ГАНИ РСО-А. Ф.3. Оп.1. Д.15. Л.26-27.
21. «Память о пережитом»: Архивы Республики Северная Осетия-Алания – 75-летию Победы. Сборник документов и материалов. – Владикавказ: Харизма, 2020. – 292 с.
22. ГАНИ РСО-А. Ф.827. Оп.1. Д.2. Л.8.
23. ГАНИ РСО-А. Ф.53. Оп.1. Д.189. Л.15.
24. ГАНИ РСО-А. Ф.827. Оп.1. Д.1. Л.19.

25. ГАНИ РСО-А. Ф.3. Оп.1. Д.17. Л.47.
26. ГАНИ РСО-А. Ф.3. Оп.1. Д.18. Л.62.
27. ГАНИ РСО-А. Ф.3. Оп.1. Д.19.
28. ЦГА РСО-А. ФР.56. Оп.2. Д.789.

REFERENCES

1. Khubulova S.A., Khablieva L.CH., Batyrov A.E. Ordzhonikidzevskij (Vladikavkazskij) komitet oborony. 1941–1944 gg. [Or. Ordzhonikidze (Vladicanski) Committee minorities. 1941–1944]. Vladikavkaz. 2012. 216 p. (in Russian).
2. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya (dalee – CGA RSO-A) [Central State Archive of the Republic of North Ossetia-Alania (hereinafter-TsGA Russo-A)]. RF.56. Op.2. L.44. L.25 (in Russian).
3. CGA RSO-A [TsGA RSO-A]. RF.56. Op.2. D.43. L.18. (in Russian).
4. Sambur B.N. Voenno-patrioticheskaya podgotovka i trudovoe ispol'zovanie podrostkovoj molodezhi nakanune i v nachale Velikoj Otechestvennoj vojny (na primere Stavropol'skogo kraya). [Actual-patriotism and labor use of teenage youth on the eve and at the beginning of a new certain yield (at an approximate level).] // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. № 2-6 (62). Pp. 198-200(in Russian).
5. CGA RSO-A [TsGA RSO-A]. RF.56. Op.2. D.788 (in Russian).
6. 6.Gosudarstvennyj arhiv novejshej istorii Respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya [State Archive of the latest exploitation of the Republic of North Ossetia-Alania]. F.3. Op.1. D.15. L.26 (in Russian).
7. Kul'turnoe stroitel'stvo v Severnoj Osetii. Sbornik dok-tov i materialov. 1917–1977. [Culinary structure in North Ossetia. Collection of documents and materials. 1917–1977. Vol. 2]. T.2. Ordzhonikidze: Ir, 1983. 351 s. (in Russian).
8. CHernik S.A. Sovetskaya shkola v gody Velikoj Otechestvennoj vojny [The Soviet school in the singular mainly]. M., 1975. 48 p. (in Russian).
9. Pionerskaya Pravda [Pionerskaya Pravda], 1942, 12 oktyabrya(in Russian).
10. CGA RSO-A. FR.786. Op.1. D.2. L.5-6[TSGA RSO-A. Russian] (in Russian).
11. GANI RSO-A. F.53. Op.1. D.253. L.16[GHANI ROSO-A] (in Russian).
12. CGA RSO-A. FR.56. Op.2. D.738. L.31[TSGA RSO-A. Russian] (in Russian).
13. GANI RSO-A. F.53. Op.1. D.248. L.93 [GHANI ROSO-A]. (in Russian).
14. GANI RSO-A. F.827. Op.1. D.12. L.47 [GHANI ROSO-A]. (in Russian).
15. GANI RSO-A. F.3. Op.1. D.73. L.6 [GHANI ROSO-A]. (in Russian).
16. CGA RSO-A. FR.56. Op.2. D.43. L.10 [TSGA RSO-A]. (in Russian).
17. GANI RSO-A. F.3. Op.1. D.19. L.62[GHANI ROSO-A]. (in Russian).
18. GANI RSO-A. F.3. Op.1. D.18. L.15[GHANI ROSO-A]. (in Russian).
19. GANI RSO-A. F.827. Op.1. D.6. L.4[GHANI ROSO-A]. (in Russian).
20. GANI RSO-A. F.3. Op.1. D.15. L.6 [GHANI ROSO-A]. (in Russian).
21. «Pamyat' o perezhitom»: Arhivy Respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya – 75-letiyu Pobedy. Sbornik dok-tov i materialov. [Memory of the past": Archives of the Republic of North Ossetia-Alania – 75th anniversary of the Victory. Collection of documents and materials]. Vladikavkaz: Charizma, 2020. 292 p. (in Russian).
22. GANI RSO-A. F. 827. Op.1. D.2. L.8. [GHANI ROSO-A] (in Russian).
23. GANI RSO-A. F.53. Op.1. D.189. L.15. [GHANI ROSO-A] (in Russian).

24. GANI RSO-A. F. 827. Op.1. D.1. L.19. [GHANI ROSO-A] (in Russian).
25. GANI RSO-A. F.3. Op.1. D.17. L.47. [GHANI ROSO-A] (in Russian).
26. GANI RSO-A. F.3. Op.1. D.18. L.62. [GHANI ROSO-A] (in Russian).
27. GANI RSO-A. F.3. Op.1. D. 1. [GHANI ROSO-A] (in Russian).
28. CGA RSO-A. FR. 56. Op.2. D. 46. [TSGA RSO-A]. (in Russian).

Информация об авторе: Кайтуков Георгий Борисович, аспирант ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова»
г. Владикавказ, Россия
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-6680-1183
e-mail: kaitukovgeorgy@yandex.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи

Information about the author: Georgy B. Kaitukov, Post-graduate student of the North Ossetian State University,
Vladikavkaz, Russia
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0001-6680-1183
e-mail: kaitukovgeorgy@yandex.ru

The author has read and approved the final manuscript

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 10.03.2021
Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 07.04.2021
Принята к публикации / Accepted for publication: 20.04.2021

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов./ The author declares no conflicts of interests

© Кайтуков Г. Б. 2021
© «ИСОМ». 2021

CC BY

Отечественная история
National History

Научная статья

DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-2-99-111
УДК 94

НЕСОСТОЯВШИЕСЯ ПРОЕКТЫ ИДЕОЛОГИИ КАЗАЧЬЕГО НАЦИОНАЛИЗМА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

КИСЛИЦЫН Сергей Алексеевич
Южно-Российский институт управления РАНХиГС
г. Ростов-на-Дону, Россия
ORCID ID: orcid.org/0000-0003-2264-8636
Kislizins@yandex.ru

КУЧИНСКИЙ Сарын Викторович
студент Южно-Российский институт управления РАНХиГС
г. Ростов-на-Дону, Россия

В статье рассматривается четыре проекта идеологии казачьего национализма в первой половине XX в. в контексте истории казачества на дореволюционном этапе, функционирования «Всевеликого Войска Донского» в период гражданской войны, формирования эмигрантского сообщества 1920–1930-х годов и появления казачьего коллаборационизма в годы Великой Отечественной Войны. Как идеологическое течение казачий национализм образовался на Дону еще до революционных событий 1917 года на основе произведений казачьих историков, писателей, публицистов. Совокупность националистических идей казачьих патриотов была вызвана общим кризисом сословного строя, крушением Российской империи, последовавшим расказачиванием, уходом в эмиграцию части казачества и другими трагическими для казачества событиями. Главный идеолог и практик казачьего национализма атаман Краснов был отвергнут белоказачьим Войсковым Кругом в годы гражданской войны, а после Второй мировой войны был казнен в Москве за измену русскому народу. Ни на одном этапе развития российской государственности проекты казачьего национализма не получили логического завершения в форме казачьей политической партии и в принципе не были поддержаны широкими массами казачества, тем более всего российского народа, но признание этого факта не означает отказа от казачьей идентичности. Казачья идея как символ российского патриотизма имеет полное право на существование в современных условиях.

Ключевые слова: казаки, государство, казачий национализм, самостийники, «третий путь», антисемитизм, антикоммунизм, П.Н. Краснов

Для цитирования: Кислицын С.А., Кучинский С.В. Несостоявшиеся проекты идеологии казачьего национализма в первой половине XX века. // *Историческая и социально-образовательная мысль.* 2021. Том. 13. № 2. с. 99-111
DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-2-99-111

Original article

FAILED PROJECTS OF COSSACK NATIONALISM IDEOLOGY IN THE FIRST HALF OF THE 20th CENTURY

Sergey A. KISLITSIN
South-Russian Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Rostov-on-Don, Russia
ORCID ID: orcid.org/0000-0003-2264-8636
Kislizins@yandex.ru

Saryn V. KUCHINSKY,
South Russian Institute of Management Russian Academy of National Economy and Public Administration,
Rostov-on-Don, Russia

The article examines four projects of the ideology of Cossack nationalism in the first half of the 20th century in the context of the history of the Cossacks at the pre-revolutionary stage, the functioning of the "All-Great Don Army" during the Civil War, the formation of the emigrant community of the 1920s-1930s, and the emergence of Cossack collaboration during the Great Patriotic War. As an ideological trend, Cossack nationalism was formed on the Don in the first half of the 20th century, even before the revolutionary events of 1917, based on the works of Cossack historians, writers, and publicists. The totality of the nationalist ideas of the Cossack patriots was caused by the general crisis of the class system, the collapse of the Russian Empire, the subsequent raskazachivanie, the emigration of part of the Cossacks and other tragic events for the Cossacks. The main ideologist and practitioner of Cossack nationalism, Ataman Krasnov, was rejected by the White Cossack Military Circle during the Civil War, and after the Second World War was executed in Moscow for treason to the Russian people. At no stage in the development of Russian statehood did the projects of Cossack nationalism receive a logical conclusion in the form of a Cossack political party and in principle were not supported by the broad masses of the Cossacks and, moreover, by the entire Russian people, but the recognition of this fact does not mean the rejection of the Cossack identity. The Cossack idea as a symbol of Russian patriotism has every right to exist in modern conditions.

Keywords: Cossacks, the state, Cossack nationalism, independent artists, the third way, anti-Semitism, anti-communism, P. N. Krasnov

For citation: Kislitsin S.A**.,** Kuchinsky S.V. Failed projects of cossack nationalism ideology in the first half of the 20th century. *Historical and Social-Educational Idea.* 2021. Vol. 13. No.2. PP. 99-111 (In Russ.).
DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-2-99-111

Казачество представляет особый интерес не только в разрезе истории, но и этнографии, политики, так как его субэтнический статус до сих пор не всем очевиден и является предметом дискуссий в современном казачьем движении. Остро вопрос об идентичности казачества стоит для русских националистов, считающих казаков не просто неотрывной частью русской нации, но ее «лучшей частью», а несогласных с этой точкой зрения казаков обвиняют в «сепаратизме», «расколе русского народа» и в том, что казаки-националисты «не настоящие казаки». Исследования по данной проблеме проводили ряд историков: А.В. Венков, Ю.Д. Гражданов, Е.И. Дулимов, А.И. Козлов, Б.С. Корниенко, С.А. Кислицын, С.М. Маркедонов, Н.А. Мининков, О.В. Ратушняк, В.Н. Сергеев, А.П. Трут, Р.Г. Тикиджьян, А.Л. Худобородов, К.Н. Хохульников и др. В данной статье рассматривается процесс разработки проектов идеологии казачьего национализма доминирующими группами правой части казачьей интеллектуальной элиты.

Каждая политическая идеология на начальном этапе своего существования базируется на философском и культурном наследии прошлых поколений, которое является источником базовых принципов, идеалов, мифологии и символов. Казачий национализм не является исключением – его корни исходят из мифов конца XVII – XVIII вв., исторических сочинений донских историков XIX – начала XX в. и идеалистических воззрений на казачье общественно-политическое устройство в эпоху вольных республик – целого пласта материальной и нематериальной культуры казачества, обобщенного в рамках политической доктрины [1].

Казачья система ценностей как специфический самобытный феномен зародилась во времена казачьей квазиреспублики периода Азовского сидения, повстанческих движений С. Разина, К. Булавина, Ем. Пугачева, укоренилась в ментальности данной этносоциальной группы. Казакофилами были А.Г. Попов, Е.П. Савельев, А.П. Сахаров, Вс.А. Голубинцев, М.В. Пудавов – авторы трудов по истории казачества, в которых изложены основы мифов о необыкновенной древности происхождения донского казачества, его автохтонности и даже нерусских этнических корнях. Несмотря на наличие точек зрения В.О. Ключевского, С.М. Соловьева, В.Д. Сухорукова, В.Б. Броневского, Д.М. Иловайского, именно данная концепция в своих основных чертах получила распространение и заложила основу для казачьего национализма.

Как идеологическое течение казачий национализм обозначился на Дону в первой половине XX в., еще до революционных событий 1917 года. Большинство левых и либеральных политических партий России в ходе революции 1905 года выступили за ликвидацию сословного строя, включая казачье сословие. Под влиянием революции казачья группа депутатов Государственной думы выступила против карательной службы по подавлению выступлений рабочих, крестьян и солдат. Донская казачья интеллигенция считала, что после ликвидации казачьего сословия казачество может существовать дальше в качестве этноса – «национальности».

У теоретиков казачьего национализма отсутствовали научные труды по казачьей идеологии, а ее формирование и одновременно пропаганда осуществлялись на страницах газет и журналов. 11 октября 1911 г., после раскола коллектива «Донских областных ведомостей» с Х.И. Поповым, на свет вышел первый номер «независимого общественно-военного» журнала «Голос казачества», ориентированного исключительно на казачество и его проблемы. Его главный редактор Холмский обосновывал необходимость его создания тем, что у казаков обязана быть собственная пресса, которая охраняла бы «его древнюю, самобытную исто-

рическую жизнь от непрошенных налетных печальников, видящих в уничтожении казачества и в обращении его в крестьян единственный исход из теперешнего, действительно тяжелого момента казачьей многовековой славной жизни» [2]. Журнал стал первым информационным ресурсом, в котором стала развиваться и пропагандироваться в среде грамотного населения идеология казачьего национализма, о чем было прямо высказано в одной из статей: «Да позволено будет пустить в оборот это новое слово. Язва, разъедающая современное нам, интеллигентное казачество, – буквально, та же, которою болеют и все почти русские интеллигенты-космополиты, тянущие ко всякой инородчине; это ложный стыд или нежелание быть самим собой» [3]. Из анализа этой статьи следует, что казаки-националисты в предреволюционное время отрицают свое сепаратистское устремление, «в котором недавно еще, вздумали, не без лукавства, обвинять "наши депутаты-кадеты" покойного Атамана Ф.Ф. Траубе за провозглашенный им в Войсковом Совещании экономический девиз "Дон – для донцов"» [3], однако ставят своей главной целью защиту интересов казачества всех войск, усиление национального самосознания и сохранение казачьих привилегий на землю и ресурсы по причине того, что «земля, добытая казаками и политая их кровью, должна переходить снова только к ним, а не к иногородним» [3]. Казаки-националисты агрессивно относятся к казакам левых и либеральных взглядов, объявив их «шайкой всевозможных леваков», которые, к стыду националистов, отреклись от природного национального духа, от своей крови, в пользу «чужих теорий» (имеется в виду космополитизм, социализм, либерализм). Высшей идеей объявляется служение славянству «мечем и умом», а также «завоевание для казачества почетного места в ряду культурных народностей, наряду с сохранением своей самобытности» [3]. Однако автор утверждает, что понятие «казачий национализм» тождественно понятию «казачьего демократизма», поскольку стремится к защите «своих», требованию уважения к казачеству со стороны иногородних и власти, вытеснению неказачьего элемента со всех сфер деятельности в войсках и заменой их на казаков. В совокупности с положительным отношением к действовавшим высшим институтам власти Российской империи можно говорить о наличии особой формы этнократии в казачьей идеологии.

Накануне выборов в IV Государственную думу в октябре 1912 г. на страницах «Голоса казачества» появилась идея особой «казачьей партии» [4]. В отношении религии и Думы ее сторонники придерживались программы правых думских партий, объявляя войну кадетам и беспартийным прогрессистам, требуя возвращения войску «всего, что было ему обещано Высочайшими грамотами» [5]. Конкуренты в сентябре 1912 г. зарегистрировали организацию «Донской союз националистов». Главный редактор «Донских областных ведомостей» Г.П. Янов, получивший в дальнейшем известность как председатель «Круга спасения Дона», при написании нового проекта донских националистов больше апеллировал к сословно-региональному патриотизму в рамках русского национализма и отводил казачеству статус военного сословия Российского государства: Донским националистам, вступившим в блок с духовенством, не удалось провести в депутаты Думы ни одного своего кандидата [6]. Однако он не смог получить необходимый весомый авторитет в массах, что подтверждается поражением на парламентских выборах 1912 г. К началу Первой мировой войны активность националистов сошла на нет [7].

Во время гражданской войны, после поражения Донской Советской республики, возникли белоказачьи республики «Всевеликое Войско Донское» (ВВД) и

Кубанская Народная Республика, воскресившие утраченный в начале XVIII в. суверенитет казачества, ВВД была признана оккупационными войсками Германии и режимом гетмана Скоропадского на Украине. 17 мая 1918 г. на заседании круга «Спасения Дона» были утверждены написанные новым войсковым атаманом Красновым новые основные законы Всевеликого Войска Донского. Эти законы декларировали новое образование как «самостоятельное государство, основанное на началах народоправства». Земельный закон Войска Донского, принятый Войсковым Кругом 1 июня 1919 года официально декларировал отчуждаемость крупных землевладений в пользу Войскового фонда с дальнейшим распределением между малоимущими слоями населения, но реализации дело не дошло.. "Положение о выборах на Круг" 1918 года лишало права голоса категории лиц: "глухие, безумные, и состоящие под опекой" и сознательно предавшие Родину, изменники - участвовавшие в "красноармейских бандах против казаков". Идея социального равенства не была реализована в ВВД, более того, был организован массовый террор не только против большевиков, но и против рабочих (особенно шахтеров) , иногородних и даже коренных крестьян, что вызвало усиление ненависти к казачеству этих слоев населения. Это усиливало узкосословный характер ВВД.Несмотря на сохранение сословных формулировок, в законодательных документах ВВД казачество обозначается одной из «издревле живущих на Донской земле трех народностей» [7].

Казачья легенда о древности казачества приобрела значение государственной идеологии и преподавалась в учебных заведениях [8]. Проект государственной идеологии ВВД включал в себя образ «врагов казачества»: рабочих, иногородних крестьян, «инородцев», иноверцев, даже казачьих депутатов как «предателей» казачества. Ему противопоставлялся лозунг «Слава Богу мы казаки», как обладатели «исконных прав» на земли Дона, заслужившие привилегированный социальный статус своей многовековой службой России. Идеология казачьего национализма, несмотря на ее официальность и конституционность, не определяла всех стремлений и ценностей социально расколотого казачества. Ежеквартальник «Донская волна» в своих многочисленных публикациях специально не рассматривал казачью идеологию, а если упоминал ее, то вскользь. Авторы признавали, что боевая работа казачьих частей на Дону – «это не деятельность славных войск Корнилова, делавших Ледяной поход, это не победоносное шествие войск Деникина». Природа и характер казачьих частей и Добровольческой армии были принципиально различны. В отличие от «добровольцев», казаки были охвачены угаром революционных свобод. Даже когда они восстали против советской власти, они не освободились полностью от большевизма. Процесс «оздоровления» шел медленно, и «следы болезни» часто давали о себе знать во время борьбы [9].

Позиции казачьего национализма стал защищать казачий писатель Крюков, который прошел путь от либерализма и социализма до казачьего национализма. Он был в 1919 г. редактором газеты «Донские ведомости», где опубликовал более 30 ярких призывных статей и апологетических очерков о белом движении и казачестве. Он писал, что надо давать молодежи «традиционный боевой дух казачий, удаль, силу, беззаветную преданность к политой кровью дедов родимой землице». При этом писатель подчеркивал, что нельзя принижать роль Войскового круга, который «важен как знамя, вокруг которого сейчас группируется казачество, несущее сверхсильную ношу борьбы с расточителями несчастного Отечества». В газете были опубликованы и острые материалы, рассказывающие о красном террористическом расказачивании как о «диком торжище красного угара» «холопов и смердов».

В очерках Крюкова этого периода («Войсковой круг и Россия», «В гостях у товарища Миронова», «После красных гостей», «Усть-Медведицкий боевой участок») провозглашается мифическое историческое единство донского казачества, осуждаются антиофицерские настроения и нежелание казаков воевать за пределами родных станиц как «шкурничество». Газетная публицистика Крюкова демонстрирует жесткую ультрасословную позицию представителя именно вандейской части казачества без каких-либо внутренних колебаний, метаний, страданий, сомнений, шатаний и прочих рефлексий мелиховского типа. 4 марта 1920 г. ушел из жизни замечательный казачий писатель, доблестный патриот старого сословного Дона, а с ним почти вся старая донская казачья интеллигенция, символом которой он был [10]. Можно согласиться с тем, что проект казачьего национализма провалился в годы гражданской войны, в том числе среди прочего по причине своей этнократической подкладки [11]. ВВД не состоялось как полноценное и долговременное государство и потому, что время сословной организации ства ушло вместе монархией. На наш взгляд, ВВД не могло состояться как государство в принципе, так как время сословной государственности безвозвратно ушло вместе с феодализмом.

Окончание Гражданской войны в России привело к разрушению не только «былой России», но и новообразованных казачьих государств (Всевеликое Войско Донское, Кубанская Народная Республика, Оренбургское Казачье Войско, Забайкальская Казачья Республика), на месте которых возникла абсолютно новая политическая система в виде Советской России. Этот факт, а также дальнейшая планомерная политика коммунистов в отношении казаков, именуемая самим казачеством геноцидом, нанесла очень сильный удар, вызвавший у народа чувство боли и унижения, вследствие чего уже в эмиграции началась переоценка былых порядков и ценностей в новых реалиях. На воззрения казачьей интеллигенции повлияло усиление идей радикального этнического национализма по всей Европе, общий дух реваншизма и ирредентизма, вызванных неудовлетворенностью разных государств результатами Первой мировой войны и русской революции, стремлением к воссоединению собственных наций в рамках одного государства, а также примером обретения малыми народами независимости после краха империй. В отличие от казачьего национализма в предреволюционные годы, входившего в черносотенное движение и опиравшегося на русский монархизм, панславизм, казачий национализм «второй волны» исходил из доминанты независимого казачьего государства – Казакии, республиканства и консерватизма. Обосновавшиеся в Праге идеологи казачьего сепаратизма и отдельного народа – так называемого «казакийства» – продолжали развивать историческую концепцию Савельева [12].

Теоретическое оформление казачьего национализма произошло на страницах двух журналов, вокруг которых образовалось два крупнейших националистических объединения – «Вольное Казачество» и «Казачий Вестник»: «Вольно-Казачье Движение». Образованное в 1927 г. членом президиума Верховного Круга, генералом и историком И.Ф. Быкадоровым, членом Донского Войскового Круга и командиром казачьего корпуса, генерал-лейтенантом Т.М. Стариковым, членом Кубанской Рады и Верховного Круга И.А. Билым, есаулом М.Ф. Фроловым, полковником и инженером И.И. Колесовым, доктором И.П. Вифлянцевым и студентом В.Г. Глазковым, «Вольное казачье движение» провозгласило своей целью создание независимого федеративного государства «Казакия» на основе идеологии казачьего национализма. Позднее возникло «Казачье Национально-Освободитель-

ное Движение», образованное в Праге летом 1941 г. во главе с уже инженером В.Г. Глазковым.

Изначально концепция «Казакии» расценивалась как автономия в рамках освобожденной от большевизма России – в эмиграции эту позицию, например, поддерживала линия демократов из «Казачьего Союза» [13], являющихся содружеством правительств Дона, Кубани и Терека в изгнании, почетным председателем которого был войсковой атаман ВВД А.П. Богаевский. Однако еще свежа память об иногородних на Дону и Кубани, массово выступивших против казачества и его привилегий, негативная и подозрительная реакция русской белой диаспоры на казачью самоорганизацию, не вписывающуюся в рамки податливого сословия (что с сожалением констатируют и автономисты в лице «Казачьего Союза» [14]), романтизация допетровской «вольницы» вызвала всплеск интереса к окончательной независимости не только от России, но и от русского народа.

«Казакией» именовалась территория исторического компактного проживания казаков. Согласно проекту Конституции «Союзного Государства Казакия» [15], в ее состав должны войти «штаты» (Войска) Донское, Кубанское, Терское, Яицкое (Уральское), Астраханское, Оренбургское, а также Калмыцкая область на равных с Войсками правах. Таким образом, территория химерического государства располагалась на обширных территориях современных Юго-Востока Украины, Юга России, Северного Кавказа, Южного Урала и западных областей Казахстана, и, по мнению «самостийников» [16], она должна, вместе с Украиной, играть роль «стержня» в «огромном фронте порабощенных народов» от Финляндии до Памира, благодаря своим размерам, географическому положению и наличию сил, чтобы «отстоять свою независимость от чьих бы то ни было поползновений». Таким образом, казаки-националисты в своих идеях видели проектируемое государство региональной державой в Восточной Европе, что роднит казакийство с польской националистической идеологией прометеизма.

К концу 1920-х годов в казачьей националистической доктрине окончательно сложился образ России как государства, постоянно притесняющего вольное казачество и его интересы, ведь сожительство России и Казачьих республик было скорее насильственным, чем естественным [17]. Превращение казаков к концу XVIII в. в особое военно-служивое сословие расценивается продолжением антиказачьей политики Москвы, начатой при Петре I после окончательной ликвидации донского суверенитета и присоединения Войска Донского к Российской империи, а возрождение Донской Республики после 1917 года объясняется наличием «высокой степени национального самосознания и государственного понимания» казаков, стремящихся обособиться от общероссийской государственной власти [18].

Немалый вклад в идею особости казачества внес И.Ф. Быкадоров, в сочинениях которого прослеживается мысль о существовании на Востоке Европы двух миров, государственно-политических организмов, кардинально противоположных друг другу: первый – это Московия, в которой «самодержавный царь со своим бесконечным, ничем не ограниченным произволом», «бояре и воеводы, льстивые и раболепные перед своим господином, но заносчивые, деспотические, самодурствующие перед ниже собою стоящими», «бесправное, нищее рабское крестьянство на положении домашнего животного», а второй – это Казакия, вольная республика со «свободной инициативой равноправных граждан» и «рыцарской, бранной жизнью» [19]; и Московия, в силу своей «рабско-деспотической» сущности, стремилась уничтожить Казакию, что у нее, как итог, получилось. «200 с лишком лет

тому назад закончилась борьба отмеченных выше двух начал. Сейчас в Европе определенно наметилась неизбежная и жестокая борьба тоже двух начал, совершенно непримиримых, взаимно друг друга исключающих» [19], – пишет И.Ф. Быкадоров про противостояние Советского Союза с западным миром, проводя параллель с противоборством казаков с Москвой.

Русский народ, который в целом принял большевистскую революцию, по мнению казачьих националистов, именно в силу своей «рабской сущности» обретает клеймо «пришлого варварского оккупанта», который под предлогом справедливости и передела земли насильственным образом поработил казачьи земли, а «цветущие казачьи станицы и хутора превратили в приюты для русских мужиков» [20]. Таким образом, образ России и русских, описанный Крюковым как «варварских богоносных лапотников», а Быкадоровым – как «государства, основанного и существовавшего на рабовладении», есть пример образа национального врага, необходимого для политического мифа любой идеологии.

С.М. Маркедонов отметил, что лидеры «Вольноказачьего движения» обратились к изучению казачьей истории в эмиграции, потерпев неудачу в попытках создания самостоятельных государственных образований казаков. Революция, гражданская война, изгнание поставили перед ними, как и «перед всею Россией в целом и перед каждою ее частью, проблему самопознания. “Смысл” казачьей истории лидеры “Вольноказачьего движения” видели в утверждении казачьего национального “Я”. Исторические исследования участников “Вольноказачьего движения” ставили во главу угла формирование “казачьей национальной идеологии” и, по сути, были “политикой, обращенной в прошлое”» [21].

Несмотря на общее трагическое положение на чужбине, некоторые казаки-националисты (В. Глазков и др.) дистанцировались от русской эмиграции. Они считали, что русская эмиграция полностью состоит из бывшей элиты российского общества, для которой горечь состоит именно в утрате привилегий относительно собственного народа, тогда как казачья эмиграция является «народной эмиграцией, вышедшей из всех слоев казачьего народа, от рядового бойца до генерала, от хлебороба до профессора, от простого обывателя до интеллигента» [22]. Борьба белых с красными, по мнению В. Глазкова, носила сугубо классовый характер, тогда как вторжение Советов в «Казакию» имело цель «завоевать их, провозгласивших свою государственную самостоятельность» [22].

Как и в любой идеологии «третьего пути», казаки-националисты подчеркивали свою оппозицию по отношению не только к коммунизму, но и к капитализму. Экономическая система, ставящая личную наживу и «дух торгашества» как высшую ценность, не может существовать с «рыцарским духом» вольного казачества, а значит, враждебна ему. Показательна одна статья, где неизвестный автор провел параллель между капитализмом и коммунизмом, исходя из «жидовской» сущности обоих: именно их «общее стремление властвовать над всем человечеством и служит общим объединением капитализма с коммунизмом» [23], – констатировал автор. Различия же касаются изначально заложенных методов: капитализм стремится «закабалить» население экономически, а коммунизм – физически, безальтернативным захватом власти в свои руки.

Либерализм порицался Глазковым как идея, породившая порочные явления эпохи модерна – рационализм и материализм, из которых же, при дальнейшем развитии, произошли капитализм и коммунизм [24]. Уверовав в рационализм и антропоцентризм, человек «выхолостил свою душу, потерял всякое представление о морали», после чего все нравственные и традиционные устои

стали «ненужными пережитками прошлого». Как итог, человек превратился в «бездушного, беспринципного эгоиста», поклоняющегося «золотому тельцу», то есть ценности индивидуума стали превалировать над ценностями коллектива. Либеральная и марксистская идея непрерывного прогресса подвергается критике также потому, что она не принесла с собой ожидаемого роста духовной культуры, а, наоборот, только деградацию духа и социальное неравенство внутри нации. Критике подвергалась и партийная система, нивелировавшая роль народной воли и сведшая политику к «решению закулисных дел» и возвышению частного интереса над общественным [24].

Образ рыцарского казачьего народа, играющего, со слов В.Г. Глазкова, роль «европейского барьера против анархии и разрушений, двигавшихся с Востока» [25], является неотъемлемой частью казачьего национального мифа, активно использующегося политическими идеологами. «Шляхетный рыцарский дух свободных от века веков людей» сумел противостоять расколу казачьего общества на дворян и селян, творимый царской политикой, который «не имел успеха» [26], в силу чего и сохраняет «свое единство», в том числе якобы и в целях. «Казакия» в силу своих размеров, численности населения, географического и экономического положения должна стать «стержневой» региональной державой.

В статьях казачьих националистов наблюдалось проявление общеевропейской идентичности и поддержки концепции Новой Европы (как следствие влияния германского национал-социализма), которая, в свою очередь, была идейным вдохновителем многих национальных движений Восточной Европы в рамках «третьего пути». В статье, посвященной «красной угрозе» со стороны СССР и англо-американских союзников, Е. Гетманов писал: «Мы, казаки, хотя и живем на Юго-Востоке Европы, все же считаем себя европейцами и последние годы связали свою судьбу навсегда с европейскими народами» [27]. Окончательное торжество национализма связывается с объединением всех европейских народов, в первую очередь казаков, вместе с Третьим Рейхом в общей борьбе против большевизма. «Мы идем с той современной Германией, национально-социалистические начала жизни которой так близки социальным началам нашей казачьей жизни» [28], – гласит одна из многочисленных речей казаков-националистов.

Большая часть казачьей эмиграции приветствовала агрессию Германии против СССР, хотя имела внутренние разногласия по вопросу судьбы России. Донские атаманы М.Н. Граббе, Е.И. Балабин провозгласили своим вождем Гитлера и призвали к успешному завершению «освободительного похода». Воссозданное «Казачье национально-освободительное движение» заклеймило позором так называемых белобольшевиков – генерала Деникина и великих князей Романовых, которые выступили в поддержку своего Отечества в тяжелый для него период [29].

Среди казачьих атаманов был особо заметен казак-националист и фашист П.Н. Краснов. Он еще 1918 г. заключил союз с немецкими интервентами, подвергся остракизму в белом движении и был изгнан Войсковым Кругом из Новочеркасска. В эмиграции Краснов стал ярым сторонником агрессии против СССР. Личная ненависть к большевизму П.Н. Краснова затмила понимание им того факта, что будут убиты миллионы простых русских людей, а оставшиеся в живых русские попадут в рабство. Он открыто провозгласил: «Здравствуй, фюрер в Великой Германии, а мы – казаки на Тихом Дону!». В дальнейшем он участвовал в работе «Казачьего министерства восточных областей Германии». Ядро коллаборационист-

ских казачьих формирований, ставившее целью свержение советской власти, составляли «лица, начавшие борьбу с ней еще в годы гражданской войны, а затем пострадавшие от последующих репрессий», но их было меньшинство. В целом донское казачество оказалось преданным советской власти, Коммунистической партии. На наш взгляд, можно не сомневаться, что, если бы изменничество казаков носило действительно массовый характер, казачье население Дона и всего Юга России ждала бы после войны очень сложная судьба [30].

10 ноября за подписями Кейтеля и Розенберга была опубликована «Декларация германского правительства». В ней было следующее обращение к казакам: «…В воздание заслуг ваших на поле брани, в нынешнюю величайшую войну совершенных; в уважение прав ваших на землю, кровью предков ваших политую и вам полтысячи лет принадлежащую; в сознании прав ваших на самобытность – считаем долгом утвердить за вами, казаки, и теми иногородними, которые с вами жили и доблестно сражались против большевиков:

1. Все права и преимущества служебные, каковые имели ваши предки в прежние времена.

2. Вашу самобытность, стяжавшую вам историческую славу.

3. Неприкосновенность ваших земельных угодий, приобретенных военными трудами, заслугами и кровью ваших предков.

4. Если бы военные обстоятельства временно не допустили бы вас на землю предков ваших, то мы устроим вашу казачью жизнь на востоке Европы, под защитой Фюрера, снабдив вас землей и всем необходимым для вашей самобытности. Мы убеждены, что вы верно и послушно вольетесь в общую дружную работу с Германией и другими народами для устроения Новой Европы и создания в ней порядка, мира и мирного, счастливого труда на многие годы» [31]. Лидер казаков-предателей П.Н. Краснов немедленно и с восторгом прокомментировал: «…Услышал Господь молитвы наши!.. Пришло, чего ждали казаки!».

В конце мая 1945 г. в Главное управление «Смерш» были доставлены 20 предводителей белоказачества, проводивших активную борьбу против Красной армии и всего советского народа. По итогам судебных разбирательств все подсудимые были приговорены советским трибуналом в соответствии с требованиями Нюрнбергского трибунала к смертной казни через повешение. Приговор всем изменникам был приведен в исполнение в Лефортовской тюрьме 16 января 1947 г. [32].

С окончанием Второй мировой войны казачий национализм, будучи идеологией политической реакции и в силу близости с побежденным национал-социализмом, уже не мог существовать дальше в уже сформированном виде и с 1945 г. начал постепенно обретать рамки либерально-демократической идеи американского образца.

Таким образом, казачий национализм дореволюционного периода, несмотря на противоречивое отношение к вопросу демократизма, представляет собой правоконсервативную идеологию «третьего пути». Демократизм у казаков-националистов отрицал либеральную составляющую – народная воля выражается в «единстве казачества» и его национальных ценностей, интересов. Второй проект идеологии казачьего национализма заложен в написанных П.Н. Красновым основных законах Всевеликого Войска Донского. Однако казачье сословное государство не смогло противостоять интернационалистской советской власти и было ликвидировано в 1919 г. Для третьего эмигрантского проекта

казачьей идеологии, созданного обществом «Вольно-Казачье Движение», характерно представление казачества как древнего самобытного народа, никаким образом не относящегося к русской нации, а Россия является «врагом свободолюбивого казачества», противоположным по менталитету, духу и внутреннему устройству государством, оккупировавшим суверенные Войско Донское и Запорожскую Сечь в XVIII в.; Советская Россия является непосредственным преемником царской России, повторно оккупировавшим казачьи республики в 1920 г., исходя из чего война против СССР является не интервенцией, а «национально-освободительной войной» и «восстановлением законного суверенитета». Глазков, Быкадоров и прочие доказывали, что суверенитет «Казакии» объясняется историческим правом казачества на те территории, которые оно завоевало и сохранило «кровью и оружием» за собой. Для четвертого проекта казачьего национализма, возрожденного П.Н. Красновым, характерны теории о семитском приспособлении либерализма и коммунизма под свои нужды в целях разрушения традиционного общества в Европе. Идея «Казакии» в исполнении казачьих нацистов уже опирается на представление о казачестве как арийском народе, строящем вместе с немецкими нацистами Третий рейх. Все проекты идеологии казачьего национализма без исключения потерпели закономерный крах, но признание этого факта не означает отказа от казачьей идентичности. Казачья идея как символ российского патриотизма имеет полное право на существование в современных условиях.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Инж. В. Глазков. Казакия и КНОД // Казачий Вестник. – № 5. – 1941. – С. 2.
2. Холмский С.А. Новочеркасск, 1 октября // Голос казачества. – 1911. – № 1. – С. 1.
3. А.Г. Казачий национализм // Голос казачества. – № 35. 29 июля.
4. Голос казачества. – 1912. – № 25. – 25 марта.
5. К выборам в 4-ю Государственную думу // Окраины России. – 1912. – № 21. 26 мая.
6. Корниенко Б.С. Казачий национализм на Дону: «группа Холмского» (начало XX века) // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Сер.: Общественные науки. – 2010. – № 5.
7. Корниенко Б.С. Правый Дон: казаки и идеология национализма (1908–1914). – СПб., 2013. – С. 13.
8. URL: https://eadaily.com/ru/news/2018/05/19/potomki-ilinoya-i-skolopita-ideologiya-kazachego-nacionalizma
9. Генерал Мамантов. Донская волна. – 1918. – № 10. – С. 2.
10. Кислицын С.А., Кислицына И.Г. Ф.Д. Крюков – педагог, общественный деятель, писатель. Эволюция политических взглядов … // Известия вузов. Севроказвказский регион. Сер.: Общественные науки. – 2021. – № 1. – С. 65-72.
11. Битнер Д. Идеология казачьего национализма / URL: https://cont.ws/@newspolitic/953028
12. URL: https://eadaily.com/ru/news/2018/05/19/potomki-ilinoya-i-skolopita-ideologiya-kazachego-nacionalizma
13. Программа Казачьего Союза // Вестник Казачьего Союза. – № 4. – 1926. – С. 15-16.
14. Ген.-лейт. Богаевский А.П. От Донского Атамана // Вестник Казачьего Союза. – № 4. – 1926. – С. 7-8.
15. Основные законы Казачьей республики. Союзная Конституция Казакии (проект) // Вольное Казачество. – № 261. – 1939. – С. 2.

16. И. Билый. Еще к горскому вопросу // Вольное Казачество. – 1930. – № 51-52. – С. 9.
17. Инженер Глазков В.Г. Крах наших москвофилов // Казачий Вестник. – 1943. – № 5 (36). – С. 2.
18. Сватиков С.Г. Россия и Дон (1549–1917): исследование по истории государственного и административного права и политических движений на Дону. Издание донской исторической комиссии. – 1924. – С. 2-3.
19. Ис. Быкадоров. Неизбежное столкновение // Вольное Казачество. – 1930. – № 61-62. – С. 9.
20. Крюков П.Ф. К донским казакам-националистам // Былая слава Казаков! Сборник рассказов и очерков, стихов и поэм / Сост. Хохульников К.Н./ Некоммерческий фонд «Казачье зарубежье». – Ростов н/Д, 2005. – С. 105.
21. Маркедонов С.М. От истории к конструированию национальной идентичности (исторические воззрения участников «Вольноказачьего движения») / URL: http://www.cossackdom.com/
22. Инж. В. Глазков. Ясные факты // Казачий Вестник. – Ростов н/Д. – 1942. – № 2 (8). – С. 1.
23. И. Л-ов. Что объединяет капитализм с коммунизмом? // Казачий Вестник. – 1943. – № 36. – С. 4.
24. Войск. старшина К. Кирсанов. О либерализме // Казачий Вестник. – 1944. – № 19 (76), № 20 (77). – С. 1-2, 2.
25. Инженер Глазков В.Г. От руководителя КНД // Казачий Вестник. – 1944. – №16 (73). – С. 1.
26. Полковник Д-р Федоров С. Черты казачьего характера // Казачий Вестник. – 1944. – № 2 (59). – С. 3.
27. Сотник Гетманов Е. Цветики // Казачий Вестник. – 1944. – № 15 (72). – С. 1.
28. Инж. А. Гусельщиков. Выдержки из речи, произнесенной на казачьем собрании 9 авг. с. г. // Казачий Вестник. – 1941. – № 3. – С. 5.
29. См.: Крикунов П. Казаки между Гитлером и Сталиным. Крестовый поход против большевизма. – М.: Яуза, 2005.
30. См. подробно: Кислицын С.А. Политическая власть и донские казаки в первой половине XX века. – М., 2015.
31. На казачьем посту. – 1943. – № 14. – С. 2.
32. Смирнов А.А. Казачьи атаманы. – М.: Олма-пресс, 2002.

***Информация об авторах**:* Кислицын Сергей Алексеевич, профессор кафедры политологии и этнополитики, доктор исторических наук, Южно-Российский институт управления РАНХиГС,
orcid.org/0000-0003-2264-8636
г. Ростов-на-Дону, Россия
Kislizins@yandex.ru

Кучинский Сарын Викторович, студент Южно-Российский институт управления РАНХиГС,
г. Ростов-на-Дону, Россия

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи

Information about the authors: Sergey A. Kislitsin, Doctor of Historical Hciences, Professor, Deputy Head of Department of Political Science and Ethnic Policy, Member of Russian Association of political science, South-Russian Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Rostov-on-Don, Russia

Saryn V. Kuchinsky, student of the South Russian Institute of Management Russian Academy of National Economy and Public Administration,
Rostov-on-Don, Russia
The authors have read and approved the final manuscript.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 18.003.2021
Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 21.04.2021
Принята к публикации / Accepted for publication: 27.04.2021

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов./ The authors declare no conflicts of interests

© Кислицын С.А.. 2021
© Кучинский С.В.2021
© «ИСОМ». 2021

Отечественная история
National History

Научная статья

DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-2-112-127
УДК 050:63(093) (470)

СЪЕЗДЫ МОСКОВСКОГО ОБЩЕСТВА СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА: СИСТЕМА РАЗВИТИЯ АГРАРНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ. XIX – НАЧАЛО XX в.

НОХРИНА Валентина Алексеевна
ФГБНУ «Центральная научная сельскохозяйственная библиотека»
г. Москва, Россия
nva@cnshb.ru

Анотация: В предлагаемой статье на основе выявленных в фонде Центральной научной сельскохозяйственной библиотеки материалов Московского общества сельского хозяйства и с привлечением разработок исследователей по истории аграрной мысли России XIX – начала XX в. определены формы коммуникаций между научной и профессиональной общественностью для осуществления модернизации аграрного сектора сельского хозяйства после крестьянской реформы 1861 года. В публикации отмечены основные формы коммуникаций: издательская деятельность Общества, организация выставок и съездов. Для оценки масштабной деятельности Московского общества сельского хозяйства за 110 лет представлен краткий обзор его практической работы, раскрыта роль в аграрной рационализации сельского хозяйства в отечественной историографии. Члены Московского общества внесли значительный вклад в изучение состояния сельского хозяйства, путей эволюции и методов повышения его производительности.
На примере материалов трех Всероссийских съездов по агрономической помощи населению раскрыты организационные моменты решения вопросов управления сельским хозяйством в регионах России. Роль и значение общественной инициативы особенно ценна и в настоящее время, когда проблемы инновационного обновления и модернизации аграрного сектора становятся национальной задачей. Для успешного ее решения документы съездов Московского общества могут быть полезны, так как дают возможность проследить генезис процессов развития сельского хозяйства по различным тематическим направлениям и экономическим зонам в историческом плане и избежать возможных ошибок при принятии решений.

Ключевые слова: аграрная история, сельскохозяйственные съезды, агрономическая помощь, земства, сельскохозяйственная литература, Московское общество сельского хозяйства, XIX–XX века, сельскохозяйственные выставки, формы коммуникаций

Для цитирования: Нохрина В.А. Съезды московского общества сельского хозяйства: система развития аграрных преобразований.
XIX – начало XX в.. // *Историческая и социально-образовательная мысль.* 2021.
Том. 13. № 2. с. 112-127
DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-2-112-127

Original article

CONGRESSES OF THE MOSCOW RURAL SOCIETY: A SYSTEM FOR THE DEVELOPMENT OF AGRARIAN REFORMS. 19th – EARLY 20th CENTURIES

Valentina A. NOKHRINA
Central Scientific Agricultural Library
Moscow, Russia
nva@cnshb.ru

In the proposed article, on the basis of the materials of the Moscow Society of Agriculture identified in the fund of the Central Scientific Agricultural Library. With the involvement of the developments of researchers on the history of agrarian thought in Russia in the 19th and early 20th centuries, forms of communication between the scientific and professional communities are determined for the modernization of the agricultural sector of agriculture after the peasant reform of 1861 of the year. The publication highlights the main forms of communication: the publishing activity of the Society, the organization of exhibitions and congresses. To assess the large-scale activities of the Moscow Society of Agriculture for 110 years, a brief overview of its practical work is presented, and the role in the agrarian rationalization of agriculture in Russian historiography is revealed. Members of the Moscow Society have made a significant contribution to the study of the state of agriculture, ways of evolution and methods of increasing its productivity. On the example of materials from three All-Russian congresses on agronomic assistance to the population, the organizational aspects of resolving issues of agricultural management in the regions of Russia. The role and significance of the public initiative is especially valuable today, when the problems of innovative renewal and modernization of the agricultural sector are becoming a national task. For its successful solution, the documents of the congresses can be useful, since they make it possible to trace the genesis of the processes of agricultural development in various thematic areas and economic zones in historical terms and to avoid possible mistakes in decision-making.

Keywords: agrarian history, agricultural congresses, agronomic assistance, zemstvos, agricultural literature, Moscow Society of Agriculture, agricultural exhibitions, forms communication

For citation: Nokhrina V.A. Congresses of the Moscow Rural Society: a system for the development of agrarian reforms. 19th – early 20th centuries. *Historical and Social-Educational Idea.* 2021. Vol. 13. No.2. PP. 112-127
. (In Russ.).
DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-2-112-127

Введение.

Сельскохозяйственные общества появились в Европе в первой половине XVIII столетия. В России в 1765 г. было основано Вольное экономическое общество (ВЭО), занимавшееся и сельскохозяйственными вопросами. К концу XIX столетия в России было зарегистрировано 300 сельскохозяйственных обществ, а к 1915 г. их количество достигло 5795, в том числе 4925 многопрофильных сельскохозяйственных обществ и 870 специальных, сосредоточивших свою деятельность на отдельных отраслях сельского хозяйства [1]. Основные их задачи состояли в сборе, распространении и применении результатов научных исследований и практических опытов; издании специальной литературы; охране правовых интересов сельского хозяйства и др. Общества действовали в основном в рамках своей местности. Образование сельскохозяйственных обществ в России – явление социально обусловленное. Разложение феодально-крепостнической системы, начавшееся еще в XVIII в., усилилось после Отечественной войны 1812 года, а в 30–50-е годы XIX в. перешло в стадию глубокого кризиса феодализма. В условиях феодальной формы собственности на землю, крепостного состояния крестьян господствовала паровая система земледелия с ярко выраженным зерновым направлением. Технические культуры выращивались главным образом в потребительских целях. Земледельческие орудия были крайне примитивны.

Структурные изменения в промышленности и рост товарного производства породили новые тенденции в развитии земледелия. Начавшийся переход от натурального хозяйства к товарному потребовал специализации и повышения уровня агротехники, замены «традиционной» агрикультуры, соответствующей феодальному способу производства, капиталистической, служащей основой торгового земледелия. В первой половине XIX в. наметились два основных пути решения этой проблемы. Один путь состоял в интуитивном улучшении структуры земледелия. На основе накопленного агротехнического опыта происходил отбор сельскохозяйственных культур, наиболее продуктивных в том или ином регионе.

Второй путь был основан на разработке научных основ земледельческого хозяйства и реализовывался по нескольким организационным направлениям: создание системы специального сельскохозяйственного образования; развитие сельскохозяйственной периодической печати; образование Ученого Комитета Министерства государственных имуществ (МГИ); агрикультурное «просветительство» в рамках организации сельскохозяйственных обществ [2].

Сельскохозяйственные общества, состоявшие в основном из крупных и средних земледельцев, с одной стороны, стремились к сохранению крепостного права, с другой стороны, своей научной и экономической деятельностью готовили почву для преобразований наступавшей капиталистической эпохи. Обе эти тенденции особенно ярко проявились в деятельности Императорского Московского общества сельского хозяйства (МОСХ) (1820–1930 гг.), сумевшего за короткое время объединить вокруг себя передовых хозяев-практиков и распространить свою деятельность на всей территории России.

Его деятельность в основном сосредоточилась по трем направлениям: теоретическом, практическом и педагогическом. Основная цель МОСХ состояла в «содействии соединенными силами своих членов развитию и усовершенствованию сельского хозяйства и сельской промышленности в России» [3, с. 263]. Общество предполагало достигать этой цели следующими средствами: совещаниями о наиболее насущных проблемах сельского хозяйства; распространением теорети-

ческих и практических сведений по хозяйству посредством Земледельческой школы, опытного хутора, сельскохозяйственных бесед, публичных лекций, выставок и т.д.; информацией через различные издания о деятельности Общества в области сельского хозяйства; изданием сочинений, признанных Обществом полезными. Московское общество с самого начала своего возникновения стремилось к систематической и последовательной работе в отдельных областях сельского хозяйства (овцеводства и свеклосахарной промышленности, пчеловодства, шелководства, виноделия, разведения американского табака, распространения улучшенных машин и орудий, льноводства, строительства в деревне каменных построек и др.).

После Крестьянской реформы 1861 г. вторая половина XIX в. была одним из этапов смены крепостнических порядков буржуазными. МОСХ включилось в этот процесс. В 1864 г. был утвержден новый устав Общества. Основная цель МОСХ в этот период – внедрение достижений науки в практику на местах. Обществу было предоставлено право открывать в провинции отделы для активизации сельскохозяйственной жизни на местах. С 1873 по 1914 г. было учреждено 25 отделов (13 – губернских и 12 – уездных). В конце 60-х – в 70-е годы при МОСХ открывается ряд новых комитетов: Комитет скотоводства (1865 г.), Комитет земледелия (1868 г.), Комитет о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах (1871 г.), Комитет сельскохозяйственной консультации (1871 г.).

Продолжали свою работу и старейшие учреждения МОСХ – Земледельческая школа и опытный хутор. В 1883 г. школа была разделена на два курса – общеобразовательный и специальный. В 1878 г. принят новый Устав школы, а опытный хутор присоединен к ней. Школа открыла свои двери без экзаменов мальчикам из демократических низов, окончивших уездное или сельское училище. МОСХ установило тесную взаимосвязь с земствами, оказывало им большую практическую помощь в организации опытных полей и станций.

В центре внимания Общества вопросы кооперативного строительства: совещание представителей ссудо-сберегательных товариществ в 1898 г., в 1903 г. – представителей сельскохозяйственных обществ и товариществ, в 1900 г. рассматривается вопрос об организации центрального банка для учреждений мелкого кредита. Комитет скотоводства рассматривает вопросы развития мясного скотоводства, экспорта скота и мяса за границу. С 1902 г. в МОСХ наблюдался усиленный приток новых членов, в его состав вошел почти весь профессорско-преподавательский корпус Петровской академии, агрономический персонал губернских и уездных земств, работники банков, кооперации, кредитных товариществ, юристы, экономисты. Прежний состав Общества, членами которого были главным образом крупные землевладельцы, оказался в явном меньшинстве и потерял руководящую роль. МОСХ учреждает целый ряд комитетов: Почвенный комитет с лабораторией (1910 г.), Холодильный комитет (1911 г.), Комитет кролиководства (1911 г.), семенную станцию и Комитет семенного дела и сортоводства (1912 г.), Музей наглядных пособий по сельскохозяйственному образованию (1915 г.), Комитет по распространению сельскохозяйственных знаний (1915 г.). Во время войны 1914 г. деятельность МОСХ была в основном направлена на решение конкретных практических задач (устройство мастерских по ремонту эвакуированных сельскохозяйственных машин и орудий, организация выставки по сельскохозяйственному машиностроению, выработка мер к устранению недосева полей и т.п.). МОСХ закрыто в 1930 г. в связи с делом Трудовой крестьянской партии,

его ведущие члены (А.Г. Дояренко, Д.М. Шорыгин, А.В. Тейтель, П.А. Садырин, Д.И. Шаховской, М.П. Фабрикант, Л.Н. Литошенко и другие) репрессированы.

Обзор литературы.

Впервые историки обращаются к исследованию деятельности Московского общества сельского хозяйства в 50-е годы XX в. Первым серьезным исследованием о МОСХ была работа Л.Г. Голованової [4]. Н.С. Трусова и О.А. Блюмфельд раскрывают роль МОСХ во внедрении в России новых систем земледелия, особенно подчеркивая при этом, что «для историка наиболее интересным является журнал с его фактическими данными о помещичьем хозяйстве 1820–30-х годов в разных губерниях и районах страны» [5, с. 287]. О роли периодических изданий МОСХ в формировании свеклосахарной промышленности указывает в своей монографии академик К.Г. Воблый [6]. Б.В. Тихонов в исследовании о свеклосахарной промышленности в России представил анализ деятельности Комитета сахароваров, созданного Московским обществом сельского хозяйства, и обозначил роль журнала Общества в становлении этой отрасли сельского хозяйства [7]. На рубеже XX столетия историки В.А. Нохрина [8], А.А. Карлина А.А. [9] и Д.И. Дударев [10] предприняли ряд серьезных исследований о деятельности МОСХ, что связано с необходимостью изучения альтернативных концепций аграрного развития современной России. В 2012 г. вышла монография А.А. Курёнышева «Сельскохозяйственная столица России» [11]. К 200-летнему юбилею Московского общества сельского хозяйства С.А. Козлов подготовил фундаментальный труд в трех томах о роли и значении МОСХ [12]. Историческое наследие Московского общества сельского хозяйства и современную аграрную модернизацию в России, его роль как авангарда и координирующего центра отечественных сельскохозяйственных обществ и земской агрономии научная общественность оценила в рамках международной научно-практической конференции, посвященной 200-летию образования Московского общества сельского хозяйства в сентябре 2020 г. [13].

Материалы и методы.

Современная историография по Московскому обществу сельского хозяйства дает в целом обобщающую характеристику его деятельности, а для более глубокого изучения его роли в аграрной модернизации России необходим детальный анализ содержания и форм отдельных видов работы. Основная цель исследования – изучение основных форм организации коммуникации с членами МОСХ для внедрения результатов научных исследований и практических опытов, а также пропаганды его деятельности в XIX – начале XX в. Источниками для анализа явились материалы съездов, что позволит расширить круг источников документов для информационного обеспечения аграрной науки в вопросах исследования общественной инициативы в разработке системы управления сельскохозяйственной отраслью на рыночных отношениях ведения хозяйства. Труды съездов позволяют раскрыть их роль и место в деятельности МОСХ и практическое влияние на внедрение достижений науки на местах. Содержание статьи основывается на методе историзма, последовательного изложения событийного ряда. Для выстраивания последовательности событий ряда в длительной исторической перспективе приобретает особую ценность использование информационного метода и метода сравнительно-исторического анализа.

Результаты исследования и обсуждения.

Основными формами организации коммуникации с членами МОСХ для внедрения научных разработок и популяризации агрономических знаний среди сельского населения были собрания и совещания, издательская деятельность, сельскохозяйственные выставки, съезды. В течение 30 лет Обществом были устроены Всероссийская выставка сельских произведений в Москве (1864 г.), сельскохозяйственный отдел Политехнической выставки (1872 г.) и ежегодные с 1867 г. при Комитете скотоводства аукционные выставки племенного скота. Из наиболее успешных можно отметить выставки овцеводства (1842, 1844–1853, 1912), сельских произведений (1846, 1852), племенного скота (1867–1914, ежегодные), сельскохозяйственных машин и орудий (1895–1898, 1903, 1908), аукционные выставки лошадей (1899), молочного хозяйства (1909), по льняному делу (1911) и др. [14].

Одной из действенных форм коммуникации членов Общества была издательская деятельность, оказавшая определенное влияние на формирование аграрной науки и образования. МОСХ было одним из центров издания сельскохозяйственной литературы и выпустило более 2500 наименований книг и журналов [15]. Первые 50 лет деятельности Московского общества журналы были практически единственной формой коммуникации с членами Общества на всей территории России. За более чем 100-летний период МОСХ издавало «Земледельческий журнал» (1821–1840, редактор С.А. Маслов), «Журнал сельского хозяйства и овцеводства» (1841–1850, С.А. Маслов), «Журнал сельского хозяйства» (1851–1859, С.А. Маслов, М.Я. Киттары), «Сельское хозяйство» (1860–1862, Н.И. Анненков), «Журнал Императорского Московского общества сельского хозяйства» (1864–1868, Д.А. Наумов), «Русское сельское хозяйство» (1869–1876, М.В. Неручев, И.А. Стебут, А.П. Людоговский), «Сельскохозяйственный журнал» (1896–1899, И.П. Петров, Н.А. Грушка), «Вестник сельского хозяйства» (1900–1929, В.П. Завадский, Д.Н. Прянишников, А.Г. Дояренко), «Русский почвовед» (1914–1917, 1922, А.А. Ярилов), «Пчеловодное дело» (1921–1929, А.Е. Титов), «Труды МОСХ» (1877–1917), которые в отечественной историографии являются дополнительными источниками на современном этапе изучения аграрной истории России [16].

В первое десятилетие XX в. активно шел процесс перехода земли в арендное пользование крестьянских хозяйств и, как результат, перенос центра тяжести сельскохозяйственного производства с помещичьих хозяйств на крестьянские, что отразилось на развитии агрономических знаний. Академическая агрономическая наука долгое время вопросы крестьянского хозяйства трактовала преимущественно в литературе в социально-политическом плане.

Непосредственным изучением крестьянского хозяйства на общественных началах стали заниматься сельскохозяйственные общества. Особенно успешной в этом направлении была деятельность Московского общества сельского хозяйства, которое используя новую форму коммуникации – *съезды*, предпринимало попытки в условиях отсутствия единой государственной политики в переходе сельского хозяйства на новые условия экономических взаимоотношений с производством и потреблением сельскохозяйственной продукции обобщать данные, полученные из губерний и уездов, частных хозяйств и организации живого общения между учеными и практиками сельского хозяйства. В отечественной историографии съезды МОСХ изучены недостаточно, а между тем это ценные источники по истории становления новых экономических отношений в аграрной отрасли, как по отдельным тематическим направлениям, так и по регионам. После крестьянской реформы 1861 года Московское общество сельского хозяйства провело Все российские съезды сельских хозяев (1864, 1870, 1895), съезды деятелей агроно-

мической помощи населению (1901, 1911), Всероссийский съезд представителей ссудосберегательных товариществ (1898), съезды скотопромышленников (1884, 1885, 1901), хмелеводов и пивоваров (1887), мукомолов (1888, 1898), по винокурению (1892), холодильному делу, хлебной торговле, виноградарству и виноделию (1902), по льняному делу (1911), по сельскохозяйственному машиностроению (1916), совещания представителей сельскохозяйственных обществ (1903, 1909, 1916, 1919, 1920). На Бутырском хуторе Общества регулярно с 1869 г. и до окончания его деятельности проводились показательные испытания сельскохозяйственных машин и конкурсы пахарей.

Вопросы агрономической помощи населению, сельскохозяйственной кооперации, изучение крестьянских хозяйств, формы их земельного устройства и т.п. начали обсуждаться в МОСХ сразу после крестьянской реформы 1861 года. Первые попытки реального обсуждения насущных вопросов по организации новых форм хозяйствования были предприняты на заседаниях Общества в 60-е годы в форме цикла «сельскохозяйственные беседы», на которых предметом обсуждения были: переход от трехпольной системы к плодопеременной при вольнонаемном труде; могут ли из крестьян выйти надежные арендаторы-хуторники? Выгодно ли обустраивать небольшие хутора и их передавать в аренду? На каких условиях сдавать землю в аренду? и т.п. В 1876 г. при МОСХ была создана специальная комиссия «По вопросу о хуторах и о современных условиях крестьянского хозяйства» [17].

Комиссия под руководством Д.А. Столыпина занималась сбором сведений о существующих крестьянских хуторах, образованных на основе арендных отношений. Материалы, собранные этой комиссией, были опубликованы в отдельном сборнике. Основной ее вывод заключался в том, что «принцип равнения или нивелирования и отрицания личности, как указывают факты, ведет только к общему обеднению и упадку; а потому переход от общинной к личной крестьянской собственности надо считать желательным и полезным» [18, с. 3]. В 60-е годы начала свою деятельность земская агрономическая служба.

Земства, лишенные политических функций, сыграли важнейшую роль в решении хозяйственных вопросов местного значения: организация мелкого кредита в деревне, медицинской помощи, начального образования, дорожное строительство и т.п. Понимая, что земства являются практически единственными организациями, решающими проблемы деревни на местах, Московское общество сельского хозяйства более подробно изучает их деятельность и создает с этой целью специальную комиссию, результатом которой было издание сборника «Обзор земских мероприятий в области сельского хозяйства за 1892–1893 гг.» [19].

Материалами для обзора послужили непосредственные ответы земских управ на запросы комиссии, а также печатные доклады и отчеты губернских, уездных земских управ и собраний за 1892–1893 гг. Обществу удалось собрать сведения из 34 губерний и 240 уездов, что составило 69,7% по отношению к общему числу земств. Таким образом, материал, представленный в сборнике, дает реальную картину земских мероприятий в области сельского хозяйства в этот период. С 1865 по 1890 г. Президентом МОСХ был избран И.Н. Шатилов (1824–1869), известный сельский хозяин и земский деятель. Этот период деятельности МОСХ характерен стремлением установить еще более тесную связь с земской агрономией. В ряды его членов вступают известные земские деятели: В.И. Васильчиков, С.В. Волконский, М.В. Духовской, И.А. Звегинцев, Л.Л. Кисловский, В.А. Левашов, Д.А. Наумов, М.П. Щепкин, А.П. Энгельгард и многие другие. МОСХ в конце XIX – начале XX в. становится объединяющим центром для земской агрономии.

В 1895 г. в связи с 75-летием МОСХ был проведен *Всероссийский съезд сельских хозяев*. В организации съезда приняли участие И.А. Стебут, И.И. Шатилов, А.И. Чупров, П.Н. Кулешов, Н.В. Верещагин, А.А. Тихомиров, А.П. Перепелкин и др. известные ученые и общественные деятели в области сельского хозяйства. Число участников съезда превысило тысячу. Съезд прошел с большим успехом и способствовал усилению престижа МОСХ. По завершении работы съезда были изданы «Труды» в 11 выпусках по основным тематическим направлениям работы съезда: сельскохозяйственное образование, опытное дело, сбыт сельскохозяйственной продукции, животноводство, сельскохозяйственное машиностроение и др. В каждый выпуск включены доклады, протоколы их обсуждений и постановления съезда по тому или иному вопросу [20]. Наиболее популярные доклады, вызвавшие активную дискуссию на съезде (20 наименований), были изданы в форме брошюр: О.О. Горбатовский «Агрономические станции, их история, задачи, направления, организация и деятельность», В. Кудашов «О сельскохозяйственном кризисе в южной половине России», «К вопросу о постановке метеорологии в России», И.А. Стебут «О постановке практических знаний в сельскохозяйственных школах» и др. Всероссийский съезд сельских хозяев 1895 г. подвел итоги и определил курс на дальнейшее развитие земской агрономии как базиса подъема культуры сельского хозяйства.

В начале XX в. все еще отсутствовал четкий единый правительственный курс в решении крестьянского вопроса. С 1902 по 1905 г. специально созданное «Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности» при Государственном совете (временный межведомственный орган по выработке социально-экономической политики в аграрной сфере в условиях крестьянского малоземелья в Европейской России) в 1902 г. поручило именно Московскому обществу сельского хозяйства собрать сведения о наиболее выдающихся достижениях частной и общественной инициативы в аграрной отрасли. МОСХ разработало специальную анкету, разослав ее в количестве 13 тыс. экземпляров земским учреждениям, сельскохозяйственным обществам и частным лицам. Но, к сожалению, было получено всего лишь 689 ответов, или 17%.

Результатом исследования стал обзор «Частная и общественная предприимчивость в сельском хозяйстве России» (1903). И хотя обзор отличала неполнота и неравномерность обработанного материала и отсутствие важнейшей части «О нуждах сельскохозяйственной промышленности и мерах ее развития», тем не менее, в сборнике собрано немало интересных сведений о деятельности земств, сельскохозяйственных обществ, кооперативных учреждений, частных хозяйств различных губерний России [21].

Таким образом, в начале XX столетия в МОСХ были созданы предпосылки для объединения общественных сил по дальнейшим преобразованиям аграрного сектора России. Первые итоги агрономической помощи населению подвел *Всероссийский съезд деятелей агрономический помощи населению*, организованный по инициативе МОСХ в 1901 г. Материалы съезда и процесс его организации являются неоценимым источником для изучения общественной инициативы в решении практических вопросов в аграрном секторе России для современных историков. Главным идеологом по организации съезда был член МОСХ Владимир Гаврилович Бажаев (1865–1916) – русский ученый, агроном, ботаник, педагог высшей школы. Работал земским агрономом в Московской и Томской губерниях, зав.кафедрой, профессор Киевского политехнического института, соратник К.А. Тимирязева. Автор огромного числа научных трудов по агрономии и организации сельского хозяйства в Российской Империи. В декабре 1898 г. в МОСХ был заслушан доклад В.Г.

Бажаева «О съездах деятелей в области общественной агрономии», по результатам которого создана специальная комиссия для разработки положения, программы и сметы расходов съезда. Документы были представлены уже в феврале 1898 г., но утверждение положения о съезде и разрешение на его проведение Министерством земледелия и государственных имуществ и Министерства внутренних дел было получено МОСХ осенью 1899 г. Только после этого был образован распорядительный комитет из 35 членов Общества, среди которых были известные ученые аграрники К.А. Вернер, В.Р. Вильямс, А.Г. Дояренко, Н.М. Кулагин. Н.Н. Кулешов, М.И. Придорогин, Д.Н. Прянишников, А.Н. Сабанин, А.И. Чупров и др. Секретарем распорядительного комитета и ответственным редактором по изданию трудов съезда был избран В.Г. Бажаев.

Подготовка такого масштабного мероприятия заняла целый год. Комитет провел 21 заседание. Для рассмотрения материалов о состоянии сельского хозяйства на местах, поступающих в форме докладов или обзоров, создана специальная комиссия. Большая часть материалов поступила в последние два месяца до начала работы съезда. Зарегистрировано 360 участников из 47 губерний и 104 уездов. По категориям участники распределялись следующим образом: 40% – представители земств, 29% – сельскохозяйственные общества, Министерство Земледелия – 19%, другие категории – 12%, профессиональные представители агрономической помощи местному хозяйству – 39%.

Съезд работал в соответствии с Программой по пяти направлениям (секциям): общие вопросы организации местной агрономической помощи населению; распространение сельскохозяйственных знаний (низшие сельскохозяйственные школы, курсы для учителей, чтения и беседы, популярная литература и крестьянские газеты, сельскохозяйственные консультации); опытные и демонстративные учреждения (опытные станции, коллективные опыты, учебные хозяйства); мероприятия агрикультурного хозяйства (севообороты, технические культуры, механизация, семеноводство, выставки, животноводство и т.п.); мероприятия экономического характера (кредит, землепользование, переработка продукции и т.п.).

Съезд проходил с 10 по 19 февраля 1901 г. в Москве. За этот период на съезде было заслушано 85 докладов и сообщений на 52 заседаниях, принято 206 постановлений по всем секциям. По результатам работы съезда были изданы «Труды» объемом до 100 печатных листов [22]. В первой части собраны сведения по истории организации съезда – исторический очерк, список членов, систематизированные своды постановлений и сведений местной агрономической деятельности, журналы заседаний, доклады. Во второй части – губернские обзоры местной агрономической деятельности: история земств по губерниям, статистика, организация местной агрономической помощи населению, распространение сельскохозяйственных знаний, мероприятия экономического и агрономического характера. «Труды съезда деятелей агрономической помощи местному хозяйству» по обширности заключенных в них вопросов в то время представляли настольную книгу для всех, интересующихся проблемами сельского хозяйства. Доклады в основном имели практическую направленность для профессионалов на местах: «Задача деятельности русских местных агрономов», «Земские агрономы и сельскохозяйственные коллегиальные учреждения», «Об установлении связи агронома с местным населением», «О регулировании общинного землевладения», «Об опытных полях Херсонской губернии», «О мерах к улучшению скотоводства в России», «Об артельных сыроварнях в Ярославской губернии», «О совместной закупке сельскохозяйственных орудий и машин», «Значение мелкого сельскохозяйственного кредита» и другие. Они показывают, как изменилась общественно-

агрономическая мысль после крестьянской реформы. Съезд не оставил без внимания и вопросы сельскохозяйственного книгоиздания. На секции «распространение сельскохозяйственных знаний» были представлены доклады «О популярных сельскохозяйственных изданиях», «О чтении в деревнях лекций по сельскому хозяйству», «Об издании плаката по травосеянию», «"Хуторянин" и его читатели», «Об отношении населения к общедоступным периодическим изданиям».

По докладам съезд принял специальное постановление: о необходимости распространения в народе газет, листовок, брошюр, плакатов; о необходимости составления Ученым Комитетом Министерства земледелия каталогов книг с «указанием их пригодности для того или иного района»; о бесплатной раздаче брошюр с одновременным сбором статистических материалов; о разрешении изданий на местных языках и др. Во второй части «Трудов» представлены ценные с исторической точки зрения материалы по конкретным территориям и подведены итоги агрономической помощи местному хозяйству за предшествующее съезду десятилетие.

Несмотря на то, что организационный комитет съезда обратился к губерниям прислать материалы в течение года, большая часть обзоров поступила в последние два месяца и в «Труды» включен 31 обзор местной агрономической деятельности по 28 губерниям Европейской России. Представленный систематический свод данных дает общее представление по агрономической деятельности местному населению. Отмечено, что в дореформенной правительственной деятельности в области собственно агрономической помощи населению все сводилось главным образом к ряду опытов по улучшению хозяйства отдельных групп крестьян (уездных, государственных, военных поселений).

Никакой существенной роли в развитии крестьянского хозяйства эта деятельность не имела. Земства и сельскохозяйственные общества на местах фактически после освобождения крестьян, проявив общественную инициативу, пытались создать систему управления сельским хозяйством. Съезд отметил успешную деятельность организации агрономической помощи в Вятской и Пермской губерниях. Обзор, представленный Херсонской губернией, дал подробную картину по истории создания системы управления и текущему состоянию сельского хозяйства по уездам этого региона. Вот лишь некоторые разделы данного обзора: исторические сведения о деятельности по содействию сельскому хозяйству в Херсонской губернии, агрономическая организация губернского земства, уездные организации, сельскохозяйственные комиссии, справочные сельскохозяйственные столы, сельскохозяйственные бюро, основные статистические исследования, текущая статистика, почвенные исследования, климатологические исследования, сельскохозяйственные учреждения, низшие сельскохозяйственные школы, курсы по садоводству и огородничеству, ссудо-сберегательные товарищества, кредиты, опытные поля, меры по распространению орудий и семян, улучшение различных отраслей животноводства, улучшение системы полеводства. Каждый из этих разделов снабжен статистическими данными и финансовыми расчетами.

По итогам работы съезда был принят «Систематический свод постановлений съезда», в котором на 22 страницах по каждой секции по пунктам расписаны конкретные рекомендации для дальнейшего развития агрономической помощи населению. Вот лишь один пример из постановления съезда по улучшению молочного хозяйства: «рекомендовать устройство артельных и общественных сыроварен в маслоделии при содействии правительства, земств и сельскохозяйственных обществ … для выгодного сбыта молока … как средство для массового улучшения скотоводства … организация института инструкторов и мастеров молочно-

го дела … ходатайствовать перед Министерством земледелия о командировках специалистов за границу, учреждении специального учебного заведения, разрешить использовать новые приборы молоковесы и молокомеры на маслодельнях и сыроварнях» [то же, с. 17].

Участники высказали единодушное мнение, что МОСХ должно проводить такие съезды регулярно. Но события первой русской революции 1905 г. помешали МОСХ продолжить работу в этом направлении. И только в 1911 г. Общество смогло организовать *Московский областной съезд деятелей агрономической помощи населению*, который проходил с 21 по 28 февраля и наметил дальнейшую программу развития сельского хозяйства в губерниях [23]. Заседания съезда проходили в шести секциях, на которых принято 12 постановлений.

В первой секции рассматривались вопросы общей организации агрономической помощи. Например, по докладу профессора А.В. Чаянова «Участковая агрономия и организационный план крестьянского хозяйства» принято решение рекомендовать во главе уездной агрономической организации создать коллегиальный орган из всех агрономов уезда, который и разработает программу деятельности хозяйств в соответствии с экономическими естественно-историческими условиями данного района. В секции «Распространение сельскохозяйственных знаний» обсуждались вопросы высшего, среднего и низшего сельскохозяйственного образования (А.Н. Челинцев и Д.Н. Прянишников, А.П. Левицкий, А.И. Угримов, А.И. Манухин и др.).

В третьей секции «вопросы экономического характера» обсуждались темы мелкого кредита; «проект нового нормального устава потребительских обществ»; кооперация; проект сельскохозяйственного банка; страхование скота (А.В. Чаянов «К вопросу о реформе страхования скота в России»). Отдельно в рамках этой секции рассматривались вопросы статистики. Предложено создавать специальные уездные статистические организации с функциями исполнительных органов и единым планом работ с губернскими статистическими бюро, издавать статистические справочники и др.

На секции «опытное дело» даны рекомендации об организации опытного дела на местах (по опытным пасекам, по испытанию сельскохозяйственных машин и орудий, по культуре болот и др.). Участники съезда согласились с предложением профессора А.Н. Челинцева о создании при опытных учреждениях отделов статистики. На пятой секции заслушаны доклады и приняты рекомендации по «экономике и технике при улучшениях сельского хозяйства». Проблемы животноводства и ветеринарии рассматривались на пятой секции. Съезд предложил ряд практических мер для «улучшения скотоводства»: организация показательных выставок скота, выдача кредитов для закупки кормов, устройство показательных опытов по правильному кормлению и содержанию скота, ссуды и пособия при покупке племенного скота, организация сбыта продукции животноводства, разработка ветеринарных мероприятий и т.п. [24].

Подводя итоги 50-летней деятельности земств, Московское общество сельского хозяйства отмечало, что развитие местной печати, исследований, частной инициативы связано с земствами. Земская работа далеко не всегда отвечала потребностям населения, но «она наложила печать на всю русскую провинцию; созданы были совсем новые по форме виды общественных мероприятий; появились своеобразные общественные работники; образовался новый круг отношений и культурных навыков … в земстве был дан толчок общественной самодеятельности в области самых насущных жизненных интересов народа, повлекших за собой целый ряд важных последствий» [25, с. 4].

Заключение.

Анализ материалов трех съездов МОСХ по агрономической помощи населению показывает, что повестка была сформирована в чисто практическом аспекте, в историографическом плане материалы съездов представляют широкую картину формирования системы управления сельским хозяйством на рубеже XX в. по отдельным агрикультурным направлениям и регионам России. Материалы съездов издавались в форме трудов, стенографических отчетов, протоколов заседаний, обзоров, отдельных монографий по актуальным темам.

Съезды не могли оказать существенной практической пользы сельскому хозяйству в условиях не оформившихся социально-экономических отношений в аграрном секторе России на рубеже XX столетия. Но в отсутствие других каналов коммуникаций они предоставляли редкую возможность для живого общения ученым и специалистам, собственникам земли, работающим в аграрной сфере, высказывать собственное мнение, знакомиться с передовым опытом в ведении хозяйства или внедрять научные разработки, ставить новые проблемы. Общественная инициатива имела огромное значение для формирования аграрной отрасли России. Процессы организации и проведения сельскохозяйственных съездов заложили основы современных конференций. Но приведенные примеры съездов МОСХ по агрономической помощи населению представляют все же образец иного формата, который еще не до конца освоен в современных условиях. Можно согласиться с тезисом профессора РАН В.В. Пациорковского, что «симбиоз экономически и социально активных хозяев, локальных сообществ и местной власти вполне способен к формированию и реализации задач сельского развития» [26, с. 21].

В век мгновенного доступа к информации, разветвленной сети коммуникаций ученым, специалистам, общественным деятелям необходимы площадки для живого обсуждения насущных проблем, в первую очередь в регионах, для осуществления реальной помощи аграриям.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Справочные сведения о сельскохозяйственных обществах по данным на 1915 год. – СПб., 1916. – 428 с.
2. Бобович И.М. Новые тенденции в развитии земледельческого хозяйства России первой половины XIX века. Итоги и задачи изучения аграрной истории СССР в свете решений XXVII съезда КПСС. – М., 1986. – С. 126-128.
3. Маслов С.А. Историческое обозрение действий и трудов МОСХ со времени его основания до 1846 года. - 2-е изд. – М., 1850. – 368 с.
4. Голованова Л.Г. Московское общество сельского хозяйства (очерки из истории русской общественно-агрономической мысли и сельского хозяйства в I половине XIX в.): Дис. … канд. ист. наук. – М., 1953. – 437 с.
5. Трусова Н.С., Блюмфельд О.А. Из истории возникновения и начальной деятельности МОСХ. Материалы по истории сел. хоз-ва и крестьянства в СССР. – М., 1959. Сб. 3. – С. 280-324.
6. Воблый К.Г. Опыт истории свеклосахарной промышленности СССР. – М., 1928. Т.1. – 412 с.
7. Тихонов В.В. Развитие свеклосахарной промышленности в России и комитет сахароваров до 1861 года: Дис. ... канд. ист. наук. – М., 1955. – 561 с.
8. Нохрина В.А. Издательская деятельность Московского общества сельского хозяйства (1820–1917 гг.): Автореф. дис. … канд. ист. наук. – М., 1990. – 24 с.

9. Карлина А.А. Московское общество сельского хозяйства в XIX – начале XX века: Из истории русской аграрной мысли: Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Самара, 1998. – 18 с.
10. Дударев М.И. Московское общество сельского хозяйства в общественном и кооперативном движении (1895–1908): Автореф. дис. … канд. ист. наук. – М., 1997. – 26 с.
11. Курёнышев А.А. Сельскохозяйственная столица России. Очерки истории Московского общества сельского хозяйства (1818–1929). – М., 2012. – 404 с.
12. Козлов С.А. Служение интересам всей страны: Московское общество сельского хозяйства (1820–1930 гг.). Т. 1-3. – СПб., 2020.
13. Историческое наследие Московского общества сельского хозяйства и модернизация аграрного сектора России: Науч. конф., посв. 200-летию образования Императорского Московского общества сельского хозяйства, 22-23 сентября 2020 г. – М.: ВИАПИ им. А.А. Никонова, 2020. – 165 с. / URL: http://www.viapi.ru/download/2020/MOCX-2020.pdf
14. Нохрина В.А. Сельскохозяйственные выставки Московского общества сельского хозяйства в XIX – начале XX вв. Экономика сельского хозяйства России. – 2017. – № 11. – С. 22-25.
15. Нохрина В.А. Издания МОСХ как источник по истории развития аграрной мысли в России (к 200-летию Общества 1820–1930 гг.) // International Agricultural Journal. – 2020. – № 3. – С. 65-75. DOI: https://doi.org/10.24411/2588-0209-2020-10183
16. Нохрина В. А. «Земледельческий журнал» и его роль в развитии сельского хозяйства России в 1821–1840 гг. (к 200-летию журнала) // Аграрная наука Евро-Северо-Востока. – 2021. – № 22(2). – С. 287-296. DOI: https://doi.org/10.30766/2072-9081.2021.22.2.287-296
17. Комиссия по вопросу о хуторах и современных условиях крестьянского хозяйства. Доклады. Т.1-5. – М., 1880–1884.
18. Столыпин Д.А. Доклады в комиссию Императорского Московского общества сельского хозяйства по вопросу о хуторах и современных условиях крестьянского хозяйства. Т.2. О личном и общинном пользовании землей. – М., 1884. – 234 с.
19. Крандиевский В.А. Обзор земских мероприятий в области сельского хозяйства за 1892–1893 гг. – М., 1894. – 253 с.
20. Труды Всероссийского съезда сельских хозяев, созванного Императорским Московским обществом сельского хозяйства с 10 по 20 декабря 1895 года. – М., 1896. Вып.1-11.
21. Лемус В.И. Частная и общественная предприимчивость в сельском хозяйстве России. – М., 1903. – 325с.
22. Труды Съезда деятелей агрономической помощи местному хозяйству (10–19 февраля 1901 года). Ч. 1-2 . – М., 1901.
23. Труды Московского областного съезда деятелей агрономической помощи населению 21–28 февраля 1911 года. Т.1-5. – М., 1911.
24. Свод постановлений Московского областного съезда деятелей агрономической помощи населению 21–28 февраля 1911 года. – М., 1911. – 31с.
25. Очерки экономической деятельности земства: Сб. ст. – М., 1914. – 121с.
26. Пациорковский В.В. Сельское развитие. Сельские территории в пространственном развитии страны: потенциал, проблемы, перспективы. Никоновские чтения – 2019. – М.: ВИАПИ им. А.А. Никонова, 2019. – С. 21-23.

REFERENCES

1. Spravochnye svedenija o sel'skohozjajstvennyh obshhestvah po dannym na 1915 g. [Reference information on agricultural societies according to the data for 1915]. Sankt-Peterburg. 1916. 428 p.
2. Bobovich I.M. Novye tendencii v razvitii zemledel'cheskogo hozjajstva Rossii pervoj poloviny XIX veka. Itogi i zadachi izuchenija agrarnoj istorii SSSR v svete reshenij XXVII s#ezda KPSS [New trends in the development of agricultural economy in Russia in the first half of the XIX century]. Moskva. 1986. P. 126-128.
3. Maslov S.A. Istoricheskoe obozrenie dejstvij i trudov MOSKh so vremeni ego osnovanija do 1846 g.[Historical review of the actions and works Moscow Society of agriculture of the from the time of its foundation to 1846]. 2-e izd. Moskva. 1850. 368 p.
4. Golovanova L.G. Moskovskoe obshhestvo sel'skogo hozjajstva (ocherki iz istorii russkoj obshhestvenno-agronomicheskoj mysli i sel'skogo hozjajstva v I polovine XIX veka) [Moscow Society of agriculture (essays from the history of Russian socio-agronomic thought and agriculture in the first half of the XIX century)]: dis…kand. ist. nauk. Moskva. 1953. 437 p.
5. Trusova N.S., Bljumfel'd O.A. Iz istorii vozniknovenija i nachal'noj dejatel'nosti MOSKs [From the history of the origin and initial activity of the Moscow Society of agriculture]. Materialy po istorii sel. hoz-va i krest'janstva v SSSR. Moskva.1959. Sb. 3. P. 280-324.
6. Voblyj K.G. Opyt istorii sveklosaharnoj promyshlennosti SSSR [Experience of the history of the beet sugar industry of the USSR]. Moskva. 1928. V.1. 412 p.
7. Tihonov V.V. Razvitie sveklosaharnoj promyshlennosti v Rossii i komitet saharovarov do 1861 g.[The development of the sugar beet industry in Russia and the Committee of sugar producers until 1861]: dis... kand. ist. nauk. Moskva.1955. 561 p.
8. Nohrina V.A. Izdatel'skaja dejatel'nost' Moskovskogo obshhestva sel'skogo hozjajstva (1820-1917 gg.) [Publishing activity of the Moscow Society of Agriculture (1820-1917)]: avtoref. dis…kand. ist. nauk. Moskva.1990. 24 p.
9. Karlina A.A. Moskovskoe obshhestvo sel'skogo hozjajstva v XIX-nachale XX veka: Iz istorii russkoj agrarnoj mysli [Moscow Society of Agriculture in the XIX-early XX century: From the history of Russian agrarian thought]: avtoref. dis... kand. ist. nauk. Samara. 1998. 18 p.
10. Dudarev M.I. Moskovskoe obshhestvo sel'skogo hozjajstva v obshhestvennom i kooperativnom dvizhenii (1895-1908) [Moscow Society of agriculture in the social and cooperative movement (1895-1908)]: avtoref. dis...kand. ist. nauk. Moskva. 1997. 26 p/
11. Kurjonyshev A.A. Sel'skohozjajstvennaja stolica Rossii. Ocherki istorii Moskovskogo obshhestva sel'skogo hozjajstva (1818–1929) [Agricultural capital of Russia. Essays on the History of the Moscow Society of Agriculture (1818-1929)]. Moskva. 2012. 404 p.
12. Kozlov S.A. Sluzhenie interesam vsej strany: Moskovskoe obshhestvo sel'skogo hozjajstva (1820-1930 gg.) [Serving the interests of the whole country: Moscow Society of Agriculture (1820-1930)]. V. 1-3. Sankt-Peterburg. 2020.
13. Istoricheskoe nasledie Moskovskogo obshhestva sel'skogo hozjajstva i modernizacija agrarnogo sektora Rossii: nauchnaja konferencija, posvjashhennaja 200-

letiju obrazovanija Imperatorskogo Moskovskogo obshhestva sel'skogo hozjajstva, 22-23 sentjabrja 2020 g. Moskva. VIAPI im. A.A. Nikonova. 2020. [Historical heritage of the Moscow Society of Agriculture and Modernization of the Agricultural Sector of Russia: scientific conference dedicated to the 200th anniversary of the formation of the Imperial Moscow Society of Agriculture, September 22-23, 2020. Moscow. VIAPI named after A. A. Nikonov. 2020. 165 p.] Available at: http://www.viapi.ru/download/2020/MOCX-2020.pdf

14. Nohrina V.A. Sel'skohozjajstvennye vystavki Moskovskogo obshhestva sel'skogo hozjajstva v XIX - nachale XX vv. [Agricultural exhibitions of the Moscow Society of Agriculture in the XIX-early XX centuries.] Jekonomika sel'skogo hozjajstva Rossii. 2017. N 11. P. 22-25.
15. Nokhrina V.A. Izdaniya MOSKh kak istochnik po istorii razvitiya agrarnoy mysli v Rossii (k 200-letiyu Obshchestva 1820-1930 gg.). [Publications of the Moscow society of agriculture as a source on the history of developmentof agricultural thought in Russia (to the 200th Anniversary of the society 1820-1930)]. International Agricultural Journal. 2020. N. 3. P. 65-75. (In Russ.). DOI: https://doi.org/10.24411/2588-0209-2020-10183
16. Nohrina V. A. «Zemledel'cheskij zhurnal» i ego rol' v razvitii sel'skogo hozjajstva Rossii v 1821-1840 gg. (k 200-letiju zhurnala) [«Farming journal» and its role in development of agriculture of Russia in 1821-1840 (to the 200-th anniversary of the journal). Agrarnaya nauka Evro-Severo-Vostoka = Agricultural Science Euro-North-East. 2021. N. 22(2). P. 287-296. (In Russ.). DOI:https://doi.org/10.30766/2072-9081.2021.22.2.287-296
17. Komissija po voprosu o hutorah i sovremennyh uslovijah krest'janskogo hozjajstva. Doklady [Commission on the question of farms and modern conditions of peasant farming]. V.1-5. Moskva. 1880-1884
18. Stolypin D.A. Doklady v komissiju Imperatorskogo Moskovskogo obshhestva sel'skogo hozjajstva po voprosu o hutorah i sovremennyh uslovijah krest'janskogo hozjajstva [Reports to the commission of the Imperial Moscow Society of Agriculture on the question of farms and modern conditions of peasant farming. On personal and community use of land]. V.2. O lichnom i obshhinnom pol'zovanii zemljoj. Moskva. 1884. 234 p.
19. Krandievskij V.A. Obzor zemskih meroprijatij v oblasti sel'skogo hozjajstva za 1892-1893 gg. [Review of zemstvo measures in the field of agriculture for 1892-1893]. Moskva. 1894. 253 p.
20. Trudy Vserossijskogo s#ezda sel'skih hozjaev, sozvannogo Imperatorskim Moskovskim obshhestvom sel'skogo hozjajstva s 10 po 20 dekabrja 1895 g. [Proceedings of the All-Russian Congress of Rural Owners, convened by the Imperial Moscow Society of Agriculture from December 10 to 20, 1895]. Moskva. 1896. V.1-11
21. Lemus V.I. Chastnaja i obshhestvennaja predpriimchivost' v sel'skom hozjajstve Rossii [Private and public entrepreneurship in agriculture in Russia]. Moskva. 1903. 325 p.
22. Trudy S#ezda dejatelej agronomicheskoj pomoshhi mestnomu hozjajstvu. (10-19 fevralja 1901 g.) [Proceedings of the Congress of figures of agronomic assistance to Local economy. (February 10-19, 1901)]. V. 1-2. Moskva. 1901
23. Trudy Moskovskogo oblastnogo s#ezda dejatelej agronomicheskoj pomoshhi naseleniju 21-28 fevralja 1911 g. [Proceedings of the Moscow Regional Congress of figures of agronomic assistance to the population on February 21-28, 1911] V.1-5. Moskva. 1911

24. Svod postanovlenij Moskovskogo oblastnogo s#ezda dejatelej agronomicheskoj pomoshhi naseleniju 21-28 fevralja 1911g. [Code of resolutions of the Moscow Regional Congress of figures of agronomic assistance to the population on February 21-28, 1911]. Moskva. 1911. 31 p.
25. Ocherki jekonomicheskoj dejatel'nosti zemstva: sbornik statej [Essays on the economic activity of the Zemstvo]. Moskva. 1914. 121 p.
26. Paciorkovskij V.V. Sel'skoe razvitie. Sel'skie territorii v prostranstvennom razvitii strany: potencial, problemy, perspektivy. Nikonovskie chtenija [Rural development. Rural territories in the spatial development of the country: potential, problems, prospects. Nikon readings. 2019. Moscow. VIAPI named after A. A. Nikonov]. Moskva. VIAPI im. A.A. Nikonova. 2019. P. 21-23.

Информация об авторе: Нохрина Валентина Алексеевна, кандидат исторических наук, заслуженный работник культуры РФ, зав. отделом ФГБНУ «Центральная научная сельскохозяйственная библиотека», Орликов пер., д. 3Б, г. Москва, Российская Федерация, 107140
e-mail: nva@cnshb.ru
https://orcid.org/0000-0003-3415-9696
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи

Information about the author*:* Valentina I. Nokhrina, PhD in History, Honoured Worker of Culture of the Russian Federation, Head of the Department of Central Scientific Agricultural Library, Orlikov st., 3B, Moscow, Russian Federation, 107140
e-mail: nva@cnshb.ru
https://orcid.org/0000-0003-3415-9696

The author has read and approved the final manuscript

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 23.03.2021
Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 19.04.2021
Принята к публикации / Accepted for publication: 27.04.2021

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов./ The author declares no conflicts of interests

© Нохрина В.А. 2021
© «ИСОМ». 2021

CC BY

Отечественная история
National History

Научная статья

DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-2-128-150
УДК 31/93/94

МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НАЦИОНАЛЬНОГО СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ И ЮЖНОГО УРАЛА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

ПЕТРОВ Владимир Иванович
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия
history1380@mail.ru

В работе представлен компаративный анализ и характеристика социально-бытовых особенностей жизнедеятельности народов, населявших регионы с 1867 г. до конца XIX в. По мысли автора, русское население в губерниях Среднего Поволжья составляло более значительную долю, чем на территории Южного Урала, но общий процент русского населения уменьшался в Среднем Поволжье, что вызвано слабым притоком русских с центральной части России, оттоком этой части населения в другие части страны, переселенческим процессом нерусских народов на Среднюю Волгу, разницей в рождаемости у представителей народов.
Население Среднего Поволжья и Южного Урала к концу XIX в. отличалось исключительно многонациональным составом, что было обусловлено историческими особенностями расселения народов России, социально-экономическими условиями развития губерний и переселенческими процессами. Губернские города являлись местом сосредоточения более разнообразного в национальном отношении населения, в отличие от жителей уездов и волостей, и центрами интенсивных межнациональных контактов.

Ключевые слова: национальный состав, население Среднего Поволжья и Южного Урала, вторая половина XIX в.

Для цитирования: Петров В.И. Межрегиональная сравнительная характеристика национального состава населения Среднего Поволжья и Южного Урала второй ПОЛОВИНЫ XIX века.// *Историческая и социально-образовательная мысль.* 2021. Том. 13. № 2. с. 128-150
DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-2-128-150

Original article

INTERREGIONAL COMPARATIVE CHARACTERISTICS OF THE NATIONAL COMPOSITION OF THE POPULATION OF THE MIDDLE VOLGA REGION AND THE SOUTHERN URALS OF THE SECOND HALF OF THE 19th CENTURYV

Vladimir I. PETROV
Kuban State University
Krasnodar, Russia
history1380@mail.ru

The paper presents a comparative analysis and characteristics of the social and everyday life of the peoples who inhabited the regions from 1867 to the end of the 19th century. Russian population in the provinces of the Middle Volga region had a larger share than in the Southern Urals, but the overall percentage of the Russian population decreased in the Middle Volga region, which is caused by a weak influx of Russians from the central part of Russia, the outflow of this part of the population to other parts of the country, the migration process of non-Russian peoples to the Middle Volga, the difference in the birth rate of representatives of the peoples.
The population of the Middle Volga region and the Southern Urals by the end of the 19th century was distinguished by an exclusively multinational composition, which was due to the historical features of the settlement of the peoples of Russia, the socio-economic conditions of the development of the provinces and the migration processes (what exactly). Provincial cities were places of concentration of a more diverse population in national terms, in contrast to the inhabitants of counties and volosts, and centers of intensive interethnic contacts.

***Keywords**:* national composition, population of the Middle Volga region and the Southern Urals, the second half of the 19th century

For citation: Petrov V.I. Interregional comparative characteristics of the national composition of the population of the Middle Volga region and the Southern Urals of the second half of the 19th century. *Historical and Social-Educational Idea.* 2021. Vol. 13. No.2. PP. 128-150. (In Russ.).
DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-2-128-150

Введение

Выявление соотношения численности и сословного состава национальных групп двух соседствующих регионов России в пореформенный период XIX в. необходимо для понимания тенденций развития российского общества. Подвергнут анализу национальный состав, род занятий населения Среднего Поволжья и Южного Урала во второй половине XIX в. Актуальность исследования заключается в необходимости определения тенденций развития страны с учетом попыток сохранения государствообразующего этноса.

Политика Российской империи по отношению к национальным группам населения Среднего Поволжья не была колонизационной, а наоборот, приводила

к росту численности татарского, башкирского, мордовского и других народов на фоне уменьшения доли русского народа. На территории Южного Урала рост доли русского населения более чем на 5% был связан в первую очередь переселенческим процессом. Такие сведения получены при подсчетах автора по источникам: «Движение населения Европейской России за 1867 год». СПб., 1868 [8], «Статистические таблицы, обработанные в Центральном Статистическом Комитете Министерства Внутренних дел». СПб, 1872 [9].

Второй по численности группой населения в регионе Среднего Поволжья были татары, на третьем месте – чуваши [15, с. 325]. На территории Южного Урала на втором месте по численности на протяжении всей второй половины века были башкиры, на третьем месте, но с большим отрывом – татары [26, с. 44, 45]. В пореформенное время и в начале XX в. не было сделано специального исследования темы по изучаемому региону. Некоторые работы дореволюционного периода имели определенную практическую значимость для центральной и местной власти. Глубокого анализа демографических и социально-экономических процессов в них не было, но они содержали любопытный и частью уникальный конкретно-исторический материал. К таким изданиям можно отнести труды П. Алабина, М. Пинягина, М.О. Волкова, В.М. Черемшанского [1]. Для описания обычаев, особенностей уклада жизни народов использовался такой источник, как «Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба» на территории Казанской, Симбирской и Оренбургской губерний. В них дается подробное описание районов компактного проживания татар, мордвы, чувашей Средней Волги, башкир и татар Оренбургской губернии. Работы военных статистиков носили описательный характер, в них отсутствовали анализ материала и выводы. Косвенно давалась характеристика национальному составу регионов на основе изучения промыслов крестьянского сословия в трудах В.Н. Косолапова, А.А. Овчинникова, В.В. Перцова, В.П. Траубенберга, Н.А. Филиппова, Н. Холщевникова [2], а по Симбирской губернии – К.Я. Воробьева и А.К. Костылева [3]. Тема национального состава Поволжья и Урала вновь была поднята только в 60-х годах XX в. (Н.М. Дружинин, А.М. Анфимов) [4]. Важным для нашей работы является исследование 80-х годов XX в. С.И. Даишева и Ю.И. Смыкова «Миграционное движение в Среднем Поволжье в период капитализма (60–90-е годы века)», в котором определены масштабы внутреннего переселения в регионе [5]. Затем в 90-е годы XX в. определенный вклад в изучение населения Среднего Поволжья внес И.К. Загидуллин, рассмотрев социально-политическое и правовое положение татарских крестьян Казанской губернии во второй половине Х1Х в. («Татарские крестьяне Казанской губернии во второй половине XIX в.». Казань, 1992). Из первого десятилетия 2000-х годов тема более подробно рассматривалась автором предлагаемой статьи [6]. К изучению были привлечены фонды Государственного архива Самарской области (ГАСО, фонды № 3, 171), Государственного архива Оренбургской области (ГАОО, фонды № 6, 10, 11, 38, 41, 164, 165, 174), то есть источники, содержащие материалы делопроизводственного, административного, статистического характера, касающиеся всех категорий населения губерний изучаемого периода.

В перечень примененных методов вошли общенаучные, специальные исторические и междисциплинарные методы исследования. Автор рассматривал национальный состав регионов с позиций как линейного, так и цивилизационного подходов к историческому процессу.

Анализ. Содержание исследования

Наиболее многочисленной национальной группой населения Среднего Поволжья в конце XIX в. являлись русские. Процент русских в Среднем Поволжье составлял 56,5% (более чем 3,6 млн чел.) [7, с. 3, 82, 83, 162, 163]. В то же время на Южном Урале доля русского населения была заметно меньше – 51,6% (1,96 млн чел) [7, с. 44, 45]. В период с 1867 по 1897 г. доля русского населения Среднего Поволжья в целом по региону сократилась более чем на 1%, доля православного населения также сократилась с 78,7% до 77,3% [8, с. 58-67]. В губерниях Южного Урала составная часть русского населения с 1867 по 1897 г. увеличилась на 5,3% как и православного населения – в Оренбургской губернии на 5,52%, в Уфимской губернии – на 5,1%, что подтверждает значение притока русских крестьян-переселенцев из центральных губерний России [9, с. 66-67].

В таком интересном сборнике исследования края, как «Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба по Симбирской и Оренбургской губерниям в 60-х годах XIX века», отмечаются особенности представительства населения в зависимости от их национальной принадлежности. В связи с тем, что крестьянство являлось самым многочисленным сословием и одновременно носителем великорусской национальной культуры, то и русское население целесообразнее рассматривать на примере крестьянства.

Во всех изучаемых пяти губерниях двух представленных регионов в среде крестьянского населения отмечались абсолютно различные типы одежды, особенности в обычаях, во внутреннем убранстве жилища, в обстановке домашнего быта, и «это прямо указывает, что все они переселенцы из различных мест России» [10, с. 317]. Природный ум русского человека, его смышленость и умение находить общий язык с инородцами придавали ему явное доверие и уважение со стороны жителей других национальностей. В местах, где были развиты промыслы, – в уездах, расположенных по рекам Волге, Суре, Каме (Сызранский, Карсунский, Алатырский, Симбирский и др.), русские жители отличались «особой развитостью и удалью; самая обстановка его носит отпечаток большого довольства, и не мудрено – занимаясь торговыми оборотами и промыслами, они … приобретают более сметливости и оборотливости» [10, с. 320]. Напротив, русские крестьяне, «прикованные к месту, к своей земле, живут в тесном кругу своей деревни, тяжелый труд … приучает их к терпению», такие русские отличаются смирением и покорностью [10]. Из всего населения Среднего Поволжья в деревне проживало 88,3% жителей [11, с. 62-65]. Большей частью русское население региона было православным: от 74,5% в Симбирской губернии до 80,0 % в Самарской. Но русские жители Среднего Поволжья встречались среди мусульман, католиков и составляли основную часть раскольников. В этой части населения региона преобладают женщины – их на 2,5% больше, чем мужчин. В Симбирской губернии процент русских был самым высоким – 68,0%, в Самарской губернии русских насчитывалось 1 775 839 человек, что составляло к концу века 64,5% от всего населения. Казанская губерния значительно уступала по количеству и доле русских – 38,4% от всего населения.

Самое значительное число русских жителей Южного Урала проживало в Оренбургской губернии. На 1897 г. в губернии насчитывалось 1 126 040 русских, что составляло 70,3% от всего населения губернии. В Уфимской губернии – соответственно 38,0%, что было меньше, чем в Казанской губернии. Как и на Средней Волге (и по России в целом), представители русской национальности Южного

Урала являлись главной составляющей частью православного населения – в Уфимской губернии русских среди всех православных христиан было 83,8% (806 241 чел.), в Оренбургской – 91,7% (1 077 377 чел.). Количество женщин среди русского населения было на 1,3% больше, чем мужчин, то есть эта разница не была такой большой, как в Среднем Поволжье.

Следующей по численности национальной группой в составе населения Среднего Поволжья были татары. Их насчитывалось к 1897 г. 974,5 тыс. человек, что составляло 15,1% от всего населения региона (таблица 1). Большая часть татарского населения Среднего Поволжья проживала в Казанской губернии – 675 419 человек, или 31,1% от всего ее населения. Татарское население региона на 95,6% было представлено преимущественно крестьянами. Татары Среднего Поволжья составляли главную часть мусульманского населения. Среди жителей мусульманского вероисповедания Казанской губернии 99,87% представителей были татарами, и совершенно незначительно мусульмане губернии были представлены мордвой и чувашами [12, с. 3]. Более половины, а именно 56,4%, мусульман Самарской губернии были представлены татарами [13, с. 62-65], а в Симбирской губернии – почти все, 99,8% (133 676 чел.) [13, с. 64-67]. В период с 1867 по 1897 г. доля татарского населения существенно выросла лишь в Казанской губернии (с 28,0 до 31,1%), как и мусульманского населения с 8,0 до 8,76% [13, с. 62-64]. С учетом того, что в Самарской губернии доля татарского населения сократилась с 11,6% в 1867 г. до 6,0% в 1897 г. [13, с. 60-61], в целом по Среднему Поволжью доля татар в составе населения к концу XIX в. практически не изменилась. Надо отметить, что половина всего татарского населения России проживала в Казанской губернии. История появления татар Средней Волги уходит к племенам Болгарского, а позже Казанского царств, население которых рано перешло к земледелию и оседлому образу жизни.

Таблица 1. Национальный состав населения Среднего Поволжья в конце XIX в. [14, с. 325]

Table 1. Ethnic composition of the population of the Middle Volga region at the end of the 19th century[14, с. 325].

Губернии / Национальность	Казанская		Симбирская		Самарская		По региону	
	Колво	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Русские	833 340	38,4	1 038 493	68,0	1775 839	64,5	3 647 672	56,5
Украинцы	1408	0,06	1271	0,08	119 301	4,3	120 572	1,9
Белорусы	652	0,03	1455	0,1	418	0,01	1873	0,03
Поляки	211	-	757	0,05	1940	0,07	2697	0,04
Литовцы-латыши	173	-	344	0,02	837	0,03	1354	0,02
Немцы	1155	0,05	593	0,04	224 336	8,2	226 084	3,5

Евреи	1381	0,06	445	0,03	1669	0,06	3495	0,05
Эстонцы	767	0,03	837	0,05	2029	0,07	2866	0,04
Вотяки	9679	0,4	15	-	2118	0,08	11 812	0,2
Мордва	22 187	1,0	188 980	12,4	238 598	8,7	449 765	7,0
Татары	675 419	31,1	133 977	8,8	165 191	6,0	974 587	15,1
Башкиры	22	-	20	-	57 242	2,1	57 262	0,9
Мещеряки	16	-	5	-	6580	0,2	6585	0,1
Тептяри	43	-	4	-	47 684	1,7	47 688	0,7
Чуваши	502 042	23,1	159 766	10,5	91 839	3,3	753 647	11,7
Черемисы	122 717	5,6	13	-	-	-	122 730	1,9

Татары региона имели смешанное происхождение, к потомкам населения Казанского царства присоединялись жители «тюркского, отуреченного финского происхождения» [15, с. 149].

Основными занятиями татар являлось выращивание хлеба и скотоводство. Но, как отмечено офицерами Генерального штаба, несмотря на то что они «хлебопашеством занимаются успешно», татары при любой возможности «предпочитают более легкий труд торговли. Они отличаются особенным тактом и ловкостью в торговых делах. Но большие потребности и несколько роскошная, иногда не по средствам, жизнь ведет к тому, что многие из них разоряются и оттого, в итоге, между татарами встречается много бедных семейств» [16, с. 325].

Если в Симбирской и Самарской губерниях татары среди православных встречаются редко (менее 1%) [17, с. 2-3], то в Казанской губернии в 1897 г. их доля в православном населении составляла 8,05%. Татары, предки которых приняли христианство или сами перешедшие в православие во второй половине XIX в., «придерживались многих магометанских обрядов, а из разрешений христианской церкви более всего придерживаются употреблению вина. Нравственное состояние этих людей вызывает полное сожаление» [18, с. 326]. Татары, принявшие христианство, лишились возможности посещать мечети, а православное духовенство, не зная татарского языка, имело малое влияние «на развитие нравственной стороны этих людей, заботилось только об ежегодном исполнении ими христианских обязанностей (исповедь и причащение)» [18]. Семейный быт татарина был регламентирован традициями ислама, которые определяли полную подчиненность женщины, но с супругой татарин «ласков и обращается с ней не как властелин, а как покровитель. Гостеприимство есть одна из отличительных его черт» [18]. Несмотря на часто встречающиеся обвинения татар в конокрадстве и чрезмерной хитрости, татарское население региона хранило лучшие черты трудового крестьянства России и являлось неотъемлемой и весомой составляющей частью населения Среднего Поволжья.

Если в губерниях Среднего Поволжья доля башкирского населения была незначительной (0,88%, или 57 256 чел.) [19, с. 62-63], то на территории Южного Урала башкиры представляли вторую по численности группу населения. В Уфимской губернии при положительной динамике роста их численности начиная с

1867 г. башкиры составляли к концу века 41% от всего населения, в Оренбургской губернии – 15,8%. Башкиры – народ, упоминаемый уже арабскими писателями X–XII вв. и европейскими путешественниками Плано-Карпини и Рубруквисом в XIII в. Российский исследователь Н.С. Никольский в XIX в. сделал вывод, что в происхождении башкир главную роль играли роды Малой орды и племя кипчак при смешении с родами алтайско-енисейских племен, но это лишь одна из существующих теорий происхождения башкирского народа. В 1556 г. башкиры были присоединены к Московскому государству, после чего начались захваты башкирских земель русскими чиновниками и дворянами, притеснения местной знати, что приводило к частым бунтам. В 1798 г. было создано башкирское иррегулярное войско, которое просуществовало до 1861 г., когда башкирское население было обращено в крестьянское сословие [20, с. 30-32]. Основная часть (почти 900 тыс.) башкир России к концу XIX в. проживали в Уфимской губернии, в Оренбургской их было 254 тыс., в Самарской – 57 тыс., всего в России их насчитывалось около 1300 тыс. человек [20].

В Уфимской губернии башкиры составляли 80,9% от всего мусульманского населения [21, с. 45], то есть 886 163 представителя этой народности относились к магометанам, но и в составе православного населения Уфимской губернии башкиры тоже присутствовали, хотя и меньше, чем чуваши – 6,1%, татары – 4,1%, мордва – 3,7%, но все же заметно. Башкир в составе православных христиан Уфимской губернии в 1897 г. насчитывалось 13 638 человек, или 1,4% [21].

Татары Южного Урала составляли третью по численности группу населения региона к концу XIX в. (таблица 2), здесь их проживало 277 743 человека, что составляло 7,3% от всего населения региона. Большая часть татар региона (66,5%) проживала в Уфимской губернии.

Следующей национальной группой населения Южного Урала являлись черемисы – 2,1% от всех жителей региона, причем 92,3% черемисов находились в Уфимской губернии (60 616 чел.). Черемисы, или марийцы, как и мордва, являлись выходцами из финно-угорских племен и при смешении с тюркскими народами в XVI в. были, по некоторым версиям, основой чувашской народности. Еще больше, чем в Башкирии, черемисов проживало в Казанской губернии (122 717 чел.). Доля черемисов в составе населения Среднего Поволжья была незначительной и составляла 1,9% [22, с. 62, 63].

Третьей по численности группой населения в Среднем Поволжье после русских и татар были чуваши; их в конце XIX в. в регионе было 11,7%. Большая часть чувашского населения проживала в Казанской губернии – 502 042 человека, или почти 67% [22, с. 50, 53, 62, 63]. В Южном Урале чувашей проживало в 11 раз меньше, чем в Среднем Поволжье, и в основном в Уфимской губернии. Всего в Российской империи к концу XIX в. чувашей проживало около 650 тыс. [23, с. 44]. В русских летописях впервые они упоминались в 1524 г. при основании г. Васильсурска, затем в 1551 г. при основании г. Свияжска [23]. Главным местом поселения чувашей, как и в XVII–XVIII вв., так и в XIX в., был правый берег Волги в Казанской губернии, а именно в Цивильском, Ядринском, Чебоксарском, Козьмодемьянском уездах (ок. 400 тыс.), в Симбирской губернии (ок. 160 тыс.) (таблица 1). При описании Симбирской губернии во второй половине XIX в. офицеры Генерального штаба представляли чувашей в меньшей степени развитым «племенем», чем мордва, татары или русские. Чуваши селились в лесных местах северной части Симбирской губернии и в XIX в. вынуждены были все более тесно входить в контакт с русским и татарским населением. «Кроме хлебопашества, которым чуваши

занимаются весьма успешно, только некоторые виды промыслов развиты между ними, как-то: плетение лаптей, делание деревянных, домашних принадлежностей, саней, колес, … грубая выделка кож» [24, с. 322]. Причем эти промыслы существовали лишь для удовлетворения собственных потребностей, которые были невелики: «… даже богатый чувашин живет хуже иного бедного русского» [24, с. 323]. Неординарными были некоторые обычаи чувашей, например «повеситься на воротах обидчика или поджечь свой дом, когда ветер в сторону соседа» [24, с. 323]. Чуваши говорили на собственном языке, который имел тюркскую основу. В чувашском языке насчитывалось около 1,5 тыс. слов, и он не всегда отражал абстрактные понятия.

Достаточно заметной группой населения как Среднего Поволжья (7,0%), так и Южного Урала (2,0%) были представители мордовской национальности. Большая часть мордвы Среднего Поволжья проживала во второй половине XIX в. в Самарской губернии – 238 598 человек, или 53%.

Таблица 2. Национальный состав населения Южного Урала в конце XIX в. [25, с. 44, 45].

Table 2. Ethnic composition of the population of the Southern Urals at the end of the 19th century[25, с. 44, 45].

Губернии / Национальность	Оренбургская		Уфимская		По региону	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
1	2	3	4	5	6	7
Русские	1 126 040	70,3	834 135	38,0	1 960 175	51,6
Украинцы	41 541	2,6	4996	0,2	46 537	1,2
Белорусы	2247	0,1	505	0,02	2752	0,07
Поляки	1696	0,1	956	0,04	2652	0,07
Литовцы-латыши	280	0,02	3914	0,2	4194	0,1
Немцы	5457	0,3	1082	0,05	6539	0,2
Евреи	1844	0,1	634	0,03	2478	0,06
Эстонцы	24	-	617	0,03	641	0,02
Вотяки	109	-	22 501	1,0	22 610	0,6
Мордва	38 403	2,3	37 289	1,7	75 692	2,0
Татары	92 926	7,2	184 817	8,4	277 743	7,3
Башкиры	254 561	15,8	899 913	41,0	1 154 474	30,4
Мещеряки	4898	0,2	20 957	1,0	25 855	0,7
Тептяри	16 877	1,0	39 955	1,8	56 832	1,5
Чуваши	5064	0,3	60 616	2,8	65 680	1,7
Черемисы	20	-	80 608	3,7	80 628	2,1
Киргизы	4971	0,3	-	-	4971	0,1
Турки	-	-	521	0,02	521	0,01

Как и другие представители местных народов, мордовское население в большинстве своем являлось крестьянами.

Благосостояние мордовского населения основывалось на выращивании пшеницы, ржи, овса и других злаковых культур, на разведении скота. В хлебопашестве «он (мордвин) действительно не уступает никому» [26, с. 321]. Мордвин немногословен и трудолюбив, он всегда занят делом.

«Мордовский язык не труден и благозвучен, … он составляет два наречия – язык ерзи и мокши». Представители ерзи похожи на русских жителей, а в чертах мокшанских представителей просматриваются черты людей татарской национальности (темный цвет волос, округлость лица) [26, с. 323].

Существенным отличием в национальном составе Среднего Поволжья от Южного Урала являлось наличие в Поволжье многочисленных поселений немцев. Немецкое население Среднего Поволжья составляло к 1897 г. 3,5% от всех жителей региона (таблица 2), в губерниях Южного Урала – лишь 0,2% (таблица 3). Основная часть представителей этой национальной группы Среднего Поволжья располагалась в Самарской губернии – 224 336 человек, или 99,2%. Из всех немцев, проживавших в Самарской губернии к концу XIX в., 68,4% (153 450 чел.) были размещены в Новоузенском уезде и 27,7% – в Ставропольском уезде, в Самарском уезде их насчитывалось 5340 человек, в Бузулукском – 3028 [27, с. 84, 86, 87, 90, 91, 94, 95].

Заселение немцев в Самарскую губернию проходило в несколько этапов. В связи с гонениями католической церкви в Западной Европе на представителей меннонитсва, возникшего в 30-х годах XVI в. в Нидерландах, различные группы меннонитов (голландцев, фламандцев, фризов, северных немцев) стали эмигрировать в Россию. Первые крупные переселения немцев-меннонитов в Самарскую губернию отмечены в конце XVIII в. Меннониты объединялись под религиозной и культурной идеей [28, с. 43], по которой даже земледелие воспринималось как выполнение библейских предписаний [29, с. 20]. Старо-Самарские немецкие колонии в Новоузенском и Николаевском уезде заселялись в 50–60 гг. XIX в. [30, с. 121] и являлись, по всей вероятности, последним примером переселения меннонитов из-за границы в Россию [31, с. 30], так как следующий поток немецкого переселения в Среднее Поволжье начался с 1890 г. и наблюдался не из Европы, а из южных губерний России из-за нехватки земли. Немецкие переселенцы из колоний Таврической, Херсонской, Екатеринославской губерний, пользуясь тем, что цена на землю на юге России к концу века поднялась почти в 10 раз, продавали небольшие участки и на эти деньги закупали недорогую землю в Среднем Поволжье и на Южном Урале, становясь полноправными собственниками. Так, в сентябре 1890 г. поселяне-собственники Гальбштадтской и Гнаденфельдской волостей Бердянского уезда Таврической губернии приобрели смежные земли в Юмран-Табынской и Тоцкой волостях Бузулукского уезда Самарской губернии в количестве 20 388 десятин, принадлежавших ранее самарскому купцу И.М. Плешакову, кандидату прав А.Н. Хардину и купцу из г. Бузулука Ф.Ф. Красикову [32, с. 2]. В Бузулукском уезде Самарской губернии в 1890 г. были созданы три колонии – Каменец, Плешаново, Красиково. В 1891–1892 гг. на юге Самарской губернии были основаны еще 13 колоний: Богомазово, Долинск, Донской, Ишалка, Клинок, Юговка, Калган, Кутерля, Подольск, Анненское, Владимировка, Равнополь. В 16 южносамарских колониях поселились 424 менонитских семьи [33, с. 43]. Уже к 1903 г. в Бузулукском уезде насчитывалось 19 колоний с населением в 2720 человек, в их

собственности находилось 20 443 десятины земли; казенных земель в распоряжении поселенцев не было [34, с. 116].

В 90-х годах XIX в. из южных губерний России (Таврической, Екатеринославской) приезжали немецкие переселенцы и на территорию Южного Урала. Но в целом к концу XIX в. их здесь поселилось 6,5 тыс. человек (таблица 3), из них 5,5 тыс. поселились в Оренбургской губернии [35, с. 252-253]. Если в Самарской губернии колонисты покупали десятину земли за 34 рубля, то в Оренбургской губернии – за 28 рублей [36, с. 219]. Так, к 1902 г. в Оренбургском уезде Оренбургской губернии было основано 22 поселка меннонитов, в которых проживали 3300 человек [37, с. 37].

Кроме немцев-меннонитов в этом переселенческом потоке присутствовали немцы католического и лютеранского вероисповедания, которые селились отдельными колониями. Так, в 1898 г. в Оренбургском уезде насчитывалось 11 лютеранских, 6 католических и 10 смешанных хуторов [36].

Приобретая землю за немалые деньги, испытывая многочисленные затруднения при обустройстве на новом месте, немцы-меннониты, лютеране и католики приложили невероятные усилия для выживания, получения доходов от своих хозяйств. В этом им помогали материнские колонии южных губерний России. За первые годы поселения немцам Среднего Поволжья и Южного Урала удалось создать образцовые аграрные предприятия, построить мельницы, маслобойни, сыроварни, кузницы. В первый год они засеяли поля, не имея крыши над головой, затем строили землянки и глинобитные избы, а через 2-3 года их хозяйства давали прибыль. Немцы средневолжских и южноуральских колоний внесли свой достойный вклад в экономическое развитие регионов к концу XIX в.

Из других народов, заселявших Среднее Поволжье и Южный Урал во второй половине XIX в., следует отметить украинцев, доля которых в губерниях Среднего Поволжья составляла 1,9% (таблица 1), Южного Урала – 1,2% (таблица 2). Жители украинской национальности проживали в деревне и зачастую вели образцовое хозяйство. Так, в Самарской губернии 99,3% всех украинцев проживали вне городов, в Симбирской – 65,7% [38, с. 60, 61].

Жители других национальностей изучаемых регионов представляли малую долю в составе населения. Из них можно выделить тептяр, доля которых в составе населения Южного Урала составляла 1,5% (56 832 чел.), в Среднем Поволжье – 0,7% (47 688 чел.), вотяков, евреев, поляков, белорусов, латышей и на Южном Урале – киргизов. Из всех названных национальных групп евреи выделяются тем, что они в большинстве своем проживали в городах, причем в губернских (таблица 3). В 1893 г. было издано распоряжение Министерства внутренних дел [39, с. 231]. По определению черты еврейской оседлости на основании этого документа к концу XIX в. из губерний Среднего Поволжья и Южного Урала начинают выселяться семьи евреев, в первую очередь тех, которые не имели собственного жилья и занимались «сомнительным родом деятельности» [39]. Так, из Оренбургской губернии были высланы семьи Слуцкиных, Ционов [39]. Но контроль за проживанием евреев осуществлялся в городах регионов и до распоряжения Министерства внутренних дел 1893 г. Канцелярия Оренбургского губернатора с 7 октября 1889 г. вела переписку с Министерством внутренних дел о контроле за проживанием евреев в губернии [40]. Местные власти устанавливали надзор за духовной деятельностью и хозяйственными операциями еврейских молитвенных домов [41, с. 62, 63, 82, 83].

Обсуждение и заключение

Таким образом, население Среднего Поволжья и Южного Урала к концу XIX в. отличалось исключительно многонациональным составом, который был обусловлен особенностями исторического расселения народов России, социально-экономическими условиями развития губерний и переселенческими процессами.

Крупные губернские города являлись местом сосредоточения более пестрого в национальном отношении населения, в отличие от жителей уездов и волостей. Губернские города региона являлись центрами интенсивных межнациональных контактов, что придавало особое своеобразие их экономическому, политическому и культурному развитию.

Таблица 3. Соотношение населения по национальному составу в Среднем Поволжье и на Южном Урале в конце XIX в. [40, с. 2, 3].

Table 3. Population ratio by nationality in the Middle Volga and Southern Urals at the end of the 19th century [40, с. 2, 3].

Национальность	Среднее Поволжье		Южный Урал	
	% в регионах	% в городах	% в регионах	% в городах
1	2	3	4	5
Русские	56,5	85,7	51,6	78,0
Татары	15,1	10,1	7,3	13,0
Чуваши	11,7	0,5	1,7	0,1
Мордва	7	0,5	2	0,8
Башкиры	0,9	-	30,4	3,5
Немцы	3,5	0,6	0,17	0,4
Марийцы	1,9	0,1	2,1	0,2
Украинцы	1,9	0,4	1,2	0,8
Вотяки	0,2	-	0,6	-
Евреи	0,05	0,7	0,07	0,9
Белорусы	0,04	-	0,07	-
Латыши	0,02	-	1,1	-
Поляки	0,04	0,7	0,07	0,6
Тептяри	0,74	-	1,5	-
Мещеряки	0,1	-	0,7	-
Эстонцы	0,04	-	0,02	-
Другие народы	1,27	-	0,4	1,7

В общей картине национального состава Среднего Поволжья и Южного Урала особым образом выделялось население городов. Так, в городах Среднего Поволжья русское население составляло 85,7% от общего числа жителей городов. Больше всего русских проживали в городах Симбирской губернии – 93%, в городах Самарской губернии – 91,2%. Гораздо меньше русских было в составе городских жителей Казанской губернии – 76,8% (таблица 4). Русское городское население Южного Урала также преобладало над населением других национально-

стей: по региону – 78%, в том числе в Оренбургской губернии – 73,9%, в Уфимской губернии – 84% (таблица 5).

Второй по численности группой городских жителей были татары. В Среднем Поволжье в конце XIX в. татары представляли десятую часть населения городов (10,1%), причем этот показатель формировался благодаря большой численности татарского городского населения Казанской губернии –19,0%, в Симбирской губернии в городах татар проживало 4123 (3,8%), в Самарской губернии – 6536 (4,1%).

Таблица 4. Национальный состав населения городов Среднего Поволжья в конце XIX в. [41, с. 82-83].

Table 4. Ethnic composition of the population in the cities of the Middle Volga region at the end of the 19th century [41, с. 82-83].

Губернии / Национальность	Казанская		Симбирская		Самарская		Всего в регионах	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Русские	142 567	76,8	100 452	93	144 855	91,2	387 874	85,7
Татары	35 252	19,0	4123	3,8	6536	4,1	45 911	10,1
Чуваши	1645	0,9	456	0,4	186	0,1	2287	0,5
Мордва	148	-	947	0,9	1359	0,9	2454	0,5
Украинцы	724	0,4	436	0,4	822	0,5	1982	0,4
Киргизы	17	-	1	-	372	0,2	389	0,1
Марийцы	475	0,3	3	-	8	-	486	0,1
Башкиры	36	-	4	-	127	-	167	-
Вотяки	92	-	6	-	20	-	118	-
Немцы	1020	0,5	299	0,3	1226	0,8	2545	0,6
Евреи	1324	0,7	430	0,4	1423	0,9	3177	0,7
Поляки	1577	0,8	635	0,6	1123	0,7	3335	0,7
Итого указанных народов	184 877	99,6	107 792	99,8	158 057	99,5	450 726	99,6
Другие народы	711	0,4	257	0,2	785	0,5	1753	0,4
Итого	185 588	100	108 049	100	158 842	100	452 479	100

В целом по Южному Уралу татар среди горожан было больше, чем в городах Среднего Поволжья, – 13,0%. В Оренбургской губернии в городах татары составляли 16,9% на 1897 г., а в Уфимской губернии – 7,5%.

Серьезным отличием городского населения Среднего Поволжья от городского населения Южного Урала являлось наличие большого количества башкир среди населения городов Южного Урала – 9053 человека, или 3,5%. А в Среднем Поволжье башкир в городах насчитывалось всего 167 человек, причем почти все они проживали в Самарской губернии (127 чел.).

Таблица 5. Национальный состав населения городов Южного Урала в конце XIX в. [42, с. 80].

Table 5. Ethnic composition of the population in the cities of the Southern Urals at the end of the 19th century [42, с. 80].

Губернии / Национальность	Оренбургская		Уфимская		Всего в регионах	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
1	2	3	4	5	6	7
Русские	112 777	73,9	90 134	84,0	202 911	78,0
Татары	25 764	16,9	8030	7,5	33 794	13,0
Чуваши	52	-	328	0,3	380	0,1
Мордва	1715	1,1	452	0,4	2167	0,8
Украинцы	2115	1,4	89	0,1	2204	0,8
Киргизы	1040	0,7	-	-	1040	0,4
Марийцы	369	0,2	158	0,1	527	0,2
Башкиры	3382	2,2	5671	5,3	9053	3,5
Немцы	689	0,5	422	0,4	1111	0,4
Евреи	1754	1,1	513	0,5	2267	0,9
Поляки	1023	0,7	516	0,5	1539	0,6
Итого указанных народов	150 680	98,7	106 313	99,1	256 993	98,9
Другие народы	19	1,3	990	0,9	2911	1,1
Итого	150 699	100	107 303	100	258 002	100

Евреи, поляки и немцы были следующими по численности группами населения городов региона. В городах Среднего Поволжья они составляли по 0,7% соответственно от общего количества горожан, на Южном Урале евреев было немного больше – 0,9%, поляков – 0,6%, немцев – 0,4%.

Чувашей больше проживало в городах Среднего Поволжья – 0,5%, чем на Южном Урале – 0,1%, в то время как мордвы было больше в городах Южного Урала – 0,8%, чем Среднего Поволжья – 0,5%.

В губернских городах изучаемых регионов соотношение групп населения по национальности менялось в сторону увеличения процента русских, немцев, евреев, поляков, а мордвы, чувашей, марийцев в губернских городах проживало меньше, чем в уездных.

Таким образом, на основе сравнения национального состава регионов в целом и городов в отдельности очевидно, что и в Среднем Поволжье, и на Южном Урале городское население представлено русскими, татарами, евреями, поляками, украинцами, немцами, а на Южном Урале еще и башкирами (Уфимская губерния).

Этнический состав населения регионов складывался под воздействием целого комплекса специфически проявившихся исторических, идеологических и социально-экономических факторов. Населенные пункты Среднего Поволжья и Южного Урала возникли как военные укрепления (в Оренбургской губернии), форпосты колонизации региона, центры административного управления новыми территориями, а также как базы распространения православия. Города и поселе-

ния приобрели торгово-промышленное значение позже, чем военную функцию. В таких условиях первоначальным этническим ядром их населения становилось пришлое, главным образом русское, население.

В отличие от Оренбурга, Орска, Челябинска многие города Среднего Поволжья не были созданы для дальнейшей колонизации, а были в прошлом центрами национальных территорий коренных народов региона. Их старое население, состоявшее в основном из коренных народов, в результате военных столкновений было частью уничтожено, либо главным образом оттеснено на другие земли, чаще всего лежащие к востоку.

В пореформенный период в процессе формирования населения Среднего Поволжья на первое место выходят факторы социально-экономические и демографические. Это заметно прежде всего в губернских городах Казань, Симбирск, Самара. Во второй половине XIX в. они превращаются в крупные центры торговли и переработки сельскохозяйственной продукции. Так, в 1867 г. в Самарской губернии действовало 50 салотопенных заводов с 515 рабочими на них (сумма производства составляла 1 689 904 рубля [43, с. 28-29]), 40 кожевенных заводов, всего же насчитывалось 164 промышленных предприятия с суммой производства в 2 668 285 рублей [43, с. 158].

В Симбирской губернии на 1867 г. насчитывалось 68 заводов с суммой производства 3 321 462 рубля, в Казанской губернии в том же году было 140 заводов с суммой производства в 3 844 488 рублей. Таким образом, в 60-е годы XIX в. в Среднем Поволжье насчитывалось 372 завода и фабрики с объемом производства в 9 834 235 рублей.

На Южном Урале в крупных населенных пунктах в 1867 г. насчитывалось 237 заводов [43, с. 159].

При расселении жителей в губернских городах часто выделялись кварталы с нерусскими жителями. Так, в Казани существовал обширный район, населенный преимущественно татарами. Он располагался в пределах Сенной площади и озера Кабан, отделявшего татарские слободы от центра города. В Самаре, Симбирске также существовали кварталы татарского населения. В городе Оренбурге мусульманское население (башкиры, татары) также имели места компактного проживания – это улицы, прилегающие к Караван-Сараю. Военный губернатор В.А. Перовский в 1836 г., обращаясь к кантонным начальникам Башкирии, писал, что намерен приступить к строительству в Оренбурге общественного постоялого двора, или Караван-Сарая, в котором могли бы останавливаться и жить с удобствами башкиры и мещеряки без взимания платы. Строительство велось на деньги Башкиро-Мещерякского казачьего войска и пожертвований жителей Оренбурга [44, с. 22-23]. В городе Бузулуке западная окраина города около пастбищного выгона имела название «татарский аул», где компактно проживали татары.

Но постепенно главным фактором размещения населения в крупных населенных пунктах становилась не национальность, а имущественное положение жителей. Изучая принципы этнического расселения в уездных городах Казанской губернии, А.Н. Зорин отметил, что «крупные торговцы и предприниматели татарской национальности предпочитали селиться среди равных себе русских купцов и предпринимателей» [45, с. 136]. Это было характерно не только для татарского населения, но и для представителей других национальных групп.

Вне городов процент русского населения, как в Среднем Поволжье, так и на Южном Урале, был намного меньше. Так, к концу XIX в. доля жителей русской национальности в Оренбургской и Уфимской губерниях составляла 51,6%, в то

время как в уездных и губернских городах русских проживало 78%. Такое же соотношение имелось и в национальной структуре населения Среднего Поволжья (в целом по региону русских жителей было 56,5%, а в городах – 85,7%). Даже в Казанской губернии, где русские составляли менее половины населения, их удельный вес среди жителей уездных центров достигал 76,8% (таблица 3).

Процесс переселения представителей коренных народов в города тормозился из-за языкового барьера, который существовал между русским этническим ядром и основной массой коренного нерусского сельского населения.

К причинам вскрытых различий в первую очередь относятся разные масштабы переселенческих потоков в данные регионы, преобладание естественного прироста числа жителей на Южном Урале и социально-экономические факторы развития изучаемых территорий. На Южном Урале количество внешних переселенцев (большей частью из центральных губерний России) за вторую половину XIX в. составило 11,6%, а в Среднем Поволжье лишь 5%. Абсолютным лидером по количеству переселенцев оказалась Оренбургская губерния – 16,4% от всего населения губернии. Наличие свободных земель и малая плотность населения в южном Приуралье были «приманкой» для расселения здесь крестьян и представителей мещанства из Самарской, Пермской, Казанской, Тамбовской, Симбирской, Пензенской, Вятской, Воронежской, Рязанской и других губерний.

Завершая работу, следует сказать, что нами рассмотрены особенности национального состава регионов, род деятельности национальных групп населения, занятия, промыслы, особенности торговой деятельности различных этносов изучаемого периода. Сделан вывод о том, что в целом по Среднему Поволжью доля русских жителей в составе населения с 1867 по 1897 г. сократилась более чем на 1%, доля православного населения еще более сократилась (с 78,7 до 77,3%).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Алабин П. Двадцатипятилетие Самары как губернского города (историко-статистический очерк). – Самара: Изд. Самарского статистического комитета, 1877; Пинягин М.Н. Казань в ее прошлом и настоящем. Очерки по истории, достопримечательностям и современному положению города с приложением кратких адресных сведений. – СПб., 1890.; Волков М.О. Доклад Симбирскому купеческому собранию по вопросу об учреждении торговых школ. – Симбирск, 1903; Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом отношении. – Уфа: Изд. Центрального комитета Мин. гос. имуществ, 1895.
2. Косолапов В.Н. Кустарные промыслы Казанской губернии: Вып.9. – Казань, 1901–1905; Овчинников А.А. Смолокурение в Царевококшайском, Чебоксарском и Козьмодемьянском уездах Казанской губернии. – Казань, 1905; Мелкая промышленность Казанской губернии / Перцов В.В. Предисловие. – Казань, 1911; Траубенберг В.П. Плетушечный промысел в Чебоксарском уезде // Обзор кустарных занятий в Казанской губернии. – Казань, 1906; Филиппов Н.А. Кустарная промышленность: Промыслы по обработке дерева. – СПб., 1913; Холщевников Н. О среднем числе рабочей силы для заготовления лесных материалов (По наблюдениям, сделанным в Казанской губернии) // Журнал Министерства государственных имуществ. – 1860. – Отд. 3.
3. Воробьев К.Я. Кустарно-ремесленные промыслы Симбирской губернии. – Симбирск, 1916; Костылев А.К. К вопросу об исследовании в Симбирской гу-

бернии сельской промышленности вообще и кустарной в частности // Вестник Симбирского губернского земства. – 1898. – № 4.
4. Дружинин Н.М. Русская деревня на переломе. – М., 1978; Дружинин Н.М. Помещичье хозяйство после реформы 1861 г. По данным Валуевской комиссии 1872–1873 гг. // Исторические записки. – 1872. – Т.89; Анфимов А.М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России конца XIX – начала XX вв. – М., 1969.
5. Даишев С.И., Смыков Ю.И. Миграционное движение в Среднем Поволжье в период капитализма (60–90-е годы XIX в.). – Саранск, 1989.
6. Петров В.И. Состав населения Среднего Поволжья и Южного Урала во второй половине XIX века: Дис. … канд. ист. наук. – Оренбург, 2005. – 277 с.
7. Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Казанская губерния. – СПб., 1904. – Т.14. – С. 3; Симбирская губерния. – СПб., 1904. – Т.39. – С. 3, 162, 163; Самарская губерния. – СПб., 1904. – Т.36. – С. 82, 83.
8. Подсчитано по: Движение населения Европейской России за 1867 год. – СПб., 1868. Статистические таблицы, обработанные в Центральном Статистическом Комитете Министерства Внутренних дел. – СПб, 1872 г. – С. 58-67.
9. Подсчитано на основе обработки данных: «Движение населения в Европейской России за 1867 год. Статистические таблицы. – СПб.: Издательство II Отд. Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1872. – С. 66-67.
10. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Симбирская губерния. – СПб., 1868. – Ч.I. – С. 317.
11. Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Казанская губерния. – СПб., 1904. – Т.14. – С.62-65; Симбирская губерния. – СПб., 1904. – Т.39. – С. 64-67; Самарская губерния. – СПб., 1904. – Т.36. – С. 62-65.
12. Подсчитано автором по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Казанская губерния. – СПб., 1904. – Т.14. – С. 3.
13. Подсчитано по: Статистический временник Российской империи за 1867 год. – СПб., 1872. – С. 50, 53; Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Казанская губерния. – СПб., 1904. – Т.14. – С. 3, 62-64.
14. Подсчитано автором по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Казанская губерния. – СПб., 1904. – Т.14. – С. 3; Симбирская губерния. – СПб., 1904. – Т.39. – С. 3, 162, 163; Самарская губерния. – СПб., 1904. – Т.36. – С. 82, 83.; Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Симбирская губерния. – СПб, 1868. – Ч.I. – С. 325.
15. Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Казанская губерния. – СПб., 1904. – Т.14. – С. 3; Симбирская губерния. – СПб., 1904. – Т.39. – С. 3, 162, 163; Самарская губерния. – СПб., 1904. – Т. 36. – С. 82, 83; Россия. – СПб., 1898. – Т.1. – С. 149.
16. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Симбирская губерния. – СПб., 1868. – Ч.I. – С. 325.
17. В Симбирской губернии – 0,02% – перепись 1897 г. Симбирская губерния. – СПб., 1904. – Т.39. – С.62, 63; В Самарской губернии – 0,11% (2437 чел.) – перепись 1897 г. Самарская губерния. – СПБ., 1904. – Т.36. – С.62-65.; Там же, Казанская губерния. – СПб., 1904. – Т.14. – С. 2-3.
18. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами ге-

нерального штаба. Симбирская губерния. – СПб., 1868. – Ч.I. – С. 326.
19. Подсчитано автором по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Казанская губерния. – СПб., 1904. – Т. 14. – С. 50-53; Симбирская губерния. – СПб., 1904. – Т. 39. – С. 62, 63; Самарская губерния. – СПб., 1904. – Т. 36. – С. 62, 63.
20. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Симбирская губерния. – СПб., 1868. – Ч.I. – С. 30-32.
21. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Уфимская губерния. – СПб., 1904. – Т.45. – С. 45.
22. Подсчитано автором по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Казанская губерния. – СПб., 1904. – Т. 14. – С. 50-53; Симбирская губерния. – СПб., 1904. – Т. 39. – С. 62, 63; Самарская губерния. – СПб., 1904. – Т. 36. – С. 62, 63.
23. Состояние народонаселения в Оренбургской губернии 1864 г. Государственный архив Оренбургской области (далее –ГАОО). Ф.6. Оп.8. Д.111. Л.16; Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Киргизская степь Оренбургского ведомства / Сост. Л. Майер. – СПб., 1865. – Ч.I. – С. 32; Движение населения в Российской империи за 1867 год. – СПб., 1872. – С. 44.
24. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Симбирская губерния. – СПб., 1868. – Ч.I. – С. 322.
25. Подсчитано автором по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Оренбургская губерния. – СПб., 1904. – Т.28. – С. 56, 57. Уфимская губерния. – СПб., 1904. – Т. 45. – С. 44, 45.
26. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Симбирская губерния. – СПб., 1868. – Ч.I. – С. 321.
27. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Самарская губерния. – СПб., 1904. – Т. 36. – С. 84, 86, 87, 90, 91, 94, 95.
28. Остроух И.Г., Шервуд Е.Я. Немцы в России: Исторический очерк // Этнографическое обозрение. – 1993. – № 3. – С. 43.
29. Ипатов А.Н. Меннониты. – М., 1978. – С. 20.
30. Государственный архив Самарской области (далее – ГАСО). Ф.3. Оп.19. Д.7. Л.121.
31. Тюлюлюкин Е.Ф. Российские немцы в истории Оренбуржья конца XIX – начала XX вв. – Оренбург, 2001. – С. 30.
32. ГАСО. Ф.3. Оп.226. Д.16. Л.2-2об.
33. Петров В.И. Население Среднего Поволжья и Южного Приуралья во второй половине XIX века. (Казанская, Симбирская, Самарская, Оренбургская, Уральская губернии) / В.И. Петров. – Оренбург, 2005. – С. 43.
34. Сеселкина Л.М. Обзор материалов Российского государственного исторического архива по теме «Немцы Оренбуржья» // Немцы России на рубеже веков: история, современное положение, перспективы: Мат-лы междунар. науч.-практ. конф. – Оренбург, 2000. – С. 116.
35. Петров В.И. Социально-историческая характеристика национального состава населения Среднего Поволжья и Южного Приуралья во второй половине XIX века. Кубанский государственный университет: Сб. трудов конф.: 2019. – С. 252-253.
36. ГАОО. Ф.10. Оп.1. Д.219.
37. Тюлюлюкин Е.Ф. Российские немцы в истории Оренбуржья конца XIX – начала XX вв. – Оренбург, 2001. – С.37.

38. Подсчитано автором по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Симбирская губерния. – СПб., 1904. – Т.39. – С. 60, 61, 68; Самарская губерния. – СПб., 1904. – Т.36. – С. 60, 61.
39. ГАОО. Ф.11. Оп.2. Д.323. Л.231. Указ от 19 февраля 1893 года.
40. Подсчет процентных соотношений сделан автором на основании данных Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Казанская губерния. – СПб., 1904. – Т.14. – С. 2-3., 62-63, 100-103; Симбирская губерния. – СПб., 1904. – Т. 39. – С. 62-63; Самарская губерния. – СПб., 1904. – Т.36. – С. 2-3, 56-59, 62-63; Оренбургская губерния. – СПб., 1904. – Т.28. – С.2-3, 62-63; Уфимская губерния. – СПб., 1904. – Т.45. – С. 2-3, 62-63.
41. Подсчитано автором по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Казанская губерния. – СПб., 1904. – Т.14. – С. 62, 63; Симбирская губерния. – СПб., 1904. – Т.39. – С. 62, 63; Самарская губерния. – СПб., 1904. – Т.36. – С. 82, 83.
42. Подсчитано по: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Оренбургская губерния. – СПб., 1904. – Т.28. – С. 56, 57; Уфимская губерния. – СПб., 1904. – Т.45. – С. 80. Табл. № XVI.
43. Подсчитано по: Движение населения в Российской Империи за 1867 г. – СПб., 1872. – С. 28-29.
44. Перкин В.П. Вся Россия. Любовь и Восток. – М., 1994. – С. 22-23.
45. Зорин А.Н. Уездные города Казанского Поволжья. – Казань, 1989. – С. 136.

REFERENCES

1. Alabin P. Dvadcatipyatiletie Samary kak gubernskogo goroda (istoriko-statisticheskij ocherk). [Alabin P. The twenty-fifth anniversary of Samara as a provincial city (historical and statistical essay)]. Samara: Izd. Samarskogo statisticheskogo komiteta, 1877; Pinyagin M.N. Kazan' v ee proshlom i nastoyashchem. Ocherki po istorii, dostoprimechatel'nostyam i sovremennogo polozheniyu goroda s prilozheniem kratkih adresnyh svedenij. SPb. 1890. Volkov M.O. Doklad Simbirskomu kupecheskomu sobraniyu po voprosu ob uchrezhdenii torgovyh shkol. Simbirsk, 1903; CHeremshanskij V.M. Opisanie Orenburgskoj gubernii v hozyajstvenno-statisticheskom otnoshenii. Ufa: Izd. Central'nogo komiteta Min. gos. imushchestv, 1895. (in Russ).
2. Kosolapov V.N. Kustarnye promysly Kazanskoj gubernii: Vyp.9. Kazan', 1901-1905; Ovchinnikov A.A. Smolokurenie v Carevokokshajskom, CHeboksarskom i Koz'modem'yanskom uezdah Kazanskoj gubernii. Kazan', 1905; Melkaya promyshlennost' Kazanskoj . Percov V.V. Predislovie. Kazan', 1911; Traubenberg V.P. Pletushechnyj promysel v CHeboksarskom uezde. Obzor kustarnyh zanyatij v Kazanskoj gubernii. Kazan', 1906; Filippov N.A. Kustarnaya promyshlennost': Promysly po obrabotke dereva. SPb., 1913; Holshchevnikov N. O srednem chisle rabochej sily dlya zagotovleniya lesnyh materialov (Po nablyudeniyam, sdelannym v Kazanskoj gubernii). ZHurnal Ministerstva gosudarstvennyh imushchestv. 1860. Otd. 3. [Kosolapov V. N. Handicrafts of the Kazan province: Vol.9. Kazan, 1901–1905; Ovchinnikov A. A. Smolokurenie v Tsarevokokshaysky, Cheboksary and Kozmodemyansky uyezds of the Kazan province. Kazan, 1905; Small industry of the Kazan province. Pertsov V. V. Preface. Kazan, 1911; Traubenberg V. P. Poletushechny promysel v Cheboksary uyezd [Poletushechny promysel v Cheboksary uyezd]. Kazan, 1906; Filippov N. A. Handicraft industry: Crafts for wood processing. St. Petersburg, 1913; Kholshchevnikov N. On the average number of workers for the

procurement of forest materials (According to observations made in the Kazan province)]. Journal of the Ministry of State Property. 1860. Ed. 3. (in Russ).
3. Vorob'ev K.YA. Kustarno-remeslennye promysly Simbirskoj gubernii. Simbirsk, 1916; Kostylev A.K. K voprosu ob issledovanii v Simbirskoj gubernii sel'skoj promyshlennosti voobshche i kustarnoj v chastnosti. [Vorobyov K. Ya. Handicraft creates of the Simbirsk province. Simbirsk, 1916; Kostylev A. K. On the question of research in the Simbirsk province of rural industry in general and handicraft industry in particular]. Vestnik Simbirskogo gubernskogo zemstva. 1898. № 4. (in Russ).
4. Druzhinin N.M. Russkaya derevnya na perelome. M., 1978; Druzhinin N.M. Pomeshchich'e hozyajstvo posle reformy 1861 g. Po dannym Valuevskoj komissii 1872–1873 gg. Druzhinin N. M. Russian village at the crossroads. M., 1978; [Druzhinin N. M. Landowner's farm after the reform of 1861. According to the Valuev Commission of 1872–1873]. Ist.zap. 1872. T.89; Anfimov A.M. Krupnoe pomeshchich'e hozyajstvo Evropejskoj Rossii konca XIX – nachala HKH vv. M., 1969. (in Russ).
5. Daishev S.I., Smykov YU.I. Migracionnoe dvizhenie v Srednem Povolzh'e v period kapitalizma (60-90-e gody HIH v.). [Daishev S. I., Smykov Yu. I. Migration movement in the Middle Volga region during the period of capitalism (60–90-ies of the XIX century).]. Saransk 1989. (in Russ).
6. Petrov V.I. Sostav naseleniya Srednego Povolzh'ya i YUzhnogo Urala vo vtoroj polovine XIX veka. Dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskih nauk/. [Petrov V. I. The composition of the population of the Middle Volga Region and the Southern Urals in the second half of the XIX century. Dissertation for the degree of Candidate of Historical Sciences]. Orenburg, 2005. 277 p. (in Russ).
7. Podschitano po: Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii 1897 g. Kazanskaya guberniya. SPb. 1904. T.14. S. 3; Simbirskaya guberniya. SPb. 1904. T.39. S. 3, 162, 163; [Calculated by: The first general census of the population of the Russian Empire in 1897. Kazan province. SPb. 1904. Vol. 14. p. 3; Simbirsk province. SPb. 1904. Vol. 39. p. 3, 162, 163; Samara province.Samarskaya guberniya]. SPb. 1904. T.36. S. 82, 83. (in Russ).
8. Podschitano po: Dvizhenie naseleniya Evropejskoj Rossii za 1867 god. Spb. 1868. Statisticheskie tablicy, obrabotannye v Central'nom Statisticheskom Komitete Ministerstva Vnutrennih del. [Calculated by: Movement of the population of European Russia for 1867. St. Petersburg, 1868. Statistical tables processed by the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs.]. SPb, 1872 g., S. 58-67. (in Russ).
9. Podschitano na osnove obrabotki dannyh: «Dvizhenie naseleniya v Evropejskoj Rossii za 1867 god. Statisticheskie tablicy. S.66-67. [Calculated by: The first general census of the population of the Russian Empire in 1897. Kazan province. SPb. 1904. Vol. 14. p. 3; Simbirsk province. SPb. 1904. Vol. 39. p. 3, 162, 163; Samara province.].SPb. II Otd. Sobstvennoy Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii Press, 1872S/ 66-67. (in Russ).
10. Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye oficerami general'nogo shtaba. Simbirskaya guberniya. [Materials for geography and statistics of Russia, collected by officers of the General Staff. Simbirsk province]. SPb. 1868. CH.I. P.317. (in Russ).
11. Podschitano po: Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii 1897 g. Kazanskaya guberniya. SPb. 1904. T.14. P.62-65; Simbirskaya guberniya. SPb. 1904. T.39. P. 64-67; Samarskaya guberniya. [Calculated by: The first general cen-

sus of the population of the Russian Empire in 1897. Kazan province]. SPb. 1904. t. 14. p. 62-65; Simbirsk province. SPb. 1904. T. 39. p. 64-67; Samara province]. SPb. 1904. T.36. P. 62-65. (in Russ).
12. Podschitano avtorom po: Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii 1897 g. Kazanskaya guberniya. [Calculated by: The first general census of the population of the Russian Empire in 1897. Kazan province]. SPb. 1904. t. 14. p. 62-65; Simbirsk province. SPb. 1904. T. 39. p. 64-67; Samara province] SPb. 1904. T.14. P.3. (in Russ).
13. Podschitano po: Statisticheskij vremennik Rossijskoj imperii za 1867 god. SPb. 1872. S.50, 53; Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii 1897 g. Kazanskaya guberniya. [Calculated by: Statistical time book of the Russian Empire for 1867; The first general census of the population of the Russian Empire in 1897. Kazan province.]. SPb. 1904. T.14. P. 3, 62-64. (in Russ).
14. Podschitano avtorom po: Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii 1897 g. Kazanskaya guberniya. SPb. 1904. T.14. S. 3; Simbirskaya guberniya. SPb. 1904. T.39. S. 3, 162, 163; Samarskaya guberniya. SPb. 1904. T.36. P. 82, 83. Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye oficerami general'nogo shtaba. Simbirskaya guberniya. [Calculated by the author according to: The first general census of the population of the Russian Empire in 1897. Kazan province; Simbirsk province. Samara province.]. SPb, 1868, CH.I. P.325. (in Russ).
15. Podschitano po: Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii 1897 g. Kazanskaya guberniya. SPb. 1904. T.14.P. 3; Simbirskaya guberniya. SPb. 1904. T.39. S. 3,162,163; Samarskaya guberniya. [Calculated by: The first general census of the population of the Russian Empire in 1897; Simbirsk province; Samara province.]. SPb. 1904. T. 36. S. 82, 83; Rossiya. SPb. 1898, T.1. P.149. (in Russ).
16. Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye oficerami general'nogo shtaba. Simbirskaya guberniya. [Materials for geography and statistics of Russia, collected by officers of the General Staff. Simbirsk province.]. SPb. 1868. CH.I. P.325.
17. V Simbirskoj gubernii – 0, 02% – perepis' 1897 g. Simbirskaya guberniya. SPb. 1904. T.39. S.62, 63; V Samarskoj gubernii – 0,11% (2437 chel.) – perepis' 1897 g. Samarskaya guberniya. SPB. 1904. - T.36. P.62-65.; Tam zhe, Kazanskaya guberniya. [In Simbirsk province-0.02percentage - census of 1897. Simbirsk province; In Samara province - 0.11percentage (2437 people) - census of 1897. Samara province. Ibid. Kazan province.]. SPb. 1904. - T.14. P. 2-3. (in Russ).
18. Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye oficerami general'nogo shtaba. Simbirskaya guberniya. [Materials for geography and statistics of Russia, collected by officers of the General Staff. Simbirsk province]. SPb. 1868. - CH.I. P. 326.
19. Podschitano avtorom po: Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii 1897 g. Kazanskaya guberniya. SPb. 1904. - T. 14. P. 50-53; Simbirskaya guberniya. SPb. 1904. - T. 39. P. 62, 63; Samarskaya guberniya. [Calculated by the author according to: The first general census of the population of the Russian Empire in 1897. Kazan province; Simbirsk province; Samara province.]. SPb. 1904. - T. 36. P. 62, 63. (in Russ).
20. Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye oficerami general'nogo shtaba. Simbirskaya guberniya. [Materials for geography and statistics of Russia, collected by officers of the General Staff. Simbirsk province]. SPb. 1868. - CH.I. P. 30 – 32.
21. Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii 1897 g. Ufimskaya guberniya. [The first general census of the population of the Russian Empire in 1897. Ufa province]. SPb. 1904. - T.45. P. 45. (in Russ).

22. Podschitano avtorom po: Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii 1897 g. Kazanskaya guberniya. SPb. 1904. - T. 14. P. 50-53; Simbirskaya guberniya. SPb. 1904. - T. 39P. 62, 63; Samarskaya guberniya. [Calculated by the author according to: The first general census of the population of the Russian Empire in 1897. Kazan province. Simbirsk province. Samara province]. SPb. 1904. - T. 36. P. 62, 63. (in Russ).
23. Sostoyanie narodonaseleniya v Orenburgskoj gubernii 1864 g. GAOO, f. 6, op. 8, d. 111, l. 16; Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye oficerami general'nogo shtaba. Kirgizskaya step' Orenburgskogo vedomstva. Sost. L. Majer. Spb., 1865. - CH.I. P. 32; Dvizhenie naseleniya v Rossijskoj imperii za 1867 god. [The state of population in the Orenburg province of 1864, GAOO, f. 6, op. 8, d. 111, l. 16; Materials for geography and statistics of Russia, collected by officers of the General Staff. Kirghiz steppe of the Orenburg Department. Comp. L. Mayer; Population movement in the Russian Empire for 1867]. SPb. P. 44. (in Russ).
24. Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye oficerami general'nogo shtaba. Simbirskaya guberniya. [Materials for geography and statistics of Russia, collected by officers of the General Staff. Simbirsk province]. SPb. 1868. - CH.I. P. 322. (in Russ).
25. Podschitano avtorom po: Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii 1897 g. Orenburgskaya guberniya. SPb. 1904. - T.28. P. 56, 57. Ufimskaya guberniya. [Calculated by the author according to: The First General population census of the Russian Empire in 1897. Orenburg guberniya. Ufa guberniya]. SPb. 1904. - T. 45. P. 44, 45. (in Russ).
26. Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye oficerami general'nogo shtaba. Simbirskaya guberniya. [Materials for geography and statistics of Russia, collected by officers of the General Staff. Simbirsk province]. SPb. 1868. - CH.I. - S. 321. (in Russ).
27. Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii 1897 g. Samarskaya guberniya. [The first general census of the population of the Russian Empire in 1897, Samara province]. SPb. 1904. - T. 36. P. 84, 86, 87, 90, 91, 94, 95. (in Russ).
28. Ostrouh I.G., SHervud E.YA. Nemcy v Rossii: Istoricheskij ocherk // Etnograficheskoe obozrenie. [Ostroukh I. G., Sherwood E. Ya. The Germans in Russia: A historical sketch / / Ethnographic review].1993. №3. P. 43. (in Russ).
29. Ipatov A.N. Mennonity. [Ipatov A. N. Mennonites]. M., 1978. P. 20. (in Russ).
30. GASO, f. 3, op. 19, d. 7, l. 121. [GASO, f. 3, op. 19, d. 7, l. 121].
31. Tyulyulyukin E.F. Rossijskie nemcy v istorii Orenburzh'ya konca XIX - nachala XX vv. [Tyulyulyukin E. F. Russian Germans in the history of Orenburg region of the late XIX-early XX centuries]. Orenburg, 2001. P. 30. (in Russ).
32. GASO. [GASO, f. 3, op. 226], f. 3, op.226, d.16, ll.2-2ob. (in Russ).
33. Petrov V.I. Naselenie Srednego Povolzh'ya i YUzhnogo Priural'ya vo vtoroj polovine XIX veka. (Kazanskaya, Simbirskaya, Samarskaya, Orenburgskaya, Ural'skaya gubernii) / V. I. Petrov. [Petrov V. I. The population of the Middle Volga region and the Southern Urals in the second half of the XIX century. (Kazan, Simbirsk, Samara, Orenburg, Ural provinces) / V. I. Petrov]. Orenburg, 2005. P. 43. (in Russ).
34. Seselkina L.M. Obzor materialov Rossijskogo gosudarstvennogo istoricheskogo arhiva po teme «Nemcy Orenburzh'ya» // Nemcy Rossii na rubezhe vekov: istoriya, sovremennoe polozhenie, perspektivy: Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. [Seselkina L. M. Review of the materials of the Russian State

Historical Archive on the topic "The Germans of Orenburg" / / The Germans of Russia at the turn of the century: history, current situation, prospects: Materials of the International scientific and practical conference]. Orenburg, 2000. P. 116. (in Russ).

35. Petrov V. I. Social'no-istoricheskaya harakteristika nacional'nogo sostava naseleniya Srednego Povolzh'ya i YUzhnogo Priural'ya vo vtoroj polovine HIH veka. Kubanskij gosudarstvennyj universitet. [Petrov V. I. Socio-historical characteristics of the national composition of the population of the Middle Volga region and the Southern Urals in the second half of the XIX century Kuban State University]. Sbornik trudov konferencii.: 2019. P. 252- 253. (in Russ).
36. GAOO, f. 10, op.1, d.219. (in Russ).
37. Tyulyulyukin E.F. Rossijskie nemcy v istorii Orenburzh'ya konca XIX - nachala XX vv. [Tyulyulyukin E. F. Russian Germans in the history of Orenburg region of the late XIX-early XX centuries]. Orenburg, 2001. P.37. (in Russ).
38. Podschitano avtorom po: Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii 1897 g. Simbirskaya guberniya. SPb. 1904. - T.39. - S. 60, 61, 68; Samarskaya guberniya. [Calculated by the author according to: The first general census of the population of the Russian Empire in 1897. Simbirsk province. Samara province.]. SPb. 1904. - T.36. P. 60, 61. (in Russ).
39. GAOO, f.11, op.2, d.323, l.231. [GAOO, f. 11, op. 2, d. 323,. l. 231. - Decree of February 19, 1893.]. - Ukaz ot 19 fevralya 1893 goda. (in Russ).
40. Podschet procentnyh sootnoshenij sdelany avtorom na osnovanii dannyh Pervoj vseobshchej perepisi naseleniya Rossijskoj imperii 1897 g. Kazanskaya guberniya. SPb. 1904. - T.14. -P. 2-3., 62-63, 100-103; Simbirskaya guberniya. SPb. 1904. - T. 39. P. 62-63; Samarskaya guberniya. SPb. 1904. - T.36. P.2-3., 56-59, 62-63; Orenburgskaya guberniya. SPb. 1904. - T.28. P.2-3., 62-63; Ufimskaya guberniya. [The calculation of percentages is made by the author based on the data of the First General census of the population of the Russian Empire in 1897. Kazan province. Simbirsk province. SPb. 1904. - Vol. 39. - p. 62-63; Samara province. Orenburg province. Ufa province.]. SPb. 1904. - T.45. P. 2-3, 62-63. (in Russ).
41. Podschitano avtorom po: Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii 1897 g. Kazanskaya guberniya. SPb. 1904. - T.14. P. 62, 63; Simbirskaya guberniya. SPb. 1904. - T.39. - S. 62, 63; Samarskaya guberniya. [Calculated by the author according to: The first general census of the population of the Russian Empire in 1897. Kazan province. Simbirsk province. Samara province]. SPb. 1904. -T.36. P. 82, 83. (in Russ).
42. Podschitano po: Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii 1897 g. Orenburgskaya guberniya. SPb. 1904. - T.28. P. 56, 57; Ufimskaya guberniya. [Calculated by: The First General Population Census of the Russian Empire in 1897. Orenburg province. Ufa province.Table. № XVI]. SPb. 1904. - T.45P. 80. - Tabl. № XVI. (in Russ).
43. Podschitano po: Dvizhenie naseleniya v Rossijskoj Imperii za 1867 g. [Calculated by: Population movement in the Russian Empire for 1867]. Spb. 1872. P. 28-29. (in Russ).
44. Perkin V.P. Vsya Rossiya. Lyubov' i Vostok. [Perkin V. P. All Russia. Love and the East.]. M., 1994. P. 22-23. (in Russ).
45. Zorin A.N. Uezdnye goroda Kazanskogo Povolzh'ya. [Zorin A. N. District cities of the Kazan Volga region]. Kazan', 1989. P. 136. (in Russ).

Информация об авторе: Петров Владимир Иванович, доцент кафедры истории России, кандидат исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»; НЧОУ ВО «Кубанский социально-экономический институт». Доцент кафедры истории и социально-гуманитарных дисциплин.
ORCID ID -https://orcid.org/0000-0001-6107-0473
РИНЦ - 1759-7707
- history 1380@ mail.ru.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи

Information about the author: **Petrov Vladimir Ivanovich,** Associate Professor, Department of History of Russia, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, FGBOU VO "Kuban State University"; NChOU VO "Kuban Socio-Economic Institute". Associate Professor of the Department of History and Socio-Humanitarian Disciplines
ORCID ID -https://orcid.org/0000-0001-6107-0473
РИНЦ - 1759-7707
- history 1380@ mail.ru.

The author has read and approved the final manuscript

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 21.03.2021
Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 18.04.2021
Принята к публикации / Accepted for publication: 27.04.2021

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов./ The author declares no conflicts of interests

© Петров В.И. 2021
© «ИСОМ». 2021

CC BY

Отечественная история
National History

Научная статья

DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-2-151-160
УДК: 94(470)“17/22”,

РАСКАЗАЧИВАНИЕ: ТРУДНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

ПОДХОМУТНИКОВА Марина Викторовна
Кубанский государственный университет
г. Краснодар, Россия
marina_podhomutn@mail.ru

104 года назад началась Гражданская война в России. Гражданская война 1917–1922 гг. является одной из крупных гражданских войн в истории человечества. Она оказала большое влияние на ход не только российской, но и мировой истории в XX в. В условиях социально-экономической катастрофы, пережитой страной в тот период, в обществе обострились все социальные и политические противоречия, что придало Гражданской войне массовость и длительность. Сегодня тема «Расказачивание» остается весьма актуальной, востребованной. Научная актуальность проблемы расказачивания вызвана дефицитом обобщающих исследований. В настоящее время имеется значительный объем литературы, в которой нашла отражение история гражданского противостояния в России. Литература создавалась в разное время и, как следствие, отличалась различными методологическими позициями. Гражданскую войну в России изучали, видели, отражали с двух противоположных сторон – со стороны победителей и со стороны побежденных. Сложное время не имеет однозначных оценок и трактовок. Не случайно данный период входит в перечень так называемых трудных вопросов истории.

Проблемой расказачивания советские ученые-историки начали заниматься в 60-е годы XX в. В рамках дозволенного исследователи могли говорить о проблемах, связанных с политикой расказачивания в России. В советский период под «расказачиванием» понималась ликвидация казачества как социально-этнографической общности вообще, характерных черт, особенностей, свойств, признаков казачества.

В разные исторические периоды под термином «расказачивание» понималось упразднение сословных льгот и тягот. Во второй половине XIX – начале XX в. притеснений, преследований, уничтожения и насильственного воздействия на казачество не было. В конце 80-х – начале 90-х годов проблему расказачивания тесно связывают с репрессивной политикой большевиков в казачьих районах страны. Из этого мы можем заключить, что в условный термин «расказачивание» вкладывается два разных смысла. Одна трактовка этого термина говорит о формальном, административном упразднении сословных прав и обязанностей казачества как социально-классовой категории. Другая трактовка – о целенаправленных и масштабных действиях репрессивного толка в отношении казачества.

Сегодня научные дискуссии о причинах, характере и последствиях антибольшевистской борьбы в период Гражданской войны продолжаются. В полемическое пространство вовлекаются все новые исследователи.
Автор не претендует на охват всего массива публикаций, общее число которых составляет несколько сотен, речь пойдет о наиболее общих тенденциях анализа событий Гражданской войны и вооруженных выступлениях против политики большевиков 1917–1922 гг.
Гипотеза исследования состоит в том, что подавляющее большинство вооруженных выступлений против политики большевиков в Советской России в 1917–1922 гг. носили локальный характер, не выходя за пределы определенной территории, а также не были скоординированы во времени. На поражение антибольшевистских выступлений повлияло следующее: неоднородность повстанческого движения по целям, лозунгам, составу; стихийный характер выступлений на начальном этапе; отсутствие организаторского центра; сосредоточенность на внутриобластных проблемах; превосходство в силе Красной армии; территориальная разрозненность. Движение против политики большевиков, несмотря на масштабы, в результате оставалось местным, привязанным к родным хуторам, станицам, поселкам.
По мнению автора статьи, научная новизна исследования заключается в выявлении и изучении особенностей военно-политического противостояния в условиях «малой Гражданской войны» на юге России.

Ключевые слова: казачество, расказачивание, красный террор, массовые репрессии, казачий геноцид

Для цитирования: Подхомутникова М.В**.** Расказачивание: трудные вопросы истории**.** // *Историческая и социально-образовательная мысль.* 2021. Том. 13. № 2. с. 151-160
DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-2-151-160

Original article

RASKAZACHIVANIE: DIFFICULT ISSUES OF HISTORY

Marina V. PODKHOMUTNIKOVA
senior lecturer of the Department of History of Russia,
Kuban State University,
Krasnodar, Russia
marina_podhomutn@mail.ru

104 years ago the Civil War began in Russia. Civil War 1917–1922 is one of the largest civil wars in human history. She had a great influence on the course of not only Russian, but also world history in the XX century. In the conditions of the socio-economic catastrophe experienced by the country at that time, all social and political contradictions in society exacerbated, which gave the Civil War mass character and duration. Today the topic of "decossackization" remains very relevant and in demand. The scientific relevance of the problem of decossackization is caused by the lack of generalizing studies.

Currently, there is a significant amount of literature, which reflects the history of civil confrontation in Russia. Literature was created at different times and, as a result, differed in different methodological positions. The Civil War in Russia was studied, seen, reflected from two opposite sides – from the side of the victors and from the side of the vanquished. Difficult times do not have unambiguous assessments and interpretations. It is no coincidence that this period is included in the list of the so-called "difficult questions of history".

Soviet historians began to deal with the problem of decossackization in the 60s. 20th century. Within the framework of what was permitted, researchers could talk about the problems associated with the policy of decossackization in Russia. In the Soviet period, "decossackization" was understood as the elimination of the Cossacks as a socio-ethnographic community in general, characteristic features, characteristics, properties, signs of the Cossacks.

In different historical periods, the term "decossackization" was understood as the abolition of class benefits and hardships. In the second half of the 19th – early 20th century. there was no oppression, persecution, destruction and violent influence on the Cossacks at that time. In the late 80s. – the beginning of the 90s. the problem of decossackization is closely associated with the repressive policy of the Bolsheviks in the Cossack regions of the country. From this we can conclude that two different meanings are put into the conventional term "decossackization". One interpretation of this term speaks of the formal, administrative abolition of the estate rights and obligations of the Cossacks as a social-class category. Another interpretation is about purposeful and large-scale repressive actions against the Cossacks.

Today, scientific discussions about the causes, nature and consequences of the anti-Bolshevik struggle during the Civil War continue. More and more researchers are being drawn into the polemical space.

The author does not pretend to cover the entire array of publications, the total number of which is several hundred, we will focus on the most general trends in the analysis of the events of the Civil War and armed uprisings against the policies of the Bolsheviks in 1917–1922.

The hypothesis of the study is that the overwhelming majority of armed uprisings against the Bolshevik policy in Soviet Russia in 1917–1922. were of a local nature, without going beyond a certain territory, and also were not coordinated in time. The defeat of the anti-Bolshevik uprisings was influenced by: the insurrectionary movement was not homogeneous in goals, slogans, composition; the spontaneous nature of performances at the initial stage; lack of an organizing center; focus on intra-regional problems; superiority in the strength of the Red Army; territorial fragmentation. The movement against the policy of the Bolsheviks, in spite of its scale, as a result remained local, tied to their native farms, villages, villages.

According to the author of the article, the scientific novelty of the research lies in the identification and study of the features of the military-political confrontation in the context of the "small Civil War" in the south of Russia.

Keywords: cossacks, raskazachivanie, red terror, mass repression, cossack genocide

For citation: Podkhomutnikova M.V. Raskazachivanie: difficult issues of history. *Historical and Social-Educational Idea.* 2021. Vol. 13. No.1. PP. 151-160 . (In Russ.). DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-2-151-160

Происходящие на современном этапе в российском обществе процессы позволяют говорить о том, что на первый план выходят аспекты, которые еще недавно не обсуждались или обсуждались слабо. Причем как на федеральном, так и на региональном уровне. Так, буквально в последние годы активизируется внимание к такому социальному институту (субэтнической группе, военному сословию – в истории), как казачество.

Период с 1917 г. до конца 1922 г. в истории России ознаменован военным противостоянием различных политических и социально-классовых групп общества, которое определило развитие страны на длительную историческую перспективу. В пределах исследуемого хронологического отрезка окончательно сформировался раскол общества, спровоцированный затянувшейся Первой мировой войной; оформились политические и военные противоборствующие лагеря. Перемены политической и экономической ситуации в стране, а также принятый в октябре 1922 г. новый Земельный Кодекс [1] явились компромиссом между властью большевиков и крестьянством, что в результате привело к коренному перелому социально-политической обстановки в России.

Приведем высказывания историка, профессора Кубанского государственного университета В.Е. Щетнева: «Казачество было юридически военно-служилым сословием, социально-экономической группой (казачье хозяйство) и этническим образованием (субэтнос)» [2]. Целый комплекс объективных и субъективных факторов привел к возникновению в отечественной истории такого социального феномена, как казачество. На протяжении веков под воздействием различных факторов, географических, климатических, социально-политических, психологических, формировался особый казачий менталитет.

Политика расказачивания в годы Гражданской войны в России серьезно отразилась на судьбе казачества, его менталитете, мировоззрении, традициях, самосознании, культуре, быте, укладе. Сотрудничество новой власти с казачеством шло нелегко. Существовали настороженность и взаимное недоверие. Важным фактором, приведшим к проведению политики расказачивания в стране, послужили расколы внутри казачества, конфликты между иногородними и казаками, земельный вопрос.

Обострению межсословных противоречий в стране послужил доклад министра земледелия Временного правительства В.М. Чернова на 1-м Всероссийском крестьянском съезде в мае 1917 г. В нем говорилось, что казачьи наделы существенно превышают крестьянские, а потому казакам придется «потесниться» [3]. В июне 1917 г. в Петрограде состоялся 2-й Общеказачий съезд, на котором была принята резолюция, где говорилось, что «все земли казачьих войск, леса, воды и угодья со всеми недрами как историческое достояние казачества составляют неотъемлемую собственность каждого казачьего войска» [3]. Резолюция съезда утверждала, что иногородние, проживающие на казачьей земле, получают равные с казаками права, но не могут быть наделены казачьей землей. Одним из пунктов в аграрной программе партии социалистов-революционеров было уравнительное распределение всех земель сельскохозяйственного назначения независимо от их владельческой принадлежности.

Противоречия из-за земли происходили внутри самого казачества. Разногласия у зажиточного черноморского казачества были не только с иногородними, но и с малоземельным русскоязычным линейным казачеством. Потомки донцов, хоперцев, переселенных на Кубань в годы Кавказской войны, основали Новую линию. Линейцы и черноморцы враждовали между собой. Первые видели свое бу-

дущее только в составе единой великой России, а украиноязычные черноморцы, потомки запорожцев, видели себя самостоятельной территорией.

Принято считать, что политика расказачивания в России началась с принятием 11 ноября 1917 г. декрета ВЦИК СНК «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» [4] и постановления СНК от 9 (22) декабря 1917 г., отменившего обязательную военную повинность казаков. В Декрете ВЦИК и СНК «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» от 11 ноября 1917 г. четко говорится, что «все существовавшие доныне в России сословия и сословные деления граждан, сословные привилегии и ограничения, сословные организации и учреждения, а равно и все гражданские чины упраздняются» [5]. После началась ликвидация повинностей казаков и сословных перегородок. Декрет имел целью упразднить звания, гражданские чины Российской империи, титулы. Он предусматривал введение юридического равенства всех граждан нового молодого государства. Советская власть предпринимала попытку наладить отношения с казаками. Им было предоставлено право голоса в Советах, а также в проводимой земельной политике.

Политика РКП(б) по отношению к казачеству менялась постоянно. Власть, с одной стороны, заигрывала с казачеством, с другой стороны, желала поставить себе на службу. Нейтрализация казаков для большевистской власти была одним из лучших вариантов.

Широкое наступление на казачье землевладение происходило с весны 1918 г. Протесты казаков жестко подавлялись властями. Острота политики расказачивания менялась в зависимости от военно-политической ситуации в стране. Ленинский декрет от 1 июня 1918 г. «Об организации советской власти в казачьих областях» [6] четко указывает принципы строительства советской власти в казачьих областях. В документе говорится о создании отдельных административных единиц в границах прежних казачьих войск с предоставлением им мест во ВЦИК. Создавались Советы казачьих депутатов и казачьих воинских формирований с учетом военных и бытовых особенностей местного населения. В декрете особо подчеркивается мысль о положении, касающемся наделения землей иногородних за счет частновладельческих и войсковых запасных земель.

В августе 1918 г. поступило предложение от наркома Донской республики Е.А. Трифонова о создании краевого советского правительства «Войсковой Круг Советского казачьего войска». С помощью этих мер необходимо было вырвать трудовое казачество из-под влияния казачьей верхушки. Победа, одержанная Красной армией в боях с войсками П.Н. Краснова на Дону, вселила в руководство большевистской партии уверенность в том, что сопротивление казачества сломлено окончательно.

5 сентября 1918 г. вышло постановление Совета народных комиссаров «О красном терроре». «Совет Народных Комиссаров, заслушав доклад Председателя Всероссийской Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлением по должности о деятельности этой Комиссии, находит, что при данной ситуации обеспечение тыла путем террора является прямой необходимостью; что для усиления деятельности Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлением по должности и внесения в нее большей планомерности необходимо направить туда возможно большее число ответственных партийных товарищей; что необходимо обеспечить Советскую Республику от классовых врагов путем изолирования их в концентрационных лагерях; что подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к бе-

логвардейским организациям, заговорам и мятежам; что необходимо опубликовать имена всех расстрелянных, а также основания применения к ним этой меры» [7]. Подписи под документом поставили Народный комиссар юстиции Д. Курский, Народный комиссар по внутренним делам Г. Петровский, Управляющий делами Совета народных комиссаров Вл. Бонч-Бруевич.

Террор стал главным признаком политики «военного коммунизма». Появился лозунг «Вся власть чрезвычайкам». Последствия массового уничтожения противников власти большевиков во время Гражданской войны были противоречивы. С одной стороны, террор вызывал у населения повсеместный страх, с другой стороны, подтолкнул людей к вооруженному сопротивлению действующей власти. Красный террор способствовал созданию по всей стране сети концлагерей для классовых врагов большевистского режима.

24 января 1919 г. Организационное бюро ЦК РКП (б) утвердило Циркулярное письмо партийным организациям об отношении к казакам. В нем говорилось о беспощадной борьбе с казачеством. Эта политика не должна была допускать компромиссов и половинчатости. Данное циркулярное письмо положило начало масштабному террору по отношению к казачеству, а также послужило началом преступной политики расказачивания в стране. Советская власть на казачьих территориях организовывала массовое переселение неказачьего населения. Осуществление этой политики привело к массовым расправам с мирным населением казачьих станиц и хуторов, к казачьему геноциду. Расстрелы женщин, детей, стариков происходили без суда и следствия на глазах у всей станицы.

Уполномоченные советской властью комиссары встали во главе казачьих станиц. Казакам запрещалось носить свою форму, слово «казак» было под запретом. Повсеместно станицы переименовывались в волости, а хутора в села. Казаки должны были сдать свое оружие, платить денежную контрибуцию.

Недовольство казачества политикой местных властей вылилось в некоторых станицах в вооруженные протесты. Введенная советской властью уравниловка в землепользовании казаков и иногородних привела к межсословной вражде. Террор против казачества обернулся новой волной антисоветских выступлений.

Со временем большевики признали ошибочность политики расказачивания. Директива Оргбюро ЦК РКП (б) (январь 1919 г.) была отменена мартовским пленумом ЦК, решениями VIII съезда РКП(б) [8]. 17 февраля 1919 г. права ВЧК были ограничены. Полномочия перешли революционным трибуналам, которые стали выносить приговоры.

Лидер большевиков В.И. Ленин в Отчете ЦК РКП(б) VIII съезду партии указывал на ошибки по отношению к средним слоям крестьянства: «...Сплошь и рядом по неопытности советских работников, по трудности вопроса, удары, которые предназначались для кулаков, падали на среднее крестьянство. Здесь мы погрешили чрезвычайно. Собранный в этом отношении опыт поможет нам сделать все для того, чтобы избежать этого в дальнейшем» [9].

Перемены в политике большевиков по отношению к казакам произошли к концу лета – началу осени 1919 г. В казачьих станицах начались преобразования. Власти необходимо было оградить казачество от влияния антибольшевистских сил. В деревнях и станицах создавались коммуны и артели. Казачья собственность на землю была отменена. Все имущество бралось на учет. В декабре 1920 г. был ликвидирован Казачий отдел ВЦИК – единственный государственный орган, который защищал права казачества.

Политика расказачивания в годы Гражданской войны привела к тяжелым последствиям. В численном соотношении казачьего населения в стране стало меньше. Например, на Дону общие людские потери составили 823 тыс. человек, большинство из которых были казаками [10]. Повсеместно производились аресты, чистки, убийства подозреваемых в саботаже людей.

В конце Гражданской войны, в 1922 г., произошла еще одна вспышка красного террора, направленная против священников. Она была последней. Далее репрессивная политика большевиков была введена в рамки «социалистической законности». Однако продолжал скрытно действовать маховик репрессий по отношению к казачеству. Например, принадлежность человека к казачьему сословию не давала ему возможности свободно поступить в высшие учебные заведения страны.

Подводя итог, отметим, что тема казачества в истории Гражданской войны занимает особое место. Большевистские лозунги для казаков были малопривлекательными. Большая часть казаков приняла участие в антибольшевистском протесте. Причина состояла в том, что они стремились сохранить свои привилегии. Однако среди казачества были и сторонники советской власти.

Острые социальные противоречия, которые были характерны в среде крестьянства, для казачества не являлись ярко выраженными. Лишь взаимоотношения казаков с иногородними по вопросу о земле могли привести к вооруженному конфликту. Мнение казаков сводилось к тому, что земля в казачьих регионах принадлежит только им. Произошедшая в России революция с ее бесчинствами побудила большинство казаков отделиться и обособиться. Они отстаивали свой «третий путь» развития.

В воспоминаниях очевидцев тех событий, в частности А.П. Богаевского, мы хорошо видим, как относились казаки к советской власти в конце 1917 – начале 1918 гг. «Отравленные пропагандой на фронте, строевые казаки спокойно ждали Советской власти, искренно или нет считая, что это и есть настоящая народная власть, которая им, простым людям, ничего дурного не сделает. А что она уничтожит прежнее начальство – атамана, генералов, офицеров да, кстати, и помещиков, так и черт с ними... Вообще настроение всего казачества в массе мало чем отличалось от общего настроения российского крестьянства: казаки еще не испытали на своей шее всей прелести советского управления... Остальные "держали нейтралитет"» [11].

Казаки надеялись, что большевики сохранят автономию казачьих областей, дадут больше самостоятельности в решении земельного вопроса. Однако этого не случилось. Среди казачества произошел раскол. Ситуация тем самым ухудшилась. Большевики стали проводить против казачества жесткую политику. Их целью стало уничтожение казачества, как опасной и серьезной силы, ликвидация сословных и этнических черт казачества.

Массовое насильственное расказачивание существенно отразилось на судьбе российского казачества. На казаков постоянно оказывалось давление со стороны власти. В политике большевиков в рассматриваемый период сложилась следующая ситуация: с одной стороны, возрождение Советов, массовая амнистия, с другой – насаждение нового режима. Большевики ликвидировали прежнее казачье и городское самоуправление. Ими была сформирована вертикаль чрезвычайных органов исполнительной власти. Пропагандистская работа у большевиков была на высоком уровне (листовки-обвинения, листовки-призывы, листовки-

угрозы). Несмотря на предпринятые меры, стабилизировать политическую обстановку в регионе удалось только после перехода к НЭП. В сложившейся ситуации бело-зеленое движение утратило свое значение и со временем стало сродни уголовщине.

К 1922 г. большевики ликвидировали главные антисоветские центры и отряды повстанцев. Разоренные войной станицы были не способны открыто противостоять окрепшей советской власти. Постепенно началось восстановление народного хозяйства. Население увидело первые результаты НЭП и со временем стало приспосабливаться к советскому режиму.

Не претендуя ни на абсолютную полноту, ни на окончательность подходов к теме статьи, тем не менее подводим итоги.

В советское время вопрос о репрессиях по отношению к казачеству был под запретом. После распада СССР казаки были реабилитированы. Согласно статье 2 Закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» от 26.04.91 г. № 1107-1, утверждалось, что в отношении казачества «по признакам национальной или иной принадлежности проводилась на государственном уровне политика клеветы и геноцида, сопровождавшаяся их насильственным переселением, упразднением национально-государственных образований, перекраиванием национально-территориальных границ, установлением режима террора и насилия в местах спецпоселения» [12].

По самым скромным подсчетам количество жертв антибольшевистского движения на Кубани и Черноморье составило несколько тысяч человек. Красный террор коснулся практически каждого жителя Кубани и Черноморья. Пострадали не только казаки, но и крестьянская интеллигенция, зажиточные крестьяне, священники, врачи. Борьба была без правил. Все средства были хороши для достижения целей.

Российский исторический опыт показывает, что преодоление переломных, кризисных явлений возможно. Предпринятое исследование является попыткой сказать о том, что мир уязвим и в любое время может быть нарушен. Братоубийственная война в России не должна повториться. Для современных политиков России история Гражданской войны должна остаться поучительной.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Земельный кодекс РСФСР (утв. постановлением ВЦИК от 30 октября 1922 г. «О введении в действие Земельного кодекса, принятого на IV сессии IX созыва». – URL.: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1426.htm (дата обращения: 12.04.2021).
2. Щетнев В.Е. Расказачивание как социально-историческая проблема // Голос минувшего. – 1997. – № 1. – С. 19.
3. Герман О.Б. Правовое положение крестьянства и казачества Юго-Востока Европейской России в 1861–1920 гг. / О.Б. Герман. – Ростов н/ Д.: Изд-во Ростовского ун-та, 2003. – С. 350.
4. Об уничтожении сословий и гражданских чинов: декрет ВЦИК СНК. – URL.: https://books.google.ru/books (дата обращения: 12.04.2021).
5. Декрет ВЦИК и СНК «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» от 11 (24) ноября 1917 г. – URL.: http://rusarchives.ru/projects/statehood/08-14-dekret-unichtogenie-sosloviy-1917.shtml
6. Об организации советской власти в казачьих областях: Ленинский декрет от 1 июня

1918 г. – URL.: https://books.google.ru/books (дата обращения: 12.04.2021).
7. О красном терроре: постановление от 5 сентября 1918 года. – URL: http://doc.histrf.ru/20/postanovlenie-soveta-narodnykh-komissarov-o-krasnom-terrore (дата обращения: 12.04.2021).
8. Расказачивание. – URL.: http://www.kazak-wiki.ru
9. Резолюция об отношении к среднему крестьянству // Ленин В.И. Полн. собр. соч. – Т.38. – С. 207-210.
10. Крестьянство и казачество России в условиях революции 1917 г. и Гражданской войны: национально-региональный аспект. – М.; Саранск, 2017. – С. 679.
11. Богаевский А.П. 1918 год // Белое дело: Ледяной поход. – М., 1963. – С. 27, 39. 198 с.
12. О реабилитации народов: закон РСФСР. – URL.: http://legalacts.ru/doc/zakon-rsfsr.

REFERENCES

1. Land Code of the RSFSR (approved by the resolution of the All-Russian Central Executive Committee of October 30, 1922 "On the introduction of the Land Code adopted at the IV session of the IX convocation". URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1426.htm (date of access: 12.04.2021).
2. Shchetnev V.E. Decorating as a socio-historical problem. Voice of the Past. 1997. No. 1. P. 19.
3. German O.B. The legal status of the peasantry and the Cossacks of the South-East of European Russia in 1861–1920. O.B. German. Rostov n/D: Publishing house of Rostov University, 2003. P. 350.
4. URL: https://books.google.ru/books (date of access: 12.04.2021).
5. Decree of the All-Russian Central Executive Committee and the Council of People's Commissars "On the destruction of estates and civil ranks" dated November 11 (24), 1917. URL: http://rusarchives.ru/projects/statehood/08-14-dekret-unichtogenie-sosloviy-1917. shtml
6. URL: https://books.google.ru/books (date of access: 12.04.2021).
7. URL: http://doc.histrf.ru/20/postanovlenie-soveta-narodnykh-komissarov-o-krasnom-terrore (date of access 12.04.2021)
8. Relaying URL.: Http://www.kazak-wiki.ru
9. Resolution on the attitude towards the middle peasantry. V.I. Lenin. Full collection cit., T. 38, P. 207-210.
10. The peasantry and the Cossacks of Russia in the conditions of the 1917 revolution and the Civil War: the national-regional aspect. M.; Saransk, 2017. P. 679.
11. Bogaevsky A.P. 1918. White case: Ice campaign. M., 1963. P. 27, 39. 198p.
12. On the rehabilitation of peoples: the law of the RSFSR. URL: http://legalacts.ru/doc/zakon-rsfsr

Информация об авторе: Подхомутникова Марина Викторовна, канд. полит наук, старший преподаватель кафедры Истории России, Кубанский государственный университет
Адрес: 350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149,
г. Краснодар, Россия
e-mail: marina_podhomutn@mail.ru
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи

Information about the author: Marina Viktorovna Podkhomutnikova, Candidate of Political Science, senior lecturer of the Department of History of Russia,
Address: 350040, Krasnodar, Stavropolskaya Street, 149,
Kuban State University
Krasnodar, Russia
The author has read and approved the final manuscript

Статья поступила в редакцию / The article was submitted:03.04.2021
Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 18.04.2021
Принята к публикации / Accepted for publication: 25.02.2021

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов./ The author declares no conflicts of interests

© Подхомутникова М.В.. 2021
© «ИСОМ». 2021

CC BY

Отечественная история
National History

Научная статья

DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-2-161-174
УДК 93; 340.154

ПРИЧИНЫ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ПОСТРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ (1917–1924 гг.).

ШИШКИНА Ольга Евгеньевна
Дальневосточный Федеральный Университет
г. Владивосток, Россия
ORCID iD: https://orcid.org/0000-0003-3545-3985
shishkina.oe@dvfu.ru

Введение. Актуальность данной темы обусловлена продолжающимся в настоящее время реформированием ответственности за административные правонарушения, дискуссиями, которые ведутся в научной литературе, по вопросам разграничения преступлений и административных правонарушений и основаниям их деликтолизации. Исследование исторических этапов нормативного обособления ответственности за административные правонарушения с точки зрения происходящих событий в политической, экономической и социальной жизни, на наш взгляд, помогает в определении тенденций развития данного института. В настоящей статье автор ставит цель выявить причины и условия формирования административной ответственности как самостоятельного института после Великой Октябрьской социалистической революции. Постепенное нормативное обособление ответственности за административные правонарушения от уголовной ответственности приходится на период военного коммунизма и первую половину новой экономической политики (НЭП).
Методы: Автор использует классический историко-правовой метод исследования, включающий в себя как хронологический анализ социальных, политических и экономических факторов, так и исследование правового регулирования соответствующих правовых институтов в определенный период времени.
Результаты. В рассматриваемый период времени меры административного принуждения являлись одним из средств укрепления социалистической законности и обеспечения основ революционного порядка. Нормативное обособление административной ответственности от уголовной ответственности в первую половину новой экономической политики было обусловлено развитием экономических отношений, техническим прогрессом, а в целом было связано с общей тенденцией обусловленного советской идеологией разрешительного типа правового регулирования, увеличением количества издаваемых государством правил в различных сферах общественной жизни, созданием контрольно-надзорных органов, которым требовались собственные оперативные рычаги воздействия на граждан и организации, в том числе в виде наложения взысканий.

Ключевые слова: административная ответственность, административное принуждение, государственное принуждение, административное правонарушение, административное наказание, военный коммунизм, новая экономическая политика

Для цитирования: Шишкина О.Е. Причины институционализации административной ответственности в постреволюционной России (1917–1924 гг.). // *Историческая и социально-образовательная мысль.* 2021. Том. 13. № 2. с. 161-174
DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-2-161-174

Original article

THE REASONS FOR THE INSTITUTIONALIZATION OF ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY IN POST-REVOLUTIONARY RUSSIA (1917–1924)

OLGA E. SHISHKINA
Far Eastern Federal University
Vladivostok, Russia
ORCID iD: https://orcid.org/0000-0003-3545-3985
shishkina.oe@dvfu.ru

Introduction. The relevance of this topic is due to the ongoing reform of responsibility for administrative offenses, discussions in the scientific literature on the delimitation of crimes and administrative offenses and the grounds for their delinquency. The study of the historical stages of the normative isolation of responsibility for administrative offenses from the point of view of events taking place in political, economic and social life, in our opinion, helps in determining the development trends of this institution. In this article, the author aims to identify the reasons and conditions for administrative responsibility as an independent institution after the Great October Socialist Revolution. The gradual normative separation of responsibility for administrative offenses from criminal responsibility falls on the period of war communism and the first half of the New Economic Policy (NEP).
Methods. The author uses the classical historical and legal research method, which includes both a chronological analysis of social, political and economic factors, and a study of the legal regulation of legal institutions over a period of time.
Results. In the first years of Soviet power, administrative coercion, along with other measures of state coercion, was considered as one of the means of strengthening socialist legality and fundamental order and security. The normative separation of administrative responsibility from criminal responsibility during the first half of the new economic policy was due to the development of economic relations and technical progress. In general, it was associated with Soviet ideology, a permissive type of legal regulation, an increase in the number of rules issued by the state in various spheres of public life, the creation of control and supervisory bodies that required their own operational leverage on citizens and organizations, including in the form of imposing penalties.

Keywords. administrative responsibility, administrative coercion, state coercion, administrative offense, administrative punishment, war communism, new economic policy

For citation: Shishkina O. E. The reasons for the institutionalization of administrative responsibility in post-revolutionary Russia (1917-1924). *Historical and Social-Educational Idea.* 2021. Vol. 13. No.2. PP. 161-174. (In Russ.).
DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-2-161-174

Введение.

В статье «Административная ответственность в России: история возникновения и социальные основания (1835–1892 гг.)», опубликованной в настоящем журнале за 2019 г. (№ 4, Т.11), нами был сделан вывод о том, что уже в дореволюционном полицейском праве России выработалась концепция административного принуждения, включающего в себя меры предупреждения и пресечения, а также меры, близкие к административным наказаниям. К факторам, это обусловливающим, относились: разрешительный тип правового регулирования, связанный с установлением порядка реализации различных прав в сочетании с «отрицательными мерами» и наказаниями за нарушение данного порядка; объединение в деятельности публичной администрации функций управления, контроля и применения принудительных мер. Было также установлено, что в российском дореволюционном праве сложилась дифференциация деяний на преступления и проступки (правонарушения). Вместе с тем можно предположить, что разграничение преступлений и проступков не обязательно должно или могло было само по себе привести к образованию автономного права административных правонарушений (если представить поступательное развитие уголовного и полицейского (административного) права в России, не прерванного сменой государственного строя). Так, во многих государствах, не имеющих самостоятельного административно-деликтного права, тем не менее есть внутреннее деление уголовных посягательств на различные виды. Например, в соответствии со ст. 1.04 примерного Уголовного кодекса США посягательства могут быть двух видов: преступления и нарушения. Первые, в свою очередь, подразделяются на фелонии, мисдиминоры и малые мисдиминоры. Совершение нарушения может повлечь за собой только наложение штрафа или другого имущественного взыскания. Нарушение не составляет преступления и осуждение за него «не является основанием для каких-либо правопоражений или ухудшения правового положения» виновного (п. 5 ст. 1.04 примерного Уголовного кодекса) [7]. В Великобритании выделяются субстатутные преступления (regulatory offences), которые вводятся подзаконными актами органами управления. По оценке исследователей, за период с 1997 г. по 2008 г. было создано около трех тысяч таких преступлений [10, с. 17].

В России на окончательную институционализацию ответственности за административные правонарушения, безусловно, повлияла смена государственного строя в результате победы Великой Октябрьской социалистической революции. В науке уголовного права даже встречается мнение, что создание права административных правонарушений в советскую эпоху было обусловлено не особой их природой, а скорее необходимостью обеспечить упрощенное привлечение к ответственности правонарушителей, без должных судебных гарантий [2, с. 41-42]. Такой подход представляется несколько упрощенным, на что справедливо обратил внимание представитель науки административного права профессор А.В. Кирин [4; 5], работы которого содержат наиболее полное исследование этапов развития административной ответственности. Вместе с тем, по нашему мне-

нию, в научной литературе недостаточно внимания уделено изучению процесса институционализации ответственности за административные правонарушения с точки зрения происходящих событий в политической, экономической и социальной жизни. В настоящей статье автор ставит цель выявить причины и условия формирования административной ответственности как самостоятельного института в 1917–1924 гг. Именно на данное время приходится постепенное нормативное обособление ответственности за административные правонарушения от уголовной ответственности.

1. Общие тенденции развития мер административного принуждения в 1917–1920 гг.

В отличие от дореволюционного понимания государственного принуждения как необходимого ограничения прав человека государством [8, с. 64-65; 9, с. 448], В.И. Лениным были провозглашены тезисы о государстве как о продукте непримиримости классовых противоречий и орудии эксплуатации угнетенного класса, его отмирании после исчезновения правящего класса [3, с. 9-23]. На переходный период «*особая сила для подавления» пролетариата буржуазией, миллионов трудящихся горстками богачей должна смениться «особой силой для подавления» буржуазии пролетариатом (диктатура пролетариата)*» [3, с. 20]. На практике в задачи большевиков входила борьба как с «буржуазным элементом» и контрреволюцией, так и общеуголовной преступностью, возросшей после революции, а также строительство правовой системы, основанной на новой идеологии революционной законности. «*Революционное право понималось вождем пролетариата как право, охраняющее интересы революции, а революционная законность трактовалась как средство революционного наступления и революционной борьбы советской власти со всеми ее противниками. Причем круг этих противников не был четко очерчен в законодательных актах и мог очень широко трактоваться правоприменителем* [1, с. 30]. Новая власть постепенно заменяла буржуазное полицейское (административное) право на законодательном и институциональном уровнях на новые законодательные акты и институты с соответствующей идеологической и политической окраской, но данные акты и институты еще долго не выстраивались в единую концепцию советского административного права[1]. Была ликвидирована полиция и создана рабочая милиция (Постановление Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) РСФСР от 28 октября (10 ноября) 1917 г. «О рабочей милиции»)[2]. Декретом СНК о суде от 24 ноября 2017 г. были упразднены судебные установления. Для борьбы с контрреволюционерами, мародерами учреждались революционные трибуналы[3]. Дореволюционным законодательством руководствовались в той степени, в которой оно не противоречило декретам советской власти. Были созданы: инспекция труда, должностные лица которой наделялись контрольными полномочиями, а также могли за неисполнение

[1] Согласно Постановлению НКП РСФСР от 12 февраля 1918 г. были упразднены юридические факультеты российских университетов «ввиду совершенной устарелости учебных планов, полного несоответствия этих планов требованиям научной методологии». Срок ликвидации был продлен до 15 марта 1919 г. Кафедра полицейского права, которой руководил с 1911 г. проф. А.И. Елистратов, была упразднена. В 1921 г. в рамках факультета общественных наук была создана кафедра публичного права.

[2] Библиотека нормативно-правовых актов СССР. http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_7.htm

[3] http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_39.htm

или нарушение декретов, постановлений, других актов советской власти, за неприятие необходимых мер по охране безопасности, жизни и здоровья трудящихся привлекать виновных к суду, а также налагать денежные взыскания в пределах, установленных особой инструкцией[1]; жилищно-санитарная инспекция, в чьи обязанности входило обследование жилищно-санитарных условий жизни населения, в том числе применение мер ответственности перед народным судом лиц, виновных в нарушении санитарно-жилищного надзора[2]; комитеты всеобщей трудовой повинности[3] и другие контрольно-надзорные органы[4]. Из первых законодательных актов, детально и комплексно регулирующих порядок управления в определенной сфере общественной жизни, был Декрет от 27 мая 1918 года «О лесах», который предусматривал нарушение уставленных данным декретом обязанностей в качестве оснований для применения к виновным гражданам мер воздействия[5]. «Однако *правотворчество новой власти не всегда поспевало за динамикой политического момента. В большинстве случаев именно соображения революционной целесообразности выступали критерием правильности действий органов и должностных лиц Советской власти*» [1, с. 30]. Принимаемые в первые годы советской власти принудительные меры были отражением принципа революционной целесообразности, позднее – политики «военного коммунизма», отличались чрезвычайностью и вводились по мере потребностей новой власти в борьбе с различными угрозами, среди которых на первом месте были контрреволюционные настроения и истощение материальных ресурсов. Данные меры были направлены преимущественно на разрешение конкретных ситуаций. Одними из самых распространенных мер были реквизиция и конфискация. Например, были приняты: решение СНК о реквизиции у помещиков, кулаков, торговцев и направлении на фронт продовольственных запасов солдатами, матросами, красногвардейцами[6]; циркуляр Народного комиссариата по продовольствию от 16 декабря 2017 года о реквизиции на станциях и пристанях всех мануфактурных и обувных товаров; Декрет СНК от 26 января 2018 года о конфискации акционерных капиталов бывших частных банков[7] и др. Позднее был принят Декрет «О реквизициях и конфискациях»[8], устанавливающий органы, уполномоченные на применение данных мер, порядок вынесения постановлений о реквизиции и конфискации, порядок передачи вещей в собственность государства. Реквизиция была мерой государственного принуждения, не связанной с совершением противоправных деяний, под ней понималось *«принудительное отчуждение или временное изъятие государством имущества, находящегося в обладании частных лиц и обществ за*

[1] http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_286.htm

[2] Постановление СНК от 18 июня 1919 г. «О санитарной охране жилищ» http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_464.htm

[3] Декрет СНН от 05 февраля 1920 года «О комитетах по всеобщей трудовой повинности (Положение) http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_527.htm

[4] См., напр., Постановление Народного комиссариата финансов СССР от 02 августа 1919 года «О местных налоговых органах (положение)» http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_475.htm

[5] http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_289.htm

[6] Сообщение СНК от 11 ноября 1917 года «О борьбе с буржуазией и ее агентами, саботирующими дело продовольствия армии и препятствующими заключению мира» http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_24.htm

[7] http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_200.htm.

[8] Декрет СНК РСФСР от 16 апреля 1920 года http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_594.htm

плату, определяемую подлежащими органами власти». Конфискация была мерой наказаний и являлась *безвозмездным принудительным отчуждением государством имущества, находящегося в обладании частных лиц и обществ.*

Постановлением Народного комиссариата юстиции РСФСР от 18 декабря 1917 г. «О революционном трибунале печати» при революционном трибунале был учрежден революционный трибунал печати. К преступлениям и проступкам против печати относились «*всякие сообщения ложных или извращенных сведений о явлениях общественной жизни, поскольку они являются посягательством на права и интересы революционного народа*». В данном постановлении были предусмотрены следующие наказания: денежный штраф, выражение общественного порицания; помещение на видном месте или специальное издание опровержений, временная или навсегда приостановка изданий или изъятие его из обращения; конфискация в общенародную собственность типографии или имущества. При этом применение данных мер не исключало общеуголовной ответственности[1]. Зачастую в одном нормативном акте предусматривались принудительные меры различной отраслевой принадлежности для целей борьбы с контрреволюционными явлениями. Так, Декретом ВЦИК от 9 мая 1918 года о предоставлении народному комиссару продовольствия чрезвычайных полномочий по борьбе с деревенской буржуазией, укрывающей хлебные запасы и спекулирующей ими[2], народному комиссариату были предоставлены такие полномочия, как: применять вооруженную силу в случае оказания противодействия отбиранию хлеба и иного продовольствия, увольнять, смещать, предавать революционному суду, подвергать аресту должностных лиц и служащих в случае дезорганизующего вмешательства в распоряжения комиссариата и др.

Деление уголовных деяний на преступления и проступки первоначально было сохранено советской властью[3]. В качестве меры наказания за проступки широко использовались принудительные общественные работы[4].

Термин «административные взыскания» в рассматриваемый нами временной период использовался также и как синоним дисциплинарного взыскания. При этом к дисциплинарным взысканиям, налагаемым на членов исполнительных комитетов и служащих советских учреждений, относился также и арест сроком до двух недель, который мог применяться за нарушение служебной дисциплины[5]. Поскольку была введена трудовая повинность, то нарушения трудовой дисциплины карались жестко и рассматривались как правонарушения против порядка управления. Так, отказ отработать за прогул воспринимался как преступление, и те, кто отказывались отбыть трудовую повинность, подлежали помещению в концентрационный лагерь[6]. Был принят Декрет, направленный на борьбу с трудовым дезертирством, под которым понимались, например, не только неявка на

[1] http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_109.htm

[2] http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_285.htm

[3] См. Декрет СНК о Суде от 20 июля 1918 г.№ 3http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_316.htm

[4]Там же.

[5] Декрет СНК от 26 апреля 1920 года «О дисциплинарных и административных взысканиях, налагаемых на членов исполнительных комитетов и служащих в советских учреждениях» http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_608.htm

[6] Декрет СНК от 27 апреля 1920 года «О борьбе с прогулами» http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_613.htm

работу без законных оснований, но и уклонение от учета или регистрации, необходимых для трудовой повинности, или сокрытие своей специализации[1].

Таким образом, в рассматриваемый период, несмотря на то, что принуждение было основой государственной политики и идеологии, его правовое регулирование характеризовалось стихийностью, оперативным реагированием на вредные социальные явления.

Нормативное обособление административной ответственности в 1921–1924 г.

Экономический и финансовый упадок, в котором находилась постреволюционная Россия, привел руководство страны к необходимости выработки мер по выходу из кризиса, который уже грозил новыми революционными настроениями против действующей власти. Декрет ВЦИК «О замене продовольственной и сырьевой разверстки натуральным налогом», принятый на основе решения X съезда РКП(б) «О замене разверстки натуральным налогом» (02.03. 1921 г.)[2], положил начало переходу к новой экономической политике, частью которой стало допущение определенной степени экономической свободы.

Новая экономическая политика требовала государственного регулирования таких сфер, как торговля, уплата налогов, таможенное, банковское дело. Отрасли публичного и частного права получили свое первичное законодательное оформление. Административная ответственность начала обособляться в самостоятельный вид, во-первых, как ответственность за нарушение актов местной власти, во-вторых, как налагаемая в административном, а не в судебном, порядке. 23 июня 1921 года был принят Декрет «О порядке наложения административных взысканий». Согласно данному декрету, административные взыскания налагались на граждан за нарушение обязательных постановлений местной власти. Потребности времени требовали оперативности государственного управления, которая могла быть наиболее эффективно обеспечена на местах. К административным взысканиям (наказаниям) относились: а) лишение свободы сроком до 2 недель; б) назначение на принудительные работы без лишения свободы сроком до 1 месяца, в) штраф не выше 50 тыс. руб.; г) назначение вместо неисполненной повинности другой или наложение штрафа в размере, не превышающем пятикратной стоимости оплачиваемых по вольным ценам работ, подлежащих выполнению в порядке повинности. Административные взыскания налагались в уездных городах – президиумом уездных исполнительных комитетов, в губернских – коллегиями губернских отделов управления. Постановление о наложении административных взысканий заносилось в протокол с указанием, какие именно лица, на основании каких данных, за какое деяние и к какому наказанию приговаривались; постановление в письменной форме вручалось лицу, на которое наложено взыскание. Привлечение к ответственности в административном порядке допускалось в течение одного месяца со дня совершения проступка, после истечения срока дело может быть возбуждено лишь в судебном порядке. Лицо, привлеченное за совершение какого-либо проступка к судебной ответственности, не могло подлежать за то же деяние наказанию в административном порядке. Равным образом судебные учреждения не могли принимать к своему рассмотрению дел, по

[1] Декрет СНК от 04 мая 1920 года «О трудовом дезертирстве и органах борьбы с ним». http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_626.htm

[2] http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_885.htm

которым состоялось постановление о наложении на виновных взысканий в административном порядке, если не обнаруживались новые обстоятельства, требующие судебного разбирательства. Постановления о наложении административных взысканий подлежали обжалованию в следующем порядке: постановления президиума уездного исполнительного комитета и коллегии губернского отдела управления – в президиум губернского исполнительного комитета, а постановления губернского исполнительного комитета – в президиум Всероссийского центрального исполнительного комитета. При этом подача жалобы не приостанавливала приведения постановления об административном взыскании в исполнение. Незаконное и неосмотрительное наложение административных взысканий влекло за собой не только отмену постановлений о взыскании, но и предание виновных должностных лиц суду, как по инициативе граждан, так и в порядке надзора. Действие настоящего декрета не распространялось на органы, налагающие взыскания в особо установленном порядке (чрезвычайные комиссии, дисциплинарные товарищеские суды, комиссии по борьбе с трудовым дезертирством, губернские и уездные продовольственные комиссары и т.п.), а равно на местности, в которых было объявлено военное положение. В случае нарушения лицами, состоящими на военной службе, обязательных постановлений местной власти при исполнении ими служебных обязанностей, местная власть налагала административное взыскание через соответствующего начальника[1].

27 июля 1922 года было принято новое Положение, регламентирующие административные взыскания[2]. Губернские и уездные исполнительные комитеты, а также их президиумы наделялись правом издавать для населения своего района обязательные постановления по предметам управления и охранения порядка, а также в развитие девствующих декретов и положений (по вопросам общественной безопасности и порядка, народного здравия, правил, регулирующих торговлю, сбора налогов, борьбы со стихийными бедствиями, строительного устава и т.п.) со включением в эти постановления указаний на ответственность, налагаемую в административном порядке за их несоблюдение. За нарушение обязательных постановлений применялось два вида наказаний: штраф не выше 50 тыс. р (в 1923 г. – это был штраф не свыше 300 рублей золотом с переводом на советские денежные знаки по последнему опубликованному ко дню взыскания штрафа курсу котировальной комиссии)[3] и принудительные работы до 3 месяцев. Лишение свободы как уголовное наказание было исключено из административных взысканий. Вместе с тем принудительные работы были и уголовным (от 7 дней до 1 года), и административным наказанием. Размеры уголовных и административных штрафов были практически одинаковы. Так, по Уголовному кодексу штрафы, обычно как альтернативные или дополнительные наказания, устанавливались в пределах 100–500 рублей золотых[4]. Положением был введен прообраз протокола

[1] Декрет СНК от 23 июня 1921 года «О порядке наложения административных взысканий» http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_994.htm

[2] Декрет ВЦИК и СНК от 27 июля 1922 года, утвердивший Положение «О порядке издания обязательных постановлений и о наложении за их нарушение взысканий в административном порядке». http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1367.htm

[3] Декрет ВЦИК и СНК от 11 января 1923 года. http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1486.htm

[4] В незначительных статьях штраф был альтернативным наказаниям по отношению к принудительным работам. Так самоуправство было уголовным преступлением и наказывалось принудительными работами до 6 месяцев или штрафом до 500 руб. (ст. 103

об административном правонарушении. Протокол подписывался уполномоченным на его составление должностным лицом, нарушителем и свидетелем. В случае отказа нарушителя подписать протокол сведения об этом отказе заносились в протокол с указанием мотивов отказа, отказ нарушителя в подписании протокола не препятствовал наложению наказаний. Протокол немедленно представлялся в губернский или уездный отдел управления, где выносилось постановление о наложении на нарушителя взысканий в административном порядке, которое вступало в силу по утверждении его в губернских городах заведующим губернским отделом управления, в уездах – председателем уездного исполнительного комитета или его заместителем. Фактически это означало введение единоличного порядка рассмотрения дел [6, с. 54]. В тех случаях, когда из протокола следовало, что данное лицо обвиняется в деянии, преследуемом в судебном порядке, дело передавалось в соответствующий суд по подсудности. Положением регламентировались требования к содержанию постановлений о наложении административных взысканий. Постановление должно содержать ясное указание на личность нарушителя и учиненное им нарушение, а также на размер наказания. Приписываемое нарушителю нарушение должно было в точности соответствовать деянию, указанному в обязательном постановлении, на которое делалась ссылка. Постановление о наложении взыскания должно было быть изложено в письменной форме и предъявлено лицу, привлекаемому к ответственности. В случае недовольства подвергшийся взысканию в административном порядке мог просить соответствующий исполнительный комитет о пересмотре вынесенного в отношении него постановления или обжаловать это постановление. Подача жалобы не приостанавливала исполнения.

Часть административных правонарушений содержалось в Уголовном кодексе РСФСР 1922 г. в качестве административной преюдиции. Так согласно ст. 79 Уголовного кодекса, неплатеж отдельными гражданами в срок или отказ от платежа налогов, денежных или натуральных, от выполнения повинностей или производства работ, имеющих общегосударственное значение, карался в первый раз административными взысканиями. Повторный и упорный неплатеж или отказ от исполнения работ или повинностей или иные действия, устанавливающие злостность неплательщиков, наказывались уже лишением свободы или принудительными работами на срок не ниже шести месяцев или конфискацией всего или части имущества, или наложением имущественных взысканий не ниже двойного размера тех же платежей или повинностей[1].

Меры административной ответственности не носили кодифицированного характера, содержались в разрозненных административных актах, штрафы не всегда устанавливались в твердой денежной сумме. Так, налагаемый в административном порядке штраф за нарушение при производстве торговли этикетных цен, установленных Народным комиссариатом внешней и внутренней торговли Союза ССР, не должен был превышать десятикратной разницы между ценой, по которой партия товара была фактически продана, и стоимостью этой партии товара согласно этикетных цен – во всех случаях, когда нарушение этикетных цен

УК РСФСР от 01июня 1922 г.). См.: Постановление ВЦИК от 01 июня 1922 года http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1338.htm

[1] Постановление ВЦИК от 01 июня 1922 года http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1338.htm

имело место при продаже товаров партиями и когда вышеназванная десятикратная разница превышала 50 рублей[1].

Продолжалось формирование органов государственного контроля и надзора в различных сферах общественной жизни. Так, санитарные врачи имели право входа во все без исключения общественные и частные помещения и сооружения в дневное время и в учреждения и предприятия во время их работы, включая как самые здания, так и дворы и усадьбы; право производства санитарных осмотров в них, право производства выемок тех или иных материалов и продуктов для санитарного анализа с составлением соответствующего акта; право вхождения в губернские отделы управления или президиумы исполнительных комитетов с представлением о наложении взысканий в административном порядке за нарушение санитарных требований. При наличии санитарных нарушений органы санитарного надзора имели право предъявлять в письменной форме требования лицам, ответственным за содержание тех или иных зданий и сооружений. При установлении факта невыполнения этих требований санитарные органы через местные отделы здравоохранения возбуждали в необходимых случаях дела в местном народном суде с привлечением виновных к ответственности. В неотложных и особо опасных для здоровья случаях органы санитарного надзора могли через местные отделы управлений в административном порядке закрыть для использования то или иное неблагополучное в санитарном отношении предприятие или здание впредь до разбора дела в народном суде[2]. Наряду с общей административной юрисдикцией имела место специальная административная юрисдикция. В целях наиболее эффективного государственного управления контрольная и юрисдикционная функция объединялись в одном органе, например за нарушения таможенных правил взыскания в виде штрафов налагались таможенными органами[3]. Народный комиссариат путей сообщения имел право издавать обязательные постановления в целях обеспечения охраны, порядка и безопасности движения в пределах полосы отчуждения железных дорог и водных путей, а равно пресечения случаев незаконного использования транспорта и налагать за нарушение означенных обязательных постановлений денежные штрафы в размере до 50 рублей золотом[4].

На развитие института административной ответственности также повлияли следующие обстоятельства. Определенные смягчения в сфере экономики в период НЭПа, в силу которых получили развитие такие отрасли, как торговое и таможенное дело, обусловливали применение преимущественно имущественных наказаний, которые были и источником пополнения бюджета[5]. С техническим и

[1] Инструкция о порядке наложения взысканий за несоблюдение при производстве этикетных цен: Декрет от 15 мая1926 года http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2910.htm

[2] Декрет СНК РСФСР от 15 сентября 1922 года «О санитарных органах республики» http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1391.htm

[3] Декрет СНК от 10 января 1923 года «О взысканиях за нарушение ответственными лицами транспорта и распорядителями грузов таможенных постановлений». http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1483.htm

[4] Декрет ВЦИК и СНК от 08 февраля 1923 года «О предоставлении Народному комиссариату путей сообщения права издания обязательных постановлений в целях обеспечения охраны, порядка и безопасности на транспорте и о взысканий за нарушение этих постановлений». http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1520.htm

[5] См., напр.: Декрет ВЦИК и СНК «О взысканиях за нарушение постановлений об особых акцизных патентах» от25 августа 1924 года. http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2141.htm.

экономическим развитием общества появились новые сферы общественных отношений, в которых далеко не все нарушения отличались общественной опасностью, но были вредны, например, для существующего экономического уклада и (или) порядка управления. Ярким примером является безбилетный проезд. Так, Народный комиссариат юстиции разъяснял в своем циркуляре, что дела о безбилетном проезде ведению нарсудов ни в уголовном, ни в гражданском порядке не подлежат. Размер взысканий за безбилетный проезд и порядок наложения этих взысканий определялся ст. 19–21 Устава железных дорог. Согласно ст. 21 Устава, безбилетный пассажир, не уплативший указанного в ст. 19 Устава штрафа, высаживался на ближайшем остановочном пункте распоряжением начальника станции, а неуплаченный штраф взыскивался в административном порядке. Направление дел о лицах, не уплативших штрафа, в суд являлось недопустимым[1]. В связи с развитием автомобильного дорожного движения возник институт наложения штрафа на месте совершения формальных нарушений. Так, например, в 1924 г. было установлено, что в Москве и Ленинграде постановления о наложении денежных взысканий в административном порядке в размере до 25 рублей золотом могут быть выносимы начальниками отделений милиции и штрафы в размере до 3 рублей золотом могут быть взыскиваемы при самом нарушении обязательных постановлений под квитанцию постовых милиционеров. Пересмотр постановлений по жалобам заинтересованных лиц производится соответствующим административным отделом и в качестве высшей инстанции – губернским исполнительным комитетом. Перечень дел, по которым применяется означенный порядок наложения штрафов, устанавливался соответствующим губернским исполнительным комитетом. В отношении дел, по которым взыскания налагаются постовыми милиционерами, в обязательном постановлении должны были быть указаны характер правонарушений и точный размер штрафа за эти нарушения, без права повышения или понижения размера штрафа милиционерами. При отказе от уплаты на месте наложенный милиционером штраф мог быть увеличен не свыше пяти раз начальником отделения милиции[2].

Государство обладало широкой степенью дискреции в определении того, каким видом юридической ответственности наказывать общественно вредные деяния. Так, таможенные нарушения, не связанные с контрабандой, наказывались в административном порядке. По Таможенному уставу СССР разграничивалась простая контрабанда, которая влекла административную ответственность, и квалифицированная контрабанда, которая влекла уголовную ответственность[3]. Дела о простой контрабанде, караемые конфискацией товаров и наложением штрафа, разрешались в административном порядке тем таможенным учреждением, в районе которого была обнаружена контрабанда. Решения таможни по делам о контрабанде и об иных нарушениях таможенных правил могли быть обжалованы через соответствующую таможню в Главное таможенное управление в двухнедельный срок со дня объявления решения лицу, на которое наложено взыскание. Решения Главного таможенного управления являлись окончательными[4].

[1] Циркуляр от 08 июля 1924 года № 104 «О делах о безбилетном проезде». http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2082.htm

[2] Декрет ВЦИК и СНК от 14 июля 1924 года.http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2088.htm

[3] О введении в действие Таможенного устава Союза ССР: Постановление Президиума ЦИК СССР от 12 декабря 1924 года.

[4] Таможенный Устав Союза ССР http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2271.htm

Наличие административной ответственности расширяло возможности для наказаний в отношении организаций, учитывая, что субъектами уголовной ответственности могли быть только физические лица. Так, за производство торговли спиртными напитками с содержанием алкоголя свыше полутора градусов или табачными изделиями без особого патента на право продажи этих напитков и изделий или по патенту меньшей стоимости, чем подлежащий выборке, если нарушение совершено в первый раз, торговые предприятия подвергались в административном порядке денежному штрафу не свыше пятикратного размера неуплаченной или недоплаченной основной стоимости подлежащего выборке патента[1].

Таким образом, в рассматриваемый исторический период меры административного принуждения рассматривались как одно из средств укрепления социалистической законности и обеспечения основ революционного порядка и безопасности, профилактики более серьезных правонарушений – преступлений. Нормативное обособление административной ответственности от уголовной ответственности в период первой половины новой экономической политики было обусловлено развитием экономических отношений, техническим прогрессом, а в целом было связано с общей тенденцией обусловленного советской идеологией разрешительного типа правового регулирования, увеличением количества издаваемых государством правил в различных сферах общественной жизни, созданием контрольно-надзорных органов, которым требовались собственные оперативные рычаги воздействия на граждан и организации, в том числе в виде наложения взысканий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Амплеева Т.Ю. Парадигма правопонимания в первые годы советской власти / Т.Ю. Амплеева // Право и управление. – 2017. – № 2(43). – С. 25-36.
2. Есаков Г.А. От административных правонарушений к уголовным проступкам, или О существовании уголовного права в «широком смысле» / Г.А. Есаков // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2013. – № 1(16). – С. 37-45.
3. Ленин В.И. Государство и революция / В.И. Ленин. – М.: Директ-медиа, 2014. – 113 с.
4. Кирин А.В. Еще раз о генезисе административной ответственности в российском праве (или ответ сторонникам «широкого» уголовного права) / А.В.Кирин // Административное право и процесс. – 2013. – № 7. – С. 53-57.
5. Кирин А.В. Современные интерпретации уголовного проступка в административном праве России / А.В. Кирин, Н.И. Побежимова // Вестник Омской юридической академии. – 2017. – Т. 14. – № 4. – С. 20-26.
6. Кирин А.В. Теория административно-деликтного права: Дис. … д-ра юрид. наук / А.В. Кирин. – М., 2012. – 389 с.
7. Козочкин Д.И. Уголовное право США: успехи и проблемы реформирования / Д.И.Козочкин, – СПб.: Юридический центр пресс. – 2007. – URL: https://kartaslov.ru
8. Российское полицейское (административное) право. Конец XIX – начало XX века: Хрестоматия / Сост. и вступит. ст. Ю.Н. Старилов. – Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 1990. – 624 с.
9. Тарасов И.Т. Очерк науки полицейского права / Тарасов И.Т. – М.: Печатня

[1] Постановление ЦИК СНК СССР от 23 октября 1925 года «О порядке наложения взысканий за нарушение постановлений об акцизах и особом патентном сборе за право торговли спиртными напитками и табачными изделиями». http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_2706.htm

С.П. Яковлева, 1897. – 718 с.
10. Уголовное право зарубежных стран в 3 т. Том 1. Общая часть. Англия. США: Учебник для бакалавриата и магистратуры / Н.Е. Крылова, Н.А. Голованова, И.Д. Козочкин; отв. ред. Н.Е. Крылова. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2018. – 240 с.

REFERENCES

1. Ampleeva T.Yu. Paradigma pravoponimaniya v pervye gody sovetskoy vlasti [The paradigm of legal thinking in the early years of Soviet power] Pravo i upravlenie . 2017. No 2(43). pp.25-36(in Russ.);
2. Yesakov G.A. Ot administrativnykh pravonarusheniy k ugolovnym prostupkam, ili o sushchestvovanii ugolovnogo prava v «shirokom smysle» [From administrative offenses to criminal offenses, or the existence of criminal law in the "broad sense"] Biblioteka kriminalista. Nauchnyy zhurnal. 2013. No 1(16). pp. 37-45 (in Russ.);
3. Lenin V.I. Gosudarstvo i revolyutsiya [State and revolution]. Moskva : Direkt-media, 2014. 113p. (in Russ.);
4. Kirin A.V. Yeshche raz o genezise administrativnoy otvetstvennosti v rossiyskom prave (ili otvet storonnikam «shirokogo» ugolovnogo prava) [Once again about the genesis of administrative responsibility in Russian law (or a response to supporters of "broad" criminal law)] Administrativnoe pravo i protsess. 2013. No 7. pp. 53-57. (in Russ.)
5. Kirin A.V., Pobezhimova N.I. Sovremennye interpretatsii ugolovnogo prostupka v administrativnom prave Rossii [Modern interpretations of criminal misconduct in the administrative law of Russia] Vestnik Omskoy yuridicheskoy akademii. 2017. Volume 14. No 4. pp.20-26. (in Russ.)
6. Kirin A.V. Teoriya administrativno-deliktnogo prava [Theory of administrative tort law] Diss. doctor of law. Moskva. 2012. 389 p. (in Russ.)
7. Kozochkin, D.I. Ugolovnoe pravo SShA: uspekhi i problemy reformirovaniya [US Criminal Law: Reform Progress and Challenges] Sankt-Peterburg : Izdatelskiy dom «Yuridicheskiy tsentr press». 2007. (Internet) Available from: URL: https://kartaslov.ru (in Russ.)
8. Rossiyskoe politseyskoe (administrativnoe) pravo. Konets XIX – nachalo XX veka [Russian police (administrative) law. Late 19th - early 20th century]. Reader. Comp. and will enter Art. Yu.N. Starilov. Voronezh: Voronezh State University Publishing House, 1990. 624 p. (in Russ.)
9. Tarasov I.T. Ocherk nauki politseyskogo prava [An Outline of the Science of Police Law] Moskva: Pechatnya S.P. Yakovleva, 1897. 718 p. (in Russ.)
10. Ugolovnoe pravo zarubezhnykh stran v 3 t. Tom 1. Obshchaya chast. Angliya. [Criminal law of foreign countries in 3 volumes. Volume 1. General part. England.USA] textbook for undergraduate and graduate programs N.Ye. Krylova, N.A. Golovanova, I.D. Kozochkin ; ed. N.Ye. Krylova. – 5-e izd., pererab. i dop. Moskva : Izdatelstvo Yurayt, 2018. 240 p. (in Russ.)

Информация об авторе: Шишкина Ольга Евгеньевна, доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права Юридической школы Дальневосточного федерального университета,
г. Владивосток, Россия
ORCID iD: https://orcid.org/0000-0003-3545-3985
shishkina.oe@dvfu.ru
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи

Information about the author: Olga Shishkina, Associate Professor, PhD in law, Associate Professor of Constitutional and Administrative Law at the Law School of Far Eastern Federal University
Vladivostok, Russia
ORCID iD: https://orcid.org/0000-0003-3545-3985
shishkina.oe@dvfu.ru

The author has read and approved the final manuscript

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 14.03.2021
Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 21.04.2021
Принята к публикации / Accepted for publication: 27.04.2021

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов./ The author declares no conflicts of interests

© Шишкина О.Е. 2021
© «ИСОМ». 2021

CC BY

Всеобщая история
World History

Научная статья

DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-2-175-182
УДК 93/94

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ВЕНЫ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 1916–1918 гг.

НАДИРОВ Рашид Азимович
Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина
г. Тамбов, Россия
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-0029-2731
rashid-nadirov@mail.ru

В настоящей статье раскрывается проблема социально-экономического положения столицы Австро-Венгрии Вены во второй период Первой мировой войны – 1916–1918 гг. Значительное внимание уделяется последствиям войны: продовольственный кризис, дефицит, рост цен на предметы первой необходимости, спекуляция, протестные выступления и т.д. Показывается трансформация настроений венского общества в условиях нараставшего экономического кризиса. Продовольственной вопрос непосредственно отразился на качестве жизни жителей столицы, находившихся в непростых условиях военного времени, и во многом обусловил их отношение к действующей власти. В данном исследовании поставлена задача проанализировать взаимоотношения правительства и народа и выяснить, почему изначально настроенные патриотично и сплотившиеся вокруг монархической власти жители Вены к 1916 г. встали в оппозицию. Автор приходит к выводу, что именно продовольственный кризис, на фоне бездействия власти, употреблявшей исключительно практику запретов и ограничений в отношении гражданского населения, стал ключевым в обострении протестных настроений и привел в итоге к смене политического режима и краху Австрийской монархии.

Ключевые слова: Австро-Венгрия, Вена, Первая мировая война, социально-экономическая сфера, продовольственный кризис, протестные выступления

Для цитирования: Надиров Р.А. Социально-экономическое положение Вены в годы Первой мировой войны 1916–1918 гг.. // *Историческая и социально-образовательная мысль.* 2021. Том. 13. № 2. с. 175-182,
DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-2-175-182

Original article

SOCIO-ECONOMIC SITUATION IN VIENNA DURING THE FIRST WORLD WAR 1916–1918

Rashid A. NADIROV
Derzhavin Tambov State University
Tambov, Russia
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-0029-2731
rashid-nadirov@mail.ru

This article addresses the problem of socio-economic status of the Austro-Hungarian capital Vienna in the second period of the First World War - 1916-1918. Much attention is paid to the consequences of the war: the food crisis, the deficit, the rise in prices for basic necessities, speculation, protests, etc. It shows the transformation of the mood of the Viennese society in the conditions of the growing economic crisis. The food issue directly affected the quality of life of the residents of the capital, who were in difficult wartime conditions, and largely influenced their attitude to the current government. In this study, the task was to analyze the relationship between the government and the people and to find out why the people of Vienna, who had initially been patriotic and united around the monarchy, had joined the opposition by 1916. The author concludes that the food crisis, against the backdrop of the inaction of the government, which has used only the practice of prohibitions and restrictions on the civilian population, has become a key factor in exacerbating protests and leading to the overthrow of the political regime and the collapse of the monarchy.

***Keywords**:* Austria-Hungary, Vienna, World War I, socio-economic sphere, food crisis, protest actions

For citation: Nadirov R.A. Socio-economic situation in Vienna during the First World War 1916–1918. *Historical and Social-Educational Idea.* 2021. Vol. 13. No.1. PP. 175-182. (In Russ.).
DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-2-175-182

Первая мировая война, как одна из самых кровопролитных и разрушительных войн в мировой истории, стала величайшим бедствием человечества, тяжелым испытанием для всех включенных в нее государств. Война трансформировала внутреннее состояние воюющих держав, надломила их общественно-политический строй. Первая мировая война дестабилизировала социально-экономическую сферу стран-участников, трансформировала общественные взгляды и ценностные ориентиры.

Инициатор войны Австро-Венгрия в эти годы переступила грань системного кризиса, колоссальных общественных изменений, столкнулась с серьезными социально-экономическими проблемами. Война нанесла сильнейший удар по австро-венгерской экономике. Такие жизненно важные области, как промышленность, сельское хозяйство, заготовки, снабжение и распределение продуктов, в ходе войны подверглись критическим осложнениям. Особенно социально-экономические трудности коснулись столицы государства – Вены. Война существенно повлияла на течение повседневной жизни венцев, их экономический уклад.

Современная историческая наука требует более широкого исследования положения Вены в период Первой мировой войны с учетом аспектов, ранее малоизученных. Одна из таких тем – социально экономическая жизнь Вены 1916–1918 гг.

В исторической науке на сегодняшний день проблемы социально-экономического положения Вены в 1916–1918 гг. недостаточно освещены. Хотя при этом в научной литературе сложился целый исследовательский пласт по вопросам Первой мировой войны и роли в ней Австро-Венгрии. В.Б. Миронов в общем контексте своего исследования событий и итогов Первой мировой войны детально касается некоторых вопросов социально-экономического положения Вены [1]. В исследовании Д.И. Рогова социально-экономическая проблема Венгрии освещается в связи с рассмотрением причин падения Габсбургской монархия в 1918 г. [2]. В монографии А.С. Никогосян анализируется экономическая политика Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны, значительное внимание уделяется проблемам общественно-экономической ситуации в Вене в 1916–1918 гг.: продовольственный кризис, дефицит, протестные выступления и т.д. [3].

Цель данной статьи – выявление механизмов развития социально-экономического кризиса в Вене в годы Первой мировой войны (1916–1918 гг.). Центральная идея исследования состоит в том, что экономический фактор стал ключевым в обострении массовых протестных настроений в народной среде, что в результате привело к гибели Габсбургской империи в 1918 г. Основополагающими методами исследования выступают историзм и научная объективность. Историзм способствует изучению истории Вены в годы Первой мировой войны, для определения влияния войны на основные социально-экономические сферы жизни города: промышленность, сельское хозяйство. Метод научной объективности способствует адекватной оценке ситуации, сложившейся в Вене в 1916–1918 гг.

В 1916 г. в экономике Вены начинают четко обнаруживаться признаки усиливающегося хозяйственного истощения. Очень тяжело война отразилась на населении столицы. Общественная жизнь города была парализована: закрыты законотворческие учреждения, их заменила военно-бюрократическая машина, введена контролируемая экономика, и осуществлен переход промышленности на военный режим. Транспорт пришел в очень плохое состояние, поскольку в основном использовался для перевозки военных грузов. «Фронт требовал огромного количества оружия, боеприпасов, различной амуниции продовольствия, лошадей и т.д.» [4, с. 62].

Последствием войны, проявившимся в хозяйственной экономике города, стала тотальная мобилизация – огромное число трудоспособного мужского населения уходило на фронт. В 1916 г. выходит указ о мобилизации мужчин в возрасте 50–55 лет. Происходит увеличение количества работающих женщин в мужских профессиях, возрастает нагрузка на производстве на подростков, что в реально-

сти не приводит к достижению необходимых результатов. Обесценивается австро-венгерская крона, в связи с этим возрастает дороговизна и безудержная спекуляция. Появляется практика «ножниц цен» на промышленные и сельскохозяйственные продукты. Производство промышленной продукции (в связи с мобилизацией) сильно сокращается, сельскохозяйственная продукция к этому периоду войны приобретает дефицитный характер, поскольку армии требуется должное снабжение.

Как известно, в 1916 г. Европу поразил неурожай. В результате плохих погодных условий снизился урожай зерновых. Поэтому в конце этого года кризис экономики резко обострился (так называемая «репная зима») [5]. Увеличился дефицит муки, что значительно сказалось на снижении производства хлеба, его качестве. Из-за экономической блокады возник сырьевой голод, увеличились продовольственные затруднения. В результате положение жителей Вены стало крайне невыносимым, они испытывали страшный голод (употребляли в пищу даже древесную кору).

Большинство магазинов на территории города были закрыты. В продовольственных «хвостах» и очередях люди простаивали по 48 часов, что явилось настоящей народной бедой. Данную ситуацию в своих целях использовали спекулянты, которых к середине войны стало намного больше в Вене. Они занимались перепродажей продовольственных товаров по астрономическим ценам. «Все это губительно отражалось на экономике страны и резко снижало жизненный уровень трудящихся масс, что, в свою очередь, не только уменьшило спрос, но и привело к дальнейшему, циклическому сокращению производства. Есть все основания полагать, что экономика Австро-Венгрия с 1916 г. находилась в состоянии стагнации» [3, с. 11].

Материальные ресурсы Австро-Венгрия к этому периоду стали истощаться, империя показала свою неготовность к затяжному военному противостоянию. Особенно это касалось сырьевых ресурсов и снабжения продуктами питания. Ранее мы указывали: «Нехватка сырья, терпимая в первые годы войны, к 1916 г. стала все более заметной. Речь уже шла не только о цветных металлах, но и о нехватке нефти, свечей или угля, дров и кормов для животных. Транспортная система и недостаточная логистика оказались еще одной "ахиллесовой пятой" австрийской экономики. Нехватка хлопка парализовала текстильную промышленность. Картины очередей, ожидающих часами, особенно женщин, детей и подростков, стали привычной частью городского пейзажа во время войны: очереди перед магазинами, рыночные лавки, очереди за деньгами, карточками, постановка в очередь на военной кухне была нормальной частью повседневной жизни. Каждый день тысячи горожан выстраивались в очередь в ужасных условиях, чтобы получить свой хлеб, кусок мяса или несколько яиц. Те, кто не хотели рисковать, вообще ничего не получали. В Вене были такие семьи, которые могли питаться только кофе и хлебом. Это также увеличило потенциал для антиправительственных настроений. Несмотря на расширение использования сил безопасности, чтобы успокоить ситуацию в городе, по мере продолжения войны участились мелкие уголовные преступления и акты насилия» [6, с. 239].

В Вене в 1916 г. учреждается специальная Продовольственная комиссия. Однако ее деятельность не привела к положительным результатам, продовольственные проблемы не были решены. Вводится карточная система на продовольствие. Определяется рацион важнейших продуктов питания. Как указывают ав-

стрийские исследователи, «взрослый мужчина должен был получать 3 000 калорий в день, однако средняя норма калорий в Австрии не могла быть выше 1 985 калорий, а по факту она составила в начале 1916 г. лишь 1 336 калорий» [7].

Все вышеназванное привело к катастрофическому ухудшению условий жизни жителей столицы. Война изменила привычный быт горожан, нарушила их экономический уклад. К 1916 г. жизнь Вены практически замерла, везде господствовали упадок и запустение, люди пребывали в шоковом состоянии, надвигалась паника. В городе царила массовая безработица, росла смертность населения.

Подчеркнем, что война обусловила значительное число беженцев. Количество беженцев из других регионов составляло 200 тыс. Вена для них представлялась более доступным местом, где они смогут получить помощь со стороны государства. Кроме того, в столице проще, чем в провинции, обстояло дело с поиском работы. Все это способствовало многочисленному наплыву в Вену беженцев. Таким образом, количество жителей Вены, включая беженцев, к лету 1915 г. составило более 2,4 млн человек и стабильно таким держалось вплоть до окончания войны [8].

Весной 1917 г. ситуация с продовольствием еще больше усугубляется с введением «Закона о вспомогательной службе: гражданское население обременяется законом о военной повинности» [9]. Как результат – увеличение умершего гражданского населения, смертность из-за инфекционных заболеваний, таких как брюшной тиф, туберкулез, а также из-за сердечной недостаточности.

В 1916–1917 гг. на фоне усиливающейся эксплуатации рабочего класса (как правило, это женщины, подростки, дети) заработная плата на венских предприятиях снижается вдвое. К этому времени на улицах Вены появилось множество людей, просящих милостыню. Все вышеперечисленные факторы стали результатом нарастания массовых бунтов, беспорядков, грабежей, убийств [10].

С 1917 г. среди жителей столицы начинают приобретать особую остроту протестные настроения, растет недовольство правительством. Патриотический настрой к этому времени уже исчез. «Тревожные известия о положении дел на театре войны, несмотря на строгость цензуры, все же проникают в печать и усиливают общую панику. Слышатся голоса протеста австрийцев против своего монарха» [11]. Чем дольше продолжалась война, тем активнее становились протестные акции. На предприятиях, работающих в режиме военного времени, забастовки рабочих приобретали частый характер. Бастующими, как правило, сначала выдвигались экономические требования.

Важно подчеркнуть, что война значительным образом подняла финансовую прибыль капиталистов, а в среде трудящихся масс вызвала обнищание. Как отмечает А.С. Никогосян, «не стоит удивляться тому, что экономические трудности больно ударили по обществу. И его реакция была вполне очевидной. Резкое ухудшение материального положения трудящихся, усиление национального и социального гнета, произвол военщины и возрастающее в связи с этим брожение в народе способствовали нарастанию антивоенного, национально-освободительного и революционного движения» [3, с. 11].

В 1918 г. в Вене еще больше обостряется продовольственная проблема, прогрессирует голод. В январе этого года происходит урезание хлебного рациона. Данное обстоятельство спровоцировало забастовочные движения. По улицам города прокатились массовые протесты уставшего от войны венского общества. Надо отметить, что забастовки теперь обретают сугубо политическую направ-

ленность, выдвигаются антиправительственные лозунги. Некоторые исследователи считают, что причиной краха двуединой монархии «стали не столько угрозы голода, сколько культурные установки элит во всех трех империях – их невнимание к нуждам рабочих» [12, с.7].

К июню 1918 г. хлебные пайки жителей Вены были сокращены в два раза. Уменьшение нормы выдачи хлеба, рост цен на другие продукты питания стали веской причиной выхода людей на улицы города и выступления против бездействия власти. Как утверждают эксперты, протесты венцев вызвал еще и тот факт, что крестьяне-землевладельцы удерживали у себя хлебные запасы, за счет этого провоцировали «рост цен на черном рынке зерна» [13]. В среде рабочего класса выросла ненависть к спекулятивным мерам землевладельцев. Фермеры не засевали землю, объясняя это тем, что таким образом быстрее придет конец войне: «к чему работать и затягивать наше несчастье?» [14]. Разъяренные толпы жителей Вены, а также протестующие солдаты, находящиеся в столице, шли в деревни к землевладельцам-поставщикам с требованием отдать людям хлебные запасы.

Горожанам была непонятна малоэффективная и медленная работа властей. В этой связи наблюдалось стремительное падение авторитета правительства, обвиняемого в ошибках, неумении и нежелании принимать действенные решения по продовольственному вопросу, в нежелании осуществить реформы, способствующие облегчению материального положения простого населения. Таким образом, существование монархии Габсбургов стремительными темпами подходило к своему концу. 30 октября 1918 г. протестующие (более 1000 чел.) подошли к зданию дворца депутатов в Вене. Их основное требование теперь заключалось в отречении от престола кайзера. Через несколько дней – 12 ноября – в стране провозглашается республика.

Подводя итог, следует отметить, что второй период Первой мировой войны (1916–1918 гг.) был глобальным и разрушительным для Вены. К этому времени продовольственный кризис в столице вошел в острую фазу. Основными причинами кризиса были: нарушение транспортного сообщения, сужение посевных площадей по причине недостатка мужчин-рабочих, заготовки продовольствия для фронта, неблагоприятная рыночная конъюнктура для поставщиков сельхозпродукции. Процессы, вызванные военным положением, привели к непомерному росту дороговизны, дефициту, спекуляциям на черном рынке. Правительство, в свою очередь, не имело конкретного плана борьбы с острой нехваткой материальных средств, дефицитом, ростом цен, но при этом значительно ограничивало права и полномочия граждан. В этих условиях произошло ослабление физических сил и морального духа городского населения, что привело к массовым забастовкам и демонстрациям. Исследование экономического фактора, ставшего ключевым в обострении протестных настроений в народной среде и в итоге в смене политического режима, побуждает к дальнейшему изучению данной проблематики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Миронов В.Б. Первая мировая война. Борьба миров. – М.: Олма Медиа Групп, 2014. – **918** с.
2. Рогов Д.И. Габсбургская монархия в общественном мнении и военной пропаганде Великобритании в 1914–1918 гг.: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. – Тамбов, 2015. – 252 с.

3. Никогосян А.С. Экономическая политика Австро-Венгрии и Германии в годы Первой мировой войны на оккупированных территориях и ее последствия: педагогический аспект. – Нижневартовск: Киммерия, 2019. – 66 с.
4. Миронов В.В. Информационная политика в Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны // Вопросы истории. – 2010. – № 4. – С. 62-77.
5. Healy M. Vienna and the Fall of the Habsburg Empire: Total War and everyday life in World War I. – Cambridge, 2004.
6. Надиров Р.А. Влияние Первой мировой войны на социально-экономическое положение Вены в 1914–1916 гг. // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. – Тамбов, 2021. – Т. 26, № 190. – С. 235-241.
7. Hamlin D. «Dummes Geld»: Money, Grain, and the Occupation of Romania in WWI / D. Hamlin // Central European History. – 2009. – Vol. 42. No. 3. – P. 451.
8. Материалы выставки: Wohin der Krieg fuehrt. Wien im Ersten Weltkrieg 1914–1918. – URL: http://www.wienbibliothek.at/veranstaltungenund-ausstellungen/ausstellungen/wien-im-ersten-weltkrieg.
9. Rauchensteiner M. Der Tod des Doppeladlers. sterreich-Ungarn und der Erste Weltkrieg. – Graz; Wien; Köln, 1994. – S. 281-310; Der Erste Weltkrieg und das Ende der Habsburgermonarchie 1914–1918. – Wien; Köln; Weimar, 2013. – S. 404-414.
10. Голод в Австро-Венгрии // Известия Пермского губернского исполнительного комитета Советов рабочих и солдатских депутатов 13.01.1918. – № 5. – С. 3. – URL: http://permnewspapers.ru/statja/golod-v-avstro-vengrii/
11. Летопись войны 1914–1917 гг.– 1914.– № 4.
12. Попов Г.Г., Давыдов С.Г. «Провалы» в распределении продуктов и революционные потрясения 1917–1918 годов в Европе // Историко-экономические исследования. – 2016. – Т. 17. – № 1. – С. 7-48.
13. Healy M. Vienna and the Fall of the Habsburg Empire: Total War and Everyday Life in World War I / M. Healy. – NY: Cambridge University Press, 2004.
14. Голод в Австро-Венгрии // Известия …

REFERENCES

1. Mironov VB The First World War. Struggle of the worlds. M.: Olma Media Group, 2014. 918 p.
2. Rogov D.I. The Hapsburg Monarchy in Public Opinion and War Propaganda in Great Britain in 1914-1918: dis. ... cand. ist. Sciences: 07.00.03. Tambov, 2015. 252 p.
3. Nikogosyan A.S. Economic policy of Austria-Hungary and Germany during the First World War in the occupied territories and its consequences: pedagogical aspect. Nizhnevartovsk: Cimmeria Publishing House, 2019. 66 p.
4. Mironov V.V. Information policy in Austria-Hungary during the First World War. Questions of history. 2010. № 4. P. 62-77.
5. Healy M. Vienna and the Fall of the Habsburg Empire: Total War and everyday life in World War I. Cambridge, 2004.
6. Nadirov R.A. Influence of the First World War on the socio-economic situation in Vienna in 1914-1916. Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities. Tambov, 2021. T. 26, No. 190. P. 235-241.
7. Hamlin D. "Dummes Geld": Money, Grain, and the Occupation of Romania in WWI.

D. Hamlin. Central European History. 2009. Vol. 42, no. 3. P. 451.
8. Exhibition materials: Wohin der Krieg fuehrt. Wien im Ersten Weltkrieg 1914–1918. URL: http://www.wienbibliothek.at/veranstaltungenund-ausstellungen/ausstellungen/wien-im-ersten-weltkrieg.
9. Rauchensteiner M. Der Tod des Doppeladlers. sterreich-Ungarn und der Erste Weltkrieg. Graz; Wien; Köln 1994 S. 281-310; Der Erste Weltkrieg und das Ende der Habsburgermonarchie 1914–1918. Wien; Köln; Weimar, 2013. P. 404-414.
10. Famine in Austria-Hungary. News of the Perm Provincial Executive Committee of the Soviets of Workers 'and Soldiers' Deputies 01.13.1918. No. 5. P. 3. http: //permnewspapers.ru/statja/golod-v-avstro-vengrii/
11. Chronicle of the war of 1914–1917. 1914. No. 4.
12. Popov G.G., Davydov S.G. "Gaps" in the distribution of products and the revolutionary upheavals of 1917–1918 in Europe. Historical and economic research. 2016.Vol. 17. No. 1. P. 7-48.
13. Healy M. Vienna and the Fall of the Habsburg Empire: Total War and Everyday Life in World War I. M. Healy. - NY: Cambridge University Press, 2004.
14. Famine in Austria-Hungary. News of the Perm Provincial Executive Committee of the Soviets of Workers 'and Soldiers' Deputies 01/13/1918. No. 5. P. 3. http: //permnewspapers.ru/statja/golod-v-avstro-vengrii/

Информация об авторе: Надиров Рашид Азимович, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Россия
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-0029-2731
rashid-nadirov@mail.ru
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи

Information about the author: Rashid A. Nadirov, Derzhavin Tambov State University
Tambov, Russia
ORCID: https://orcid.org/0000-0002-0029-2731
rashid-nadirov@mail.ru

The author has read and approved the final manuscript

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 10.03.2021
Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 14.04.2021
Принята к публикации / Accepted for publication: 25.04.2021

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов./ The author declares no conflicts of interests

© Надиров Р.А. 2021
© «ИСОМ». 2021

CC BY

История международных отношений и внешней политики
History of International Relations and Foreign Policy

Научная статья

DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-2-183-190
УДК 93/94

АНАЛИЗ ОТНОШЕНИЯ К КИТАЮ В РАЗНЫХ ТИПАХ СООБЩЕНИЙ РОССИЙСКИХ СМИ

Аибота Шахэти
Российский университет дружбы народов,
г. Москва, Россия-г. – Синьцзян-Инь, Китай
email: 15647070228@163.com

Анотация: Как мировая держава Россия является крупнейшим соседом Китая и играет особую роль в укреплении его международных коммуникационных возможностей. Отчеты России, связанные с Китаем, имеют как положительные, так и отрицательные оценки, но угол наблюдения практичен и объективен. Образ Китая редко искажается, принижается и очерняется вследствие политических предубеждений и идеологических разногласий. Общий имидж Китая и его роль на международной арене можно оценить как положительные. Сообщения средств массовой информации в основном представляют собой политические и экономические новости, особое внимание уделяется информации о политическом, экономическом и торговом обмене между Китаем и Россией.

Каковы же тенденции отношения российских СМИ к Китаю? Как общество и политические комментаторы рассматривают положение в трехсторонних отношениях между Россией, Китаем и США? Есть ли новые тенденции в восприятии имиджа Китая политическими элитами и простыми людьми? Что в последнее время вызывает обеспокоенность Китая в российских СМИ? Какое направление демонстрируют СМИ и аналитические центры по острым вопросам китайско-индийского пограничного конфликта? Эти проблемы отражают восприятие россиянами имиджа Китая, связаны с эффективностью подачи «китайского материала» и внешних коммуникаций, а также отражают развитие китайско-российских отношений и уровень влияния Китая на международной арене.

Ключевые слова: Россия, Китай, СМИ

Для цитирования: Шахэти Аибота Анализ отношения к Китаю в разных типах сообщений Российских СМИ.// *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2021. Том. 13. № 2. С. 183-190
DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-2-183-190

Original article

ANALYSIS OF ATTITUDES TOWARD CHINA IN DIFFERENT TYPES OF RUSSIAN MEDIA REPORTS

Ayibota Shahety
Peoples' Friendship University of Russia,
г. Moscow, Russia – City Xinjiang Ying, China
15647070228@163.com

Abstract: As a world power, Russia is China's largest neighbor and plays a special role in strengthening my country's international communication capabilities. Russia's reports related to China have both positive and negative content, but the viewing angle is more practical and objective. China's image is rarely distorted, belittled, and vilified by political bias and ideological divisions. The overall image of China and China in the international arena The role is positive. Media reports are mainly political and economic news, with a particular focus on information on political and economic and trade exchanges between China and Russia.
What are the tendencies in the attitude of the Russian media towards China? How does society and theory view the situation in the trilateral relations between Russia, China and the United States? Are there any new trends in the perception of China's image by political elites and ordinary people? What has been causing concern about China in the Russian media lately? What direction are the media and think tanks showing on the burning issues of the Sino-Indian border conflict? These problems reflect Russians' perception of China's image, are related to the effectiveness of my country's "telling Chinese stories" and external communications, and also reflect the development of Sino-Russian relations and the level of my country's influence in the international arena.

Keywords: Russia, China, media

For citation: Ayibota Shahety, Analysis of attitudes toward china in different types of Russian media reports*. Historical and Social-Educational Idea.* 2021. Vol. 13. No.2. PP. 183-190. (In Russ.).
DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-2-183-190

Отношение трех основных СМИ России к Китаю

Чтобы понять, как средства массовой информации отражают отношения Китая и России, мы обратимся к некоторым печатным изданиям.

«Российская газета» – официальная газета правительства России. Это важное средство массовой информации для передачи официальной политики государства, в основном публикующее законы, указы президента, постановления правительства, отчеты различных ведомств правительства России и комментарии официальных должностных лиц, а также различные политические, экономические, социальные, спортивные и культурные новости. «Россия» обладает богатыми ресурсами для редактирования и рецензирования. Практически все публикуе-

мые статьи собираются и пишутся самостоятельно. Материалы с других сайтов редко перепечатываются. Это авторитетное СМИ в сфере текущих событий.

«Независимая газета» – одна из самых влиятельных общественно-политических газет России. Б. Березовский, М. Ходорковский и другие олигархи раньше противостояли здесь официальной пропагандистской машине. После того, как российское правительство решительно продвинуло реформу СМИ, газета изменила свою позицию и больше не включалась в оппозиционные СМИ. «Независимая» выступает за объективную, справедливую и самостоятельную газетную политику, а ее читательское позиционирование характеризуется как «элитарностью», так и «популяризацией».

«Коммерсантъ» известен как представитель современных российских высококачественных изданий и на данный момент является одним из самых влиятельных финансовых СМИ. В последние годы текущие политические комментарии постепенно стали его коньком, а публикуемые мнения являются полезными, оригинальными и полными глубины. «Коммерсантъ» начинал как традиционная газетная индустрия, а теперь превратился в медиагруппу, в которую входят газеты, веб-сайты, радио, журналы и др. Под его эгидой находятся такие журналы, как «Власть» и «Деньги». «Коммерсантъ» специализируется на независимом планировании, редактировании и освещении, а его читатели позиционируются как средний класс, которому небезразличны текущие дела и финансовые новости.

Основные тенденции, освещаемые современными СМИ

Действия и поступки Китая в международной системе, а также дипломатическое взаимодействие Китая с другими странами – вот что больше всего было отражено в российских СМИ. В последние годы Китай неоднократно добивался успехов в создании международных механизмов, формулировании международных правил и координтровании международных конфликтов. Международные новостные сообщения стали основным полем для формирования имиджа Китая. В «Российской», «Независимой» и «Коммерсанте» прослеживается влияние инициативы Китая «Один пояс, один путь», позиция и меры Китая по таким актуальным вопросам, как террористические угрозы, сирийский кризис, ядерный кризис на полуострове и т.д. Наибольшая доля связанных с Китаем сообщений в газетах составляет 29, 47 и 33 % соответственно. Эти отчеты оперативно представляют позицию, взгляды и политику китайского правительства на крупных дипломатических мероприятиях, которые сыграли важную роль в распространении политики Китая.

«Российская газета» высоко оценила сотрудничество между Китаем и Россией на международной арене: «Будущее развитие китайско-российских отношений открыло новые возможности» [1, с. 3]. «Мы считаем, что относимся к Китаю так, как Китай к нам, – к стратегическому альянсу с выдающимися достижениями» [2, с. 5]. «Дума поддерживает совместное сотрудничество Китая и России в борьбе с терроризмом» [3, с. 3]. «Госдума не рассматривает рост военных расходов Китая как угрозу» [4, с. 3]. «Форум "Один пояс, один путь" станет ежегодным международным мероприятием» [5, с. 5]. «Предложение Китая относится ко всем. Предложение "Мировой единый Китай" форума "Один пояс" получило поддержку более чем 100 стран». «"Независимая газета" и "Коммерсантъ" также поддержали действия Китая в международных делах, таких как "Китай и Россия объединяют свои силы". Наложено вето на резолюцию Алеппо» и т.д. В ходе развития трехсто-

ронних отношений Китай – Россия – США Россия возлагала большие надежды на американо-российские отношения после того, как Трамп был избран президентом, и в то же время сохраняла чуткое отношение к российско-китайской теме. С одной стороны, такие СМИ, как «Независимая газета», признавали важность Китая: «Си Цзиньпин держал козырную карту перед встречей с Трампом: Пекин заявил о глобальных амбициях, в то время как Вашингтон был охвачен внутренней борьбой»; «Российско-американские отношения во многом зависят от развития китайско-российских отношений». С другой стороны, следовало сохранять бдительность в отношении китайско-американских отношений: «Китай позиционирует Соединенные Штаты как главного стратегического партнера, а Россия занимает второе место в геополитике Китая: "Правительство активизируется, чтобы установить отношения с Китаем, а не с Россией"» и т.д.

На сообщения по международным вопросам влияют многие факторы, такие как национальные интересы, международная ситуация, активность СМИ, общепринятые оценочные суждения, критерии оценки редакторов и журналистов, а также позиции опрошенных экспертов. В ходе исследования установлено, что отчеты России о Китае содержали как позитивные, так и негативные оценки, но угол наблюдения был более практичным и объективным. Образ Китая редко искажался, принижался и очернялся из-за политических предубеждений и идеологических разногласий. В целом можно отметить положительное отношение к имиджу Китая и его роли на международной арене, его поддержку по таким важным вопросам, как отношения между двумя сторонами пролива и проблема Южно-Китайского моря. При этом соотношение позитивных и общих новостей по таким вопросам, как «Китайско-российские отношения», «Один пояс, один путь», «Роль Китая в вопросе полуострова», «Китайско-российская экономика и торговля», «Выставка экономического развития Китая» и др., явно больше, чем негативных новостей. «Теория китайской угрозы», важная тема в этой области, остыла, а «Теория возможностей Китая» значительно расширилась. Конечно, есть также опасения, критика, сомнения и настороженность российских СМИ в отношении Китая, влияние которого стремительно растет. Негативные сообщения о Китае касаются некоторых темных сторон, действительно присутствующих в его имидже. Это необходимая составляющая работы СМИ, не играющая ведущей роли в их сообщениях.

Анализ горячих точек: три основных сообщения СМИ о китайско-индийском пограничном конфликте

Хотя основные аспекты отчета положительны, в 2017 г. между Китаем и Россией все еще происходили сложные и деликатные инциденты, как, например, китайско-индийский пограничный конфликт. Инцидент на границе 18 июня 2017 г. вызвал напряженность в китайско-индийских отношениях. Как «всеобъемлющее стратегическое партнерство» с наивысшим уровнем дружбы с Китаем, дипломатическая позиция России является относительно тонкой и явно не поддерживает Китай. Что касается отношений, внимание российских СМИ в этот период было сосредоточено на встрече между президентами Путиным и Трампом, саммите G20 и смене санкций между США и Россией. Что касается китайско-индийского пограничного конфликта, российские СМИ сообщали об этом, но не проводили последующего специального анализа. В данной статье для исследования были использованы отчеты изданий «Российская газета» «Независимая газета» и «Ком-

мерсантъ» с 18 июня по конец августа, а также аналитический отчет Комитета по международным делам аналитического центра [6, с. 3].

С 18 июня до конца августа в «Российской газете» не публиковались репортажи и комментарии к китайско-индийскому конфликту. Есть девять репортажей о Китае, содержание которых посвящено визиту председателя Си Цзиньпина в Россию, саммитам китайско-российских СМИ и другим мероприятиям: «Укрепляя общие интересы, российская газета дает эксклюзивное интервью с председателем Си Цзиньпином», «Медиамир Москвы и Пекина», «Добрососедская дружба». В атмосфере праздника дружбы между Россией и Китаем мало сообщений об Индии и ноль положительных сообщений об индийском лидере Моди. Есть только один доклад под названием «Контратака неприкасаемых», в котором представлены Индийский национальный конгресс, Бхаратия, партия «Джаната», положение кандидата в президенты.

В «Независимой газете» есть десять репортажей об отношениях между Китаем и Индией, четыре из которых являются собственными репортажами газеты, и все они написаны Владимиром Скосыревым. Хотя, эти отчеты явно не подтверждали территориальные претензии Китая в конфликте, они дали положительную характеристику Народно-освободительной армии и китайских лидеров, со ссылкой на комментарий «Аль-Джазиры» о том, что «плато Донгланг не является индийской территорией, а некоторые его части находятся на территории Королевства Бутана»[6.с.1]. Наряду с мнениями экспертов Дальневосточного института Российской академии наук, Института международных отношений и Китайской академии военных наук они подробно остановились на позиции Китая и считают, что именно закулисные действия США столкнули Индию против Китая.

«Независимая газета» перепечатала сообщения ТАСС, РИА Новости и других СМИ следующего содержания: «Пограничные войска Индии не противостоят сухопутным войскам Китая» и «Китай проводит учения по запуску ракет в Тибете», [7.с.1] чтобы оценить китайско-индийский конфликт с точки зрения нейтральной и объективной точки зрения. В статье много раз использовались Global Times, Центральное телевидение Китая и другие китайские СМИ в качестве источников информации, чтобы сообщить: «Китай дорожит пограничным миром, который поддерживается десятилетиями, и проявляет добрую волю в этом инциденте»; «Индия незаконно оккупировала китайскую территорию» [8.с.1].

Общественное мнение России о будущем развития российско-китайских отношений

Осведомленность общественности о международных делах ограничена временем и пространством и зависит от распространения средствами массовой информации. Посредством распространения информации СМИ могут передавать мысли, концепции и мнения, которые могут повлиять на мнение общественности. С другой стороны, господствующее общественное мнение также влияет на тенденции СМИ. Таким образом, они дополняют друг друга.

После украинского кризиса доверие российского общества к Китаю значительно увеличилось. Согласно данным известного российского социологического агентства «Всероссийский центр социальных и теоретических исследований», в июне 2017 г. Китай – наиболее вероятная страна, которая в сознании россиян станет союзником, за ним уже следуют Беларусь, Казахстан, Индия. Всего четыре страны.

Стоит отметить корреляцию между политическими партиями и восприятием Китая. Сторонники четырех основных партий в российской Думе относительно последовательно относятся к Китаю, и все они считают, что Китай – наиболее вероятная страна, которая может помочь России в случае проблем. Среди них сторонники правящей партии «Единая Россия», у них самая высокая степень признания Китая – 46%, что превышает средний показатель в 41%. Сторонники «Справедливой России», «Либерально-демократической партии России» и «Коммунистической партии России» согласны с такой ролью Китая: 41, 37 и 41 % соответственно. Партия, не вошедшая в парламент, имеет более низкое признание Китая, чем четыре основные партии, упомянутые выше, – 22%.

С точки зрения возрастного состава молодые и люди среднего возраста, составляющие основу общества, имеют самый высокий показатель доли доверяющих Китаю. Еще одно крупное исследовательское агентство в России – «Левада-Центр» – в мае 2017 г. провел опрос под названием «Друзья и враги России». Китай считали «другом» России 39% респондентов, и только после традиционного союзника России следует Беларусь. Данные «Левада-Центра» за многие годы показывают, что уровень одобрения Китая резко вырос с 20% в 2013 г. до 40% в 2014 г. и с тех пор остается на высоте [9.с.1].

Заключение

Россия играет особую роль в укреплении международных коммуникационных возможностей моей страны. В целом сообщения российских СМИ и отношение общественности в период исследования были положительными. Сообщения средств массовой информации в основном представляют собой политические и экономические новости, и особое внимание уделяется информации о политических и экономических и торговых обменах между Китаем и Россией. Китай сохраняет хороший имидж в опросах общественного мнения, и общественное мнение в основе дружбы России с Китаем укрепляется.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Китайско-российские отношения обретают новые шансы для дальнейшего развития. 27.02.2017. Российская газета - Спецвыпуск № 41(7207) Available at: https://rg.ru/2017/02/27/posol-knr-pozhelaem-kitaiu-i-rossii-procvetaniia-i-mogushchestva.html
2. Васильев А. Каким будет новый мир? Нынешние изменения миропорядка ведут к фундаментальному сдвигу всей геополитической системы, ее смене. 06.04.2017 Российская газета - Федеральный выпуск № 74(7240), Available at: https : // rgru/ 2017/04/06/ eksperty rasskazali-0-griadushchem fundamentalnomsdvige -v-geopolitike。html
3. Замахина Т .。Госдума одобрила совместную борьбу РФ и КНР с терроризмом 11.11.2016. Российская газета. Available at: https://rg.ru/2016/11/11/gosduma-sovmestnuiu-odobrilaborbu-rf -i-knr-s terrorizmom。html
4. В Госдуме не увидели угрозы в росте военных расходов Китая. 04.03.2017. Российская газета. Available at: https : // rg.ru / 2017/03/04/v-gosdume -

neuvideli — ugrozy -V-roste-voennyh rashodoykitaia。html
5. Байцзе А. Искать решения сообща Форум "Один пояс - один путь" станет международным событием года. 13.03.2017. Российская газета - Спецвыпуск № 51(7217). Available at: https : //rg.ru/ 2017/03/13/ forum odin poias odin mezhdunarodnym nd sobytiem-goda。html
6. BBC NEWS.Сама ли Индия виновата в том, что китайские солдаты «остаются» в Дунланге?11.12.2017.https://www.bbc.com/zhongwen/simp/world-42307551
7. REGNUM.СМИ КНР: Индийские погранвойска — не соперник китайским наземным силам.07.08.2017.http://www. ng. ru/news/589908. html. [2017 -7-18]
8. ТАСС.Китай провел военные учения в Тибете с применением реактивной артиллерии.04.08.2017.https://www.ng.ru/news/589741.html
9. Левада–центр.www.levada. ru / 2017/06/05 / друзья-и-враги -россии-2 /. [2017-6-15]

REFERENCES

1. Sino-Russian relations gain new chances for further development. 27.02.2017. Rossiyskaya Gazeta - Special Issue No. 41(7207) Available at: https://rg.ru/2017/02/27/posol-knr-pozhelaem-kitaiu-i-rossii-procvetaniia-i-mogushchestva.html
2. Vasilyev A. What will be the new world? The current changes in the world order lead to a fundamental shift of the entire geopolitical system, its change. 06.04.2017 Rossiyskaya Gazeta - Federal Issue No. 74(7240), Available at: https : // rg.ru/ 2017/04/06/ eksperty rasskazali-0-griadushchem fundamental-nomsdvige -v-geopolitike。html
3. Zamakhina T .。 the State Duma approved the joint fight of Russia and China against terrorism 11.11.2016. Rossiyskaya gazeta. Available at: https://rg.ru/2016/11/11/gosduma-sovmestnuiu-odobrilaborbu-rf -i-knr-s terrorizmom。html
4. The State Duma saw no threat in China's growing military spending. 04.03.2017. Rossiyskaya gazeta. Available at: https : // rg.ru / 2017/03/04/v-gosdume - neuvideli — ugrozy -V-roste-voennyh rashodoykitaia。html
5. Baijie A. Seeking solutions together The One Belt, One Road Forum will be the international event of the year. 13.03.2017. Rossiyskaya Gazeta - Special Issue No. 51(7217). Available at: https : //rg.ru/ 2017/03/13/ forum odin poias odin mezhdunarodnym nd sobytiem-goda。
6. BBC NEWS.Is India itself to blame for Chinese soldiers "staying" in Dunlang? 11.12.2017.https://www.bbc.com/zhongwen/simp/world-42307551
7. REGNUM.PRC media: Indian border troops are no match for Chinese ground forces.07.08.2017.http://www. ng. ru/news/589908. html. [2017 -7-18]
8. TACC.China conducted military exercises in Tibet using rocket artillery.04.08.2017.https://www.ng.ru/news/589741.html
9. Levada Center.www.levada. ru / 2017/06/05 / friends-and-enemies-Russia-2 /. [2017-6-15]

Информация об авторе: Аибота Шахэти, Российский университет дружбы народов,
г. Москва, Россия - Город Синьцзян-Инь, Китай
email: 15647070228@163.com

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи

Information about the author: Ayibota Shahety **,** Magistr, Peoples' Friendship University of Russia,
г. Moscow, Russia - City Xinjiang Ying, China
15647070228@163.com

The author has read and approved the final manuscript

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 12.03.2021
Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 20.04.2021

Принята к публикации / Accepted for publication: 25.04.2021

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов./ The author declares no conflicts of interests

© Аибота Шахэти. 2021
© «ИСОМ». 2021

CC BY

Социальная структура, социальные институты и процессы
General pedagogy, history of pedagogy and education

Научная статья

DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-2-191-207
УДК 316.347(470.62)

ТИПЫ РЕЛИГИОЗНОСТИ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ДАГЕСТАНА

ШАХБАНОВА Мадина Магомедкамиловна
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанского федерального исследовательского центра РАН
г. Махачкала, Республика Дагестан, Россия

ORCID id: https://orcid.org/0000-0003-1325-9452,
Science Researcher ID: ABA-2690-2020,
madina2405@mail.ru

Религиозное возрождение сильнее затронуло канонические территории распространения исламского вероучения, причем для этого имелись объективные факторы. Рост значимости религиозного фактора, в данном контексте исламского, в социальной жизни общества, стремление духовных лиц доминировать в общественной жизни, особенно в системе образования, способствовали повышению интереса исследователей к религиозной тематике. Поэтому изучение состояния религиозной сферы, религиозности, ее типов, специфики культового поведения населения являются актуальными, ибо от положения в данной сфере зависит стабильность общества. Эмпирические данные свидетельствуют, что массовому сознанию городского населения Дагестана характерно обозначение ключевой роли исламского фактора в обществе. В установках опрошенных горожан доминирует позиция, обозначающая ассоциацию опрошенных с исламом, при этом можно наблюдать, что подгруппы самоидентифицирующихся как «убежденно неверующие» и «неверующие» подчеркивают свою принадлежность мусульманскому вероучению, что является подтверждением существования культурной или формальной религиозности. Кроме того, обозначение опрошенными веры в мистические силы является одним из показателей деформации их религиозной самоидентификации, что может выразиться в деструктивных процессах в религиозной сфере. Эмпирические данные показывают, что доля «чистых» религиозных типов среди опрошенных по всему массиву небольшая, но по подгруппам процентные показатели отражают их тип религиозности, при этом религиозное поведение по интенсивности не соответствует конкретно взятому типу религиозности.

Ключевые слова: религия, религиозность, типы религиозности, городское население, городское пространство, ислам, культовое поведение, верующий, неверующий, атеист, религиозные правила

Для цитирования: Шахбанова М.М. Типы религиозности городского населения Дагестана. // *Историческая и социально-образовательная мысль.* 2021. Том. 13. № 2. с. 191-207
DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-2-191-207

Original article

TYPES OF RELIGIOUS CITY POPULATION OF DAGESTAN

Madina M. SHAKHBANOVA
Institute of History, Archeology and Ethnography Dagestan Federal Research Center
Russian Academy of Science
Makhachkala, Republic of Dagestan, Russia

ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-1325-9452
Science Researcher ID: ABA-2690-2020
madina2405@mail.ru

Religious revival has more strongly affected the canonical territories of the spread of the Islamic faith, and for this there were objective factors. The growing importance of the religious factor, in this context, Islamic in the social life of society, the desire of clergy to dominate public life, especially in the education system, contributed to the increased interest of researchers in religious topics. Therefore, the study of the state of the religious sphere, religiosity, its types, the specifics of the cult behavior of the population are relevant, because the stability of society depends on the situation in this area. Empirical data indicate that the mass consciousness of the urban population of Dagestan is characterized by the designation of the key role of the Islamic factor in society. The attitudes of the interviewed townspeople are dominated by the position denoting the association of the respondents with Islam, while it can be observed that the subgroups self-identifying as “convinced non-believers” and “non-believers” emphasize their belonging to the Muslim faith, which is a confirmation of the existence of cultural or formal religiosity. In addition, the designation by the respondents of belief in mystical forces is one of the indicators of the deformation of their religious self-identification, which can be expressed in destructive processes in the religious sphere. Empirical data show that the share of “pure” religious types among the respondents across the entire sample is small, but for subgroups the percentage indicators reflect their type of religiosity, while religious behavior in intensity does not correspond to a specific type of religiosity.

Keywords: religion, religiosity, types of religiosity, urban population, urban space, Islam, cult behavior, believer, unbeliever, atheist, religious rules

For citation: Shakhbanova M.M. Types of religious city population of Dagestan. *Historical and Social-Educational Idea.* 2021. Vol. 13. No.1. PP. 191-207. (In Russ.).
DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-2-191-207

Постановка проблемы и эмпирическая часть исследования

Проблема религиозности и выраженность ее типов в массовом сознании населения, соответственно, изучение культового поведения, характерного каждому конкретно взятому типу религиозности, заметно актуализировались в постсоветский период. Массовая религиозность россиян активно заявила о себе в 1990-х годах, в период острых социально-экономических и политических трансформаций, размывания устоявшихся представлений о жизни, кризиса государственной идентичности. Этот период можно определить как время переживания культурной травмы и формирования новых видов социальной идентичности, пришедших на смену разрушенной идентичности «советского человека», равнодушного к религии, верящего преимущественно в социальные идеалы [1, с. 46].

Однако ради справедливости следует отметить, что в науке внимание к этому аспекту религиозной сферы всегда присутствовало, соответственно, религиозность и ритуальное поведение были предметом пристального интереса религиоведов, причем для этого имелись веские основания. По мнению В.П. Баранникова и Л.Ф. Матрониной, «становление информационного общества в России сопряжено с глубоким социально-духовным кризисом: радикальным отрицанием материальных и культурных достижений советского периода, стремлением к так называемому духовному возрождению. Последнее нередко трактуется как религиозное возрождение…» [2, с. 102]. Далее вышеназванные авторы, обозначив религиозность как социально-психологическую характеристику личности, в более широком плане как способ социальной самоидентификации и социальной адаптации, выделяют два основных ее типа – традиционный и формальный. Если рассмотреть суть каждого из типов, то традиционная религиозность формируется на основе двух позиций: а) этнопсихологической самоидентификации конкретно взятого человека; б) этноисторической самоидентификации этнического образования, хотя для некоторых религий национальный фактор не имеет никакого значения (например в исламе понятие «умма»). Иными словами, традиционная религиозность наряду с религиозными представлениями соединяет морально-нравственные, эстетические и иные восприятия окружающей действительности. Отличительной ее чертой является подлинность при одновременном отсутствии глубокого понимания сущности религиозного учения. Кроме того, традиционной религиозности характерны толерантность, чувство сопереживания и сострадания, а также милосердия, которые в совокупности гарантируют нормальное существование этнической группы и конкретно взятого индивида, ибо «...идентичность с природой, племенем, религией дает индивиду ощущение уверенности» [3, с. 39]. Кроме того, традиционной религиозности присущи значимые социальные функции, заключающие в сохранении этнического, психологического и культурного единства этнического образования, а также его ограждение от всяких коллизий [4, с. 103].

Формальная религиозность отличается от традиционной религиозности существованием в массовом сознании и поведении безразличия к религии и религиозному учению при параллельном и демонстративно активном ритуальном поведении. И причина такого поведения, вернее, позиции в общественном сознании населения, видимо, кроется в том, что они понимают отсутствие в их повседневной жизни определенного порядка, соответственно возникает осознание необхо-

димости иметь определенную ценностно-символическую систему, которая позволит им жить в гармонии. Поэтому «они обращаются к определенному вероисповеданию не потому, что они стали истинно верующими, а потому, что это самый удобный источник правил, порядка и общения» [5, с. 327]. По мнению автора, в определенной мере формальной религиозности соответствует существующее в исламе понятие «мунафик», которым обозначают лицемера. Мунафик внешне показывает себя набожным мусульманином, но не является верующим [6].

В статье рассматриваются типы религиозности городского населения Дагестана, обозначены позиции, которые позволяют классифицировать опрошенных как «убежденно верующих», «верующих», «колеблющихся», «неверующих» и «убежденно неверующих».

Характеристика исследования. Социологический опрос по изучению религиозной идентичности и культового поведения городского населения Дагестана проведен в 2020 г. в г. Дербент, Каспийск, Махачкала, Хасавюрт. N – 563.

Результаты исследования

Среди российских исследователей существует критическое отношение к индикаторам измерения религиозности, поэтому, например, Е.А. Кублицкая против включения в систему показателей уровня религиозности конфессиональной самоидентификации, то есть отнесения себя к последователям определенной религиозной общности с мотивацией того, что «ученые, которые считают этот показатель необходимым, не учитывают устойчивость ориентации на отождествление конфессиональной и национальной принадлежности. Исторически обусловленная взаимосвязь национального и религиозного факторов общественной жизни часто заставляет респондента, далекого от религии, называть себя мусульманином… Исследования показывают, что среди нерелигиозного населения всегда присутствует относительно большая группа людей, считающих, что они принадлежат к той конфессии, которая традиционно распространена среди их национальности» [7, с. 98]. Автор не разделяет данный тезис, ибо исходит из того, что человек независимо от отношения к религии (верующий/неверующий) в определенных социальных сферах (похоронных, при заключении брака и т.д.) соблюдает предписания вероисповедания, которому он принадлежит, поэтому только обозначение своего отношения к религии («верю – не верю») не должно быть основанием для игнорирования данного параметра при исследовании религиозности населения. Если обратиться к исламу, то даже глубоко верующего человека из мусульманского вероисповедания могут вывести определенные действия, поступки, даже произнесение определенных слов.

В рамках исследования религиозности городского населения важным является установление для опрошенных значимости принадлежности к определенной религии, которое демонстрирует существующие в массовом сознании разных по типу религиозности групп идентификации с конкретно взятым вероучением или мировоззрением, то есть проявляется «культурная религиозность», суть которой заключается в ассоциации человека, независимо от отношения к религии (верующий – неверующий), с определенным вероучением (см. табл. 1).

Таблица 1 Распределение ответов на вопрос «К какой религии Вы себя относите?» (%)

Table 1. Distribution of answers to the question "What religion do you belong to?" (%)

Варианты ответов	К исламу	В Аллаха верю, но не исповедую конкретную религию	Я себя ни к какой религии не отношу, я атеист
Отношение к религии			
Убежденно верующий	89,8	2,0	2,4
Верующий	88,6	6,3	0
Колеблющийся	39,5	46,5	2,3
Неверующий	21,1	26,3	31,6
Убежденно неверующий	16,7	11,1	61,1
Возраст			
До 20 лет	83,8	8,5	2,6
От 20 до 30 лет	83,9	6,6	4,4
От 30 до 40 лет	79,8	7,8	4,7
От 40 до 50 лет	77,1	12,0	3,6
От 50 до 60 лет	74,6	6,0	6,0
От 60 лет и старше	73,3	20,0	3,3
Всего:	80,6	8,6	4,1
Опрос 2014 г. (данные по городской местности)	76,5	0,9	4,6

Источник: составлено автором научной статьи.
Source: compiled by the author of the scientific article.

Эмпирические данные показывают превалирование доли респондентов, обозначающих свою принадлежность к мусульманству, причем здесь можно отметить позицию одной пятой части неверующих и каждого шестого опрошенного из подгруппы убежденно неверующих. Далее, каждый второй в подмассиве колеблющихся придерживается позиции «в Аллаха верю, но не исповедую конкретную религию», впрочем, как и утверждение каждого четвертого в подгруппе неверующих и одной девятой части убежденно неверующих. Дальнейший анализ показывает, что больше половины опрошенных в подгруппе убежденно неверующих и одна треть неверующих обозначает реально соответствующее их самоидентификации суждение «я себя ни к какой религии не отношу, я атеист». Анализ по возрастному признаку показывает, что больше половины опрошенных во всех подгруппах относят себя к исламу, но при этом доля таковых, в сравнении, меньше в подмассиве «старше 50 лет». Размытое отношение к религии – «в Аллаха верю, но не исповедую конкретную религию» – демонстрирует одна пятая часть в возрасте «от 60 лет и старше» и каждый восьмой опрошенный в когорте «от 40 до 50 лет». По сравнению с другими подгруппами, в подмассиве «от 50 до 60 лет» больше самоидентифицирующихся как атеисты. Анализ по образовательному признаку показывает, что уровень образования респондентов практически не отражается на обозначении ими своего отношения к вероучению: свою принадлежность к исламу демонстрируют 69,4% опрошенных с базовым средним, 80,3% со средним, 84,0% со средним специальным и 80,8% с высшим образованием. При этом доля при-

держивающихся атеистических установок в подмассиве с высшим образованием статистически незначима (4,1%). Таким образом, результаты, полученные на вопрос «К какой религии Вы себя относите?», показывают, что опрошенное городское население Дагестана независимо от возраста, отношения к религии и образовательного статуса самоидентифицируется как «мусульмане», кроме того, доля обозначающих приверженность атеистическому мировоззрению среди них статистически небольшая, исключение закономерно составляют подгруппы, относящиеся по типу религиозности к убежденно неверующим и неверующим.

В рамках данного исследования представляется необходимым показать результаты исследования по годам: если доля обозначающих свое отношение к определенному вероучению не сильно изменилась, то можно наблюдать, что в разы увеличилось количество придерживающихся позиций «в Аллаха верю, но не исповедую конкретную религию» и «я себя ни к какой религии не отношу, я атеист», что свидетельствует об определенных трансформациях в массовом сознании респондентов. Правда, необходимо оговорить, что вышеприведенные суждения отмечены небольшой долей респондентов, хотя следует иметь в виду, что даже когорта, обозначающая свою религиозную принадлежность и отношение к религии, при этом не отличается интенсивностью культового поведения.

Таким образом, эмпирические данные ярко продемонстрировали, что больше половины убежденно неверующих, одна треть неверующих не считают себя последователями какого-либо вероучения, хотя среди них есть часть, которая отмечает свою принадлежность к исламу. А это может являться подтверждением характерной данным подгруппам культурной или формальной религиозности – когда не верят в существование Всевышнего, но обозначают себя последователем, например, мусульманства, а также в определенных ситуациях следуют религиозным нормам, например в семейно-брачной, похоронно-обрядовой и т.д. В этой связи вполне справедливо звучит утверждение М.М. Мчедловой, что «одним из важнейших контекстов современной религиозной ситуации … является причисление себя к той или иной конфессии. Это означает, прежде всего, соотнесение с определенной культурно-цивилизационной традицией, сформировавшейся под воздействием определенного религиозного течения, что не является взаимно-однозначным соответствием с религиозностью. Доказательством этому служит зазор между количеством позиционирующих себя приверженцами определенной конфессии и количеством верящих в Бога» [8, с. 165].

Несмотря на то, что отношение к вере является личным, закрытым пространством человека, но имеет большое значение установление характерных горожанам мировоззренческих убеждений, поэтому в целях глубокого изучения религиозных установок городского населения Дагестана респондентам был задан «контрольный вопрос» (см. табл. 2).

Таблица 2 Распределение ответов на вопрос «Вы верите в Аллаха?» (%)
Table 2. Distribution of answers to the question "Do you believe in Allah?" (%)

Варианты ответов	Я верю в Аллаха, создавшего мир и управляющего им	Я верю не в Аллаха, а в другие сверхъестественные и мистические силы	Я допускаю существование Аллаха или некоей сверхъестественной силы, но не убежден в этом	Я не верю в Аллаха, я атеист

Отношение к религии				
Убежденно верующий	94,6	2,0	1,0	0,5
Верующий	91,9	1,5	4,1	0,4
Колеблющийся	44,2	4,7	41,9	2,3
Неверующий	21,1	10,5	47,4	15,8
Убежденно неверующий	16,7	22,2	0	61,1
Возраст				
До 20 лет	88,0	1,7	6,0	1,7
От 20 до 30 лет	86,9	4,4	3,6	3,6
От 30 до 40 лет	79,1	1,6	11,6	3,9
От 40 до 50 лет	90,4	1,2	6,0	2,4
От 50 до 60 лет	73,1	4,5	11,9	0
От 60 лет и старше	83,3	3,3	6,7	6,7
Образование				
Базовое среднее	72,2	8,3	11,1	5,6
Среднее	85,8	3,9	6,3	2,4
Среднее специальное	86,6	1,7	5,0	0
Высшее	84,9	1,8	8,1	4,4
Всего:	84,4	2,9	7,2	3,1
Опрос 2014 г. (данные по городской местности)	90,0	0,9	7,1	1,0

Источник: составлено автором научной статьи.
Source: compiled by the author of the scientific article.

Данные исследования показывают, что в массовом сознании городского населения с большим перевесом доминирует позиция «верю в Аллаха, создавшего мир и управляющего им», но при этом можно констатировать наличие определенной непоследовательности в их установках. Так, одна пятая часть в подгруппе неверующих и каждый шестой опрошенный в подмассиве убежденно неверующих обозначают свою веру в Бога, что противоречит изначально демонстрируемому ими неверию в сверхъестественные силы. Более того, подгруппа убежденно неверующих при декларировании неверия в Аллаха одновременно верит в существование сверхъестественных и мистических сил. Существование такой позиции в массовом сознании горожан свидетельствует о наличии нетрадиционной религиозности, ключевым признаком которой является «интенсификация основной социальной функции религии (компенсаторной)» [9, с. 102].

Если более подробно охарактеризовать нетрадиционную религиозность, то она включает две степени интенсивности: «1) нетрадиционные верующие (интенсивное проявление нетрадиционной религиозности) – люди, признающие существование сверхъестественной или мистической силы (в образах мирового духа, космического сознания, "идеи" и т.п.); 2) нетрадиционные колеблющиеся (неинтенсивное проявление нетрадиционной религиозности) – люди, допускающие

существование сверхъестественных сил в их идеальных, как правило, неантропоморфных формах» [10, с. 102]. Данное Е.А. Кублицкой объяснение очень ярко проявляется в установках опрошенного городского населения, что подтверждается данными исследования О.Б. Халидовой: она обрисовала деятельность христианских миссионеров, активно пропагандировавших и распространявших на канонических территориях ислама, соответственно и среди населения Дагестана, свое вероучение [11].

Такую же картину можно наблюдать при анализе по возрастному признаку: так в вопросе «К какой религии Вы себя относите?» когорта «от 40 до 50 лет» выбрала суждение «в Аллаха верю, но не исповедую конкретную религию» (12,0%), однако в этой подгруппе, по сравнению с другими, больше придерживающихся позиции «я верю в Аллаха, создавшего мир и управляющего им», что ставит под сомнение их реальное отношение к вероучению. Далее с повышением уровня образования опрошенных растет доля обозначающих свое отношение к вере, хотя исследователи придерживаются позиции, что чем выше образовательный статус респондента, тем должен быть ниже уровень его религиозности, которая данными авторского опроса не подтверждается. Более того, можно увидеть, что в подмассиве с базовым средним образованием, по сравнению с другими подгруппами, больше доля отметивших вариант ответа «я не верю в Аллаха, я атеист», впрочем, как и в возрастной категории «от 60 лет и старше». Сравнение эмпирического материала по годам (2014 и 2020 гг.) показывает увеличение доли обозначающих свое отношение к вероучению, при снижении количества атеистов и верующих в мистические силы. Видимо, можно согласиться с позицией, что «неверие … объясняется отсутствием религиозного воспитания и религиозных семейных традиций, … несовместимостью научного знания с религией. Традиционные религиозные верования и безрелигиозный мировоззренческий рационализм – это крайности, между которыми колеблется маятник массовых верований современного общества. Если прежде этот маятник подолгу задерживался в крайних положениях под воздействием идеологической ориентированности воспитания и образования, ограниченности информации и доступа к ней, то сейчас эти преграды пали, и движения маятника приобрели беспорядочный характер» [12, с. 105].

Таким образом, результаты исследования позволяют выявить когорты нерелигиозных респондентов, которые 1) не самоидентифицируются с конкретным вероисповеданием, соответственно, не демонстрируют какое-либо культовое поведение; 2) одновременно обозначают свою принадлежность к исламу, что было выявлено эмпирическими данными на вопрос «К какой религии Вы себя относите?». Кроме того, выбор респондентами позиций «я верю не в Аллаха, а в другие сверхъестественные и мистические силы» и «я допускаю существование Аллаха или некоей сверхъестественной силы, но не убежден в этом» является свидетельством проявления деформированной религиозной идентичности, которая может стать основой возникновения радикальных и экстремистских настроений в массовом сознании, особенно подрастающего поколения.

В рамках исследования соответствия типа религиозности, обозначения своего отношения к вере важным является анализ культового поведения, ибо очень часто встречается несогласованность между самоидентификацией человека с конкретным вероисповеданием и его реальным поведением. Изучая религиозное возрождение, типы религиозности, особенности религиозного поведения исследователями, к сожалению, не были подробно рассмотрены многие аспекты религиозной сферы, среди которых ключевыми, по мнению автора, являются «вхождение» человека в религию, от-

ношение к вероучению (кто стал верующим и почему?), интенсивность соблюдения религиозных норм, причины обращения к Аллаху, социально-демографические параметры верующих, причем важным является социальный портрет верующего. Разумеется, отечественные исследователи рассматривали данные вопросы, но при этом отсутствовала глубина изучения мотивации обращенности вчерашнего атеиста в религию. Частичный ответ на данный вопрос можно найти в исследовании И.А. Юрасова и О.А. Павловой [13, с. 27]. Можно утверждать, что в постсоветский период в массовом сознании населения произошел слом прежней идеологии, причем кардинально, и данный процесс протекал очень болезненно, способствуя появлению сложных, противоречивых тенденций в общественной жизни и сознании. Автор согласен с мнением, что на фоне религиозного возрождения наблюдается, наряду с ростом религиозности, важности соблюдения конфессиональных постулатов и норм, если можно так выразиться, «перекрашивание» вчерашних атеистов в глубоко верующую когорту населения. Несомненно, здесь имеются и свои сложности, обусловленные прежней идеологической системой, которая не позволяла верующим людям открыто проявлять свои религиозные чувства и вести активное культовое поведение. Появление слоя людей, демонстративно участвующих в публичных религиозных праздниках, но при этом не соблюдающих базовые положения своего вероисповедания, вызывает множество вопросов: к какому типу религиозности их относить? Хотя изучение культового поведения горожан позволяет причислять их к пассивным верующим (классификация Н.П. Алексеева).

Анализ религиозной активности/пассивности городского населения актуализирует вопрос установления степени их религиозности (см. табл. 3).

Таблица 3 Распределение ответов на вопрос «Считаете ли Вы себя верующим человеком?» (%, вторая цифра в графе «Всего» – опрос 2014 г.)

Table 3. Distribution of answers to the question "Do you consider yourself a believer?" (%, second digit in the "Total" column – 2014 survey)

Варианты ответов // Отношение к религии	Убежденно верующий	Верующий	Колеблющийся	Неверующий	Убежденно неверующий	Всего:
Да, я убежденно верующий человек, так как всегда соблюдаю религиозные предписания и обряды	60,0	24,7	7,0	0	0	34,7/26,0
Да, я убежденно верующий человек, но не всегда соблюдаю религиозные предписания и обряды	36,1	61,3	20,9	10,5	27,8	46,0/53,2
Да, я убежденно верующий человек, но вообще не соблюдаю религиозные предписания и обряды	2,4	10,0	32,6	5,3	1,1	8,8/10,0
Скорее, я неверующий человек, так как не всегда соблюдаю религиозные предписания и обряды	1,0	1,1	25,6	42,1	0	4,3/3,4

Нет, я неверующий человек, так как вообще не соблюдаю религиозные предписания и обряды	0	0,4	7,0	21,1	5,6	1,6/1,5
Нет, я неверующий человек, так как я не верю в существование Аллаха	0	0,7	0	15,8	55,6	2,7/1,6

Источник: составлено автором научной статьи.
Source: compiled by the author of the scientific article.

Результаты исследования констатируют доминирование в массовом сознании одной второй части респондентов суждения «я убежденно верующий человек, но не всегда соблюдаю религиозные предписания и обряды», при этом только одна треть опрошенных ассоциирует себя по мировоззренческим установкам с категорией убежденно верующих, ибо всегда соблюдает религиозные предписания и обряды. Можно наблюдать существование почти троекратной разницы между когортой «убежденно верующих» и «верующих», всегда соблюдающих религиозные предписания. Подгруппе «верующих» ближе позиция «я убежденно верующий человек, но не всегда соблюдаю религиозные предписания и обряды», которую разделяет каждый третий опрошенный в подмассиве «убежденно верующих» и одна четвертая часть из подгруппы «убежденно неверующих». Определенную сложность представляет выявление критерия отнесения к категории реально верующих, и, видимо, здесь нужно опираться не только на самоидентификацию опрошенных, но и следует более пристальное внимание уделить религиозному поведению респондентов – периодичности соблюдения ими религиозных постулатов. Также обращают на себя внимание установки колеблющихся, которые самоидентифицируются с противоположных позиций: с одной стороны, считают себя «убежденно верующими», но при этом «вообще не соблюдают религиозные предписания и обряды» (одна треть), с другой – каждый четвертый опрошенный отметил вариант ответа «скорее, я неверующий человек, так как не всегда соблюдаю религиозные предписания и обряды». Такая же непоследовательность в мировоззренческих установках характерна и подгруппе убежденно неверующих, которая отметила совершенно противоречащие друг другу суждения: «я убежденно верующий человек, но не всегда соблюдаю религиозные предписания и обряды» и «я неверующий человек, так как я не верю в существование Аллаха».

П. Хилл для построения классификации мер религиозности использует иерархический подход, внутри которого выделяются два уровня измерения религиозности: а) общий уровень («диспозиционная религиозность») и б) частные проявления («функциональная религиозность»). На общем уровне степень религиозности определяется по ответам на вопрос о важности Бога в жизни респондента. Второй уровень иерархии – это функциональная религиозность, и она включает в себя такие параметры измерения, как самоидентификация с определенным вероисповеданием, верования (вера в Бога, в жизнь после смерти, в рай и ад) и практики (частота посещения религиозных служб и частота молитвы) [14, с. 78].

По мнению автора, можно констатировать характерную городскому населению формальную религиозность: с одной стороны, демонстративное равнодушие религиозному учению, с другой – подчеркнутое следование религиозно-обрядовой его части. Кроме того, такая позиция в массовом сознании может быть

обусловлена еще и тем, что необходима основа воспитания, прививания подрастающему поколению нравственных установок, а это, по мнению людей, возможно через обращение к этической базе вероисповедания. Таким образом, можно утверждать, что рост религиозности, кроме уровня религиозного сознания (доля лиц, идентифицирующих себя с верующими), сопровождается и религиозной практикой, которая прослеживается через частотность посещения культовых зданий (мечетей), совершение молитвы, соблюдение религиозных правил и т.д.

В данном исследовании одним из актуальных вопросов является изучение религиозной активности дагестанских верующих, для чего мы опираемся на предложенную Ф.Н. Ильясовым методику измерения религиозности, сущность которой заключается в сопоставлении признака «вера» с «участием в религиозной (атеистической) деятельности». Реальное поведение самоидентифицирующегося как верующий можно проследить через активность/пассивность его религиозной деятельности (см. табл. 4).

Таблица 4 Распределение ответов на вопрос «Как часто Вы принимаете участие в религиозной деятельности?» (%)

Table 4. Distribution of answers to the question "How often do you take part in religious activities?" (%)

Показатель «Вера»	Показатель «Участие в религиозной (атеистической) деятельности»			
	Я всегда участвую во всех религиозных обрядах моей религии и привлекаю других людей	Я всегда принимаю участие в главных религиозных обрядах моей религии	Я иногда участвую в некоторых религиозных обрядах моей религии	Я вообще не принимаю участия ни в каких религиозных обрядах моей религии
Отношение к религии				
Убежденно верующий	26,8	35,1	31,7	5,4
Верующий	6,3	26,2	52,4	13,3
Колеблющийся	7,0	7,0	48,8	30,2
Неверующий	0	26,3	26,3	31,6
Убежденно неверующий	5,6	22,2	16,7	55,6
Возраст				
До 20 лет	12,8	28,2	42,7	14,5
От 20 до 30 лет	16,1	26,3	38,7	16,1
От 30 до 40 лет	11,6	25,6	50,4	11,6
От 40 до 50 лет	8,4	25,3	49,4	14,5
От 50 до 60 лет	17,9	35,8	29,9	9,0
От 60 лет и старше	20,0	30,0	36,7	13,3
Всего:	13,7	27,9	42,4	13,7

Источник: составлено автором научной статьи.
Source: compiled by the author of the scientific article.

Прежде чем перейти к анализу полученных результатов опроса, необходимо изложить принятую в отечественной социологии религии типологию религиозности. Исследователи исходят из того, что существуют только «чистые», идеальные типы: 1) «убежденно верующий», который «всегда участвует во всех религиозных обрядах своей религии и привлекает других людей»; 2) «верующий» – «всегда принимает участие в главных религиозных обрядах своей религии»; 3) «колеблющийся» – «иногда участвует в некоторых религиозных обрядах своей религии»; 4) «неверующий» – «вообще не принимает участия ни в каких религиозных обрядах своей религии»; 5) «убежденно неверующий» – «участвует в атеистической работе» [15, с. 52]. Однако на практике религиоведы сталкиваются с существованием типов верующих и неверующих, не вписывающихся в рамки перечисленных типов религиозности, что доказывают эмпирические данные проведенного социологического опроса. Так, по религиозной активности «убежденно верующий» может оказаться в подгруппе «верующих» и «колеблющихся», «верующий» – среди «колеблющихся» и «неверующих», «колеблющийся» – в подмассиве «верующих» и «неверующих», «неверующий» и «убежденно неверующий» – в подгруппе «верующих» и «колеблющихся».

Если обратиться к авторским эмпирическим данным, то по всему массиву превалирует характерная культовому поведению колеблющихся позиция – «я иногда участвую в некоторых религиозных обрядах моей религии», причем выделяется подмассив верующих (больше половины опрошенных) и убежденно верующих (одна треть). На второй позиции, с большим отрывом, располагается суждение «я всегда принимаю участие в главных религиозных обрядах своей религии»: обращают на себя внимание установки одной четвертой части подгруппы неверующих и каждого пятого опрошенного в подмассиве убежденно неверующих, демонстрирующих религиозное поведение, свойственное верующим. При этом результаты опроса показывают, что чуть больше половины опрошенных из подгруппы убежденно неверующих, одна треть колеблющихся и неверующих обозначает культовое поведение, характерное именно когорте не признающих существование Аллаха. Эмпирические данные по возрасту демонстрируют, что одна пятая часть в возрасте «от 60 лет и старше» придерживаются поведения убежденно верующих, хотя в других вопросах у данной когорты процентные показатели отмечающих свое отношение к религии были небольшими. Более того, практически все возрастные подгруппы демонстрируют культовое поведение, характерное колеблющимся, за исключением когорты «от 50 до 60 лет», которым ближе позиция «я всегда участвую в некоторых религиозных обрядах моей религии» (одна треть).

При анализе религиозного поведения необходимо учесть, что в исламе существуют такие понятия, как сунна, под которой имеют в виду высказывания и действия пророка Мухаммада. Сунна является вторым источником шариата после Корана. Фарз – это действие, обязывающее каждого человека в строгой форме выполнять предписания шариата.

Далее в нашем исследовании респондентам был задан вопрос «Каким праздникам Вы отдаете предпочтение?», и эмпирические данные показывают, что 53,1% опрошенных одновременно признают как религиозные, так и светские праздники и торжества. По типу религиозности данный вариант ответа отметили 36,1% из подгруппы убежденно верующих, 68,1% верующих, 53,5% колеблющихся, 42,1% неверующих и 22,2% убежденно неверующих. Закономерно, что 54,1% убежденно верующих и всего одна четвертая часть верующих предпочитают праздновать

только религиозные, в данном контексте исламские, праздники, хотя 10,5% самоидентифицирующихся как неверующие также придерживаются данного суждения. Далее, 14,0% колеблющихся, 31,6% неверующих и 66,7% убежденно неверующих выбрали вариант ответа «только светские праздники». Таким образом, можно утверждать, что опрошенное городское население независимо от типа религиозности предпочтение отдает одновременно религиозным и светским праздникам, хотя, по мнению автора, ислам, в своей основе ориентированный на консервативный образ жизни своей уммы и критически настроенный к светскости, проповедует совершено иное культовое поведение и, как показывают полученные результаты исследования, в полной мере мусульманской общиной не соблюдается. Если обратиться к реальной жизни, то в Дагестане, особенно в городской среде, широкое распространение получили исламские дошкольные и школьные учреждения. Выбирая исламские садики, родители изначально апеллируют к тому, что они не хотят праздновать светские праздники – 8 Марта, 23 февраля, День Победы, особенно Новый год и т.д., – считая их не соответствующими исламскому учению. Совсем недавно можно было столкнуться с тем, что установленные на городских площадях новогодние елки сжигали с религиозной аргументацией, и только демонстративное поведение главы Чеченской Республики несколько сняло напряженность, однако в общественном сознании большого пласта людей встречается непризнание данного праздника, не говоря о его праздновании. Но что удивительно, исламское население, исповедующее шиизм, отмечает Навруз, как Новый год, причем с большим размахом и широко, более того, в массовом сознании существует вполне толерантное к нему отношение. Видимо, отход от ритуального поведения, от «чистых» типов обусловлен множеством факторов, среди которых ключевую роль может играть отождествление национального и религиозного компонентов, а также повышение роли этноконфессиональной идентичности. Можно утверждать, что религиозность в современном обществе не только не утрачивает своего значения, более того, получает и новое качество. Если в традиционном обществе религиозное сознание и религиозное чувство формировались, контролировались и стабилизировались влиятельными церковными организациями и индивид должен был постоянно демонстрировать свою лояльность им под страхом не Божьего суда, а вполне земной расправы (вспомним, что вплоть до 17 октября 1905 г. отказ от православной веры в Российской империи был уголовным преступлением, наказывался лишением всех прав состояния и тюремным заключением), то в условиях информационного общества человек получает иллюзию свободы совести. Это именно иллюзия, поскольку власть церкви и государства над совестью индивида заменяется властью общественного мнения, моды, формируемой информационной инфраструктурой общества [16, с. 106].

Таким образом, проведенный анализ типов религиозности городского населения Дагестана показывает, что в целом декларируемое горожанами отношение к религии, вернее проявление типов религиозности, практически не соответствует их религиозной практике, более того, можно констатировать противоречие и непоследовательность в их установках.

Заключение

Анализ типов религиозности городского населения Дагестана показывает, что подавляющая часть респондентов независимо от возраста, отношения к религии и образовательного статуса ассоциирует себя с исламом, причем обращает на себя внимание осознание себя мусульманами подгруппами причисляющих себя к неверующим и убежденно неверующим. При этом одна вторая часть

самоидентифицирующихся как колеблющиеся придерживается позиции «в Аллаха верю, но не исповедую конкретную религию»; доля обозначающих свое атеистическое мировоззрение небольшая. Кроме того, исследование выявило существование когорты, придерживающейся позиций «я верю не в Аллаха, а в другие сверхъестественные и мистические силы» и «я допускаю существование Аллаха или некоей сверхъестественной силы, но не убежден в этом», что является основанием для утверждения о существовании у респондентов деформированной религиозной самоидентификации. Кроме того, данная категория может быть причислена к нетрадиционным верующим, которым характерно интенсивное проявление нетрадиционной религиозности, то есть признание существования сверхъестественной или мистической силы. Сравнение результатов исследования по годам показывает изменение в установках городского населения: если доля обозначающих осознание своей принадлежности к конкретной религии осталась почти на прежнем уровне, то по некоторым позициям наблюдается их трансформация – «в Аллаха верю, но не исповедую конкретную религию» и «я себя ни к какой религии не отношу, я атеист».

Рассмотрение религиозности в рамках предложенного П. Хиллом двухуровневого измерения религиозности показывает, что опрошенным характерно проявление как диспозиционной религиозности, которая выражается через суждение «я верю в Аллаха, создавшего мир и управляющего им», причем его разделяют респонденты, самоидентифицирующиеся как неверующие и убежденно неверующие. Функциональная религиозность городского населения проявляется, во-первых, через самоидентификацию с определенным вероисповеданием, в данном случае с исламом, во-вторых, через интенсивность религиозной практики (частота посещения религиозных служб, молитвы, пост и т.д.). Результаты исследования показывают большой разрыв между тем, что должен делать верующий человек (совершать намаз, соблюдать пост, выплачивать религиозный налог, совершить паломничество и регулярно посещать мечеть, праздновать религиозные праздники, читать религиозные тексты, посещать религиозные службы), и реальным его культовым поведением. Более того, одна восьмая часть опрошенных не соблюдают ни одно из предписаний культового поведения ислама при одновременной самоидентификации себя как «убежденно верующий».

Анализ по типу религиозности показывает, что «убежденно верующий» по религиозной активности демонстрирует культовое поведение, характерное верующим («всегда принимает участие в главных религиозных обрядах своей религии») и с небольшой разницей колеблющимся – «иногда участвует в некоторых религиозных обрядах своей религии». При этом ритуальное поведение по типу религиозности, характерное колеблющимся, свойственно подгруппам верующих, неверующих и убежденно неверующих; подмассив колеблющихся показывает характерное как своему типу, так и неверующим религиозное поведение; убежденно неверующие демонстрируют присущую как своему типу религиозности, так верующим («всегда принимает участие в главных религиозных обрядах своей религии») и колеблющимся («иногда участвует в некоторых религиозных обрядах своей религии») культовую практику. Иными словами, изучение религиозного поведения, а также частотности участия опрошенного городского населения Дагестана в религиозной деятельности показывает полное несоответствие обозначенным Ф.Н. Ильясовым критериям, которые позволяют охарактеризовать каждый тип религиозности. И причины здесь могут быть самые различные, обуслов-

ленные как обязательными для исполнения предписаниями, так и желательными. По мнению автора, видимо, по этой причине респонденты, несмотря на обозначение своего отношения к религии (убежденно верующий, верующий, колеблющийся, неверующий, убежденно неверующий), ориентированы на следование правилам культового поведения. Здесь речь идет о соблюдении опрошенными горожанами, которые самоидентифицируются как «неверующие» и «убежденно неверующие», определенных религиозных ритуалов (похоронные, в семейно-брачной сфере, празднование религиозных праздников и т.д.).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Рыжова С.В. Религиозность в контексте культуры доверия // Социологический журнал. – 2017. – Т. 23. – № 3. – С. 44-63. DOI: 10.19181/socjour.2017.23.3.5363.
2. Баранников В.П., Матронина Л.Ф. Динамика религиозности в информационном обществе // Социологические исследования. – 2004. – № 9. – С. 102-107.
3. Фромм Э. Бегство от свободы. – М.: Прогресс, 1995. – 269 с.
4. Баранников В.П., Матронина Л.Ф. Указ. соч.
5. Фукуяма Ф. Великий разрыв. – М.: АСТ, 2001. – 476 с.
6. URL: https://shia.world/kto-takie-munafiki-litsemery-i-chto-o-nih-govorit-koran/ (дата обращения: 05.06.2020).
7. Кублицкая Е.А. Традиционная и нетрадиционная религиозность: опыт социологического изучения // Социологические исследования. – 1990. – № 5. – С. 95-103.
8. Мчедлова М.М. Религиозная ситуация в России и ее регионах // Этническое и религиозное многообразие России / Под ред. В.А. Тишкова, В.В. Степанова. – М.: ИЭА РАН, 2018. – С. 146-178.
9. Кублицкая Е.А. Указ. соч.
10. Там же.
11. Халидова О.Б. Протестанты в Дагестане: историко-социологическое исследование. – Махачкала: АЛЕФ, 2019. – 208 с.
12. Баранников В.П., Матронина Л.Ф. Указ. соч.
13. Юрасов И.А., Павлова О.А. Дискурсивное исследование религиозной идентичности // Теория и практика общественного развития. – 2018. – № 7 (125). – С. 24-29. DOI: 10.24158/tipor.2018.7.3.
14. Пруцкова Е.В. Религиозность и ее следствия в ценностно-нормативной сфере // Социологический журнал. – 2013. – № 2. – С. 72-88.
15. Ильясов Ф.Н. Религиозное сознание и поведение // Социологические исследования. – 1987. – № 3. – С. 50-55.
16. Баранников В.П., Матронина Л.Ф. Указ. соч.

REFERENCES

1. Ryzhova S.V. Religioznost' v kontekste kul'tury doveriya [Religiosity in the context of a culture of trust]. Sociologicheskij zhurnal [Sociological journal]. 2017. Vol. 23. No. 3. Pp. 44-63. DOI: 10.19181/socjour.2017.23.3.5363. (In Russ.)

2. Barannikov V.P., Matronina L.F. Dinamika religioznosti v informacionnom obshchestve [The dynamics of religiosity in the information society]. Sociologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. 2004. No 9. Pp. 102-107. (in Russ.).
3. Fromm E. Begstvo ot svobody [Escape from freedom]. M.: Progress, 1995. 269 p. (in Russ.).
4. Barannikov V.P., Matronina L.F. Dinamika religioznosti v informacionnom obshchestve [The dynamics of religiosity in the information society] Sociologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. 2004. No 9. Pp. 102-107. (in Russ.).
5. Fukuyama F. Velikij razryv [Great break]. M.: ACT, 2001. 476 p.
6. URL: https://shia.world/kto-takie-munafiki-litsemery-i-chto-o-nih-govorit-koran/ (accessed:05.06.2020). (in Russ.).
7. Kublickaya E.A. Tradicionnaya i netradicionnaya religioznost': opyt sociologicheskogo izucheniya [Traditional and nontraditional religiosity: experience of sociological study]. Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. 1990. No 5. Pp. 95-103. (in Russ.).
8. Mchedlova M.M. Religioznaya situaciya v Rossii i ee regionah [Religious situation in Russia and its regions]. Etnicheskoe i religioznoe mnogoobrazie Rossii [Ethnic and religious diversity of Russia]. Pod red. V.A. Tishkova, V.V. Stepanova. M.: IEA RAN, 2018. Pp. 146-178. (in Russ.).
9. Kublickaya E.A. Tradicionnaya i netradicionnaya religioznost': opyt sociologicheskogo izucheniya [Traditional and nontraditional religiosity: experience of sociological study]. Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. 1990. No 5. Pp. 95-103. (in Russ.).
10. 10.Kublickaya E.A. Tradicionnaya i netradicionnaya religioznost': opyt sociologicheskogo izucheniya [Traditional and nontraditional religiosity: experience of sociological study]. Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. 1990. No 5. Pp. 95-103. (in Russ.).
11. Halidova O.B. Protestanty v Dagestane: istoriko-sociologicheskoe issledovanie [Protestants in Dagestan: Historical and Sociological Research]. Mahachkala: ALEF, 2019. 208 p. (in Russ.).
12. Barannikov V.P., Matronina L.F. Dinamika religioznosti v informacionnom obshchestve [The dynamics of religiosity in the information society]. Sociologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. 2004. No 9. Pp. 102-107. (in Russ.).
13. Yurasov I.A., Pavlova O.A. Diskursivnoe issledovanie religioznoj identichnosti [A Discursive Study of Religious Identity] Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya [Theory and practice of social development]. 2018. No 7 (125). Pp. 24-29. DOI: 10.24158/tipor.2018.7.3. (in Russ.).
14. Pruckova E.V. Religioznost' i ee sledstviya v cennostno-normativnoj sfere Religioznost i ee sledstviya v cennostno-normativnoj sfere [Religiousness and its consequences in the value-normative sphere]. Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. 2013. No 2. Pp. 72-88. (in Russ.).
15. Il'yasov F.N. Religioznoe soznanie i povedenie [Religious consciousness and behavior] Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. 1987. No 3. Pp. 50-55. (in Russ).
16. Barannikov V.P., Matronina L.F. Dinamika religioznosti v informacionnom obshchestve [The dynamics of religiosity in the information society]. Sociologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. 2004. No 9. Pp. 102-107. (in Russ.).

Информация об авторе: Шахбанова Мадина Магомедкамиловна, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН
г. Махачкала, Республика Дагестан, Россия
ORCID id: https://orcid.org/0000-0003-1325-9452
Science Researcher ID: ABA-2690-2020,
madina2405@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи

Information about the author: Madina M. Shakhbanova, Doctor in Sociological Sciences, Senior Researcher Institute of History, Archeology and Ethnography Dagestan Federal Research Center Russian Academy of Science
Makhachkala, Republic of Dagestan, Russia
ORCID iD: 0000-0003-1325-9452
Science Researcher ID: ABA-2690-2020,
madina2405@mail.ru

The author has read and approved the final manuscript

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 31.03.2021
Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 15.04.2021
Принята к публикации / Accepted for publication: 27.02.2021

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов./ The author declares no conflicts of interests

© Шахбанова М.М. 2021
© «ИСОМ». 2021

Общая педагогика, история педагогики и образования
General pedagogy, history of pedagogy and education

Научная статья

DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-2-208-222
УДК 74.03

ИЗВЕСТНЫЕ ПЕДАГОГИ И ПРОСВЕТИТЕЛИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА О ПРОБЛЕМАХ СЕВЕРОКАВКАЗСКОГО МУСУЛЬМАНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

БЛЕЙХ Надежда Оскаровна
Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л.Хетагурова
nadezhda-blejjkh@mail.ru
РИНЦ Author ID 6365-4160, ORC ID 0000-0002-6715-9185,
Web of Science Researcher ID Y-6186-2018

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению мировоззренческих позиций известных педагогов-просветителей прошедшего века относительно состояния школьного образования у мусульман Северокавказского края. Доказывается, что просветители ратовали за создание нового типа национальной бессословной школы и построение в ней дидактических основ учебно-воспитательного процесса. Новизной работы выступает то, что на основе анализа воззрений передовой интеллигенции края, направленных на осмысление сложившейся социально-культурной ситуации, осуществлена попытка научного осмысления проблем и перспектив развития мусульманской образовательной системы прошлого с точки зрения современной научной парадигмы. Практическая значимость публикации заключается в расширении представлений о системе магометанского просвещения в контексте его исторического наследия, которое послужит подспорьем к осмыслению современных проблем, связанных с реформированием общего и профессионального образования в национальных мусульманских республиках.

Ключевые слова: Северный Кавказ, мусульманское образование, исламские народы, российские чиновники, кавказская интеллигенция.

Для цитирования: Блейх Н.О. Известные педагоги и просветители первой половины XX века о проблемах северокавказского мусульманского образования. // *Историческая и социально-образовательная мысль.* 2021. Том. 13. № 2. с. 208-222
DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-2-208-222

Original article

FAMOUS TEACHERS AND EDUCATORS OF THE FIRST HALF OF THE XX CENTURY ABOUT THE PROBLEMS OF THE NORTH CAUCASIAN MUSLIM EDUCATION

Nadezhda O.Bleich
North Ossetian State University. K.L.Khetagurov,
РИНЦ Author ID 6365-4160, ORC ID 0000-0002-6715-9185,
Web of Science Researcher ID Y-6186-2018
nadezhda-blejjkh@mail.ru.

Abstract: The article is devoted to the consideration of the worldview positions of famous educators of the past century regarding the state of school education among Muslims of the North Caucasus region. It is proved that the enlighteners advocated the creation of a new type of national non-class school and the construction of the didactic foundations of the educational process in it. The novelty of the work is that, based on the analysis of the views of the advanced intelligentsia of the region, aimed at understanding the current socio-cultural situation, an attempt was made to scientifically understand the problems and prospects for the development of the Muslim educational system of the past from the point of view of the modern scientific paradigm. The practical significance of the publication lies in expanding the understanding of the system of Mohammedan education in the context of its historical heritage, which will help to comprehend modern problems associated with the reform of general and vocational education in the national Muslim republics.

Key words*:* North Caucasus, Muslim education, Islamic peoples, Russian officials, Caucasian intelligentsia

For citation: Bleich N.O. Famous teachers and educators of the first half of the XX century about the problems of the North Caucasian muslim education. *Historical and Social-Educational Idea.* 2021. Vol. 13. No.2. PP. 208-222. (In Russ.).
DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-2-208-222

В первой половине XX в. все отчетливее стала проявляться готовность как самодержавия, так и кавказской интеллигенции посредством образовательных проектов расширить единое социокультурное поле в крае. Такая коммуникационная активность создала благоприятную обстановку для дальнейшего развития образовательной системы в Северокавказской области. Эти установления, изначально предложенные российскими властями, впоследствии были подхвачены прогрессивной горской интеллигенцией, появившейся в результате проводимых на Кавказе социальных реформ, начавшихся в XIX столетии, которые явились важной страницей не только развития школы, но и становления педагогической мысли мусульманских этносов Северного Кавказа.

Прошлый век стал временем появления народной интеллигенции в лице Ч. Ахриева, К. Атажукина, Г.Баева, А. Кешева, И. Канукова, Г. Алкадарского и др., которая выступала совместно с представителями передовой русской науки Я. Неверовым, Д. Семеновым, Л. Модзалевским, Л. Загурским, П. Усларом и т.д. за целесо-

образную постановку воспитательно-образовательного процесса в школах мусульманских народов Северного Кавказа, ратовала за светское образование, учреждение национальных школ, педагогических и женских заведений и правильного применения в них национального компонента.

Не смотря на то, что в XIX веке у автохтонов Северного Кавказа произошли некоторые сдвиги в улучшении их просвещения (появилась довольно разветвленная сеть учебных заведений, состоящая из аманатских, войсковых, окружных училищ, гимназий, прогимназий и т.д.), школьное дело у кавказцев, исповедующих ислам, оставляло желать лучшего. Поэтому вся передовая мыслящая интеллигенция в начале XX столетия обращала особое внимание на постановку учебного процесса в школах мусульманских народов. Она неоднократно стала подвергать критике негативные стороны функционирования всей системы имеющегося школьного образования, основной акцент делая на проводимую российским правительством политику просвещения иноверцев, которая по словам педагога С. Британева «так до сих пор и не вызвала у горцев-мусульман какого-то ни было заметного культурного подъема» [8].

Причину такого положения дел мыслители видели в бездушно-бюрократическом отношении местных чиновников к культурным потребностям населения. Как отмечал известный публицист начала XX века Г.Цаголов, «царское правительство пресекало на корню всякую инициативу передовой кавказской интеллигенции участвовать строительстве национального образования и в общероссийском движении «За поддержку школы» [3, л. 77].

Однако говорить о том, что царские бюрократы ничего не делали для нужд мусульман, было бы неверно. Их просветительская деятельность ограничивалась федеральными установками, которые предписывали «осторожно относиться к иноверцам, в связи с чем ставилась задача посредством школьного образования усилить идеологическое воспитание детей мусульман в духе преданности престолу»[4, л. 7[.

Понимая это, горские мыслители напрямую увязывали улучшение обучения мусульман с благосостоянием империи. Так, педагог Г.Дзасохов в одном из своих очерков писал: «Мы не должны равнодушно относиться к неграмотности большинству сочленов нашего государства. Ибо от их невежества страдает и государственный организм в целом». Далее просветитель давал рекомендации властям «усерднее присмотреться к культурным потребностям мусульманских народов, подняв их культуру посредством образования на должный уровень» [19] Тоже самое предлагал правительству К.П. Услар, который советовал более тщательно выполнять свою цивилизаторскую миссию на Северном Кавказе и проявлять заботу и понимание к потребностям и духовным требованиям горцев [33, с. 7].

Анализируя деятельность сановников, делавших упор на духовных мусульманских школах (медресе и мектебе) Г.Дзасохов, Х.Уруймагов, А.Гассиев, С. Сиюхов, Ч. Ахриев, К. Атажукин, Б. Далгат, Э. Кудашев, Т. Кашежев и другие мыслители отмечали, что в них образование сводилось лишь к изучению Корана и основам арабской грамоты, национальная специфика совершенно не учитывалась. Немногим мальчикам, прошедшим полный цикл обучения в мечетских школах, везло научиться грамоте, т.к. все мусульманское образование не имело определенной методики обучения, поэтому знания носили такой же богословский и поверхностный характер, - отмечает профессор М. Ф. Шабаева, - однако нередки были случаи, когда из медресе выходили известные впоследствии деятели науки и образования» [26, с. 549] . Но это встречалось нечасто. Поэтому просветители и

говорили о полном расхождении между теоретическими знаниями, получаемыми в школах Мусульманского ведомства и потребностями общества. Приведём несколько высказываний. Так, о плохой постановке обучения в мечетских школах говорил карачаевский просветитель К. Ленкаев: «Образование в конфессиональных школах осуществлялось по схоластическим методам, что объяснялось не только отсутствием контроля за ходом «учебного процесса», отсутствием каких-либо методик, но и неподготовленностью преподавателей к такой работе, их невежеством» [21, с. 29].

В своей монографии «Влияние России на просвещение в Адыгее» профессор А.О. Хоретлев акцентирует, что медресе, считавшиеся наиболее распространенными учебными заведениями среди мусульманской части населения дореволюционного Северного Кавказа, по сути дела, ничему детей не учили. И для подтверждения сказанного он приводит такой эпизод: «Один священник, посетивший магометанскую школу, писал: «Занимается в школе Ходжа с двумя помощниками. Курс учения в школе шестилетний и все это время посвящается исключительно чтению Корана. Никаких других общеобразовательных предметов дети не проходят. Предложенную мною одному из оканчивающих курс обучения мальчиков задачу – сколько получит каждый, если 270 яблок разделить между девятью мальчиками поровну, - никто не мог решить ни устно, ни письменно, даже с помощью самого Ходжа, который, по-видимому, и сам не понимал, как решить эту задачу» [36, с. 40].

В противовес духовным школам просветители-педагоги требовали от правительства развития в крае народных светских школ, которые позволили значительно расширить кругозор юных горцев, тем самым способствовали их духовному развитию. Светская школа мыслилась им демократической, полноценной, в которой бы практиковались новые методики обучения, направленные на всестороннее развитие, а не схоластика и внедрение религиозно-догматических установок. Обучаясь в такой национальной школе горцы смогли бы поближе познакомиться с общероссийской культурой и русским языком, стать ближе к российскому народу. Также мыслители обращали внимание на общедоступность и обязательность школьного образования.

Во всех видах учебных заведений просветители мыслили провозглашение национальной духовности, которую можно было получить посредством природного языка, литературы, культуры. Именно в открытии народных школ этнограф П.Услар видел появление национальной интеллигенции, которая «сделает в крае то, чего не смогут сделать ни почести, ни деньги, ни штыки» [34, с. 1-2]. Рассматривая этот вопрос, осетинский педагог А.Гассиев вспоминал: «…буквально до революции инородческих школ в крае не наблюдалось, а только были школы русские по характеру и духу, в которых обучались инородцы» [11]. К слову сказать, эти неприглядные факты признавали и сами представители учебного ведомства на Кавказе, под чьим протекторатом находились эти школы.

Вскоре их мечта стала воплощаться в жизнь. В крае стали учреждаться военные и горские школы светской направленности. Они становились популярными, отличались улучшенной постановкой в них учебно-воспитательной работы. Во второй половине XIX века к ним добавились школы грамоты, вечерние и воскресные школы, называемые в народе «вольными». Их деятельность высоко оценил Г.Цаголов, отмечавший, что «ученики «вольных школ» писали, читали, считали и говорили по-русски лучше, чем выпускники остальных учеб-

ных заведений, потому они нередко «занимали вакансии писарей и даже учителей низших школ» [37].

Однако обсуждая проблему желательных типов школ для мусульман Кавказа, педагоги обращали внимание на то, что местному населению необходимо получать вместе с образованием и профессиональные навыки, поэтому они ратовали за развитие сельскохозяйственных, женских, педагогических училищ.

Говоря о национальной школе, просветители не упускали из поля зрения и методическую постановку воспитательно-образовательного процесса в ней. Первым делом они обращали внимание на гуманитарную сущность школьной модели, которую трактовали в духе идей общечеловеческого воспитания. Прежде всего эту идею подхватили и развили учителя кавказских просветителей: инспекторы народных училищ Я.Неверов и Д.Семенов.

Так, Я.Неверов являлся радетелем идеи всесторонней гуманитаризации и гуманизации педагогических процессов. Он постоянно ориентировал учителей и родителей на активацию внимания к воспитанию у молодых людей интеллектуально-нравственных качеств: патриотизма, чувства долга, гражданственности, доброты, особой любви к наукам и своему отечеству [25, с. 412].

Находясь на посту директора Ставропольской гимназии, Януарий Михайлович всячески стремился зажечь у своих воспитанников, особенно у горцев-мусульман, интерес к этнографии, фольклористике, литературе своих этносов. Он с радостью принимал участие в разных вечерах, конкурсах и соревнованиях, результаты которых публиковались им в «Ставропольских ведомостях».

Эти достижения воспитанников были обусловлены тем, что в начале 50-х годов в гимназии для изучения вводились татарский, армянский, черкесский языки. Причем для преподавания последнего пригласили высокообразованного черкеса Умара Берсеева (первого составителя азбуки черкесского языка).

Поскольку к этому времени Ставропольская гимназия была первой и единственной средней школой в крае, на нее ложилась дополнительная обязанность заниматься еще и приготовлением кадров учителей начальных школ для всего Северного Кавказа. Для чего питомцы дополнительно изучали педагогику и дидактику [24, с. 11-23].

Сам Я.Неверов, создавая атмосферу творческой увлеченности, радовался успехам горцев. Поэтому неудивительно, что многие его питомцы впоследствии становились известными учеными, писателями, просветителями, этнографами. Достаточно вспомнить имена Инала Тхостова, Батырбека Туганова, братьев-просветителей Джантемира и Ибрагима Шанаевых, Коста Хетагурова, Инала Канукова (Осетия); Исхака Кармова, Кази Атажукина, Батырбека Шарданова (Кабарда); Султан-Бека Абаева и Мисоста Коченова (Балкария); Адиль-Гирея Кешева (Адыгея), Садуллы и Чаха Ахриевых (Ингушетия) и др.

Придавая огромное значение дисциплине, Януарий Михайлович ввел особую инструкцию для воспитанников – своеобразный «Ученический кодекс», в которой провозглашал позиции гуманизма и отвергал наказания. Он также был противником надзора, опеки и полицейского сыска, унижающих самолюбие горцев.

В духе идей гуманизма трактовал многие вопросы воспитания и ближайший соратник Я.М.Неверова Д.Д.Семенов. Являясь директором Кубанской, а впоследствии – и Закавказской учительских семинарий, он внес значимый вклад по подготовки учительских кадров для Северокавказского края и его мусульманских областей [6, с. 03-07].

Важное место в подготовке педагогов отводилось педагогическим и литературным чтениям, музыкальным, спортивным, трудовым занятиям, конференциям, концертам, спектаклям. Дмитрий Дмитриевич организовывал и совместные вечера с населением. Он воспитывал семинаристов в духе уважительного отношения к детям, для чего использовал метод убеждения .

Совместно с российскими учеными отстаивали принцип гуманизации и северокавказские мыслители. Они критиковали практиковавшуюся палочную систему и антигуманные и антипедагогические методы воздействия на горцев-иноверцев. Этот факт отмечал Г.Дзасохов, говоря, что «трудно себе вообразить атмосферу, в которой бы личность подвергалась такому уничтожению и преследованию, как в духовной семинарии» [15]. О жестокости и постыдном надзоре за учащимися вспоминал и Г.Цаголов, говоря, что происходило деление между учениками на «своих» и «иносословных» [3, л. 77]. Писателя оскорбляло презрительное отношение педагогов к горцам, которые называли их «Азиатами», «Азией», «Гололобыми», «Ордой» и т.д. Литературовед в своих произведениях осуждал и подобострастное дарение подарков наставникам, назвав это «оригинальной дани выколачивания скудных средств у семинаристов, что вызывало у них чувство негодования»[3, л. 56].

Концепция гуманизации и гуманитаризации школ нашла свое отражение в борьбе против схоластики и рутины в обучении. Педагоги ратовали за развивающее обучение, вызывающее интерес детей к знаниям. Добиться же его можно было при условии его практикования в школе и изменении в ней методов и характера обучения. Поясняя эти положения, педагог А.Гассиев без колебаний выступил против механической зубрежки и схоластики, чем «славились» мусульманские духовные школы. Он предлагал муллам сделать научение заранее обдуманным, осознанным самим воспитанником. В противном случае «головы учеников будут наполнены всем и похожи на огромную регистратуру, в которой всё написанное наполовину залито чернилами или съедено крысами» [11, с. 47].

В надежде заложить разумные педагогические начала для гармоничного и всестороннего развития юных горцев, другой просветитель Н.Цагов рекомендовал сделать их время обучения приятной, интересной и лучшей страницей их жизни. Для этого необходимо ввести наглядность в обучении, изучение русской и родной речи. По мысли педагога, эти нововведения будут являться «важными средствами эволюции познавательно-интеллектуальной деятельности и пробудят интерес у детей горцев к русскому и природному наречиям» [23].

Предметник русского языка и литературы Г. Дзасохов считал, что для лучшего обучения материнскому языку целесообразно будет выполнить два требования: это «учитель из интеллигентных горцев, знающий нравственные устои своего народа и тем самым понимающий чаяния и интересы учеников; и само научение должно проходить на материнском языке, знакомом с детства детям, иначе не избежать механической зубрежки» [14, с. 47].

К тому же мыслители популяризировали доктрины общечеловеческого воспитания, вкладывая в его значение обучение личностным и интернациональным качествам. Так, Г.И. Дзасохов отмечал: «Общечеловеческое воспитание тем драгоценно, что оно не затрагивает национальность. Тезис Н.И.Пирогова «ищи и будь человеком» будто бы противоречащий духу народного воспитания, так же несостоятелен, как не устойчиво мнение об антагонизме национального чувства с нравственно-этическим чувством исламиста. Здесь Н.Пирогов совершенно верно

говорит о том, что к какой бы национальности мы не принадлежали, через воспитание можем сделаться настоящими людьми» [16].

Оценив прогрессивные идеи демократической русской педагогики, новаторы использовали в своих учебниках, предназначенных для северокавказских учебных заведений труды классиков зарубежной и русской литературы. Они подчеркивали, что реализация гуманизации школьного обучения возможна только при условии обучения воспитанников широкому кругу дисциплин, как то: истории, географии, литературы, французского, русского, родного языков, арифметики, фольклористики, рисования и т.д. Просветители подвергали осуждению тех, кто прикрываясь «национальным духом» пытался протащить в горские школы доктрины шовинизма и веронетерпимости, отдавая предпочтение чужим языкам (в данном случае – арабскому), игнорируя родные языки, которые, по словам Х.Уруймагова «были богатыми на грамматические конструкции и доставляли возможности выражения самых тонких мыслей народной психологии» [30]. Он замечал: «Всякому известно, что народный язык есть лучший выразитель духовного, внутреннего мира и жизни. Потому бесчеловечно вели себя те, кто предпринимал время от времени враждебные походы против природного языка туземцев, целиком изгоняя его из школ» [31].

О наиглавнейшей роли материнского языка в начальном обучении горских детей говорили и российские ученые-кавказоведы: А.Шегрен, П.Услар, В.Миллер, Я.Неверов и мн.др. Вместе с этим они на практике занимались разработкой письменности для горских автохтонов на русской графической базе, те самым способствуя их эволюции просвещения. Так, во второй половине XIX столетия (в 1884 г.) увидела свет «Осетинская грамматика» акад. А.Шегрена. По замыслу автора она должна была являться настольной книгой для российских чиновников, желающих освоить осетинский язык и одновременно быть учебным пособием для педагогов тех школ, в которых обучались осетинские дети. Другой ученый акад. П.К.Услар посвятил свои годы разработке алфавитов мусульманских народов: абхазов, аваров, лакцев, чеченцев, кабардинцев. При этом он порицал тех чиновников от образования, которые принижали возможности горских наречий при обучении детей ссылками на их «убогость», возвеличивая значение арабистики [7, с. 376-390].

Отдавая доминирующее положение горским диалектам, Петр Карлович акцентировал на несостоятельности этих мнений, так как «формы кавказских языков позволяют выражать даже самые тонкие мысли» [33, с. 15]. С ним соглашался и Г.Дзасохов, говоря, что «нигде так не проявляется своеобразие всякого народа, как в его природном языке» [17]. Я.М.Неверов также обращал большое внимание на обучение природному и русскому языкам. Он постоянно подчеркивал их необходимость в комплексном воспитательно-образовательном процессе. При этом Януарий Михайлович научно обосновал креативно-познавательную значимость для горских народов двуязычия и доказал, что их практическое применение будет способствовать рациональной постановки обучения в школах.

Все северокавказские просветители, поддерживая идею К.Д.Ушинского о роли родного языка в первоначальном обучении детей, уделяли много внимания этому вопросу. Например, писатель Г.Цаголов полагал, что материнский язык – это основа основ, на которой выстраивается прочное здание национального образования, без него «определенно невозможна надлежащая постановка учебно-воспитательной работы» [38]. Защищая ведение учебных дисциплин на природном языке, кабардинский просветитель П.И.Тамбиев считал исключительно значимым для горцев-мусульман изучение русского языка, который он мыслил глав-

ным фактором духовного единения всех горских народов [5, л. 14]. Уточняя этот тезис на примере осетин, М.Гарданов напоминал, что «достояние любой цивилизации становится наследием любого народа только в том случае, когда для этого создается необходимая почва, которая способствует духовному и умственному развитию этноса» [5, л. 17].

В своей публикации «Туземные языки в начальных школах» просветитель Х.А.Уруймагов отмечал: «Мы, давно вошедшие в структуру культурной семьи российского общества, употребляющие плоды русской цивилизации, определенно сознаем, в чем спасение наших народов. Оно в образовании на русском языке, значимость которого, как языка государственного, всем нам становится очевидна» [28].

Педагог Т.Эльдерханов также подчеркивал пользу русского языка, на котором ведется весь документооборот и говорил, что первоначально необходимо начинать обучение горских детей с природного, им знакомого языка, а уж затем переходить к русскому – общегосударственному. С ним был солидарен и С.Сиюхов, полагая, что пробуждение интеллекта ребенка настанет тогда, если на начальном этапе его обучение будет строиться с учетом родной речи.

Акцентируя внимание на том, что родной язык народа является важнейшим орудием мысли, барометром его ментализма, Э.К. Кудашев провозглашал приобретение им права полной легальности в школьной практике. В связи с чем он подчеркивал, что непедагогично и бесчеловечно вели себя те, кто «начав поход против материнского языка горцев, пытался заменить его русским»[20, с. 58]. Понятно, что политика скорейшей русификации за счет игнорирования родных языков, не учитывала местный менталитет горцев, была порочной. На что и обращала внимание вся передовая общественность.

Делая ссылку на ценные высказывания К.Ушинского по поводу роли родного языка, М.Гарданов также обосновывает необходимость тематического начала обучения на этом языке с учетом возрастных и индивидуально-психологических особенностей детей. Иначе, предостерегает он педагогов, «могут быть заминки в умственном развитии детей, если их знакомить с иностранным языком раньше, нежели они овладеют материнским языком» [9].

Прекрасно обосновал значение природного языка делегат Съезда учителей приходских школ Г. И. Дзасохов: «Со смертью родного языка, который вынужден умереть, так как попирается, инородцы также умирают духовно, так как при этом теряют свою народную личность» [14, с. 56].

Нужно отметить, что не зря просветители уделяли такое внимание родному и русскому языкам. Дело в том, что в 19 веке русский язык ассоциировался у горских народов с иностранным, поэтому обучение с первых дней в школе русской грамоте было сопряжено с большими трудностями. Только по одной этой причине зачастую горцы-мусульмане были настроены против русских, а коэффициент грамотных среди них был крайне низок.

Предостерегая школьных чиновников от поспешности решения национального вопроса, Х.Уруймагов писал следующее: «не умел горский ребенок еще отличить левую от правой руки, запомнить имена родителей, как принимались ему вдалбливать на русском языке такие суждения, как,

например, «На Севере крайнем стоит одиноко, качаясь под ветром, сосна» или «Дед Архип промышляет охотой в Тундре и сибирских тайгах». Понятно, что подобными «умными изречениями» невозможно развивать интеллект маленького ребенка, не знающего русский язык, поэтому вся мыслящая интеллигенция

протестовала против такого обучения и ратовала за развитие умственных способностей детей соразмерно их возрасту и природе, «а не такое грубое насилие, вступавшее в противоречие с естественным ходом и развитием человеческого мышления» [32].

Также просветители поднимали вопрос и о женском образовании. Они прекрасно понимали, что «судьба ребенка хранится в материнских руках и от того, чем наполнит мать юную и впечатлительную душу и его разум зависит и все дальнейшее существование будущего человека. И чтобы эта судьба сложилась удачно, мать должна сама быть развитой и сеять в своих детях семена добра» [6, с.03-06].

Еще по этому поводу грузинский педагог В.Пшавела говорил: «…женщина может как свергнуть нацию, так и поднять её» [27, с. 248]. Поэтому судьбой женщины также были озабочены и северокавказские просветители мусульманских народов. Так, этнограф Ч.Ахриев обратился с призывом ко всей интеллигенции встать под знамена защиты женщины, Т.Кашежев тоже ратовал за эмансипацию горянки. С возмущением отмечал Г.Дзасохов ее необразованность. Он писал: «Культурный прогресс сильно тормозится из-за женской неразвитости и потому надо создать для нее лучшие условия жизни, чтобы она смогла стать для нас другом и воспитательницей детей» [14, с. 134]. На данный факт указывал и А.Омаров: «Духовенство учит, что у женщины разум покоится по краю платья, если она встанет с места, ум валится на землю»[1, с. 54].

Все просветители были едины: женщинам необходимо получать образование. Для чего необходимо строить специальные женские школы, где помимо учебных предметов девочки могли получать практические навыки по домоводству. «Школы для девушек – это больное место нашего общества. Отсутствие их всем Северном Кавказе, и особенно на востоке региона является результатом равнодушия к женскому образованию как правительственных чиновников, так и самого населения», - отмечал педагог А.Гассиев [10]. Далее в статье просветитель говорит: «Странно видеть громадное число детей женского пола, волею патриархальных родителей лишенных хоть каких-нибудь сведений, расширяющих кругозор человека далее и выше созерцания и понятия дикаря» [10].

Другой педагог Х. Уруймагов в это время также напишет: «Если мы проследим отчеты совета Общества с 1860 года, то увидим, что в целой сети школ только в четырех плоскостных осетинских селениях были женские школы, да и те, по постановке в них учебного дела, стали много ниже мужских школ. Что же касается жителей мусульманской полосы Осетии, то они и понятия не имели о женской школе, и не допускали, пожалуй, даже и мысли о том, чтобы где-нибудь учили и девочек» [29].

В мусульманских областях края вплоть до второй четверти XIX столетия женских школ не было, на что указывали просветители. В этом плане набатом зазвучал голос Г.И. Дзасохова (открывшего впоследствии женскую школу и работавшего в ней учителем русской словесности): «Пусть же помнит всякий, что для нас одним из насущнейших дел является открытие на Кавказе среднего женского общеобразовательного учебного заведения. Нужно теперь же собраться представителям селений и совместно обсудить этот вопрос» [13].

Здесь нужно подчеркнуть, что к началу XX столетия женскому вопросу в кавказской периодике было напечатано более 300 статей. Данный вопрос считался злободневным и требовал самого незамедлительного решения, и в этом плане кавказская интеллигенция не могла остаться в стороне.

В связи с женским вопросом просветители немаловажное значение уделяли и подготовке педагогических кадров. Еще А.П. Чехов, беседуя с А.М. Горьким и раскрывая тяжкое положение педагогов в Российской империи, высказывал мысль: «Знаете, когда я вижу учителя, мне делается неловко перед ним и за его робость, и за то, что он плохо одет, мне кажется, что в этом убожестве учителя и сам я в чем-то виноват» [12, с. 32-33].

Положение кавказского учителя во много раз было тяжелее. В связи с этим его назначение в обществе рассматривали известные российские деятели, не понаслышке знающие учительские проблемы: Я.М. Неверов, П.К. Услар, Д.Д. Семенов, которые не только являлись аналитиками, но и практически выверяли научные основы и технологии подготовки педагогов для школ Северокавказского края. Так, в бытность попечителем Кавказского учебного округа Я.М. Неверова (1864-1879) в крае появились Закавказская и Кубанская учительские семинарии, возник Тифлисский учительский институт и другие учительские школы, готовившие кадры педагогов. Януарий Михайлович особо следил за постановкой воспитания и обучения будущих педагогов, помогал вводить инновации в их обучение.

Много усилий в подготовке учителей приложил и Д.Д. Семенов, который будучи директором Кубанской и Горийской учительских семинарий старался внедрять в них передовые методы работы, воспитывая у будущих учителей любовь к профессии. Предметом особой заботы Семенова была внеклассная работа, в ходе которой формировались и закреплялись педагогические навыки и умения будущих учителей. По справедливому замечанию проф. В.В. Макаева, отличием Д.Д. Семенова, как директора, было и то, что он занимался воспитанием юношей разных национальностей и религий в духе братства и равенства [22, с. 116].

Вслед за известными деятелями российской науки, работающих в Северокавказском крае, жаждали улучшить положение учителя и горские мыслители, бывшие в основе своей педагогами и знавшие проблему «изнутри». Прежде всего они требовали от правительства улучшения материально-правового положения учителя и создания условий для его самореализации. Так, в ряде своих статей известный просветитель К.Л.Хетагуров описывал проблемы, с которыми встречается большинство педагогов. Это – отсутствие школьных помещений, которые «скорее были похожи на хлев, чем на школы, нерешенность квартирного вопроса, низкая заработный оклад и его несвоевременная выплата [35]. Действительно, документы той поры являются немыми свидетелями того, что сельский учитель жил за чертой бедности, т.к. «содержался только за счет незначительных средств горских обществ» [39, л. 23].

Северокавказская интеллигенция обличала сложившуюся дореволюционную практику подготовки учительских кадров особенно для обучения мусульман, которая не давала им достаточной психолого-педагогической и общетеоретической подготовки. Это получалось из-за того, что в педагогических учреждениях игнорировались местные языки и национально-бытовая специфика горского населения, к тому же в расчет не принимались ни призвания, ни склонности самих будущих учителей .

Анализируя сложившиеся обстоятельства, педагоги-просветители рекомендовали учебному ведомству готовить разносторонне-образованных педагогов, владеющих новыми методами обучения, знающих местные языки и особенности бытоустройства горских народов. А также открытие в мусульманских землях специальных духовных семинарий, в которых преподавались бы арабский, русский языки и педагогические науки.

Подводя итоги скажем, что к концу XIX века имперское правительство, адаптируясь к обстановке капитализма и осуществляя модернизацию в крае стало больше уделять внимание вопросам просвещения «иноверцев». Средством развития образования у мусульманских народов края мыслились светские школы, которых было мало из-за непоследовательной и четкой политики правительства. Но все равно становление и развитие светского образования у мусульман способствовало не только росту их интеллектуально-образовательного уровня, но и способствовало культурной трансформации всего горского общества. В результате появился слой интеллигенции, радеющей за судьбы своего и других народов и желающей посредством образования улучшить их жизнь. Понимая, что такое образование нуждается в коренной ломке, они совместно с российскими учеными представили свои образовательные проекты, которые предполагали внедрение в систему образовательно-воспитательного процесса новых методик, обучение для горцев-мусульман сделать доступным, отвечающим на вызовы времени.

Анализируя воззрения передовой российской и северокавказской интеллигенции прошедшего века по рациональной постановке обучения в среде иноверческих народов, уместным будет напоминание современным должностным лицам от образования в проводимой ими модернизации на национальных окраинах о необходимости тщательного продумывания всех аспектов этого переустройства, чтобы не получилось оно опрометчивым и половинчатым, так как сказал Г.Дзасохов в начале XX века в статье «К вопросу о реформе средней школы» «такое преобразование не будет радикальным, и мы опять будем надеяться на новые реформы, новые эксперименты над несчастной национальной школой».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Абдуллаев М.А. Из истории философской и общественно-политической мысли народов Дагестана в XIX веке. М., 1968. 256 с.
2. Архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева (АСОИГСИ). Ф. 11. Оп.1. Д. 34. Л. 3.
3. АСОИГСИ. Ф. 11. Оп. 1. Д. 130. Л. 77.
4. АСОИГСИ. Ф. 13. Оп. 12 Д. 56. Л. 7.
5. АСОИГСИ. Ф. 3. Оп. 5. Д. 10. Л. 14.
6. Блейх Н. Проблемы мусульманского образования сквозь призму истории //Психология. Социология. Педагогика. 2015. № 2 (45) . С. 03-07.
7. Блейх Н.О. Роль российской империи в развитии системы просвещения у мусульманских народов Северного Кавказа //Диалог со временем. 2020, № 72. С. 376-390.
8. Британев С. Мусульманская школа //Терек. 1915. № 5377.
9. Гарданов М. Желательные улучшения духовной школы в Северной Осетии //Владикавказские епархиальные ведомости. 1909. № 6-7. С. 230-233.
10. Гассиев А.А. Несколько слов о школах Северной Осетии //Терские ведомости. 1875. № 16.
11. Гассиев А.А. Школьное дело между инородцами Кавказа // Избранные произведения. Владикавказ, 1992. 321 с.
12. Горький А.М. О литературе. М., 1961. 365 с.
13. Дзасохов Г.И. Голос смущенной совести //Казбек. 1905. 26 июня.
14. Дзасохов Г.И. Дневник педагога //Антология педагогической мысли Северной Осетии. Владикавказ. 1996. 436 с.

15. Дзасохов Г.И. К вопросу о переводе Ардонской семинарии во Владикавказ //Казбек. 1905. 28 июля.
16. Дзасохов Г.И. К вопросу о реформе средней школы //Терек, 1915, 16 декабря.
17. Дзасохов Г.И. О воспитательном и образовательном значении родного языка //Казбек, 1904, 27 апреля.
18. Дзасохов Г.И. О женском образовании в Осетии //Казбек. 1905. 20 июля.
19. Дзасохов Г.И. О просвещении мусульманского населения //Терек. 1911. 15 февраля.
20. Евангулов Г.Г. Местная реформа на Кавказе. СПб., 1914. 112 с.
21. Лайпаев К.Т. Борьба большевиков за победу Советской власти в Карачае и Черкесии. Черкесск, 1962. 216 с.
22. Макаев В.В. Д. Д. Семенов – педагог и ученый //Советская педагогика, 1985, № 1. С.116-120.
23. Марзоева Т.Х. А. Дымов, Н. Цагов основатели Баксанского просветительского центра // Вестник КГУ. 2007. №2. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/a-dymov-n-tsagov-osnovateli-baksanskogo-prosvetitelskogo-tsentra.
24. Модзалевский Л.Н. Ход учебного дела в Кавказском крае с 1802 по 1880 год //Памятная книжка Кавказского учебного округа на 1880 год. Тифлис, 1879. 112 с.
25. Неверов Я.М. Что нужно для образования в России? //РПВ. 1857. № 4. С. 412-424.
26. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. XVIII – первая половина XIX в. /Отв. ред. М.Ф.Шабаева. М., 1973. 765 с.
27. Пшавела В. О женщинах //Пшавела В. Полное собрание сочинений: В 5 т. Тбилиси. Т. 2. 1961. 315 с.
28. Уруймагов Х. Туземные языки в начальных школах //Терек, 1907, 25 марта.
29. Уруймагов Х.А. Женская школа на Кавказе у иноверцев //Казбек. 1905. № 2364.
30. Уруймагов Х.А. Из области педагогики //Терек, 1915. 10 апреля.
31. Уруймагов Х.А. О конечной цели воспитания и образования //Казбек. 1905. 5 июля.
32. Уруймагов Х.А. Русский язык в инородческих школах //Терек. 1910. 8 апреля.
33. Услар П.К. О распространении грамотности между горцами //Услар П.К. Этнография Кавказа. Тифлис, 1887. Т. 1. С. 1-29.
34. Услар П.К. Предположение об устройстве горских школ //Этнография Кавказа. Тифлис, 1887. С. 1-2.
35. Хетагуров К.Л. Женское образование на Кавказе //Утро гор. 2003, 14 мая.
36. Хоретлев А.О. Влияние России на просвещение в Адыгее (XIX – начало XX вв.) Майкоп. 1957. 187 с.
37. Цаголов Г. Вольные школы в Осетии //Терские ведомости. 1898, 22 июля.
38. Цаголов Г. К вопросу о народном образовании //Казбек, 1903, 2 июля.
39. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (ЦГА РСО-Алания). Ф. 123 – Дирекция народных училищ Терской области. Д. 56. Лл. 12-18.

REFERENCE

1. Abdullaev M.A. Iz istorii filosofskoj i obshchestvenno-politicheskoj mysli narodov Dagestana v XIX veke. [From the history of philosophical and socio-political

thought of the peoples of Dagestan in the 19th century]. M., 1968. 256 p. (In Russ).
2. Arhiv Severo-Osetinskogo instituta gumanitarnyh i social'nyh issledovanij im. V.I. Abaeva (ASOIGSI). [Archive of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Research named after IN AND. Abaeva (ASOIGSI)]. F. 11. Op.1. D. 34. L. 3. (In Russ).
3. ASOIGSI. F. 11. Op. 1. D. 130. L. 77. (In Russ).
4. ASOIGSI. F. 13. Op. 12 D. 56. L. 7. (In Russ).
5. ASOIGSI. F. 3. Op. 5. D. 10. L. 14. (In Russ).
6. Bleich N.O. Problemy musul'manskogo obrazovaniya skvoz' prizmu istorii. [Problems of Muslim education through the prism of history]. Psihologiya. Sociologiya. Pedagogika = Psychology. Sociology. Pedagogy. 2015. № 2 (45). P. 03-07. (In Russ).
7. Bleich N.O. Rol' rossijskoj imperii v razvitii sistemy prosveshcheniya u musul'manskih narodov Severnogo Kavkaza [The role of the Russian empire in the development of the educational system among the Muslim peoples of the North Caucasus]. Dialog so vremenem = Dialogue with time. 2020, № 72. P. 376-390. (In Russ).
8. Britaev S. Musul'manskaya shkola. [Muslim school]. Terek. 1915. № 5377. (In Russ).
9. Gardanov M. ZHelatel'nye uluchsheniya duhovnoj shkoly v Severnoj Osetii [Desirable improvements of the spiritual school in North Ossetia]. Vladikavkazskie eparhial'nye vedomosti = Vladikavkaz diocesan bulletin. 1909. № 6-7. P. 230-233. (In Russ).
10. Gassiev A.A. Neskol'ko slov o shkolah Severnoj Osetii. [A few words about the schools of North Ossetia]. Terskie vedomosti = Terskie vedomosti. 1875. № 16. (In Russ).
11. Gassiev A.A. SHkol'noe delo mezhdu inorodcami Kavkaza. [School affairs between foreigners of the Caucasus]. Izbrannye proizvedeniya = Selected works. Vladikavkaz, 1992. 321 p. (In Russ).
12. Gor'kij A.M. O literature. [About literature]. M., 1961. 365 p. (In Russ).
13. Dzasohov G.I. Golos smushchennoj sovesti. [Voice of an embarrassed conscience]. Kazbek. 1905. 26 iyunya. (In Russ).
14. Dzasohov G.I. Dnevnik pedagoga. [Diary of a teacher]. Antologiya pedagogicheskoj mysli Severnoj Osetii = Anthology of pedagogical thought in North Ossetia. Vladikavkaz. 1996. 436 p. (In Russ).
15. Dzasohov G.I. K voprosu o perevode Ardonskoj seminarii vo Vladikavkaz [On the issue of transferring the Ardon seminary to Vladikavkaz]. Kazbek. 1905. 28 iyulya. (In Russ).
16. Dzasohov G.I. K voprosu o reforme srednej shkoly [On the issue of secondary school reform]. Terek, 1915, 16 dekabrya. (In Russ).
17. Dzasohov G.I. O vospitatel'nom i obrazovatel'nom znachenii rodnogo yazyka [On the educational and educational value of the native language]. Kazbek, 1904, 27 aprelya. (In Russ).
18. Dzasohov G.I. O zhenskom obrazovanii v Osetii. [About women's education in Ossetia]. Kazbek. 1905. 20 iyulya. (In Russ).
19. Dzasohov G.I. O prosveshchenii musul'manskogo naseleniya [On the education of the Muslim population]. Terek. 1911. 15 fevralya. (In Russ).
20. Evangulov G.G. Mestnaya reforma na Kavkaze. [Local reform in the Caucasus]. SPb., 1914. 112 p. (In Russ).
21. Lajpaev K.T. Bor'ba bol'shevikov za pobedu Sovetskoj vlasti v Karachae i CHerkesii. [The struggle of the Bolsheviks for the victory of Soviet power in Karachai and Circassia]. CHerkessk, 1962. 216 p. (In Russ).

22. Makaev V.V. D. D. Semenov – pedagog i uchenyj. [Semenov - teacher and scientist]. Sovetskaya pedagogika, 1985, № 1. P.116-120. (In Russ).
23. Marzoeva T.H. A. Dymov, N. Cagov osnovateli Baksanskogo prosvetitel'skogo centra. [Tsagov, founders of the Baksan educational center]. Vestnik KGU. 2007. №2. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/a-dymov-n-tsagov-osnovateli-baksanskogo-prosvetitelskogo-tsentra. (In Russ).
24. Modzalevskij L.N. Hod uchebnogo dela v Kavkazskom krae s 1802 po 1880 god. [The course of educational affairs in the Caucasian region from 1802 to 1880]. Pamyatnaya knizhka Kavkazskogo uchebnogo okruga na 1880 god = Commemorative book of the Caucasian educational district for 1880. Tiflis, 1879. 112 p. (In Russ).
25. Neverov YA.M. CHto nuzhno dlya obrazovaniya v Rossii? [What is needed for education in Russia?]. RPV. 1857. № 4. P. 412-424. (In Russ).
26. Ocherki istorii shkoly i pedagogicheskoj mysli narodov SSSR. XVIII – pervaya polovina XIX v. [Essays on the history of schools and pedagogical thought of the peoples of the USSR. XVIII - first half of the XIX century]. M., 1973. 765 p. (In Russ).
27. Pshavela V. O zhenshchinah. [About women]. Polnoe sobranie sochinenij = Complete works: V 5 t. Tbilisi. T. 2. 1961. 315 p. (In Russ).
28. Urujmagov H. Tuzemnye yazyki v nachal'nyh shkolah [Indigenous languages in primary schools]. Terek, 1907, 25 marta. (In Russ).
29. Urujmagov H.A. ZHenskaya shkola na Kavkaze u inovercev [Women's school in the Caucasus among the Gentiles]. Kazbek. 1905. № 2364. (In Russ).
30. Urujmagov H.A. Iz oblasti pedagogiki. [From the field of pedagogy]. Terek, 1915. 10 aprelya. (In Russ).
31. Urujmagov H.A. O konechnoj celi vospitaniya i obrazovaniya. [On the ultimate goal of upbringing and education]. Kazbek. 1905. 5 iyulya. (In Russ).
32. Urujmagov H.A. Russkij yazyk v inorodcheskih shkolah. [Russian language in foreign schools]. Terek. 1910. 8 aprelya. (In Russ).
33. Uslar P.K. O rasprostranenii gramotnosti mezhdu gorcami. [On the spread of literacy among the highlanders]. Etnografiya Kavkaza = Ethnography of the Caucasus. Tiflis, 1887. T. 1. P. 1-29. (In Russ).
34. Uslar P.K. Predpolozhenie ob ustrojstve gorskih shkol. [Assumption about the structure of mountain schools]. Etnografiya Kavkaza = Ethnography of the Caucasus. Tiflis, 1887. P. 1-2. (In Russ).
35. Hetagurov K.L. ZHenskoe obrazovanie na Kavkaze. [Women's education in the Caucasus]. Utro gor. 2003, 14 maya. (In Russ).
36. Horetlev A.O. Vliyanie Rossii na prosveshchenie v Adygee (XIX – nachalo XX vv.). [The influence of Russia on education in Adygea (XIX - early XX centuries)]. Majkop. 1957. 187 p. (In Russ).
37. Cagolov G. Vol'nye shkoly v Osetii. [Free schools in Ossetia]. Terskie vedomosti. 1898, 22 iyulya. (In Russ).
38. Cagolov G. K voprosu o narodnom obrazovanii. [On the issue of public education]. Kazbek, 1903, 2 iyulya. (In Russ).
39. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya (CGA RSO-Alaniya). [Central State Archives of the Republic of North Ossetia-Alania (TsGA RNO-Alania)]. F. 123 – Direkciya narodnyh uchilishch Terskoj oblasti. D. 56. Ll. 12-18. (In Russ).

Информация об авторе: Надежда Оскаровна Блейх, доктор исторических наук, профессор, кандидат педагогических наук, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л.Хетагурова,
РИНЦ Author ID 6365-4160,
ORC ID 0000-0002-6715-9185.
Web of Science Researcher ID Y-6186-2018
nadezhda-blejjkh@mail.ru.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи

Information about the author: Nadezhda Oskarovna Bleich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Candidate of Pedagogical Sciences, North Ossetian State University. K.L.Khetagurov,
РИНЦ Author ID 6365-4160
ORC ID 0000-0002-6715-9185.
Web of Science Researcher ID Y-6186-2018
nadezhda-blejjkh@mail.ru.

The author has read and approved the final manuscript

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 03.04.2021
Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 17.04.2021
Принята к публикации / Accepted for publication: 25.04.2021

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов./ The author declares no conflicts of interests

© Блейх Н.О. 2021
© «ИСОМ». 2021

CC BY

Общая педагогика, история педагогики и образования
General pedagogy, history of pedagogy and education

Научная статья

DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-2-223-235
УДК 37.013.43

ИНТЕРСУБЪЕКТИВНОСТЬ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ МОЛОДЕЖИ

БЫКАСОВА Лариса Владимировна
Таганрогский институт им. А.П. Чехова (филиал)
ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)»,
г. Таганрог, Россия
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-4866-1222
Researcher ID: B-6913-2017
moeve-25-moeve@yandex.ru

Введение. С позиции синергетического подхода в статье предпринята попытка рефлексии условий формирования правовой культуры молодежи, как состояния правосознания, законности, совершенства законодательства и юридической практики, выражающих статус права как некой социальной ценности, реализуемой в процессе современного образования в педагогическом вузе, что позволяет имплементировать систему правовых установок, отражающих отношение российских граждан к действующему праву, к юридической практике, к правам, свободам и обязанностям человека.

Материалы и методы. Использование метода гуманитарной экспертизы детерминирует направленность человеческой деятельности в современном социуме, рельефно обозначает основные дискурсы присвоения субъектом образования норм правовой культуры; правовой идеологии; видов правосознания по степени их общности и по содержанию.

Результаты исследования. В результате проведения экспресс-экспертизы, включающей обобщение и систематизацию рефлексивных знаний о состоянии правовой культуры российских студентов, их представлений о правопорядке и законности, правомерном и противоправном поведении, об обновленных правоприменительных актах, сделаны выводы о разворачивании отдельных аспектов общественного и индивидуального сознания, объектом которого является законодательство в целом, с позиции интенциональности, перформативности, медийности; о выявлении рисков в организации подготовки современных педагогических кадров – главных трансляторов права, свободы и обязанностей личности; об актуализации норм правовой психологии, выражающих отношение различных социальных групп к праву, к системе правовых учреждений, действующих в обще-

стве; о формировании иной от имеющейся правовой идеологии, отражающей правовые явления общественной жизни; о генерировании образцов целенаправленной деятельности государственных органов и общественности по формированию у граждан правовой культуры.

***Ключевые слова*:** интерсубъективность, правосознание, правоотношения, культурологическая безопасность, интервенции, правовая культура, законность, образование молодежи

Для цитирования: Быкасова Л.В. Интерсубъективность правовой культуры молодежи. // *Историческая и социально-образовательная мысль.* 2021. Том. 13. № 2. с. 223-235
DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-2-223-235

Original article

INTERSUBJECTIVITY LEGAL CULTURE OF YOUNG PEOPLE

Larisa V. BYKASOVA
Taganrog Institute named after A.P. Chekhov (branch)
FGBOU VO "RSEU (RINH)"
Taganrog, Russia
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-4866-1222
Researcher ID: B-6913-2017
moeve-25-moeve@yandex.ru

Introduction: from the perspective of a synergetic approach, the article attempts to reflect the conditions for the formation of the legal culture of young people, as a state of legal awareness, legality, perfection of legislation and legal practice, expressing the status of law as a certain social value realized in the process of modern education in a pedagogical university, which allows us to implement a system of legal attitudes that reflect the attitude of Russian citizens to the current law, to legal practice, to human rights, freedoms and duties.
Materials and methods: the use of the method of humanitarian expertise determines the direction of human activity in modern society, clearly identifies the main discourses of the assignment of the subject of education to the norms of legal culture; legal ideology; types of legal consciousness according to the degree of their generality and content.
Results of the study: as a result of the rapid examination, which includes the generalization and systematization of reflexive knowledge about the state of legal culture of Russian students, their ideas about the rule of law and legality, lawful and illegal behavior, updated law enforcement acts, conclusions are drawn about the unfolding of certain aspects of public and individual consciousness, the object of which is legislation as a whole, from the standpoint of intentionality, performativity, media; on the identification of risks in the organization of training of modern pedagogical personnel-the main trans-

lators of law, freedom and duties of the individual; on the actualization of the norms of legal psychology that express the attitude of various social groups to the law, to the system of legal institutions operating in society; on the formation of a different legal ideology from the existing legal phenomena of public life; on the generation of samples of purposeful activities of state bodies and the public to form a legal culture among citizens.

Keywords: intersubjectivity, legal awareness, legal relations, cultural security, interventions, legal culture, legality, youth education

For citation: Bykasova L.V. Intersubjectivity legal culture of young people. *Historical and Social-Educational Idea.* 2021. Vol. 13. No.1. PP. 223-235. (In Russ.).
DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-2-223-235

Введение

Роль правовой культуры субъекта трудно переоценить, а формирование правовой культуры молодежи в Российской Федерации – это одна из основных задач сбережения нации, так как правовая культура современных студентов выражает состояние права как социальной ценности: это статус правосознания, законности, совершенства законодательства и юридической практики [1, с. 29].

Правовую культуру мы понимаем как совокупность духовных и материальных ценностей, которые характеризуют всю правовую действительность, и в первую очередь это уважительное отношение к праву, проявляющееся в правомерном поведении субъекта [2, с. 1021].

Правовую культуру мы рассматриваем как «мягкую силу», которая увеличивает приоритет российского образования, обеспечивает национальную безопасность страны, накапливает человеческий ресурс, имеющий значение для конкуренции отечественного образования [3, с. 284].

Современную ситуацию в правоведении иллюстрирует имеющийся парадокс дефицитарности правовой культуры субъекта. В этой связи нам представляется целесообразным рассмотреть особенности формирования правовой культуры современной молодежи, при этом основное внимание мы сосредоточим:

– на студенческой аудитории, так как сегодняшний студент – это будущий учитель, то есть носитель правовой культуры;

– на педагогическом корпусе, так как преподаватель – это эталон сформированных у субъекта поведенческих норм и образцов, транслируемых студентам [4, с. 2117].

Чтобы наметить пути преодоления кризисных явлений в отечественном правоведении, необходимо решить ряд задач:

1) рассмотреть основные аспекты в формировании правосознания студентов педагогического вуза;

2) разработать современную модель развития правовой культуры субъекта;

3) раскрыть основные сценарии развития событий и ведущие образовательные треки в правовом становлении будущих педагогов;

4) определить магистральные направления и возможные интервенции в практике правовой психологии и правового воспитания граждан.

Рефлексию стратегических и тактических особенностей формирования правовой культуры в российской высшей школе предполагается осуществлять с применением индуктивного подхода, что будет способствовать:

– обоснованию основных векторов перформативности, определяемых действенностью и эффективностью законотворческих инициатив;

– формулировке дискурса интенциональности – смыслообразующей устремленности правового сознания к миру;

– дополнению набора медийных компетенций, необходимых для успешной законотворческой работы в современной высшей школе [5, с. 81].

Цель нашего исследования: выявить особенности реализации стратегии формирования правовой культуры современной молодежи в триаде – перформативность, интенциональность, медийность. Для этого обратимся к личности педагога, ответственного за становление правосознания, формирование правовой культуры студентов [6, с. 28].

Стремление выявить имеющиеся лакуны и «точки роста» позволит в результате проведения экспресс-экспертизы:

1) обобщить и систематизировать рефлексивные знания о состоянии отечественной системы правового образования;

2) сделать заключение о разворачивании отдельных аспектов обсуждения Конституции, правовых обычаев и т.д.;

3) выявить риски для присвоения культурных и правовых норм и образцов студентами [7, с. 17].

Обзор литературы

О значимости формирования культуры молодежи и подготовки современного педагога для работы в данном направлении свидетельствует интерес ученых, педагогов, юристов, социологов, психологов, обращающихся к исследованию феномена. Законотворчество и Гражданский кодекс являются предметом пристального изучения П.В. Крашенинникова, Е.В. Бадулиной, И.В. Овчаровой, Н.А. Абрамушкиной (2019); общие вопросы права плодотворно исследуют В.Е. Карнушин, Э.П. Гаврилов (2016), Н. Петрова, В. Якубенко (2007); различные проблемы психологии права интересуют А.А. Леонтьева (1999), Б.М. Теплова (1992); Л.С. Выготского (1987), С.А. Жинкина (2015), П.Н. Ермакова (2003); вопросы гражданского права изучают Б.М. Гонгало (2017), Л.Ю. Грудцына, А.А. Спектор (2008); многоаспектность подготовки педагогических кадров исследуют в своих публикациях ученые М.В. Богуславский (2008), Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов (1992); теоретические аспекты формирования культуры обучаемого рассматривают в своих научно-педагогических трудах Л.В. Образцова (2004), О.Д. Федотова (2007), А.Г. Бермус (2015), Л.В. Быкасова (2018); проблему формирования нравственности субъекта активно разрабатывали Е.В. Бондаревская (2002), Т.И. Власова (2009); к проблемам типологии экспертиз в области образования обращаются С.Л. Братченко

(1999), Н.С. Макарова (2012), Г.Н. Прозументова (2010); оценка личности обучаемого с точки зрения голографического модуса является зоной научных интересов В.А. Сластенина (2001), Г.Б. Корнетова (2020), А.В. Хуторского (2014), И.Ф. Исаева, Е.Н. Шиянова (2007), Н.М. Борытко, И.А. Соловцовой, А.М. Байбакова (2007) и др.

Материалы и методы

Исследование феномена будет происходить в соответствии со стратегией, рассматривающей формирование правовой культуры, правосознания, правового воспитания молодежи как культурную трансмиссию современного общества, которая способна обеспечивать:

– реализацию программы бакалавриата и магистратуры на междисциплинарной основе, что будет способствовать уважительному отношению к праву и проявляться в правомерном поведении студентов;

– применение медийных технологий в процессе обучения, обеспечивающих совокупность духовных и материальных ценностей, которые характеризуют всю правовую действительность субъекта;

– развитие интеллектуального и общекультурного уровня субъекта, способствующее выражению состояния права как социальной ценности;

– практико-ориентированную подготовку будущего выпускника, обладающего набором специализированных правовых знаний;

– развитие креативного мышления субъекта образования на основе широких правовых обобщений и теоретического отношения к праву и правовым явлениям;

– индивидуализацию образования субъекта (выбор траектории, скорость прохождения курса, форма обучения и др.);

– приобщение субъекта к правосознанию, законности, к более глубокому постижению полиментальности социума, к достижению синергетического эффекта [8, с. 419].

Актуальные вопросы обучения современных студентов – носителей правовой культуры рассмотрим в статье с позиции следующих принципов:

1. Стереотипизация и социальная инклюзивность (субъект принимает стереотипы правовой культуры в обществе и бесконфликтно входит в круг общения) [9, с. 26];
2. Активность субъекта (освоение существующих норм, правил, «духа» рекреации и т.д.) [10, с. 92];
3. Преемственность и последовательность (взаимосвязь чувственного и логического, рационального и иррационального, сознательного и бессознательного в поведении субъекта) [11, с. 72];
4. Интегративность (в искусственно создаваемой среде сосредоточиваются лучшие образцы в мотивах поведения субъекта, согласованных с правом или отрицающих его; осуществляется прагматический анализ правового текста; описываются категориальные свойства правового высказывания и т.д.) [12, с. 69];
5. Метапредметность (совокупность получаемых в искусственной среде правовых знаний в горизонтальной и вертикальной структурах: исполнительная сила высказываний законодателя в форме правовых предписаний, заявлений,

присяги, декларации, завещания, приказа; анализ правового текста; категориальные свойства правового высказывания, их модальность и т.д.) [13, с. 48].

Результаты исследования

Обратимся более детально к интерсубъективности модели развития правовой культуры молодежи, рассмотрев ее через феномены перформативности, интенциональности и медийности.

I. Известно, что перформативность определяется действенностью, эффективностью и директивностью, поэтому разворачивание правовой культуры студентов происходит с помощью иллокутивной функции, заключающейся в присвоении ими норм и образцов правового поведения, формировании уважения к закону и правопорядку, и перлокутивную функцию – установление правил, навязывание определенных поведенческих норм [14, с. 119]. Благодаря перформативности образования студентов обеспечивается реализация следующих процессов:

– коммуникация (например, вопрос обвинителя – ответ истца);
– репрезентация (правовые интенции);
– констатация (подтверждение – отрицание позиции);
– регуляция правовых норм (приказы, согласие, запрет и т.д.) [15, с.70];
– оперативность (обоснование, классификация, определение) [16, с. 37].

II. Интенциональность в феноменологии – это первичная смыслообразующая устремленность сознания к миру [17, с. 56].

Нас интересует интерпретация концепта «интенциональность» как одна из возможных интервенций в практике формирования правосознания, то есть направленность мышления на какой-либо предмет. Известно, что интенции субъекта осуществляются через его представления, эмоции, суждения [18, с. 87]. Для формирования правовой культуры молодежи важными интенциями, на наш взгляд, являются признание / непризнание; добро / зло; симпатия / антипатия, так как позволяют субъекту ориентироваться в окружающей правовой реальности, идентифицировать имеющиеся правовые явления, дифференцировать правосознание. Например, максимализм современной молодежи может выражаться в уважении к своей Отчизне, но в непонимании деятельности отдельных государственных структур, в признании или отрицании авторитета закона, в заинтересованности либо незаинтересованности граждан в правопорядке и т.п.

Уверены, что основными интенциями при формировании правовой культуры молодежи являются концепты «желание», «стремление», «решительность», «увлеченность», «воля», «терпение», «настойчивость», «интерес», «перспективность». Учитывая данные интенции, педагогический корпус может грамотно и логично выстраивать политику образования студентов в изменяющемся мире. Это, прежде всего, касается таких моментов, когда необходимо принимать во внимание перспективность – как разграничение форм правосознания субъектов: ракурс видения проблем, то есть интенции работника и работодателя, прокурора и адвоката, интенции обычного и маргинального правосознания. Задача педагога в русле формирования правовой культуры молодого поколения – трансформировать

правовую реальность через интенциональные акты, их глубину, обоснованность [19, с. 49].

III. Медийные ресурсы – это совокупность накопленных на носителях записей информационных продуктов средств массовой информации (СМИ) в целях их дальнейшего использования. В связи с растущей ролью сети Интернет закономерно появление в научном тезаурусе нового концепта «массмедийное право», так как эта область права также призвана формировать правовую культуру молодежи; оказывать юридическую помощь в предъявлении требований о возмещении ущерба и о прекращении противозаконных действий; заниматься исками по нарушению авторских прав: предупреждение (несанкционированное использование фотографий, видеороликов, аудиозаписи, совместное использование файлов) и т.д. [20, с. 359]. Так как все структуры массмедийного права имеют признаки, связанные с соответствующими институтами основных отраслей права (административное, гражданское, уголовное), то его можно рассматривать как еще одну интервенцию в правовом воспитании граждан для формирования у них правовой культуры [21, с. 80].

Для учащейся молодежи важно знать не только спектр современных медийных ресурсов, но и то, как эти ресурсы встроены в правовую систему нашего государства, а именно то, что массмедийное право:

1) посредством институциональных признаков имеет связи с рядом специальных отраслей права: налоговым, бюджетным и пр.;

2) имеет связь с рядом межотраслевых комплексных институтов:

а) правом интеллектуальной собственности;

б) рекламным правом и др. [22, с. 48].

Кроме того, формирование правовой культуры молодежи будет не полным без ознакомления с такой отраслью массмедийного права, как права прессы, права радио и телевидения, кинематографии, права информационных агентств. Все эти медийные аспекты современной жизни способствовали развитию новых образовательных треков в правовом становлении студентов:

– сетевая компетентность (способность личности существовать в цифровой среде);

– цифровая компетентность (ответственность субъекта за поведение в сети);

– сетевая грамотность (комплекс умений, связанных с использованием современных информационных компьютерных технологий; наука о сетях);

– сетевая культура (новый стиль управления, коучинг, самореализация личности) [23, с. 195].

Перед современным педагогом как архитектором трансмедийных продуктов стоят сложные задачи, направленные на формирование правовой культуры молодежи:

1. Предвосхищение влияния медиатекста на субъект образования [24, с. 245];
2. Создание современного трансмедийного продукта (развитие soft-компетенций) [25, с. 69];
3. Осуществление рефлексии медиакомпетенций. С помощью данных характеристик обеспечивается структурная диверсификация и модернизация

правового образования: образовательный форсайт, стратегический аудит программ, интеграция в образовании; обеспечивается правовая локация субъекта образования [26, с. 11].

Обсуждение и заключения

Для устойчивого развития общества и разворачивания практики современного образования формирование правовой культуры молодежи является важной государственной задачей, успешность реализации которой требует подготовки контингента преподавателей, способных разработать новые стандарты современного образовательного дизайна; оптимизировать жизнедеятельность и устойчивость экосистемы субъекта, что позволит увеличить приоритет российского образования посредством

– наращивания усилий по взаимодействию государства, общества, бизнеса, науки в целях разумного, гуманного, экономного использования человеческого капитала;

– проведения кастомизации программного материала;

– развития эмоционального интеллекта и когнитивной гибкости субъекта;

– усиления рецептивной способности субъекта;

– актуализации практико-ориентированного характера образования;

– расширения партнерских отношений и кооперации с другими социальными институтами**;**

– обогащения интеллектуального потенциала и т.д. [27, с. 3015].

При проведении исследования авторами использовались:

1) общенаучные методы (анализ основных положений правовой системы, синтез правовых концептов и пр.);
2) системный метод (научная классификация правовых элементов);
3) метод гуманитарной экспертизы (дискурсы присвоения субъектом образования норм правовой культуры);
4) экспресс-экспертиза (обобщение и систематизация рефлексивных знаний о состоянии правовой культуры студентов);
5) индуктивный подход (выработка оценки, позволяющей студентам действовать в практической ситуации в рамках правового поля).

Проведенная автором экспресс-экспертиза состояния правовой культуры молодежи в Российской Федерации позволила с определенной долей условности заключить следующее:

1) Правовая культура как совокупность телесно-духовно-душевных свойств личности включает спектр аксиологических, герменевтических, психологических, когнитивных ценностей, норм и принципов права, что позволяет обеспечивать не только существующий правопорядок, но и функционирование различных общественно-политических и государственных институтов;
2) Важными показателями присвоения молодежью правовой культуры общества является реализация следующих принципов: знание и понимание правовых норм, правовая информированность, выполнение нормативных предписаний, актов, законов;

3) В концепт «правовая культура» структурно входят субконструкты – культура правового мышления, культура правового общения, интеллектуальная культура, эмоционально-правовая культура, что обеспечивает надежную социолокацию субъекта: развитие навыков ориентации в условиях современной жизни, расширение правовой грамотности, уважительное отношение к своим правам и обязанностям;
4) Основными критериями оценки уровня сформированности правовой культуры молодежи мы считаем

– показатель ее готовности к социально полезному поведению;
– нетерпимость к правонарушениям;
– оценку степени фундаментальности правовых навыков и умений;
– готовность применять правовые знания на практике;
– потребность в дальнейшем правовом совершенствовании.

Резюмируя сказанное в статье, отметим, что в результате проведения экспресс-экспертизы по сформированности правовой культуры молодежи мы выяснили, что правовая культура – это поступательное, систематическое, планомерное, целенаправленное воздействие на правосознание, поведение, воспитание и образование субъекта в целях его гармоничного развития для неконфликтного существования в современном социуме.

Факторами, оказывающими влияние на формирование правовой культуры молодежи в стенах вуза, являются:

– интерсубъективность как свойство получения опыта субъектом о других субъектах, существующих в культурном и правовом поле;

– применение спектра методов правового воспитания (правовое просвещение, чтение правовых учебных курсов по различным специализациям; встречи студентов с работниками правоохранительных органов и др.);

– феномены «интенциональность», «перформативность», «медийность» как основа становления правовой культуры субъекта;

– воспитательная деятельность преподавателей, вырабатывающих у студентов стойкое чувство человеческого достоинства, гражданственности, ответственности за свое поведение;

– создание искусственной социальной среды, позволяющей предупредить правонарушения среди студентов.

Результатом успешного достижения высокого уровня правовой культуры молодежи является наличие у преподавателей права развитого научного, образовательного, дидактического потенциала в области регулирования общественных отношений, практического опыта правового характера, что позволяет влиять на выработку у обучающихся твердых социальных основ, востребованных в Российской Федерации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Законотворческая история современного Гражданского кодекса / сост.: П.В. Крашенинников, Е.В. Бадулина, И.В. Овчарова, Н.А. Абрамушкина; Исслед. центр частн. права им. С.С. Алексеева при Президенте РФ. – М.: Статут, 2019. – С. 29.

2. Stefan Machura, Thomas Love, Adam Dwight. Law students' trust in the courts and the police // International Journal of Law, Crime and Justice. – 2014. – № 7 (29). – Pp. 1021. (In Eng.). DOI: 10.1177/1477370818764835
3. Donohue Jane. Reflections on the Sociology of Law: Rejecting Law as "Socially Marginal" // International Journal of Law, Crime, and Justice. – 2009. – № 4(19). – Pp. 284. (In Eng.). DOI: 10.1080/21582041.2011.625626
4. Alper Uyumaza, Kemal Erdoğanb. The theory of legal clinic in education of law // INTE. – 2014. – Pp. 2116-2122. (In Eng.). – URL: https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.02.010
5. Петрова Н., Якубенко В. Медиа-право. – М. 2007. – 276 с.
6. Братченко С.Л. Введение в гуманитарную экспертизу образования: психологические аспекты. – М.: Смысл, 1999. – 137 с.
7. Богуславский М.В. Концепция развития высшего образования в России // Мир образования. – 2016. – № 5. – С. 17.
8. Wei Jianga, Yi Lub Huihua Xiec. Education and mental health: Evidence and mechanisms // Journal of Economic Behavior & Organization. – 2020. – Vol. 180, Dec. – Pp. 407-437. (In Eng.). https://doi.org/10.1016/j.jebo.2020.09.032
9. Гаврилов Э.П. Право интеллектуальной собственности: Учеб. пособ. – М.: Юстицинформ, 2016. – 144 с.
10. Гражданское право: Учебник. В 2 т. / Под ред. Б.М. Гонгало. – Т. 1. 2-е изд. перераб. и доп. – М.: Статут, 2017. – С. 92.
11. Баринова Н.А., Карунас Е.В. Проектирование индивидуальной образовательной программы как следствие реализации ФГОС // Казанский педагогический журнал. – 2015. – № 3(110). – С. 70-75.
12. Грудцына Л.Ю., Спектор А.А. Гражданское право России: Учебник. – М.: Юстицинформ, 2008. – С. 69.
13. Persak Nina. Beyond public punitiveness: The role of emotions in criminal law policy // International Journal of Law. – 2019. – Vol. 57. – Pp. 47-58. (In Eng.). – URL: https://doi.org/10.1016/j.ijlcj.2019.02.001
14. Kristen N. Sobbaa, Brenda F. Prochaska, Monica Bixby Radua, Whitney Matthews, Gassc Marc, D. Gliddend. College students' perceptions of cyberbullying on a nontraditional campus: An assessment of victims and witnesses // International Journal of Law, Crime and Justice. – 2019. – Vol. 57. – Pp. 116-125. (In Eng.). – URL: https://doi.org/10.1016/j.ijlcj.2019.03.006
15. S. Gregory, Ch. Reading, V.C. Reyes. Integrating ICT into teacher education programs from the perspective of TPACK: Studying the perception of university teachers // Computers & Education. – 2017. – № 20. – Pp. 69-78. (In Eng.). DOI: 10.1016/j.compedu.2017.07.009
16. Dan Jerome S. Barrera. Narrative criminal justice // International Journal of Law, Crime and Justice. – 2019. – Vol. 58, Sept. – Pp. 35-43. (In Eng.). – URL: https://doi.org/10.1016/j.ijlcj.2019.06.004
17. Жинкин С.А. Психологические проблемы эффективности права. – М.: ЛитРес, 2015. – 490 с.
18. Карнушин В.Е. Секундарные права в гражданском праве Российской Федерации: общие вопросы теории, секундарные права в Гражданском кодексе РФ / Под ред. В.П. Камышанского. – М.: Статут, 2016. – С. 87.
19. Корнилова Е.Н. Реформирование образования и науки в России как манипуляция массовым сознанием // Вестник Московского государственного университета. Сер. 18: Социология и политология. – 2020. – № 26(4). – С. 48-75.

20. Быкасова Л.В., Беляк Е.А., Подберезный В.В., Кревсун М.В. Цифровое образование как системная стратегия спасения нации // ARPHA Proceedings. – 2020. – № 3. – С. 355-368.
21. Лускова М., Худакова М. Подходы к оценке эффективности работы преподавателей для повышения качества образования в вузах // Вестник МГТУ им. Н.Э. Баумана. Сер.: Социальные и поведенческие науки. – 2013. – № 10. – С. 78-89.
22. Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и производство речевого высказывания. – М.: Наука, 2010. – С.47-61.
23. Макарова Н.С. Историко-педагогическая экспертиза – методологический ориентир исследований в области дидактики высшей школы // Человек и образование. – 2012. – № 2 (31). – С. 194-197.
24. Мардахаев Л.В. Предметно-гносеологические основы социальной педагогики // Педагогическое образование в России. – 2016. – № 12. – С. 244-249.
25. Krzysztof Szczucki. Ethical legitimacy of criminal law // International Journal of Law. Crime and Justice. – 2018. – Vol. 53. June. – Pp. 67-76. (In Eng.). – URL: https://doi.org/10.1016/j.ijlcj.2018.03.002
26. Осипова Н.Г. Роль классического университета в воспроизводстве элиты // Вестник Московского государственного университета. Сер. 18: Социология и политология. – 2017. – № 23(4). – С. 9-31.
27. Mohammad Mahdi Meghdadia Ahmad Erfani Nasabb. The role of legal clinics of law schools in human rights // Procedia-Social and Behavioral Sciences. – 2011. – Vol. 15. – Pp. 3014-3017. (In Eng.). – URL: https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2011.04.234

REFERENCES

1. Zakonotvorcheskaya istoriya sovremennogo Grazhdanskogo kodeksa [Legislative history of the modern Civil Code]. sost.: P.V. Krasheninnikov, E.V. Badulina, I.V. Ovcharova, N.A. Abramushkina; Issled. centr chastn. prava im. S.S. Alekseeva pri Prezidente RF. Research. The center is private. S.S. Alekseev Law under the President of the Russian Federation. Moscow: Statute, 2019. P. 29.
2. Stefan Machura, Thomas Love, Adam Dwight. Law students' trust in the courts and the police. International Journal of Law, Crime and Justice, 2014, No 7 (29). P. 1021. (In Eng.). DOI: 10.1177/1477370818764835
3. Donohue Jane. Reflections on the Sociology of Law: Rejecting Law as "Socially Marginal". International Journal of Law, Crime, and Justice, 2009, No 4(19). P. 284. (In Eng.). DOI: 10.1080/21582041.2011.625626
4. Alper Uyumaza, Kemal Erdoğanb. The theory of legal clinic in education of law. INTE 2014. Pp. 2116-2122. (In Eng.). https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.02.010
5. Petrova N., Yakubenko V. Media-pravo. [Media law]. M. 2007. 276 p.
6. Bratchenko S. L. Introduction to the humanitarian expertise of education: psychological aspects [Introduction to the humanitarian expertise of education: psychological aspects]. Moscow: Smysl, 1999. 137 p.
7. Boguslavsky M. V. The concept of development of higher education in Russia [The concept of higher education development in Russia]. Mir obrazovaniya = The world of education, 2016, No 5. P. 17.
8. Wei Jianga, Yi Lub Huihua Xiec. Education and mental health: Evidence and mechanisms. Journal of Economic Behavior & Organization. Volume 180, December 2020, Pp. 407-437. (In Eng.). https://doi.org/10.1016/j.jebo.2020.09.032

9. Gavrilov E.P. Pravo intellektual'noj sobstvennosti. [Intellectual Property Law]: Uchebnoe posobie Textbook. Moscow: Justicinform, 2016. 144 p.
10. Grazhdanskoe pravo [Civil law]: Uchebnik Textbook. In 2 vols. Edited by B. M. Gongalo. Vol. 1. 2nd ed. Reprint. M.: Statut, 2017. P. 92.
11. Barinova N. A., Karunas E. V. Proektirovanie individual'noj obrazovatel'noj programmy kak sledstvie realizacii FGOS [Projecting an individual educational program as a consequence of the implementation of the Federal State Educational Standard]. Kazanskij pedagogicheskij zhurnal = Kazan Pedagogical Journal, 2015, No 3 (110). Pp. 70-75.
12. Grudtsyna L. Yu., Spektor A. A. Grazhdanskoe pravo Rossii [Civil Law of Russia]. Uchebnik. M.: YUsticinform = Textbook. Moscow: Justicinform, 2008. P. 69.
13. Nina Persak Beyond public punitiveness: The role of emotions in criminal law policy. International Journal of Law, 2019, Vol. 57. Pp. 47-58. (In Eng.). https://doi.org/10.1016/j.ijlcj.2019.02.001
14. Kristen N. Sobbaa, Brenda F. Prochaska, Monica Bixby Radua, Whitney Matthews, Gassc Marc, D.Gliddend. College students' perceptions of cyberbullying on a non-traditional campus: An assessment of victims and witnesses. International Journal of Law, Crime and Justice, 2019, Vol. 57. Pp. 116-125. (In Eng.). https://doi.org/10.1016/j.ijlcj.2019.03.006
15. 15. S. Gregory, Ch. Reading, V.C. Reyes. Integraciya IKT v programmy pedagogicheskogo obrazovaniya s tochki zreniya TPACK: Izuchenie vospriyatiya universitetskih prepodavatelej [Integrating ICT into teacher education programs from the perspective of TPACK: Studying the perception of university teachers]. Komp'yutery i obrazovanie = Computers & Education, 2017, No 20. Pp. 69-78. (In Eng.). DOI: 10.1016/j.compedu.2017.07.009
16. Dan Jerome S.Barrera. Narrative criminal justice. International Journal of Law, Crime and Justice, Volume 58, September 201. Pp. 35-43. (In Eng.). https://doi.org/10.1016/j.ijlcj.2019.06.004
17. ZHinkin S.A. Psihologicheskie problemy effektivnosti prava [Psychological problems of the effectiveness of law]. M.: LitRes, 2015. 490 p.
18. Karnushin, V.E. Sekundarnye prava v grazhdanskom prave Rossijskoj Federacii: obshchie voprosy teorii, sekundarnye prava v Grazhdanskom kodekse RF [Secundary rights in the Civil law of the Russian Federation: general questions of theory, secundary rights in the Civil Code of the Russian Federation. Ed. by V.P. Kamyshansky]. Moscow: Statut, 2016. P. 87.
19. Kornilova E.N. Reformirovanie obrazovaniya i nauki v Rossii kak manipulyaciya massovym soznaniem. [The reform of education and science in Russia as a manipulation of mass consciousness]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya = Bulletin of the Moscow State University. Ser. 18. Sociology and Political Science, 2020, No 26(4). Pp. 48-75.
20. Bykasova L.V., Belyak E.A., Podbereznyj V.V., Krevsun M.V. Cifrovoe obrazovanie kak sistemnaya strategiya spaseniya nacii [Digital education as a systemic strategy to save the nation]. ARPHA Proceedings, 2020, No 3. Pp. 355-368. (In Eng.). DOI: 10.3897/ap.proceeding.e2961
21. Luskova M., Hudakova M. Podhody k ocenke effektivnosti raboty prepodavatelej dlya povysheniya kachestva obrazovaniya v vuzah [Approaches to assessing the effectiveness of teachers ' work to improve the quality of education in higher education institutions]. Vestnik MGTU im. N.E. Baumana. Social'nye i povedencheskie nauki = Bulletin of the Bauman Moscow State Technical University. Social and Behavioral Sciences, 2013, No 10. Pp. 78-89.

22. Leont'ev A.A. Psiholingvisticheskie edinicy i proizvodstvo rechevogo vyskazyvaniya [Psycholinguistic units and production of speech utterance]. M.: Nauka = Moscow: Nauka Publishing House, 2010. Pp.47-61.
23. Makarova N. S. Istoriko-pedagogicheskaya ekspertiza – metodologicheskij orientir issledovanij v oblasti didaktiki vysshej shkoly [Historical and pedagogical expertise-methodological reference point of research in the field of higher school didactics]. CHelovek i obrazovanie = Man and Education, 2012, No 2 (31). Pp. 194-197.
24. Mardahaev L.V. Predmetno-gnoseologicheskie osnovy social'noj pedagogiki [Subject-epistemological foundations of social pedagogy]. Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii = Teacher education in Russia, 2016, No 12. pp. 244-249.
25. Krzysztof Szczucki. Ethical legitimacy of criminal law. International Journal of Law. Crime and Justice, Vol. 53, June 2018. Pp. 67-76. (In Eng.). https://doi.org/10.1016/j.ijlcj.2018.03.002
26. Osipova N.G. Rol' klassicheskogo universiteta v vosproizvodstve elity [The role of the classical university in the reproduction of the elite]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Moscow State University. Series 18. Sociology and Political Science, 2017, No 23(4). Pp. 9-31.
27. Mohammad Mahdi Meghdadia Ahmad Erfani Nasabb. The role of legal clinics of law schools in human rights. Procedia-Social and Behavioral Sciences, 2011, Vol. 15. Pp. 3014-3017. (In Eng.). https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2011.04.234

Информация об авторе: Быкасова Лариса Владимировна, доктор педагогических наук, профессор кафедры общей педагогики,
Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал) «ФГБОУ ВО
«РГЭУ (РИНХ)»
ORCID ID 0000-0003-4866-1222
Researcher ID B-6913-2017
moeve-25-moeve@yandex.ru
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи

Information about the author:Bykasova Larisa Vladimirovna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of General Pedagogy, Taganrog Institute named after A. P. Chekhov (branch)
ORCID ID 0000-0003-4866-1222
Researcher ID B-6913-2017
moeve-25-moeve@yandex.ru
The author has read and approved the final manuscript

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 04.04.2021
Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 18.04.2021
Принята к публикации / Accepted for publication: 23.04.2021

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов./ The author declares no conflicts of interests

© Быкасова Л.В. 2021
© «ИСОМ». 2021

Общая педагогика, история педагогики и образования
General pedagogy, history of pedagogy and education

Научная статья

DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-2-236-243
УДК 373.2

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДЕТЕЙ В КЛАССАХ ПРЕДШКОЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ В УСЛОВИЯХ ДИСТАНЦИОННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

ДАБАЕВА Аюна
Совместная монголо-российская школа
г. Улан-Батор, Монголия
idamokrova@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается опыт организации образовательной деятельности в классах предшкольной подготовки Совместной монголо-российской школы в г. Улан-Баторе в условиях дистанционного образования. Проанализированы условия, учебно-методическое и дидактическое сопровождение учебно-воспитательного процесса, модели, методы и приемы, средства, способы взаимодействия детей с педагогами и детей между собой, способы и средства оценки качества освоения основной образовательной программы детьми 5–7 лет.
Особое внимание уделено исследованию проблем, снижающих эффективность дистанционного образования, формированию экстренного технологического кейса учителя, системному, независимому мониторингу образовательной деятельности.

Ключевые слова: кадровая политика, независимая экспертиза, образовательные платформы, методика синхронного дистанционного обучения, методика асинхронного дистанционного обучения, дистанционное обучение, образовательный проект

Для цитирования: Дабаева А. Особенности организации образовательной деятельности детей в классах предшкольной подготовки в условиях дистанционного образования. // *Историческая и социально-образовательная мысль.* 2021. Том. 13. № 2. с. 236-243
DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-2-236-243

Original article

FEATURES OF THE ORGANIZATION OF EDUCATIONAL ACTIVITIES OF CHILDREN IN PRESCHOOL CLASSES IN THE CONTEXT OF DISTANCE EDUCATION

Ayuna DABAEVA
Joint Mongolian-Russian School
Ulan Bator, Mongolia
idamokrova@yandex.ru

Abstract: The article examines the experience of organizing educational activities in preschool classes of a joint Mongolian-Russian school in Ulan Bator in the context of distance education. The conditions, educational, methodological and didactic support of the educational process, models, methods and techniques, means, ways of interaction of children with teachers and children with each other, ways and means of assessing the quality of mastering the main educational program by children of 5-7 years old are analyzed.
Particular attention is paid to the study of problems that reduce the effectiveness of distance education, the formation of an emergency technological case for a teacher, systemic, independent monitoring of educational activities.

Keywords: personnel policy, independent expertise, educational platforms, method of synchronous distance learning, method asynchronous distance learning, distance learning, educational project

For citation: Dabaeva A. Features of the organization of educational activities of children in preschool classes in the context of distance education *Historical and Social-Educational Idea.* 2021. Vol. 13. No.2. PP. 236-243. (In Russ.).
DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-2-236-243

Совместная монголо-российская школа (СМРШ) – государственное образовательное учреждение, объект сотрудничества в сфере образования Монголии и России – основана в 1992 г. по решению межправительственной комиссии Российской Федерации и Монголии. Среди русскоязычных школ это единственное учебное заведение с большим контингентом учащихся, в том числе детей дошкольного возраста.

СМРШ, трижды удостоенная высокого звания «Лучшая школа Монголии», дважды награжденная дипломом «Знак качества образования Российской Федерации», – успешная инновационная модель международного сотрудничества, реализующая важную и почетную миссию по распространению русского языка и культуры, укреплению престижа российского образования в Монголии.

В классах предшкольной подготовки более 600 детей получают образовательные услуги, а также услуги присмотра и ухода. Надо отметить, что это дети, абсолютно не знающие русского языка, которые только начинают открывать и познавать окружающий мир, осваивать знания и умения не на родном монгольском, а на иностранном языке.

Учебно-воспитательная работа ведется на русском языке по пяти образовательным областям, соответствующим требованиям федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования: речевое, познавательное, физическое, социально-личностное, художественно-эстетическое развитие и занятия, отражающие национально-культурный компонент. С детьми в классах предшкольной подготовки работают педагоги из разных регионов России.

2020 год стал переломным для системы образования во всем мире. Пандемия коронавируса показала мировому сообществу необходимость экстренного внедрения дистанционного обучения, которое на данный момент является одной из самых актуальных тем, обсуждаемых в ряду инноваций в системе образования. Условия самоизоляции изменили жизнь детей и взрослых. Дети оказались в ситуации необходимости освоения ими содержания основных образовательных программ без возможности непосредственного взаимодействия с педагогом. В связи с этим возникла необходимость выйти на новый формат взаимодействия всем участникам образовательных отношений. В сложившихся условиях деятельность педагога переформатируется, изменив основные формы работы с детьми и родителями на дистанционный режим.

Нужно отметить, что дистанционное обучение в Монголии не было развито не только в системе дошкольного образования, но и в школах, и в вузах. Дистанционное обучение стали рассматривать всерьез только после объявления карантина из-за COVID-19, но вынужденный переход на дистанционный формат выявил ряд проблем:

- отсутствие удобных образовательных онлайн-платформ без ограничений во времени для всех участников образовательных отношений;
- недостаточная скорость интернета и отсутствие необходимого интернет-обеспечения;
- неподготовленность родителей технически и организационно оснастить рабочие места детей, подготовить их к работе с учителем в удаленном формате;
- неподготовленность педагогов для работы в режиме онлайн, отсутствие у них определенного опыта, недостаточная информационно-коммуникационная компетенция;
- несбалансированность учебно-методического обеспечения образовательных программ, так как дистанционное обучение строится в соответствии с теми же целями, задачами, содержанием, что и очное обучение, но форма подачи материала, форма взаимодействия учителя и учащихся между собой изменились, поэтому пересмотр учебно-методического обеспечения, методов и подходов к образовательному процессу необходим;
- отсутствие независимой системы комплексного контроля, позволяющего выявить пробелы и своевременно скорректировать траектории дальнейшей работы;
- морально-психологическая неподготовленность учащихся для работы в виртуальной образовательной среде;
- гиподинамия у всех участников образовательных отношений, большая нагрузка на органы зрения и позвоночник;
- ну и самая главная трудность заключается в том, что, во-первых, у учащихся подготовительных классов отсутствуют навыки информационной грамотности, во-вторых, они не владеют элементарными навыками учебной деятельности, в-третьих, дети еще не знают основной язык обучения – русский. Поэтому сначала

необходимо обучить ребенка навыкам работы на компьютере в удаленном формате, чтобы потом формировать знания по предметам и учить язык.

С введением карантинного режима в январе 2020 г. наш коллектив приступил к активным поискам наиболее оптимальных форм организации дистанционного обучения, которые позволили бы нам обеспечить непрерывность и целостность учебно-воспитательной деятельности с детьми дошкольного возраста без потерь физического и психического здоровья.

Методом проб и ошибок педагоги, шагающие в ногу со временем, овладели необходимыми профессиональными компетенциями обучения детей в удаленном формате. Тем самым они приобрели свой собственный уникальный опыт в области реализации дистанционного образования с детьми 5–7 лет, для которых русский язык является неродным. Так как в последние 10 лет одним из приоритетных направлений деятельности школы было освоение и внедрение информационных технологий, то на момент начала карантинного режима мы были хорошо оснащены технически:

- в каждом кабинете у нас имелись персональный компьютер, графический планшет, принтер, сканер и другое оборудование для работы;
- высокоскоростной интернет, позволяющий увеличить трафик и использовать различные платформы;
- каждый учитель владел веерным инструментарием для реализации дистанционного обучения;
- в помощь педагогам, родителям и учащимся функционируют электронный журнал и электронный дневник, которые дают возможность разобраться в виртуальном пространстве школы.

Все эти условия позволили нам быстро сориентироваться и организовать образовательную деятельность в удаленном формате, не ограничиваясь только просмотром телеуроков, развивающими материалами и играми на различных сайтах.

Однако основная проблема заключалась в определении наиболее рациональных путей внедрения механизма перевода всех учащихся на дистанционное обучение, предоставляющее возможность охватить весь класс и учителя, не нарушая целостности урочной системы и не прерывая учебного процесса, так, чтобы продолжительность занятий и содержание остались прежними.

И такой механизм нашелся: с первых дней мы подключились к обучению на образовательных платформах ZOOM, «ЯКласс», «Инфоурок», «Российская электронная школа», «Московская электронная школа», активно использовали собственную систему видеоуроков и конференций через канал YouTube и через сайт школы Mon-russchool.mn, а также систему телеуроков по телевидению Монголии.

Были мобилизованы ресурсы учителей для разработки календарно- тематического планирования и проведения уроков в соответствии с расписанием, сформулирован и неоднократно проведен инструктаж по методологии электронного обучения. Наши педагоги пришли к выводу, что наибольшая эффективность при дистанционном обучении достигается при использовании смешанных методик синхронного и асинхронного обучения. Педагоги в работе учитывают психофизиологические особенности и возможности детей 5–7 лет; обеспечивают эмоциональное благополучие, выстраивают учебную деятельность таким образом, которая позволяет менять статическое положение у монитора на активную двигательную деятельность (физкультурные, ритмические разминки, физкультминутки), используют занимательные материалы, которые позволяют обеспечить

непроизвольность и концентрацию внимания, активно взаимодействовать, общаться, не терять интерес к занятиям и по возможности применять в реальной жизни освоенные знания и умения.

Предоставление детям возможности получить образование на дому, оказать педагогическую поддержку и консультативную помощь родителям – наша основная цель. Поэтому работа в дистанционном режиме требует высокой самоотдачи, внимательности, сил и времени, предполагает более тщательную подготовку к уроку с использованием разнообразных приемов организации деятельности учащихся. Для того, чтобы повысить мотивацию детей к учебной деятельности, выстроить эффективный образовательный процесс, обеспечить интересную и плодотворную самостоятельную деятельность детей и помочь родителям, не владеющим русским языком, педагогами классов предшкольной подготовки был разработан комплекс учебно-методического и дидактического сопровождения учебно-воспитательного процесса:

- ранее разработанные, изданные учебные пособия «Внеклассное чтение», «Мой первый словарь», «Прописи»;
- видеопрезентации по развитию речи по 12 основным лексическим темам;
- большие наглядные карты по всем темам для уроков развития речи, в которых последовательно, системно и целостно представлена каждая тема;
- видеопрезентации словарной работы на все буквы русского алфавита;
- видеопрезентации по стихотворениям А. Барто из цикла «Игрушки»;
- видеопрезентации по русским народным потешкам, скороговоркам и др.;
- наглядный материал (карточки) по всем предметам и др.

Переход на дистанционное обучение стал неожиданностью для всех педагогов, вызвал множество вопросов: как организовать дистанционный урок, какие выбрать ресурсы, сервисы, чтобы уроки были интересными и эффективными, при этом не уступали живым урокам. Поэтому большое внимание в нашей школе уделялось и уделяется развитию профессиональных компетенций и повышению квалификации педагогов, работающих с детьми дошкольного возраста. Мы проводим курсы повышения квалификации педагогов, семинары, круглые столы, фестивали, обучение в дистанционном формате, педагоги активно принимают участие в форумах, конференциях, защищают свои проекты, организуют мультимедийные уроки, мастер-классы, такие как:

- курсы повышения квалификации по темам «Педагогическая деятельность в условиях цифровой экономики», «Образовательные технологии формирования у обучающихся цифровой грамотности и навыков XXI века», «Технологии эффективной коммуникации и продуктивного взаимодействия», «Использование цифровых средств для развития творческого мышления школьников» по линии Московского городского педагогического университета;
- сетевая межрегиональная конференция «Эврика-Авангард»: обсуждение «Инициативы ФГОС 4.0» по линии Института проблем образовательной политики «Эврика»;
- профессиональные форумы по темам «Проектирование программ билингвального и полилингвального развития дошкольника» по линии Россотрудничества в Монголии и «Кадры для цифровой экономики» в рамках Федерального проекта Россотрудничества;
- участие в дискуссии «Азиатская модель трансформации образования: вызовы для России»;

- участие в проекте Правительства Российской Федерации «Экспорт образования» (на базе нашей школы создан и успешно функционирует Ресурсный центр по различным образовательным направлениям).

Участие в этих мероприятиях позволяет педагогам повышать свое профессиональное мастерство и, как следствие, реализовывать дистанционное обучение на высоком профессиональном уровне.

Технологии дистанционного обучения предъявляют ряд требований и предоставляют особые возможности для системного и независимого контроля, который в нашей школе представлен достаточно широко: качество проведенных педагогами уроков, консультаций, дополнительных занятий; усвоение учащимися программного материала в формате административных контрольных работ с использованием технологий off-line и on-line; посещение онлайн-уроков учащимися, которое ежедневно фиксируется в специальных журналах; качество проверки домашней работы; рассылки уведомлений родителям в случае невыполнения или некачественного выполнения заданий или пропуска урока их ребенком; систему информирования родителей и ведение электронного дневника; ежедневные и еженедельные отчеты педагогов о проделанной работе; чек-листы с выполненными план-заданиями.

Большое значение в системе контроля занимает независимое социологическое исследование, которое у нас проводится дважды в год в форме электронного опроса родителей на платформе школьного сайта. Итоги опроса обрабатывает автоматизированная программа, что исключает внешнее влияние и является гарантией объективности. Это очень значимый критерий, показывающий степень удовлетворенности родителей, характеризующий качество образовательных услуг и выявляющий возможности для самосовершенствования.

Так, прошлой весной независимая экспертиза родителей оценила качество проделанной работы с февраля по май по дистанционному обучению. Родителям было предложено 10 вопросов, охватывающих основные аспекты дистанционного обучения. Например, на вопрос «Оцените деятельность школы по предоставлению образовательных услуг в формате дистанционного обучения» 95,72% родителей дали оценки «отлично», «хорошо», «удовлетворительно»; на вопрос «Насколько активно Ваш ребенок привлекался к обучению в дистанционном формате?» 95,2% родителей дали ответы «очень активно», «активно».

Таким образом, независимый опрос выявил, что большинство родителей высоко оценили деятельность школы в условиях работы в дистанционном режиме, а входной контроль показал осенью хорошие результаты успеваемости детей.

В целом родители активно участвуют в образовательной деятельности, присутствуют на уроках вместе с детьми, педагог на каждом уроке имеет возможность обратиться к ним с советами, рекомендациями, выполнить пожелания родителей.

Подводя итоги работы руководителей и педагогов Совместной монголо-российской школы в г. Улан-Баторе, необходимо отметить, что успешный опыт организации дистанционного образования в классах предшкольной подготовки был обеспечен созданием определенных учебно-организационных условий учебно-методического и дидактического сопровождения учебно-воспитательного процесса с использованием методов и приемов, средств, способов взаимодействия детей с педагогами. Формат дистанционного обучения с детьми в классах предшкольной подготовки позволил обеспечить непрерывность учебно-воспитательного процесса и целостность освоения образовательных программ.

Учебный процесс не прервался, образовательные программы освоены детьми, отставаний нет.

Безусловно, школа, достойно принимая вызовы времени, будет продолжать свою работу в соответствии с основными векторами развития российско-монгольского образования и с учетом особенностей в решении проблем обеспечения свободного доступа к электронным платформам, организации индивидуального рабочего места учащегося дома, обеспечения безопасности учащихся в интернете, отсутствия полноценного общения детей друг с другом, трудностей в полной мере осуществлять воспитательную работу и др.

По оценке Министерства образования и науки Монголии, достижения Совместной монголо-российской школы в реализации дистанционного обучения за 2019–2020 год признаны лучшими. Считаем, что наш опыт в организации дистанционного обучения будет полезным для многих образовательных организаций.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Акимова О.Б. Цифровая трансформация образования: своевременность учебно-познавательной самостоятельности обучающихся / О.Б. Акимова, М.Д. Щербин // Инновационные проекты и программы в образовании. – 2018. – № 1. – С. 27-34.
2. Гаврилова Л.Г. Цифровая культура, цифровая грамотность, цифровая компетентность как феномены современного образования / Л.Г. Гаврилова, Я.В. Топольник // Информационные технологии и средства обучения. – 2017. – Т. 61. – № 5. – С. 1-14.
3. Ручко Л.С. Единая цифровая платформа внеурочной и внешкольной деятельности детей как оптимизационный механизм современного образования // Цифровая трансформация современного образования: Мат-лы Всерос. науч. конф. с междунар. участием (Чебоксары, 12 нояб. 2020 г.) / редкол.: Е.А. Мочалова [и др.] – Чебоксары: Среда, 2020. – С. 93-95.
4. Самохина М.А. Цифровая трансформация образования как новая возможность развития традиционного образования // Инновационные проекты и программы в психологии, педагогике и образовании: Сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. – Уфа, 2020. – С. 102-108.
5. Сефербекова Г.Ш. Особенности развития дистанционного обучения / Г.Ш. Сефербекова, Э.М. Каримулаева // Педагогика, психология, общество: перспективы развития: Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Чебоксары, 3 июня 2020 г.) / редкол.: Ж.В. Мурзина [и др.] – Чебоксары: Среда, 2020. – С. 24-26. – ISBN 978-5-907313-40-8.
6. Трудности и перспективы цифровой трансформации образования / под ред. Я.И. Кузьминова, И.Д. Фрумина; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования, 2019. – 339 с.
7. Турсунова Н.Т. Возможности цифрового образования // Вопросы науки и образования. – 2020. – № 21 (105) [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnosti-tsifrovogo-obrazovaniya
8. Уваров А.Ю. Образование в мире цифровых технологий: на пути к цифровой трансформации – М.: Изд.дом ГУ-ВШЭ, 2018. – 168 с.
9. Щадная М.А. Дистанционное обучение в современной реальности // Педагогические науки [Электронный ресурс]. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/distantsionnoe-obuchenie-v-sovremennoy-realnosti/viewer

10. Никуличева Н.В. Внедрение дистанционного обучения в учебный процесс образовательной организации: Практ. пособие / Н.В. Никуличева. – М.: Федеральный институт развития образования, 2016. – 72 с.
11. Федина Н.В. Социологический анализ готовности участников образовательной деятельности к реализации дистанционных образовательных технологий в дошкольном образовании / Н.В. Федина, И.В. Бурмыкина, Л.М. Звезда, О.С. Пикалова, Д.М. Скуднев, И.В. Воронин // Гуманитарные исследования в Центральной России. – М.: Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-ТянШанского, 2017. – № 3(4). – С. 94-111.
12. Федина Н. Практика реализации дистанционных образовательных технологий в дошкольном образовании РФ / Н. Федина, И. Бурмыкина, Л. Звезда, О. Пикалова, Д. Скуднев, И. Воронин // Дошкольное воспитание. – М.: Воспитание дошкольника, 2017. – № 10. – С. 3-14.
13. Рекомендации Минпросвещения России по организации обучения на дому с использованием дистанционных технологий [Интернет-ресурс]. – URL:: https://edu.gov.ru/.

Информация об авторе: Дабаева Аюна**,** заместитель директора по УВР Совместной монголо-российской школы,
г. Улан-Батор, Монголия
idamokrova@yandex.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи

Information about the author: Ayuna Dabaeva, Deputy Director, Joint Mongolian-Russian School
Ulan Bator, Mongolia
idamokrova@yandex.ru

The author has read and approved the final manuscript

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 21.02.2021
Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 19.04.2021
Принята к публикации / Accepted for publication: 25.04.2021

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов./ The author declares no conflicts of interests

© Дабаева Аюна. 2021
© «ИСОМ». 2021

Общая педагогика, история педагогики и образования
General pedagogy, history of pedagogy and education

Научная статья

DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-2-244-264
УДК: 378.14

ПРОБЛЕМА «КЛИПОВОГО МЫШЛЕНИЯ» В КОНТЕКСТЕ ВЫБОРА МЕТОДИК ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

ДОРОФЕЕВА Марина Александровна
Дальневосточный федеральный университет
г. Владивосток, Россия
orhids7@yandex.ru

В статье исследуется проблема наличия клипового мышления у социальной группы молодежи – студенчества.
Новизна исследования заключается в постановке вопроса о необходимости междисциплинарного исследования клипового мышления как биологического, социального и гуманитарного явления, причем первенство при определении сущности данного явления должно быть отдано когнитивным наукам.
Анализ результатов методических инноваций современных исследователей выявляет очарование клиповым мышлением как новым когнитивным стилем и наличие императивных рекомендаций о трансформации формата образовательных технологий в сторону его приспособления к этому массовому явлению. Автор статьи подвергает сомнению тезис о необходимости перехода в высшей школе на методики обучения, учитывающие особенности клипового мышления.
Методологической основой для исследования стали: концепция теории поколений Н. Хоува и У. Штрауса, концепция понятийного мышления Л.С. Выготского, концепция когнитивных стилей М.А. Холодной, концепция клипового мышления К.Г. Фрумкина.
Результаты исследования (на примере обучающихся Юридической школы ДВФУ) показывают, что априори распространять на российское студенчество модель клипового мышления как ведущую базовую поколенческую характеристику ошибочно. Студенты являются дифференцированным сообществом, в котором наблюдается разнообразие когнитивных стилей у индивидов, включая широкое распространение самого продуктивного из них – понятийно-логического.
В связи с этим автор приходит к выводу, что образовательные технологии в высшей школе должны сочетать в себе методики, аккумулирующие способы отражения действительности в визуально-образном и словесно-логическом выражении, создавать образовательное пространство, в котором демонстрировать способы перевода клипового мышления в понятийное и обучать такой перефокусировке, при этом необходимо научить студентов пользоваться обоими когнитивными стилями и эффективно переключаться между ними в зависимости от типа когнитивных задач, связанных с работой с информацией.

Ключевые слова: поколение Z, клиповое мышление, понятийное мышление, психология мышления, когнитивный стиль, когнитивная наука, юридическое образование, soft skills, функциональная неграмотность, академическое мошенничество, плагиат, педагогика высшей школы

Для цитирования:. Дорофеева М.А. Проблема «клипового мышления» в контексте выбора методик обучения студентов высших учебных заведений. // *Историческая и социально-образовательная мысль.* 2021. Том. 13. № 2. с. 244-264
DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-2-244-264

Original article

THE PROBLEM OF "CLIP THINKING" IN THE CONTEXT OF THE CHOICE OF TEACHING METHODS FOR STUDENTS OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS

Marina A. DOROFEEVA
Far Eastern Federal University
Vladivostok, Russian Federation
orhids7@yandex.ru

The article examines the problem of the presence of clip thinking in a social group of young people-students.
The novelty of the research lies in the question of the need for an interdisciplinary study of clip thinking as a biological, social and humanitarian phenomenon, and the priority in determining the essence of this phenomenon should be given to the cognitive sciences.
The analysis of the results of methodological innovations of modern researchers reveals the charm of clip thinking as a new cognitive style and the presence of imperative recommendations on the transformation of the format of educational technologies in the direction of its adaptation to this mass phenomenon. The author of the article questions the thesis about the need to switch to teaching methods in higher education that take into account the peculiarities of clip thinking.
The methodological basis for the study was: the concept of the theory of generations by N. Howe and W. Strauss, the concept of conceptual thinking by L.S. Vygotsky, the concept of cognitive styles by M.A. Kholodnaya, the concept of clip thinking by K.G. Frumkin.
The results of the study (on the example of students of the FEFU Law School) show that it is wrong to apply the clip thinking model as the leading basic generational characteristic to Russian students a priori. Students are a differentiated community in which there is a variety of cognitive styles in individuals, including a wide distribution of the most productive of them – the conceptual-logical.
In this regard, the author comes to the conclusion that educational technologies in higher education should combine methods that accumulate ways of reflecting reality in visual-figurative and verbal-logical expression, create an educational space in which to demonstrate ways of translating clip thinking into conceptual thinking and teach such refocusing, while it is necessary to teach students to use both cognitive styles and effectively switch between them, depending on the type of cognitive tasks associated with working with information.

Keywords: generation Z, clip thinking, conceptual thinking, psychology of thinking, cognitive style, cognitive science, legal education, soft skills, functional illiteracy, academic fraud, plagiarism, higher school pedagogy

For citation: Dorofeeva M.A. The problem of "clip thinking" in the context of the choice of teaching methods for students of higher educational institutions. *Historical and Social-Educational Idea.* 2021. Vol. 13. No.2. PP. 244-264. (In Russ.).
DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-2-244-264

В современном мире происходят значительные трансформационные процессы. Мы вошли в новую стадию развития человеческой цивилизации, которая получила разные названия – «постиндустриальное общество», «информационное общество», «эпоха четвертой промышленной революции» и т.д. В данном обществе происходят в том числе и массовые изменения когнитивного стиля. Еще с 60–70-х гг. прошлого века представители социальных и гуманитарных наук (А. Моль, Э. Тоффлер, М. Маклюэн и др.) обозначили появление нового типа когнитивного стиля – клипового мышления – как принципиально массового явления.

Нынешнее распространение клипового мышления связано с тем, что в эпоху информационного общества у общественных институтов (школа, высшее образование) потеряна монополия на формирование у индивида системы познания. Теперь они конкурируют с бесконечным множеством открытых и доступных источников информации. Дозированная раньше информация, превращавшаяся в знание под наставничеством специально подготовленных людей, сегодня широким потоком обрушивается на любого из нас. И в данном потоке клиповое мышление становится основной формой восприятия. Мало того, в науке ставится вопрос о возникновении очередного нового социального феномена – «виртуального мышления», «сетевого мышления», которое уже ассоциируется с клиповым или даже включает его как одну из характеристик [1, с. 42-47], [2, с. 2627].

В соответствии с концепцией Л.С. Выготского, мышление традиционно определяют как обобщенное опосредованное познание объективной реальности, дающее знание о существенных свойствах, связях и отношениях объективной реальности и осуществляющее в процессе познания переход «от явления к сущности» [3, с. 107-171]. Мышление как функция человеческого мозга представляет собой естественный процесс. Однако оно не существует вне общества, вне языка, вне накопленных человечеством знаний и выработанных им способов мыслительной деятельности [4, с. 138]. Поэтому в обществе у индивидов наблюдаются разные типы когнитивных стилей, под которыми С.Ю. Нарциссова и В.П. Сиротин понимают относительно-устойчивые индивидуально-своеобразные способы переработки информации об актуальной ситуации – ее получения, хранения и использования [5, с. 21].

В целом при анализе клипового мышления обычно выделяются свойства, характеризующие два противопоставляемых друг другу когнитивных стиля – клиповое и понятийное мышление. На основании исследований ряда ученых (А.Г. Егоровой, А.Н. Алехина, А.А. Грековой, Т.Н. Горобец, В. В. Ковалева, О.А. Старицыной, Т.В. Семеновских, А.В. Микляевой, С.А. Безгодовой) нами составлена совокупная таблица с характеристиками клипового и понятийного мышления [2, с. 2627], [4, с. 137-140, 146-148], [6, с. 99], [7, с. 272], [8], [9, с. 25-27].

Таблица 1 Критерии клипового и понятийного мышления
Table 1 Criteria for clique and conceptual thinking

Тип когнитивно-перцептивной деятельности	**Характеристики типа когнитивно-перцептивной деятельности**
Клиповое мышление	Высокая скорость «восприятия» информации. Восприятие мира как оперативное поверхностное восприятие массы разрозненных фрагментов информации (через короткие яркие образы и сообщения). Конкретность, дискретность (отсутствие целостности, отсутствие потребности в содержательной объяснительной причинности) восприятия. Ценность информации определяется по кодам, ключевым словам, а не по содержанию. Усиление и выборочность нейропластичности мозга. Умение быстро переключаться на новый, незнакомый раздражитель. Неумение концентрироваться на одной задаче в конкретном отрезке времени. Способность одновременно выполнять несколько операций, решать задачи различных модальностей (слушать, смотреть, писать, осуществлять моторную активность). Способность формулировать обозначение и пояснение воспринятого на основе поверхностного изучения объекта или явления. Трансформация навыка обработки и анализа информации, что выражается в широком обобщении и выработке категорий, не связанных с культурно-историческим назначением предметов или явлений. Лабильность [10] как нарушение динамики мышления через чередование адекватных и неадекватных решений, причем выполнение задания не вызывает определенной стратегии мышления и характеризуется импульсивным выполнением
Понятийное (словесно-логическое) мышление	Длительное сосредоточение внимания на одном объекте. Умение вербализовать воспринятую информацию (проверяются четкость и адекватность изложения мысли, отношение и оценка воспринятого) – проверяются понятийное мышление и логика изложения. Способность к длительному восприятию однотипной информации внутри одного тематического поля. Высокий уровень анализа и синтеза воспринятой информации и осознания изучаемого материала. Высокая способность к формированию понятий, суждений, умозаключений. Умение на основе анализа и синтеза делать выводы, принимать решения и ставить цели, отслеживать причинно-следственные связи. При решении познавательных задач способность применять типовые и/или разные устойчивые стратегии мышления или их комбинации Способность к рефлексии как анализу своего познавательного опыта

Клиповое мышление за полвека его обсуждения обросло новыми сущностями, характеристиками, смыслами. Однако целостную психологическую, нейрофизиологическую концепцию клипового мышления сегодня еще не создали. И в этой связи можно говорить о том, что в науке клиповое мышление выступает больше философским, социальным, педагогическим, нежели психическим явлением.

Хорошо отражает реальную ситуацию с осмыслением основы клипового мышления одно из его определений. «Клиповое мышление – это процесс отражения множества разнообразных свойств объектов, без учета связей между ними, характеризующийся фрагментарностью информационного потока, алогичностью, полной разнородностью поступающей информации, высокой скоростью переключения между частями, фрагментами информации, отсутствием целостной картины восприятия окружающего мира» [8, с. 5]. В этом определении, как и во многих других, представлены характеристики последствий процесса отражения, однако отсутствует указание на механизм организации такого способа отражения действительности. Таким образом, в целом сформулированы причины, характеристики, последствия распространения в человеческой популяции клипового мышления как социального, философского, педагогического явления.

В то же время специалисты уже ставят вопрос о нейрофизиологических и психических свойствах клипового мышления. Отмечается, что данный феномен еще не получил надлежащей психологической и психофизиологической интерпретации. И исходя из этого возникает интересная картина. Парадокс в том, что психологи начинают говорить о «клиповом» отражении мира как «докогнитивном» феномене высшей нервной деятельности, поскольку это не «мышление» и не «сознание». «В результате остается совершенно неясным, к какому высшему психическому процессу (или функции) относится данное явление: вниманию, восприятию, мышлению, памяти, сознанию, или это некая интегративная функция кратковременной памяти, которая затем стирается или диффузно, без осмысления и понимания, уходит в подкорковые структуры», – делают заключение Т.Н. Горобец и В.В. Ковалев [6, с. 95].

А.Г. Егорова отмечает еще одну нейрофизиологическую особенность психических процессов при клиповом мышлении: происходит перекос в сторону большей нейропластичности и многозадачности, что означает развитие одного из участков мозга. Но одновременно это приводит к ослаблению функционирования остальных его участков, в частности возникают проблемы с долгосрочной памятью [2, с. 2628].

Клинические психологи констатируют, что изменения когнитивных процессов вследствие изменения социокультурного контекста остаются также неизученными. Результаты экспериментов А.Н. Алехина и А.А. Грековой свидетельствуют, что у здоровых молодых людей наблюдаются «патологические» (в рамках метрик XX в.), «псевдопсихопатологические» изменения психической деятельности. Однако для современного состояния эти изменения становятся нормой, так как «имеют психологически понятный генез» и свидетельствуют об эволюции мышления в целом [4, с. 140]. Ставится вопрос об эмпирических исследованиях, которые определят новые, современные, физиологические нормы, новые критерии патологии мышления у современной молодежи, углубят представления о закономерностях развития высших психических функций в онтогенезе в современных культурно-исторических условиях.

В этой связи у автора возникает вопрос: если преподаватели высшей школы как представители обучающих профессий будут педагогически ориентироваться на клиповое «мышление» как воспроизводство формы кратковременной памяти, то не будет ли данная установка девальвировать саму идею профессионального обучения в принципе? И получается, что клиповое мышление – это (как один из вариантов трактовки) докогнитивное свойство психики. И тогда мы попадаем в педагогическую ловушку: потворствуя удобству восприятия информации через «клиповое мышление», мы тем самым фиксируем студента в вышеупомянутом докогнитивном состоянии.

Анализ педагогических рекомендаций во множестве статей, посвященных образовательному процессу в высшей школе, позволяет обнаружить следующее. Ряд ученых (например, И.А. Гриценко, О.А. Старицына) демонстрируют, по нашему мнению, некое очарование новым социально-педагогическим феноменом, при этом признавая те его характеристики, которые ограничивают познавательную деятельность студентов. Для таких работ характерны призывы внедрять методики обучения, учитывающие особенности студентов с клиповым мышлением, облегчая, а на наш взгляд, поощряя, интеллектуальную лень. Причем рекомендации в таких работах носят директивный характер. Например, «необходимым представляется внедрение учебных пособий, выполненных с поправкой на тип восприятия современных читателей. В качестве примера можно привести … интеллектуальный комикс» [11, с. 73-74]. Или: «Важно не бороться с клиповым мышлением, а **приспосабливать** [все выделения далее по тексту – *М.А. Дорофеева*] учебный процесс к нему» [7, с. 272]. При этом разумно говорится про важность понимания особенностей клипового способа мышления, предлагается в качестве главной задачи управление вниманием учащихся, что позволяет управлять и процессом обучения. Но далее автор «преследует цель **донести до преподавателей** как средней, так и высшей школы мысль о том, что появление клипового мышления вполне закономерно и что **бессмысленно навязывать современным молодым людям старые методы обучения**. Гораздо продуктивнее было бы использовать те образовательные технологии, которые бы наиболее оптимально учитывали особенности клипового мышления» [7, с. 270]. Однако ниже, в последующих рассуждениях, возникает противоречие, связанное как раз, на наш взгляд, с продуктивностью обучающего процесса в принципе: через технологии мы доносим до молодежи «нужные знания, которые помогли бы им в дальнейшем реализоваться и в жизни, и в профессии». «Клиповое же мышление представляет собой поверхностное, фрагментарное, мозаичное, дискретное знание» [7, с. 271]. Таким образом, рекомендуя не навязывать «старые методы» обучения, предназначенные для формирования словесно-логического, понятийного когнитивного стиля, коллега попадает в ловушку когнитивного искажения, признавая факт неспособности клипового мышления помочь в усвоении необходимой информации в целях ее дальнейшего использования.

Часто заявляется тезис о том, что методы обучения, созданные для людей с понятийным мышлением, бессмысленны для учеников и студентов с клиповым мышлением. И, признавая слабость современных абитуриентов в решении задач, связанных с оперированием письменной информацией, отсутствием у них навыков качественного прочтения текстов и их интерпретации, а также устной и письменной репрезентации прочитанного, исследователи проблемы (например, О.А. Царевская, Н.В. Юдалевич), рекомендуют использовать методы, приспосабливающие информацию к удобному восприятию [12, с. 100]. На наш взгляд, это при-

ведет к потворству интеллектуальной лени и тем самым, фиксации студентов в таком удручающем когнитивном состоянии.

Завершить обзор данной педагогической позиции можно очередным императивом. С.Ю. Папанова пишет: «Современному преподавателю целесообразно видоизменять формат изложения и предоставлять информацию в таком виде, который будет **максимально удобен для восприятия** и быстрого усвоения студентами с "клиповым мышлением". **Наиболее эффективным средством запоминания** лекционной информации является ее структурирование в виде клипов с применением современных мультимедийных технологий. Приоритетным направлением может стать создание ярких, четких и наглядных презентаций с понятными, образными и запоминающимися формулировками, а также создание узкотематических видеороликов с наглядными примерами и экспериментами» [13, с. 158].

В рамках данной позиции, на наш взгляд, демонстрируется безоценочный взгляд на индивидуальные интеллектуальные возможности человека, когда клиповое мышление воспринимается как неизбежная альтернатива прочим когнитивным стилям. Однако современная когнитивная наука проблематизирует данный подход через запрос: если когнитивные стили являются способами переработки информации, то могут ли такие индивидуальные различия быть нейтральными по отношению к эффективности интеллектуального функционирования и общего уровня психического развития личности? [14, с. 64] Учитывая все вышесказанное, вызывает сомнение способность людей с клиповым мышлением через способы, фиксирующие студента в докогнитивном состоянии, запомнить «структурированную» в виде мозаичной картины информацию, встроить в контекст будущей профессиональной деятельности и, главное, применить ее затем на практике.

Особенно разрушительным, на наш взгляд, данная педагогическая установка является для обучения студентов образовательных программ юридических направлений подготовки / специальностей. Юридическая профессия сегодня в связи с вызовами четвертой промышленной революции попадает в категорию «избыточных» (Redundant) [15]. Наиболее конкурентноспособными будут профессионалы (включая будущих юристов) с такими навыками как:

креативность, оригинальность и инициативность;

критическое мышление, анализ, в том числе детализированный;

комплексное решение проблем;

генерирование идей;

умение убеждать, общаться, коммуницировать, вести переговоры;

гибкость, эмоциональный интеллект;

лидерство и способность оказывать социальное влияние.

Также работодателю будут важны умения быстро обучаться и планировать свою образовательную стратегию [15].

Данные качества невозможно сформировать в поощрении и взращивании клипового мышления. Совокупность критического, креативного и проектного мышления, co-creation как способность создавать нужный людям продукт через умения работать в команде, договориться в любой ситуации, способности к выстраиванию мультикультурных коммуникаций, лидерство как компетентность принимать решения и объединять людей – это качества сотрудников, востребованных в информационном обществе. И фундаментом их возникновения является только совокупное, гармоничное развитие у индивида визуально-образного, сло-

весно-логического и прочих способов восприятия окружающего мира. Рабочие места в экономике общества четвертой промышленной революции, неважно в какой сфере они находятся, будут требовать от людей, по мнению А.А. Шлихтера, «выполнения нестандартных, когнитивных задач» [16, с. 62].

В итоге, фиксируя у будущих специалистов визуально-образный когнитивный стиль, оставляя их в зоне комфортного восприятия информации, высшая школа позволяет студенту в силу сложившегося когнитивного стиля воспроизводить удобные ему практики. В результате молодые люди оказываются неспособными к самостоятельному мышлению, ответственному принятию решений, креативности, системному анализу. Вуз в таком случае будет выпускать на рынок труда людей, пополняющих ряды социальной группы, которую сегодня философы, футурологи, социологи, экономисты называют «лишние люди XXI века». У таких людей снижена глубина понимания информации, способность концентрироваться на конкретном объекте, налицо деградация способности к обдумыванию, воображению, критическому мышлению и индуктивному анализу. Оперативность и адаптивность мышления не могут восполнить его глубины, аналитических способностей, человечности [2, с. 2628]. В отношении их будущего рождаются идеи о введении «права на праздность», базового безусловного дохода и т.д. [17, с. 317], [18].

Последствия поощрения такого когнитивного стиля можно наблюдать уже сейчас, причем в академической среде. В высшей школе, включая мировые университеты, наблюдается массовое нарушение академической честности. Получается замкнутый круг, когда при клиповом мышлении самостоятельно сложно выстраивать логику научного исследования, следовательно, студентам не остается ничего другого, кроме как использовать чужой материал. Одновременно клиповое мышление провоцирует у них интеллектуальную лень, «остается только сделать коллаж из работ предыдущих поколений». По образному выражению Т.В. Семеновских, «оригинальность информации, представленной в глобальной сети Интернет, нивелируется под грандиозной лавиной данных и скорости ее обмена, а в работы учащихся попадает "пюре" из информации, выданной поисковым запросом» [19, с. 5].

Этот тезис подтвержден исследованиями, проведенными в зарубежных развитых странах. Так, в США в 2006, 2009, 2010 гг. были проведены масштабные исследования академического мошенничества. Результаты показывают, что 40,0% студентов (из 14 тыс. опрошенных) копируют минимум несколько предложений из Интернета при выполнении письменных заданий. Причем с начала века снизилось число тех, кто считает, что копирование из Интернета является «серьезным мошенничеством» – с 34% до 29% (2010 г.). Отмечается настоящая эпидемия плагиата в американских колледжах: более 75% студентов признаются, что прибегают к обману в процессе обучения; 68% признают копирование материалов из Интернета и использование их в своих работах без должной ссылки на первоисточник [19, с. 3, 5]. Оказалось, что 80% студентов колледжей признаются, что хотя бы раз в жизни списывали. 36% студентов отмечают, что они списывают регулярно, 90% учащихся уверены, что их плагиат никогда и никем не будет обнаружен. Две трети студентов (74%) признаются, что они достаточно регулярно списывали, и 47% американских студентов уверены, что преподавателям лучше не замечать факты плагиата в их работах [20].

Такая же ситуация наблюдается в британских и австралийских университетах. В 2018 г. опросы преподавателей университетов показывают, что до 70% ре-

спондентов подозревали хотя бы одного из студентов в академическом мошенничестве (essay mills), а 63% заявили, что хотя бы один их студент был уличен в подобном поведении обоснованно. В целом было обнаружено, что каждый седьмой выпускник вуза, скорее всего, использовал услуги essay mills [21].

Показатели в российских вузах сопоставимы с зарубежными. Согласно данным Мониторинга экономики образования в 2014 г., около пятой части студентов признавались в обращении к плагиату (использованию фрагментов чужих текстов без корректного цитирования), скачивании работ (рефератов, эссе, курсовых), использовании шпаргалок на экзамене. По результатам другого исследования, проведенного среди студентов экономических и менеджериальных направлений подготовки в восьми университетах России, каждый шестой студент считал, что большинство экзаменов и зачетов в его университете можно сдать с помощью списывания, более трети были убеждены в том, что многие их одногруппники скачивают работы из Интернета [22, с. 102]. Выборочные опросы в отдельных российских вузах показывают усугубление тенденции. Так, в 2019 г. более 90% всех опрошенных студентов-респондентов Ивановского государственного энергетического университета, по их собственным признаниям, пользовались на зачетах и экзаменах шпаргалками, около 78% – мобильным телефоном, 55,4% выполняли домашние задания за кого-либо. Каждый третий покупал контрольную, курсовую или расчетно-графическую работу. При этом 76% сказали, что не относятся к учебному мошенничеству предосудительно и считают отмеченные выше виды поведения нормой повседневной студенческой жизни [23, с. 217-218]. 80% студентов-респондентов Государственного института экономики, финансов, права и технологий (г. Гатчино) используют плагиат в курсовых работах, 78% используют части текста из статей и книг, больше половины использует чужие идеи и перефразирование без указания источников [24, с. 54-55].

Таким образом, когнитивный стиль, обозначаемый как «клиповое мышление», уже сегодня превращает обучение молодых людей и становление их как специалистов в имитацию.

Другой ошибочной предпосылкой, провоцирующей ориентацию в академической среде исключительно на клиповое мышление, является представление преподавателей о его преобладании у современных студентов как представителей поколения Z (например, О.А. Царевская, Н.В. Юдалевич, Ю.В. Верминенко, Е.А. Губчевская, Р.С. Димухаметов, Д.Р. Орлова, Л.Л. Снегарёва, Г.Т. Солдатова). Часто такие утверждения носят характер априорных [12, с. 100], [25, с. 21], [26, с. 84], [27, с. 91-92], [28, с. 19-20], [29, с. 73], [30, с. 200]. Мы решили проверить данную гипотезу на примере студентов высшей школы, обучающихся по образовательной программе направления подготовки 40.03.01 Юриспруденция. Цель исследования – определить, является ли клиповое мышление ведущим типом мышления у студентов-первокурсников.

Методологической основой для исследования стали концепция теории поколений Н. Хоува и У. Штрауса [31, с. 150-152], концепция понятийного мышления Л.С. Выготского [3, с. 109-171], концепция Internet Generation Л. Розена, концепции клипового мышления К.Г. Фрумкина [32, с. 28-29].

Эмпирическая база – результаты опроса студентов-первокурсников с целью выявить характеристики мышления и соотнести их с базовыми характеристиками клипового мышления, а также два опросника, цель которых 1) определить поколенческие особенности поведения студентов и 2) проанализировать их принципы и особенности самоучения.

Генеральная совокупность выборки – два набора студентов первого курса Юридической школы ДВФУ 2017/18 и 2019/20 уч.г.: 205 и 116 человек соответственно. Выборка была определена по гнездовому принципу (учебные группы): 96 студентов и 88 студентов. Внутри групп использован метод стихийной выборки. В целом, на наш взгляд, выборка репрезентативна, поскольку соответствует методу основного массива и составляет 46,8% и 75,8% генеральной совокупности. Также выборки отвечают двум базовым критериям отбора: поколенческий (17–19 лет – на 93,6% и 94,3%) и социальный (студенчество – 100%). Важно, что 91,6% и 95,5% закончили среднюю школу не в мегаполисах, а в населенных пунктах уровня средних городов и ниже, то есть являются выпускниками среднестатистических школ.

Для исследования результаты выборок разделяются, поскольку в перспективе можно выстроить динамику изменений.

Промежуточные итоги исследования выявили следующее.

Студенты первого курса находятся в агрессивной информационной среде: 70,5% и 65,9% считают, что их мозг перегружен информацией.

У всех есть хотя бы одно цифровое устройство, у большинства – два и более. При этом количество владельцев одного гаджета во второй последовательной погодичной выборке уменьшилось почти в пять раз (с 15,6% до 3,4%), то есть для выполнения учебных, профессиональных задач и жизнедеятельности молодым людям 17–20 лет необходимы несколько гаджетов.

Интернет является предпочтительным выбором для поиска информации, однако он воспринимается респондентами не как среда обитания, а утилитарно – как инструмент для работы с информацией (85,4% и 91% двух выборок). Причем при отсутствии Интернета будут испытывать негативные эмоции (включая скуку) только 43,1% и 43,1%. Получается, что мы переоцениваем влияние Интернета на потребности и ценности студентов.

По субъективным ответам (без измерения результатов деятельности) студенты мыслят себя учащимися, использующими разные когнитивные стили.

Линейный принцип мышления предпочитают 78,9% и 76,5% студентов (они хотят видеть учебную информацию структурированной в виде ступенек, каскадов, поэтапного освоения последующего после изучения предыдущего). Только 21,1% и 23,5% проще учиться, когда информация структурируется по принципу комбинации явления и проблем, ориентация внутри которых происходит по аналоговому, мозаичному, принципу.

О способности свободного, полного погружении в тему заявили 65,7% и 57,9% студентов. При этом 64,6% и 68,2% могут без проблем переключаться на новую задачу или ситуацию.

67,7% и 72,7% утверждают, что во время разговора постоянно помнят про вопрос, который обсуждается, а 32,3% и 27,3% часто хотят сменить тему и двигаться дальше.

Дозированное время прочтения текста как погружения в источник имеет значение только для 36,5% и 27,3% опрошенных.

В качестве удобного формата информации студенты предпочитают текст (46,9% и 55,7%), графики и таблицы (12,5% и 21,6%). Меньшинство ориентировано на клиповые формы видеороликов по 5-6 / 15–20 минут (34,4% и 20,5%). Картинки, визуальные изображения считают основой информации только 11,6% и 14,8%.

63,5% и 52,3% респондентов заявили, что могут прочитать без дискомфорта 2-3 страницы сплошного текста, без картинок и выделений. Другие 36,5% и 47,7% смогут без проблем освоить только одну страницу (22,9% и 30,7%), полстраницы (12,5% и 11,4%), абзац (1% и 5,6%).

Однако серфинг как способ обработки множества информации освоили две трети (60% и 62,1%) респондентов.

Респондентам (как маркерный вопрос) было предложено выбрать конкретный образ клипового мышления в качестве «описания реальности, отражающего обычную работу мозга и моих мыслей». С этим утверждением согласилось только 25,3% опрошенных первой и 15,3% – второй выборки.

В то же время на знаковый вопрос о представлении об окружающей действительности были получены парадоксальные по отношению ко всем прочим ответы: мир как система явлений и понятий воспринимается 53,7% и 56,5%. Видят мир в качестве мозаики с опорными точками 46,5% и 43,4%.

Функциональную неграмотность, которая позиционируется как порок «цифрового» поколения, людей «экрана», демонстрируют только 20,8% и 11,4% опрошенных (не понимают текст с первого раза). Одну главную идею выделяют 15,6% и 20,5%. Остальные выделяют две-три сопутствующие (29,2% и 36,4%) и даже видят переплетения множества идей (34,4% 31,8%). Также косвенным показателем формирования функциональной грамотности, на наш взгляд, является получение удовольствия от самостоятельного учения, чтения рекомендуемых книг и статей (то есть текстовых источников, хотя и в электронном виде) – таких респондентов фактически половина 47,4% и 52,9%. Трудности при такой деятельности испытывают 10,5%, а 32,6%, некоторым из которых скучно учиться самостоятельно. Способность к многозадачности признают 64,6% и 67%, однако 35,4% и 33% предпочитают сосредоточиваться на одном действии.

Восприятие текста выглядит следующим образом. Так, критическая оценка текста стала выбором 27,1 и 36,4% опрошенных («Текст – в том числе сюжетный – стал излишним. Текст является набором спрятанных ключей, нужных для понимания ситуации. Если угодно, текст стал инструкцией: из нее вытаскивают нужное для решения конкретного вопроса, но странно читать подряд инструкцию»). А вдумчивое, неспешное и аналитическое чтение нравится 72,9% и 63,6% студентов-первокурсников («Чтение – это беседа между автором и читателем (или по крайней мере оно должно быть таковым). Конечно, в чтении (как и в личной беседе) важное значение имеет, кто является автором (или собеседником). Чтение дешевого, не отличающегося высокими художественными достоинствами романа напоминает сон наяву»).

На основании полученных данных можно констатировать, что студенты-первокурсники, будущие бакалавры юриспруденции не могут быть охарактеризованы как классические представители поколения Z с преобладанием клипового мышления. Ориентацию в обучении на визуальный ряд и клиповое мышление в среднем демонстрируют от 21,1% до 36,5% опрошенных, а остальные действуют и мыслят в парадигме линейного мышления. Можно говорить о том, что треть демонстрирует уверенное владение словесно-логическим, понятийным когнитивным стилем мышления. Однако большая часть сочетает в своей деятельности словесно-логический и визуально-образный когнитивные стили.

Выбор студентов направления подготовки «юриспруденция» был обусловлен не только персональным доступом к респондентам автора исследования. Традиционно конкурс на юридические специальности высок, результаты конкурса на бюджетные места лучше, чем у большинства специальностей: так 42% второй

выборки (набора 2018–2019 гг.) имеют уровень ЕГЭ – 243–300, а две трети второй выборки (63,1%) – 209–300 (опыт Дальневосточного федерального университета). И в этой связи для автора исследования как для преподавателя, работающего со студентами, чьи характеристики, полученные в средней школе, представляются (по результатам ЕГЭ) более качественными, императивные рекомендации отказаться от методик работы с понятийным мышлением в пользу приспособления к клиповому мышлению являются неприемлемыми.

Следовательно, необходимо ставить вопрос не о противопоставлении клипового и понятийного мышлений, а об их эволюционной взаимосвязи.

Можно согласиться, что язык образов и жестов значительно более древний, чем язык символов, поэтому человеку легче воспринимать информацию в виде образов, нежели в виде букв, цифр, формул [8]. Человек начинает познание мира в детстве именно образным мышлением. И сегодня исследователи в разных странах озабочены тем, что ресурсы интеллекта, детской психики (поскольку словесно-логические способности у детей только формируются) не способны совладать с перепроизводством информации. Бионики, робототехники, представители когнитивных наук пытаются с ранних лет нарастить интеллектуальные ресурсы человека с помощью квантовой бионики, нейронных биологических сетей, нейротренажеров на основе биологической обратной связи генетической эпистемологии Ж. Пиаже и других технологий [33, с. 88].

Однако параллельно можно отметить, что исследователи психологических основ клипового мышления настаивают на следующем: формирование двух способов (стратегий) перцептивно-когнитивной деятельности, которые предлагается называть «клиповое мышление» (визуально-образное) и «понятийное мышление» (словесно-логическое), происходит в процессе школьного обучения, поскольку данный вид деятельности является ведущим для школьника. Приобретенный в процессе обучения опыт **обеих стратегий** используется для последующей после обучения деятельности [6, с. 96].

В этой связи необходимо следовать такому же подходу в отношении студентов: учитывая наличие у определенной части преобладания визуально-образного когнитивного стиля (клипового мышления), создавать им условия для преодоления когнитивных дефицитов и перевода в сферу словесно-логического, понятийного мышления. Мы согласны с мнением Т.Н. Горобец и В.В. Ковалева, которые отмечают, что процесс становления и клипового, и (особенно) понятийного мышления как способов перцептивной и когнитивной деятельности, а также выбор индивидом способа интеллектуальной деятельности зависят от **качества, направленности и содержания** учебно-воспитательного процесса [6, с. 96].

Одновременно результаты клинических психологических исследований свидетельствуют, что у человечества в принципе происходит сдвиг психической нормы как разрыв между знаком (образ) и значением (смысл) вследствие изменения культурно-исторического контекста в рамках эпохи постмодерна. Продолжается цивилизационное совершенствование знаковых систем, а значит, неизбежный переход на более абстрактный уровень знаков. А.Н. Алехин и А.А. Грекова настаивают, что неуправляемый характер этих изменений «может привести к утрате связей мышления с существенными признаками предметов и потере критичности мышления. Именно критичность мышления обеспечивает сохранность смысловой сферы за счет сохранения способности в условиях

виртуального мира (миров) дифференциации объективных значений понятий и симулякров» [4, с. 147-148].

Часто виртуальные средства организации обучения объявляются панацеей для организации процесса обучения для юношества с клиповым мышлением, становятся самоцелью в методических подходах и выступают как способ, в рамках которого удобно демонстрировать экранные образы, комфортные «людям экрана» (как часто называют носителей визуально-образного когнитивного стиля). Однако, например, шахматы как вид искусства, как особый способ познания действительности построен на синтезе визуально-образного и словесно-логического когнитивных стилей. Без логического, аналитического, системного мышления невозможно представить победы в партии и турнире. При этом многие великие шахматисты мира (в том числе А.А. Алехин, М.Н. Таль, Р.Д. Фишер, А.Е. Карпов) демонстрировали и креативность, и комбинаторику, для которых необходима динамичная визуализация последовательно сменяемых возможных и/или желаемых игровых позиций. В данной области наблюдается гармонизация виртуального пространства и обучающей среды. Выяснилось, что компьютерные шахматные программы вкупе с анализом веб-турниров, участием в сетевых чемпионатах позволяют спортсменам становиться гроссмейстерами раньше, чем это удавалось их предшественникам. Людей с высшим шахматным титулом сейчас гораздо больше, чем когда бы то ни было: свыше 1200 против 88 в 1972 г. [33, с. 86-87]. Сегодня виртуальная среда для шахмат выступает средством для развития обоих когнитивных стилей, а не целью приспособления к одному из них.

Мало того, и гуманитарные, и биологические, и социальные науки утверждают, что современное информационное общество необратимо трансформирует сознание, психику, нейрофизиологию человека [4, с. 137-140], [34], [35, с. 172], [36, с. 15-18]. Согласно данным Internet World Stats, на начало 2015 г. в мире насчитывалось 3079 млн пользователей Интернет, что почти в 10 раз превышает значение этого показателя в 2000 г. [37, с. 6]. В условиях информационного и сенсорного давления современный человек выбирает визуально-образный когнитивный стиль как защиту от перегрузок. У более молодых поколений этот выбор актуализируется большим погружением в виртуальное пространство. Однако представители интеллектуальных профессий, обширно использующие виртуальные среды для профессиональной деятельности, также отмечают подобный эффект у себя, невзирая на возраст. «Произошла дефрагментация научной картины мира не только по дисциплинарным областям, но и ее разделение "внутренними границами" в пределах одной и той же области…» [33, с. 87]. Американский писатель и журналист, автор книги «Пустышка. Что Интернет делает с нашими мозгами» (англ. The Shallows: What the Internet Is Doing to Our Brains) Николас Карр откровенно писал о том, что быстро теряет концентрацию при прочтении текста: «Я … постоянно тащу свой своенравный мозг обратно к тексту. Глубокое чтение, которое раньше было естественным, превратилось в борьбу» [38]. Автор данного исследования также подтверждает, что серфинг, многозадачность – ее индивидуальные основные инструменты профессиональной поисковой деятельности в Интернете. Однако в сочетании с развитым словесно-логическим когнитивным стилем они также приводят к сенсорной перегрузке психики.

Получается, что, как писал И. Фрумкин, «Интернет и другие электронные коммуникации сами по себе еще не враждебны книжной культуре. Сегодня кон-

фликт возникает не между текстом и образом, а внутри мира текстов и мира образов – между режимом погружения в один информационный поток и режимом постоянного переключения между разными такими потоками. Угрозу книге представляет не отказ от текста как такового, а отказ от длинного, целостного и линейно выстроенного текста. То же самое происходит и в мире образов, где фильму противостоит клип» [32]. Фактически наша психика адаптируется к инфопотоку путем соскальзывания в упрощенный, поверхностный когнитивный стиль клипового мышления, избегая значительного контекстного погружения и сложных понятийно-словесных мыслительных операций.

Таким образом, концепция клипового мышления в том формате, как она представлена в методологии и выводах российских исследователей образования, выглядит схематично и упрощенно. Скольжение по поверхности информации приводит к включению клипового мышления, а не наоборот, и неважно, в какую оболочку информация завернута. В этом смысле акцентуация многих методологий исследования на формате предпочитаемого источника, на способе предоставления информации ошибочна. Гораздо важнее параметры погружения студента в источник (текст или образ), фиксация на смыслах, задержка его в «потоке оптимального переживания», побуждающего осваивать новые умения и совершать достижения во благо человечества (М. Чиксентмихайи).

Для определения формата педагогических методик российской высшей школе не хватает цельной психологической, нейрофизиологической концепции «клипового мышления». Без подобного понимания мы как педагоги рискуем принимать и внедрять в нашей профессиональной деятельности ошибочные, упрощенные решения: приспосабливаться к такому типу мышления и управлять исключительно им.

Результаты исследования студентов Юридической школы ДВФУ подтверждают факт существования синтеза понятийного и клипового мышления у индивидов. Субъективные оценки студентов своего опыта работы с источниками подтверждают вывод, что у значительной части студентов присутствуют навыки «линейного», словесно-логического мышления: они отдают предпочтение каскадному, поэтапному структурированию информации, устойчивому фокусированию на предмете коммуникации, выделению нескольких смыслов в работе с информационными объектами (текст или образ).

В этой связи задача преподавателя высшей школы в условиях трансформации когнитивного стиля усложняется. Мы не имеем права способствовать фиксации у будущих специалистов только клипового мышления. Более эффективной стратегией управления им является обязательное сочетание методик, позволяющих задействовать как клиповый, так и понятийный типы мышления. Рекомендации об активном применении методик и средств визуализации контента, о погружении обучающихся в виртуальные среды необходимо дополнить третьим, важнейшим, требованием – использовать такие образовательные технологии, которые позволят у обучающихся формировать недостающий словесно-логический тип когнитивной деятельности через погружение в образовательное пространство понятийно-логического стиля.

В итоге в условиях интенсификации информационного потока необходимо способствовать тому, чтобы у молодых людей сформировались, как минимум, два стиля, и они могли бы свободно переключаться между ними в условиях многоза-

дачности нового мира. Это усилит позиции выпускников на рынке труда, включая ситуацию новой конкуренции с искусственным интеллектом.

В целом необходимо сосредоточиться на разработке релевантной концепции клипового мышления как набора устойчивых, повторяющихся паттернов мыслительного процесса. Перестать демонизировать данный когнитивный стиль, воспринимать его как педагогический вызов и сконцентрироваться на формировании у обучающихся понятийного мышления. В исследованиях стоит фокусироваться не на формате предпочитаемого источника, а на способах работы с ним. При выборе образовательных технологий в отношении конкретных групп студентов преподавателю возможно проводить первичную диагностику когнитивных стилей и их сочетания в тех или иных группах. В рамках перспективы введения института тьюторов в высшее образование возможно данную функцию передать им.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Курбатов В.И. Виртуальная коммуникация, виртуальный язык и виртуальное мышление // Социально-гуманитарные знания. – 2014. – № 11. – С. 42-47.
2. Егорова А.Г. Сетевое мышление: деградация или прогресс? // Фундаментальные исследования. – 2014. – № 9-12. – С. 2626-2629.
3. Выготский Л.С. Мышление и речь. – М.: Лабиринт, 1999. – 352 с.
4. Алехин А.Н., Грекова А.А. «Псевдопсихопатологические» формы мышления в современных условиях // Вестник психотерапии. – 2018. – № 66 (71). – С. 137–151.
5. Нарциссова С.Ю., Сиротин В.П. Мышление: феноменология процесса. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Академия МНЭПУ, 2018. – 200 с.
6. Горобец Т.Н., Ковалев В.В. «Клиповое мышление» как отражение перцептивных процессов и сенсорной памяти // Мир психологии. – 2015. – № 2 (82). – С. 94-100.
7. Старицына О.А. Клиповое мышление vs образование. Кто виноват и что делать? // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2018. – Т. 7. – № 2 (23). – С. 270-274.
8. Семеновских Т.В. Феномен «клипового мышления» в образовательной вузовской среде [Электронный ресурс] // Интернет-журнал «НАУКОВЕДЕНИЕ». – 2014. – Вып. 5 (24). URL: https://naukovedenie.ru/PDF/105PVN514.pdf (дата обращения: 19.04.2021).
9. Микляева А.В., Безгодова С.А. «Клиповое мышление» в структуре стилевых характеристик познавательной деятельности студентов // Ярославский педагогический вестник. – 2017. – № 5. – С. 223-227.
10. Зейгарник Б.В. Патопсихология. – М.: Издательство Московского университета, 1986 [электронный ресурс] // Факультет психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова: URL: http://www.psy.msu.ru/people/zeigarnik/25.html (дата обращения: 19.04.2021).
11. Гриценко И.А. Клиповое мышление – новый этап развития человечества // Ученые записки Российского государственного социального университета. – 2012. – № 4 (104). – С. 71-74.
12. Царевская О.А., Юдалевич Н.В. Изменение подходов к обучению в условиях развития клипового мышления // Бизнес-образование в экономике знаний. – 2020. – № 2 (16). – С. 100-102.

13. Папанова С.Ю. «Люди виртуального мира»: особенности взаимодействия преподавателей и студентов в контексте интенсивного расширения компьютерных технологий // Наука и образование: новое время. – 2016. – № 2 (13). – С. 156-160.
14. Холодная М.А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. – М.: Когито-центр, 2002. – 225 с.
15. World Economic Forum. Insight Report «The Future of Jobs. Report 2018». P. VIII. [электронный ресурс]. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Future_of_Jobs_2018.pdf (дата обращения: 21.09.2019).
16. Шлихтер А.А. Влияние четвертой промышленной революции на формирование человеческого капитала и эволюция мирового рынка труда // Общество и экономика. – 2020. – № 4. – С. 56-72. DOI 10.31857/S086904990009179-8.
17. Гаазе К. COVID-19 и будущее свободного времени // Прощай, COVID? – М.: Издательство Института Гайдара, 2020. – С. 301-325.
18. Gentilini Ugo, Grosh Margaret, Rigolini Jamele, Yemtsov Ruslan. 2020. Exploring Universal Basic Income: A Guide to Navigating Concepts, Evidence, and Practices. – Washington, DC: World Bank [электронный ресурс]. URL: https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/32677 License: CC BY 3.0 IGO (дата обращения: 19 апреля 2021).
19. Семеновских Татьяна Викторовна Психолого-педагогические детерминанты академического мошенничества в исследовательских работах студентов [электронный ресурс] // Вестник евразийской науки. – 2013. – № 4 (17). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/psihologo-pedagogicheskie-determinanty-akademicheskogo-moshennichestva-v-issledovatelskih-rabotah-studentov (дата обращения: 19 апреля 2021).
20. Plagium vulgaris: как предотвратить плагиат в науке: онлайн-конференция, 31 января 2011 [электронный ресурс] / Международный мультимедийный пресс-центр «Россия сегодня»: сайт. URL: http://pressmia.ru/pressclub/20110131/328762171.html (дата обращения: 19.04.2021).
21. McKie Anna Many university staff back prosecuting students over essay mills [электронный ресурс]. March 7, 2019. URL: https://www.timeshighereducation.com/news/university-staff-back-prosecuting-students-who-use-essay-mills (дата обращения: 19.04.2021).
22. Шмелева Е.Д., Семенова Т.В. Академическое мошенничество студентов: учебная мотивация vs образовательная среда // Вопросы образования. – 2019. – № 3. – С. 101-129.
23. Мягков А.Ю. Академическая нечестность студентов как угроза образовательной среде вуза // Психологически безопасная образовательная среда: проблемы проектирования и перспективы развития: Сб. мат-лов II Междунар. науч.-практ. конф. Тула, 29 октября 2020 г. – Чебоксары: Среда, 2020. – С. 215-218.
24. Моховикова В.А. Академическое мошенничество студентов // Новеллы права, экономики и управления: Сб. науч. трудов по мат-лам V междунар. науч.-практ. конф. В 2 т. Гатчина, 22 ноября 2019 г. – Гатчина: Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, 2020. – С. 51-55.
25. Верминенко Ю.В. Влияние феномена «клипового мышления» на учебную деятельность учащихся военных и гражданских вузов // Психолого-педагогические проблемы военного образования. – СПб., 2019. – С. 18-22.

26. Губчевская Е.А. Филологическое образование обучающихся в условиях формирования клипового мышления // Libri Magistri. – 2020. – № 1 (11). – С. 82-95.
27. Димухаметов Р.С. Цифровые аборигены... Какие они? // Здравоохранение, образование и безопасность. – 2016. – № 1 (5). – 88-96.
28. Орлова Д.Р. Использование современных средств обучения при преподавании экономических дисциплин // Вестник науки и образования. – 2020. – № 10-4 (88). – С. 19-20.
29. Снегарёва Л.Л. Особенности преподавания лингвостилистического анализа текста на лингвистических специальностях // Педагогика, психология, общество: Сб. мат-лов Всерос. науч.-практ. конф. Чебоксары, 30 июня 2020 г. – Чебоксары, 2020. – С. 72-75.
30. Солдатова Г.Т. Взаимодействие преподавателя и студента в условиях цифровизации образования // Непрерывное образование: теория и практика реализации: мат. III Междунар. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 22 января 2020 г. – Екатеринбург, 2020. – С. 199-202.
31. Мамина Р.И., Толстикова И.И Поколение Z или поколение фиджитал в условиях деловой среды // Информационное общество: образование, наука, культура и технологии будущего. – 2019. – Вып. 3. – С.149-159. URL: https://doi.org/10.17586/2587-8557-2019-3-149-159
32. Фрумкин К.Г. Глобальные изменения в мышлении и судьба текстовой культуры // Ineternum. – 2010. – № 1. – С. 26-36.
33. Давыдов В.Н. Безопасность информационного пространства: современные политические проблемы взросления // Вопросы политологии. – 2017. – Вып. 3(27). – С. 83-97.
34. Фрумкин К.Г. Клиповое мышление и судьба линейного текста [электронный ресурс] // Топос: литературно-философский журнал. – 2010. URL: http://www.topos.ru/article/7371 (дата обращения: 19.04.2021).
35. Докука С.В. Клиповое мышление как феномен информационного общества // Общественные науки и современность. – 2013. – № 2. – С. 169-176.
36. Труфанова Е.О. Информационное перенасыщение: ключевые проблемы // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. – 2019. – № 1 (16). – С. 4-21.
37. Варнавский В.Г. Цифровые технологии и рост мировой экономики: верификация трендов и прогноза // Друкеровский вестник. – 2020. – № 3 (35). – С. 5-18.
38. Nicholas Carr Is Google Making Us Stupid? What the Internet is doing to our brains [электронный ресурс] // The Atlantic: site. – July/august 2008 issue. URL: https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2008/07/is-google-making-us-stupid/306868/ (дата обращения: 19.04.2021).

REFERENCES

1. Kurbatov V.I. Virtual'naya kommunikaciya, virtual'nyj yazyk i virtual'noe myshlenie [Virtual communication, virtual language and virtual thinking] // Social'no-gumanitarnye znaniya [Social and humanitarian knowledge]. 2014. No. 11. Pp. 42–47. (in Russian)
2. Egorova A.G. Setevoe myshlenie: degradaciya ili progress? // [Net-work intellection: degradation or progress?] Fundamental'nye issledovaniya [Basic research]. 2014. No.9–12. Pp. 2626-2629. (in Russian)
3. Vygotskij L.S. Myshlenie i rech' [Thinking and speech]. M.: «Labirint», 1999. 352 p. (in Russian)

4. Alekhin A.N., Grekova A.A. «Psevdopsihopatologicheskie» formy myshleniya v sovremennyh usloviyah [«Pseudopsychopathic» forms of thinking in modern conditions]. Vestnik psihoterapii [Bulletin of psychotherapy]. 2018. No.66 (71). Pp. 137–151. (in Russian)
5. Nartsissova S.Y., Sirotin V.P. Myshlenie: fenomenologiya processa [Thinking: the phenomenology of the process]. M.: Izdatel'stvo «Akademiya MNEPU», 2018. 200 p. (in Russian)
6. Gorobets T.N., Kovalev V.V. «Klipovoe myshlenie» kak otrazhenie perceptivnyh processov i sensornoj pamyati ["Clip thinking" as a reflection of perceptual processes and sensory memory]. Mir psihologii [The world of psychology]. 2015. No.2 (82). Pp.94–100. (in Russian)
7. Staricyna O.A. Klipovoe myshlenie vs obrazovanie. Kto vinovat i chto delat'? [Clip thinking vs education. Who is to blame and what to do?]. Azimut nauchnyh issledovanij: pedagogika i psihologiya [Azimuth of scientific research: pedagogy and psychology]. 2018. Vol 7. No. 2 (23). Pp. 270-274. (in Russian)
8. Semenovskikh T.V. Fenomen «klipovogo myshleniya» v obrazovatel'noj vuzovskoj srede [The phenomenon of "clip-thinking" in the educational high school environment]. [Internet resurs] Internet-zhurnal «NAUKOVEDENIE» [Online journal "SCIENCE STUDIES»]. 2014. Vol. 5 (24). URL: https://naukovedenie.ru/PDF/105PVN514.pdf (accessed 19 April 2021) (in Russian)
9. Miklyaeva F.V., Bezgodova S.A. «Klipovoe myshlenie» v strukture stilevyh harakteristik poznavatel'noj deyatel'nosti studentov [Experimental psychological research of "mosaic thinking": the results of testing of the experiment program] YAroslavskij pedagogicheskij vestnik [Yaroslavl Pedagogical Bulletin]. 2017. No.5. Pp. 223–227. (in Russian)
10. Zejgarnik B.V. Patopsihologiya [Pathopsychology] [Internet resurs] Fakul'tet psihologii Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta imeni M.V. Lomonosov: site. URL: http://www.psy.msu.ru/people/zeigarnik/25.html (accessed 19 April 2021) (in Russian)
11. Gritsenko I. A. Gricenko I.A. Klipovoe myshlenie – novyj etap razvitiya chelovechestva [Clip thinking – a new stage of human development]. Uchenye zapiski Rossijskogo gosudarstvennogo social'nogo universiteta [Scientific notes of the Russian State Social University]. 2012. No.4 (104). Pp. 71–74. (in Russian)
12. Tsarevskaya O. A., Yudalevich N. V. Izmenenie podhodov k obucheniyu v usloviyah razvitiya klipovogo myshleniya [Change of approaches to training in the conditions of clip thinking development]. Biznes-obrazovanie v ekonomike znanij [Business education in the knowledge economy]. 2020. No.2 (16). Pp. 100–102. (in Russian)
13. Papanova S. Yu. «Lyudi virtual'nogo mira»: osobennosti vzaimodejstviya prepodavatelej i studentov v kontekste intensivnogo rasshireniya komp'yuternyh tekhnologij ["People of the virtual world": features of interaction between teachers and students in the context of intensive expansion of computer technologies]. Nauka i obrazovanie: novoe vremya [Science and education: a new time]. 2016. No.2 (13). Pp. 156–160. (in Russian)
14. Kholodnaya M.A Kognitivnye stili. O prirode individual'nogo uma. [Cognitive styles and intellectual abilities]. M.: «Kogito-centr», 2002. 225 p. (in Russian)
15. World Economic Forum. Insight Report «The Future of Jobs. Report 2018». P. VIII. [Internet]. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Future_of_Jobs_2018.pdf (accessed 19 April 2021)
16. Shlihter A. Vliyanie chetvertoj promyshlennoj revolyucii na formirovanie che-

lovecheskogo kapitala i evolyuciya mirovogo rynka truda [The impact of the fourth industrial revolution on the formation of human capital and the evolution of the global labor market]. Obshchestvo i ekonomika [Society and economy]. 2020. No.4. Pp. 56–72. DOI 10.31857/S086904990009179-8. (in Russian)

17. Gaase K. COVID -19 i budushchee svobodnogo vremeni. Gudbaj, COVID -19 [Goodbye, COVID?]. M.: Publishing House of the Gaidar Institute, 2020. Pp. 301–325. (in Russian)
18. Gentilini, Ugo; Grosh, Margaret; Rigolini, Jamele; Yemtsov, Ruslan. 2020. Exploring Universal Basic Income : A Guide to Navigating Concepts, Evidence, and Practices. Washington, DC: World Bank. [Internet]. URL: https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/32677 License: CC BY 3.0 IGO (accessed 19 April 2021) (in Russian)
19. Semenovskikh N.V. Psihologo-pedagogicheskie determinanty akademicheskogo moshennichestva v issledovatel'skih rabotah studentov [Psychological and pedagogical determinants of academic fraud in research works of students] [Internet resurs]. Vestnik evrazijskoj nauki [Bulletin of Eurasian Science]. 2013. No.4 (17). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/psihologo-pedagogicheskie-determinanty-akademicheskogo-moshennichestva-v-issledovatelskih-rabotah-studentov (accessed 19 April 2021) (in Russian)
20. Plagium vulgaris: kak predotvratit' plagiat v nauke: onlajn-konferenciya, 31 yanvarya 2011 [Plagium vulgaris: how to prevent plagiarism in science: online conference, January 31, 2011] [Internet resource] / Mezhdunarodnyj mul'timedijnyj press-centr «Rossiya segodnya» : website. URL: http://pressmia.ru/pressclub/20110131/328762171.html (accessed 19 April 2021) (in Russian)
21. McKie Anna Many university staff back prosecuting students over essay mills. [Internet resource]. March 7, 2019. URL: https://www.timeshighereducation.com/news/university-staff-back-prosecuting-students-who-use-essay-mills (accessed 19 April 2021)
22. Shmeleva E., T.Semenova T. Academic Dishonesty among College Students: Academic. Voprosy obrazovaniya=Educational studies. Moscow. 2019. No.3. Pp. 101–129. (en, ru)
23. Miagkov A. Iu. Akademicheskaya nechestnost' studentov kak ugroza obrazovatel'noj srede vuza [Student academic dishonesty as s threat for educational environment of the university]. Psihologicheski bezopasnaya obrazovatel'naya sreda: problemy proektirovaniya i perspektivy razvitiya. Sbornik materialov II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Tula, 29 oktyabrya 2020 goda [Psychologically safe educational environment: problems of design and prospects of development. Collection of materials of the II International Scientific and Practical Conference. Tula, October 29, 2020]. Cheboksary, 2020. Pp. 215-218. (in Russian)
24. Mohovikova V.A. Akademicheskoe moshennichestvo studentov [Academic Dishonesty of students]. Novelly prava, ekonomiki i upravleniya. Sbornik nauchnyh trudov po materialam V mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. V 2 tomah. Gatchina, 22 noyabrya 2019 goda [Novellas of law, Economics and Management. Collection of scientific papers based on the materials of the V International Scientific and Practical Conference. In 2 volumes]. Gatchina, November 22, 2019]. Gatchina, 2020. Pp. 51-55. (in Russian)
25. Verminenko Yu.V. Vliyanie fenomena «klipovogo myshleniya» na uchebnuyu deyatel'nost' uchashchihsya voennyh i grazhdanskih vuzov [Influence of the phe-

nomeon of "clip thinking" on the educational activities of students of military and civilian universities]. Psihologo-pedagogicheskie problemy voennogo obrazovaniya [Psychological and pedagogical problems of military education]. Saint-Petersburg, 2019. Pp.18–22. (in Russian)
26. Gubchevskaya E.A. Filologicheskoe obrazovanie obuchayushchihsya v usloviyah formirovaniya klipovogo myshleniya [Philological education of students under conditions forming of clip thinking]. Libri Magistri. 2020. No.1 (11). Pp.82–95. (in Russian)
27. Dimuhametov R.S. Cifrovye aborigeny... Kakie oni? [Digital natives... What are they?]. Zdravoohranenie, obrazovanie i bezopasnost' [Health, education, and security]. 2016. No.1 (5). Pp. 88–96. (in Russian)
28. Orliva D.R. Ispol'zovanie sovremennyh sredstv obucheniya pri prepodavanii ekonomicheskih disciplin [The use of modern teaching tools in the teaching of economic disciplines]. Vestnik nauki i obrazovaniya [Bulletin of Science and Education]. 2020. No.10-4 (88). Pp. 19–20. (in Russian)
29. Snegareva L. L. Osobennosti prepodavaniya lingvostilisticheskogo analiza teksta na lingvisticheskih special'nostyah [Features of teaching linguo-stylistic text analysis in linguistic specialties]. Pedagogika, psihologiya, obshchestvo: materialy vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii [Pedagogy, psychology, society: Materials of the All-Russian scientific and practical conference, Cheboksary, June 30, 2020]. Cheboksary, 2020. Pp. 72–75. (in Russian)
30. Soldatova G. T. Vzaimodejstvie prepodavatelya i studenta v usloviyah cifrovizacii obrazovaniya [Interaction of the teacher and the student in the conditions of digitalization of education]. Nepreryvnoe obrazovanie: teoriya i praktika realizacii: materialy III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Ekaterinburg, 22 yanvarya 2020 g. [Continuing education: theory and practice of implementation: mat. III International Scientific and Practical Conference. Yekaterinburg, January 22, 2020]. Yekaterinburg, 2020. Pp. 199–202. (in Russian)
31. 29. Mamina R. I., Tolstikova I. I. Pokolenie Z ili pokolenie fidzhital v usloviyah delovoj sredy [Generation Z or generation digital in the conditions of the business environment]. Informacionnoe obshchestvo: obrazovanie, nauka, kul'tura i tekhnologii budushchego [Information society: education, science, culture and technologies of the future]. 2019. Vol. 3. Pp.149–159. https://doi.org/10.17586/2587-8557-2019-3-149-1592020. №1. (in Russian)
32. Frumkin K.G. Global'nye izmeneniya v myshlenii i sud'ba tekstovoj kul'tury [Global changes in thinking and fate of the textual culture]. Ineternum. 2010. No.1. Pp.26–36. (in Russian)
33. Davydov V.N. Bezopasnost' informacionnogo prostranstva: sovremennye politicheskie problemy vzrosleniya [Security of the information space: modern political problems of growing up]. Voprosy politologii [Questions of political science]. 2017. Vol.3(27). Pp. 83–97. (in Russian)
34. Frumkin K.G. Klipovoe myshlenie i sud'ba linejnogo teksta [Clip thinking and the fate of linear text] [Internet resurs] Topos: literaturno-filosofskij zhurnal [Topos: a literary and philosophical journal.] 2010. URL: http://www.topos.ru/article/7371 (accessed 19 April 2021). (in Russian)
35. Dokuka S. Klipovoe myshlenie kak fenomen informacionnogo obshchestva [Video clip thinking]. Obshchestvennye nauki i sovremennost' [Social Sciences and Modernity]. 2013. No.2. Pp.169–176. (in Russian)
36. Trufanova E. O. Informacionnoe perenasyshchenie: klyuchevye problemy [Infor-

mation oversaturation: key problems]. Filosofskie problemy informacionnyh tekhnologij i kiberprostranstva [Philosophical problems of information technologies and cyberspace]. 2019. No.1 (16). Pp. 4–21. (in Russian)
37. Varnavskii Vladimir G. Cifrovye tekhnologii i rost mirovoj ekonomiki: verifikaciya trendov i prognoza [Digital technologies and the growing of world economy: trends and forecast verification]. Drukerovskij vestnik [Drucker's Bulletin]. 2020. No.3 (35). Pp. 5–18. (in Russian)
38. Nicholas Carr Is Google Making Us Stupid? What the Internet is doing to our brains [Internet] / The Atlantic : site. July/august 2008 issue. URL: https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2008/07/is-google-making-us-stupid/306868/ (accessed 19 April 2021)

Информация об авторе: Марина Александровна Дорофеева, доцент кафедры теории и истории государства и права Юридической школы Дальневосточного федерального университета, кандидат исторических наук
Российская Федерация, 690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, 10.
orhids7@yandex.ru
идентификатор в система РИНЦ – 9008-5546
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-6939-3848
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи

Information about the author: Dorofeeva Marina [Aleksandrovna], Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law Law School of the Far Eastern Federal University, candidate PhD of Historical Sciences
Russian Federation, 690922, Primorsky Krai, Vladivostok, Ostrov Russky, Ajax village, 10.
ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-6939-3848
идентификатор в система РИНЦ – 9008-5546
orhids7@yandex.ru

The author has read and approved the final manuscript

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 20.03.2021
Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 15.04.2021
Принята к публикации / Accepted for publication: 27.04.2021

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов./ The author declares no conflicts of interests

© Дорофеева М.А. 2021
© «ИСОМ». 2021

CC BY

Общая педагогика, история педагогики и образования
General pedagogy, history of pedagogy and education

Original article

DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-2-265-285
UDC 372.8

DEVELOPING READER´S LITERACY IN PRIMARY EDUCATION

Michal Lukac
University of Saints Cyril and Methodius in Trnava, Slovenská
ORCID ID:https://orcid.org/0000-0003-3067-7883
michal.lukac@ucm.sk

Michal Imrovic
University of Saints Cyril and Methodius in Trnava, Slovenská
ORCID ID:https://orcid.org/0000-0002-2895-9817
michal.imrovic@ucm.sk

Monika Orlikova
University of Saints Cyril and Methodius in Trnava, Slovenská
ORCID ID:https://orcid.org/0000-0003-1885-5691
monika.orlikova@ucm.sk

Edita Poorova
University of Saints Cyril and Methodius in Trnava, Slovenská
ORCID ID:https://orcid.org/0000-0001-9877-1118
edita.poorova@ucm.sk

Abstract: Reading and reader´s literacy are essential prerequisites for developing key competences, especially competencies for learning, and are still used as a tool to achieve other goals that are the gateway to success in work and personal life. The topic of the article is reader´s literacy and its development at pupils of primary education through the use of methods developing reader´s literacy in the teaching process.

Keywords: Pupils. Reader´s literacy. Key competencies. Methods. Teaching process.

For citation: Lukac M., Imrovic M, Orlikova M, Poorova E., Developing reader´s literacy in primary education**.** *Historical and Social-Educational Idea*
2021. Vol. 13. No.2. PP. 265-285. (In Russ.).
DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-2-265-285

Научная статья

РАЗВИТИЕ НАВЫКОВ ЧИТАТЕЛЬСКОЙ ГРАМОТНОСТИ В СИСТЕМЕ НАЧАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Michal Lukac
Университет Св. Кирилла и Мефодия в г. Трнаве, Словакия
ORCID ID:https://orcid.org/0000-0003-3067-7883
michal.lukac@ucm.sk

Michal Imrovic
Университет Св. Кирилла и Мефодия в г. Трнаве, Словакия
ORCID ID:https://orcid.org/0000-0002-2895-9817
michal.imrovic@ucm.sk,

Monika Orlikova
Университет Св. Кирилла и Мефодия в г. Трнаве, Словакия
ORCID ID:https://orcid.org/0000-0003-1885-5691
monika.orlikova@ucm.sk

Edita Poorova
Университет Св. Кирилла и Мефодия в г. Трнаве, Словакия
ORCID ID:https://orcid.org/0000-0001-9877-1118
edita.poorova@ucm.sk

Аннотация: Навыки чтения и грамотности являются необходимыми предпосылками для развития ключевых компетенций, особенно компетенций для обучения, и по-прежнему используются как инструмент для достижения других целей, которые являются залогом успеха в работе и личной жизни. Тема статьи - читательская грамотность и ее развитие у учащихся начальной школы посредством использования методов, формирующих читательскую грамотность в процессе обучения.

Ключевые слова: учащиеся. грамотность читателя. ключевые компетенции. методы. процесс обучения

Для цитирования: Lukac M., Imrovic M., Orlikova M., Poorova E., Развитие навыков читательской грамотности в системе начального образования. // *Историческая и социально-образовательная мысль.* 2021. Том. 13. № 2. с. 265-285.
DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-2-265-285

Acknowledgement: This article is part of the project KEGA 026UCM-4/2020 "Youth policy as a part of civil society".
Благодарность: Данная статья является частью проекта KEGA 026UCM-4/2020 "Молодежная политика как часть гражданского общества".

Introduction

More recently, the need to develop reader´s literacy as part of the education process in our schools has been increasingly pronounced. This requirement arises from the current need of today's society, in which the ability to understand texts in different situations and contexts is the foundation of a successful life for every person and the prosperity of society as a whole. Calling for the targeted development of reading literacy is reinforced in us by the unfavorable results that our pupils have achieved in recent years in international PISA and PIRLS research. Despite the importance of reading literacy in our lives, in PISA testing, in 2015, the performance of Slovak pupils in reader literacy was already five times below the average of the participating OECD countries. Compared to 2012, the average performance of our pupils decreased by another 10 points, and experts point out that we are a country whose results are falling sharper than in other OECD countries. This alarming finding is a reason to look for effective ways to develop reading literacy. The Ministry of Education, Science, Research and Sport is also responding to our worsening results by the National Strategy for the Improvement of the Level and Continuous Development of Reading Literacy. One of its main goals is to improve pupils' outcomes in order to achieve literacy levels above the OECD countries average in the PISA 2018 test. The Year of Reading Literacy, which is borne out by the slogan "Thinking is Movement should also contributes to Reader´s literacy at primary school is developed by an innovative approach in the teaching process. Therefore, the main theme of a proven pedagogical experience (OPS) is to develop reading skills at pupils of the third year of elementary school [1. Borovská, 2015].

In the case of pupils in primary education in the 3rd year it was found that pupils do not read with understanding, they have a negative attitude to reading itself, which is also reflected in the pupil-book relation. Some pupils have not read a single book on a voluntary basis and their free time is spent by computer games. On the basis of the findings, we find it important to look for new ways of working, new motivation, to give children an opportunity for success in order they are not indifferent to the desire for knowledge and find meaning and pleasure in reading. Reading literacy, enabling acquisition, learning, memorizing and applying of knowledge and information, is irreplaceable in the education process. Through this ability, a pupil achieves new knowledge and their application in solving various tasks, situations and problems. Therefore, learners' reading skills and habits should be built in early education phases.

Reading literacy

Reading helps to personal development and moral improvement of man. In the past, reading was understood only as a technical skill, where it was based on the belief that every reader would take the same meaning from the text. Later on, this view spread to the understanding of the text and the corresponding thought processes. It was caused by culture, environmental conditions, and so on.

Reading is related to the concept of literacy, which includes the interaction between the society requirements and individual competencies. Although literacy has been perceived as an ability to read and write for several centuries, the use of the term literacy has now been extended by a number of other skills, e.g. mathematical literacy, computer literacy, cultural literacy.

At present, the concept of reading literacy is constantly evolving and changing. At the same time, it cannot be understood as a skill that the pupils fully achieve during the

first years of school attendance, but as a constantly evolving set of knowledge, skills and strategies which are developed when pupils interact with their mates and society in various situations throughout their life [2. Heldová et al., 2009]. According to the Prucha, Walterová and Mares [3. 2001, p. 34] reading literacy is defined as *"a complex of knowledge and skills of an individual that allow him or her to deal with written texts commonly found in life practice."* This is a skill not only of reading, i.e. to be able to read and understand texts, but also to search, process and compare the information contained in the text, to reproduce text content and others. Reader´s literacy is understanding and use of written texts and their reflection in achieving personal goals, developing own knowledge and ability to participate in society [2. Heldová et al., 2009]. In the international research, reading literacy is characterized as *"the ability to understand a written text, to think about it and use it to achieve its own goals, to develop its own knowledge and potential and to participate actively in society"* [4. Straková et al., 2002, p.10].

The development of reader´s literacy takes place at certain stages. Each level of reading literacy is conditioned by the previous stage of development. From the ontogenetic point of view, it is possible to characterize three stages of reader´s literacy development.

1. The stage of spontaneous literacy is characterized by first contacts with literacy and its manifestations in adult behavior. In active form it manifests in adult communication with the child, reading, manipulating with books and magazines. The child also notices what adults do with written text, what they read (books, magazines, leaflets, texts on the Internet), what they write (notices, messages, etc.). In this period, children imitate adult readers and try to record their own "written speeches" and then “read” them. The stage is formally completed by starting compulsory school attendance.
2. The teacher's intentional influence on pupil literacy as well as on his / her ideas is characteristic for the stage of development of reader´s literacy. It is a long time period in which the increase in skills is most pronounced. This period is divided into two further sections:

   a) The first section is the training period for reading and writing techniques. In the literature, we find the stage of the initial reading literacy [5. Wildová, 2004], the stage of elementary literacy [6. Doležalová, 2005] or the stage of basic literacy [7. Gavora, 2003]. This period is characterized as a period of writing and reading practice. The practice of initial reading and exercising should be practiced on texts of a certain literary level. At some children the initial reading literacy stage may take up to the third grade of primary school.

   b) After mastering the technical side of reading, the stage of basic literacy begins [7. Gavora, 200] At this stage, pupils should learn methods, techniques and strategy of working with texts. It is the pupil's ability to understand the meaning of the text been read, to reproduce the information properly. The performance is judged by reading speed, error occurrence, fluency and text comprehension.
3. The final stage in the development of reading literacy is the period of functional literacy. According to Gavora [8. Gavora, 1992], it is the ability to use reading and writing beyond elementary literacy to achieve different goals. This stage is characterized by a competence to use acquired knowledge and skills to solve problems in life situations. Reader´s literacy is labeled as functional literacy in literacy models, which is characterized by the ability to process textual information. The theoretical

issues of functional literacy have been applied to the PIRLS international research methodology, which identifies the level of 4 comprehension processes (searching for information, drawing conclusions for the complete understanding of the information and literary text [9. Kašiarová, 2011].

Reader´s literacy is the most important area functional literacy. As one of the conditions of increasing education, science and culture, economic and social development of society, and as a means of cultivating a person, it deserves extraordinary attention. It has an irreplaceable role in the educational process, as it allows the acquisition of information and knowledge from all the education fields. It is therefore an irreplaceable basis for lifelong learning.

The pragmatic goal of functional literacy is the processing of text information and its effective use in the most diverse life situations. The range of texts that man receives and produces is very broad, so overall functional literacy is a sum of three domains:

• Contextual literacy – to have the knowledge and skills necessary to understand and use information in contextual texts (prose, poetry, commentary, etc.)

• Document literacy – to have the knowledge and skills needed to search for and use information in short, incoherent texts (forms, notices, instructions).

• Numerical literacy – to have the knowledge and skills needed to operate the numbers that are part of the texts (accounts, invoices, orders of goods from the catalog).

PIRLS text comprehension levels

The notion of reader´s literacy has penetrated into awareness in the last decade mainly through the framework of international studies focused on this area (PISA, PIRLS). Today, we can meet this term not only in the pedagogical literature but it gradually comes to the school environment and beyond it as well [2. Heldová et al., 2013].

In PIRLS studies, reading literacy is defined as *"the ability to understand and use such written forms that society requires and are of value to an individual. Young readers can construct meaning from various texts. They read for education, participation in readers' communities, at school, and everyday life for pleasure "* [10. Obrancová et al., 2004, p. 8]. Reader´s literacy is a complex phenomenon of cognitive components of value attitudes, strategies, routines and knowledge. PIRLS research divides reader´s literacy into three sub-areas: aspects of comprehension, reader's intentions, reader´s behavior and attitudes.

1. **The processes of understanding** refer to the procedures of individual readers that construct the meaning of the text. When working with a text, the reader can focus on searching for information, drawing conclusions from reading text, interpreting and integrating thoughts from text content, reviewing and evaluating the content or formal characteristics of the text. The process of understanding is influenced by individual knowledge and experience that enables the reader to understand the language, texts and the world.

2. **Reader's intentions** are the reasons that lead the reader to read. For an adult population, we have three reasons for reading: reading from interest and pleasure, reading to engage in society and reading for learning. Children of younger school age are

mainly interested in learning and interest. These two groups were identified in the PIRLS studies as:

• reading for literary experience - the reader becomes part of the story, the environment, the characters, the text is an opportunity to experience the fantastic situations and feelings,

• reading for information and its use - the texts are based on real life and, on reading them, the reader receives the information on the functioning of the world. These include, in particular, informative texts whose order is chronological or non-chronological. Within one text, both forms may appear.

3. **Reader´s behavior and attitudes** reflect the attitude of the individual to reading, written culture, which reflects on the approach to lifelong learning.

Although in the PIRLS studies these aspects have been examined separately, in real reading situations, they are always applied in mutual relationships, depending on the context.

In evaluation of reading literacy in PIRLS studies, reading comprehension is monitored at four levels of understanding:

1. **Search for certain information** - The reader identifies information in the text that is explicitly worded and is important for understanding the text.
2. **Formulating Conclusions** - The reader derives from the text information or context which is not directly formulated in the text but directly derives from the text.
3. **Interpreting and integrating ideas and information** – the reader constructs meaning beyond the text when interpreting looks for the ideas of the text connection, while using prior knowledge, skills, attitudes and experiences; the interpretation takes place in addition to the integration of ideas and information from the text to one another and to the integration and synthesis of the previous knowledge and knowledge of the reader.
4. **Evaluation of content, language and textual elements** - the reader critically analyzes and evaluates the text content as well as its form, understanding includes a reflection structure of the text, language and means of expression, literary forms, including the author's personal point of view and style, in addition to reader´s knowledge about the world uses his or her language skills, language conventions, builds on his or her previous experience with reading texts, evaluates the text in terms of ideas, formulated information and the reader is based on his or her understanding of the world.

The first two comprehension processes focus on the text and work with it, the other two processes focus on the reader, on his ability to understand, interpret, but also on his reading experience and information.

Since 2001, international research on reading literacy has been conducted, involving many countries on a voluntary basis. Research, in addition to the results found, theoretically defines the content of literacy, which also entails requirements for the reader living in that society. PIRLS testing determines the level of reading skills on the scale 1- 4, which shows what pupils achieve at individual levels:

Table 1 Levels of reading skills according to PIRLS

Levels	Literary text	Informative text
First	- recognize the explicit details in the text - to search for a specific part of the story and to create from the text the judgment that follows directly from the text	- to seek and reproduce explicit information that is readily available (in a precisely defined section) - partly to make the judgment that follows directly from the text
Second	- dentify major events, story engagement and important story details - to learn about the characteristics, feelings and motivations of the main characters that result from the text directly - fair part of the information between the different parts of the story	- check and re-produce one or two information from the text - to make judgments to provide information from the actual part of the text - use subtitles, text in frames, and an illustration to search for a piece of text
Third	- to search for essential parts of the text and to recognize important details throughout the text - explain the relationship between intentions, deeds, events and feelings of characters, and prove it with evidence from the text - unknown some of the used text elements (e.g. visual expressions, main idea) - to interpret and relate story events and facets in the whole of the text in their entirety	- receive and use various organizational elements of the text to find and identify relevant information - to make judgments based on abstract or implicitly included information - to integrate information across the text in order to recognize and explain the main ideas - to compare and evaluate parts of the text and to justify your choice - partial understanding of text elements such as metaphor and author's attitude
Fourth	- combine thoughts across the text to provide interpretations of character properties of characters, intentions and feelings, and document it from the text - partially evaluate the composition of the story	- to interpret and interpret complex information from different parts of the text and to illustrate it with an example from the text - understand the function of organizational elements - integrate information across the text to determine the sequence of activities and fully justify your choice

Methods of developing reading literacy

Among the best methods of developing pupils' reading literacy, which are used in lessons within action pedagogical research are: Reading with Questions in Pairs, Reading with Prediction, Keyword Search, I Know – I want to know, I know – I got known, Index Map, INSERT Method for effective reading and thinking), Free Writing Method, puzzled sentences and others.

Methods supporting reading literacy develop at pupils the following competencies:

• know and distinguish texts (artistic and material), read various texts (both content and form), to generalize certain moments of material and certain artistic texts. Learn to express aesthetic experience of emotional experience

• Read with comprehension. Understand the substance of the text, identify key words. Have interest in the text to find a problem, define and solve the problem - apply acquired theoretical knowledge and practical reading skills with an understanding of real life situations.

• Ability to process text - make a concept, outline or annotation. Analyze text (recognize the main ideas), logical connectors between ideas (time, relationship, causal). Explain the main idea (explicitly or implicitly expressed) in the text.

• Ability to work with text - analyze and evaluate. To assess the content and formal point of view, to analyze it, to justify its position. Ability to think independently and be open to new ideas, leading learners to evaluate the information sources on which the text was created.

• Compare specific text with other texts.

• Evaluate text in terms of language culture.

• Understand that effective reading is the basis of self-education - lifelong learning.

Aim of the Research

The aim of the paper is to highlight how the methods developing reading literacy enhance students' ability to understand the text. The main objective of the survey is:

• to analyze the level of reading literacy of pupils of the 3rd year according to the four levels of PIRLS text understanding at the beginning and at the end of the research

We also defined several partial goals to achieve the main goal:

• to find out the level of search for explicit information in the text

• to determine the stage of drawing straight conclusions from the text

• to determine the degree of interpretation and integration of ideas

• to discover the extent of content and language evaluation

Formulation of the hypothesis

H1: We expect that by applying methods developing reading literacy, pupils will achieve a better score in the literacy test at the end of the research than at the beginning

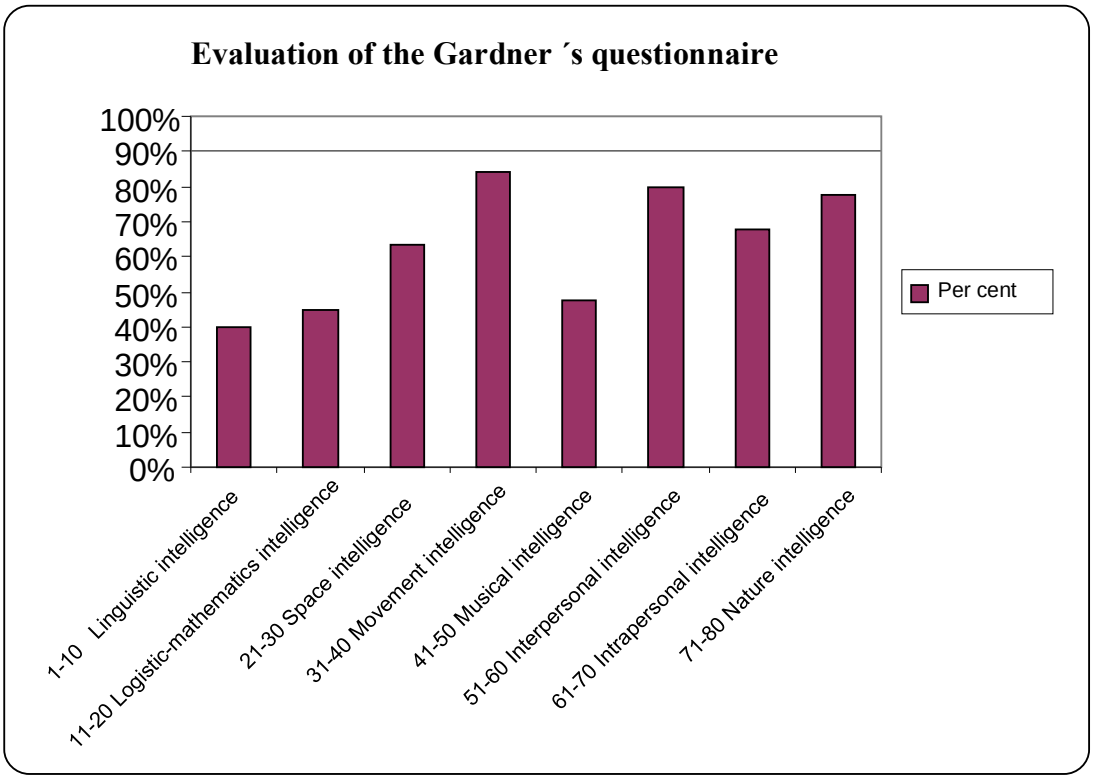
Characteristics of the research sample – Pupils of the third year

The research sample was made up of pupils in the third year class of the elementary school in a village Šenkvice with 21 pupils, 10 boys and 11 girls. The two of them have a diagnosed developmental brain disorder - the borderline, one girl started to go to school early. In the class there are children with very good but also average results and pupils with educational problems as well.

Among the most popular pupils' subjects belong physical education, science and mathematics. Pupils attend sports activities, for example, gymnastics, ground hockey. Children in this class have difficulties in writing dictations, doing grammar exercises, reading with comprehension, and their relationship to reading itself is rather negative.

In order to better identify pupils and analyze their learning styles, which are an important starting point and a condition for successful learning, and also the condition of a teacher's success, we chose the Gardner's 8 Intelligences Questionnaire as a diagnostic method. The questionnaire was completed by all pupils in September 2017. The overall evaluation shows that the most represented motion intelligence is 84% and the least developed linguistic intelligence is 40%.

Graph 1 Percentage representation of children's intelligence by Gardner questionnaire

Source: Author´s processing

The method of research

The pedagogical action research was used as the basic research tool, which included the use of the test method - the entrance and exit test of reading literacy (the same test).

1 Reader´s literacy test

The aim of the first research was to describe and analyze the level of understanding of a text at pupils of the third year class using the didactic literacy test (Annex A).

A) to describe and analyze the level of understanding of a text at 3rd grade pupils. The starting point for the compilation of the tasks was the publication of N. Kašiarová and B. Sihelský - Creation of tests for the development of reader´s literacy of pupils in primary education [9. 2012, p.11-12]. The test contains fourteen tasks, enrolled into four levels that respect specific PIRLS reading goals.

The test examines four levels of understanding:

• Level A - search for explicit information,

• level B - drawing conclusions that are not directly listed in the text,

• level C - interpreting and integrating information using previous knowledge and experience,

• Level D - content, language and text elements evaluation

The test contains 14 items, each of which follows one of four levels of understanding:

• Finding explicit information - 20.8% of items - answers to questions require information that is listed directly in the text, most often as a separate sentence or phrase.

• Delivering conclusions that are not listed directly in the text - 29.2% of the tasks - answers to these questions require the student to find the information and the resulting conclusions.

• Interpretation and integration of information - 29.2% of questions - answers to these types of questions require the reader to draw conclusions based on information that is not implicitly expressed in the text. The student must apply his / her own knowledge and experience when reading the text.

• Evaluation of the content of the language and text elements - 20.8% of the items - the answers in this area are focused on the pupil's ability to evaluate the literary genres, the structure of the language expression and language patterns.

The test tasks respected the following structure:

- introductory information,
- task core - what a pupil should do, active verbs are highlighted in different fonts,
- form of a response - where and how a pupil should respond, this section is highlighted by a different font type (italics).

Text: Information text for the third grade pupils included in the educational section Nature and Society focused on information about Slovakia. The text is related to the subject about Homeland. Slovakia is full of mysteries, part of the cave. The theme of the cave is close to the pupils, as they went for a field trip to the cave Driny and Dobšinská ice cave.

Table 2 shows how the reader´s processes were represented in questions, how they were scored and the percentage of questions in the test.

Table 2 Processes of understanding and their distribution in the test

Processes of understanding questions	Understanding questions	in%	Points for area	in%
Search explicit information	1,2,3	21.5%	5points	20.8%
Conclusion of Conclusions	4,5,6,7,8	35.7%	6 points	29.2%
Interpretation and integration of information	9,10,11,12	28.5%	7 points	29.2%
Evaluation of content of language and text elements	13,14	14.3%	5 points	20.8%
Total	14 questions	100%	23 points	100%

Source: Author´s processing

Questions 1, 3, 5, 6, 7, 8, 9, 11 had a point score of 1 point, tasks 4, 12, 14 were awarded a score of 2 points and questions 10 and 13 had a score of 3 points. Pupils could earn 1 point for each correct answer. They received 0 points for a wrong answer or for an unsatisfactory answer.

The course of research

The two-stage research was aimed at verifying the impact of the methods developing reading literacy on the development of reading and comprehension. The first stage was held in November 2018. The level of understanding of the text was searched by an entrance reader´s literacy test, which was completed by 21 pupils from the 3rd grade class. Each test included an informative text about Driny Cave, a map of a tour route and tasks. After the test was distributed, the children read the information text and task instructions. Then the pupils had the opportunity to ask for any ambiguities. Children were pointed at the words in bold and explained how to respond to the tasks. The test was to be completed in 60 minutes.

The second phase of the research was carried out in May 2019. In this section, through a questionnaire and a final reading literacy test, we verified the success of methods developing reading literacy. When introducing the test and the questionnaire to the pupils, we proceeded like in the first stage of the survey.

The planned procedure of action research was as follows:

- input testing – reader´s literacy test
- experimental action in the form of methods developing reader´s literacy
- output testing – reader´s literacy test
- comparison of input and output test results

Action research was completed with an output test. Testing took place in the natural environment of the class. The goal of the final test was to find out whether the systematic introduction of reading literacy methods influences the development of reading with comprehension and the relation of pupils to books and readings. By testing it was possible to find and compare the level of understanding of the text in the input test and the level of understanding achieved in the output test.

Evaluation of results and their interpretation

In order to verify the established hypotheses quantitative and qualitative analysis of the results has been developed. The data were processed using mathematical - statistical methods. The data were obtained on the basis of input and output testing of pupils within the pedagogical research carried out. The tables are presented not only to interpret the results obtained from input and output testing but also to compare these results. The qualitative evaluation method was used primarily to evaluate relationships and phenomena. In order to improve the clarity of the studied issue, the input test and the input questionnaire throughout the work is marked as the first research and the output test as well as the output questionnaire, is named as second research.

Didactic literacy test (Annex A) was evaluated by means of a table. The tables show the overall score, score and percentage score.

Level A - Search for explicit information

Labeling of explicit information in the text requires not only understanding of the text but also understanding how the information relates to the information sought. The correct answer to this task group is a specific word, sentence, phrase or idea. The student locates the information that is clearly stated in the text.

This part of the text consisted of three tasks in which students sought information on:

- the length of the cave route,
- three natural caves,
- the search of ponds on the map of the cave

For each correct answer to the individual task, a score was awarded, as follows:

1st task - completing numerical data = 1 point,

2nd Task - assigning three names = 3 points, for each correct information was given a point,

3rd task – giving the correct word = 1 point.

The number of points earned and percentage success in the first three tasks of the third grade students is shown in the following table.

Table 3 Level A-Point Rating and Percentage of Partial Tasks

Task number	Point score	Total point score	Number of points scored in the didactic test.		Percentage of success	
			1. research	2. research	1. research	2. research
1.	1	21	15	19	71.4%	90.5%
2.	3	63	39	50	61.9%	79.4%
3.	1	21	21	21	100.0%	100.0%
TOTAL	**5**	**105**	**75**	**90**	**71.4%**	**85.7%**

Source: Author´s processing

The data in the table show that the most successful students were in solving the third task, which was focused on searching the ponds on the map. In both studies, the success rate was 100%. The second task, where the children were supposed to indicate three cave forms, made them the biggest problems. In this task, the students achieved 39 points (61.9%) at the beginning of the research, and at the end of the survey the point score of this task increased to 50 points (79.4%). It can be said that the success rate of the first task was 71.4% at the beginning of the research and 90.5% at the end. Pupils in this item complemented the length of the cave tour.

Level B - Drawing Conclusions

At this level of understanding, the student conveys information, ideas or connections between them, which, although they are not explicitly stated in the text, directly come from the text. The reader processes data through thought processes such as analysis, synthesis and deduction. Concluding the conclusions allows the reader to fill in the "gaps" in the meaning which can occur in the texts.

This component of the didactic test consisted of five tasks, three of which required work with a table:

- to find two cave names that are not marked on the map,
- to state why Curtain Cave is not on the map,
- to decide on the occasion when the last visitors from the cave leave,
- to identify the entry fee for the 3rd grade pupils,
- to decide about the possibility for a three-member group to enter the cave.

In this section, each pupil could get 6 points for the correct task assignment in the following way:

4th task - write two names of parts of the cave = 2 points, if the pupil completes only one correct name he has earned 1 point,

5th task - give cause for not marking the cave Curtain on the map = 1 point,

6th task - to indicate the possibility of leaving the last visitors from the cave = 1 point,

7th role - set the entry fee = 1 point,

8th task - determine the possibility of entering the cave for a three-member group = 1point.

The number of points earned and the percentages achieved in the 4th - 8th tasks of the pupils is shown in the following table.

Table 4 Level B - Point Rating and Percentage of Partial Tasks

Task number	Point score	Total point score	Number of points scored in the didactic test.		Percentage of success	
			1. research	2. research	1. research	2. research
4.	2	42	37	39	88.1%	92.9%
5.	1	21	13	15	61.9%	71.4%
6.	1	21	15	18	71.4%	85.7%
7.	1	21	19	19	90.5%	90.5%
8.	1	21	10	10	47.6%	47.6%
TOTAL	**6**	**126**	**94**	**101**	**74.6%**	**80.2%**

Source: Author´s processing

Based on the results of level B, it is clear that for the pupils the most difficult task was the eighth one, where they decided to enter the cave for a three-member group. Respondents could choose from four options. Only ten pupils (47.6%) in the first and second tests indicated the right option. Highest score points were reached in the fourth task where pupils achieved 88.1% in the first research, and 92.9% in the second. Why Curtain Cave is not on the map was the fifth task. The correct argument was given by thirteen pupils (61.9%) in the first test and fifteen pupils (71.4%) in the second test. The most common reason was: *because the Curtain Cave is a nickname of Driny Cave; for the true name of the Cave is the cave of Driny; it is really called Driny Cave.* 90% of the children's determined the entry fee correctly (the seventh task), the two pupils did not meet

the question. The sixth task was focused on selecting time data. The pupils should have determined when the last visitors from the cave leave. They had a choice of four options. 71.4% of the pupils were successful at the beginning of the research and at the end it was 85.7%.

Level C - interpreting and integrating information

At this stage, the pupil gets above the level of text, interpreting if he or she finds connections between the ideas of the text, using his / her previous knowledge. Mastering reading literacy at level C assumes to search for essential parts of the text, to recognize details throughout the text, to link information across the text, to explain the main ideas, partially interpret and associate story events and character deeds, partially understand and recognize text elements.

In the didactic test level C was formed by the following tasks focused on:

- the use of the information given in the table "Opening hours"
- calculation of the entrance fee to the cave for a four-member family
- indication of the name *cave pearl*
- justification of the naming of *the Cake Hall, The Treasury*

Tasks that consisted C level were assigned the following score:

9th task - to indicate the possibility of visiting a cave at a certain time = 1 point

10th task – to give the entry fee for a four-member family = 3 points

11th task – to determine correct naming = 1 point

12th task – to write down two reasons, according to which *Cake Hall and Treasury* are named = 2 points (1 point was assigned to each reasoning).

For all the correct answers in this section, the pupil could get 7 points. The following table shows the number of points earned and percentage success in individual C levels.

Table 5 Level C - Point Rating and Percentage Success of Partial Tasks

Task number	Point score	Total point score	Number of points scored in the didactic test.		Percentage of success	
			1. research	2. research	1. research	2. research
9.	1	21	14	17	66.7%	81.0%
10.	3	63	49	53	77.8%	84.1%
11.	1	21	12	15	57.1%	71.4%
12.	2	42	12	13	28.6%	31.0%
TOTAL	**7**	**147**	**87**	**98**	**59.2%**	**66.7%**

Source: Author´s processing

According to the statistically processed results, it can be seen that the least successful were pupils in the twelfth task. Only 28.6% of pupils knew how to give the reason why the parts of the cave are named the Cake Hall and the Treasury. In fact, this percentage figure was represented by nine pupils, three of whom earned two points for this task and six pupils one point. The most frequent reasons included: *The Cake Hall - there*

are cake-shaped droplets there; liquid cake shaped formations; Treasury - the most precious part of the cave; there are precious cave treasures; a precious room where there are droplets in the shape of gems and jewels. At the end of the research, pupils achieved 31.0% success rate. Highest scores were reached in the 10th task where the pupils had to calculate the entry fee for a four-member family. All pupils answered this question to at least two points. In the first research, the actual number of points scored was 49 and in the second research 53 points. In question no. 9 the pupils achieved in the first test fourteen points (66.7%) and in the second test seventeen points (81.0%). In this role, children decided about the possibility to visit the cave at the appointed time. In the eleventh task, which means naming a cave, the pupils had to choose from four options. Twelve pupils in the first research (57.1%) scored the right choice and fifteen pupils (71.4%) in the second study.

Level D - Evaluation of the content of language and text elements

At this level, the reader passes from the creation of meaning to the critical assessment of the text, critically evaluates the text, its content and form. He or she evaluates the likelihood whether the events described may actually have occurred, assesses the completeness and clarity of the information in the text and evaluates the content of the text in terms of its overall value or its significance to the reader. He or she blends ideas across the text to provide interpretations of the characters, differentiates and interprets complex information from different parts of the text and complements it with an example from the text. The reader in this understanding process uses his / her knowledge of the world, knowledge of language and language conventions. It relies on previous reading experience.

This test section contained two tasks:

- Why would I invite my friend to Driny Cave
- What is the purpose of the educational walkway that leads to Driny Cave

For each correct answer in this part of the test, the following score was assigned.
13th task - write three reasons to invite a friend to the cave = 3 points
14th task - indicate the justification of the educational walkway = 2 points

The percentage achievement rate and point rating of these two tasks is shown in the following table.

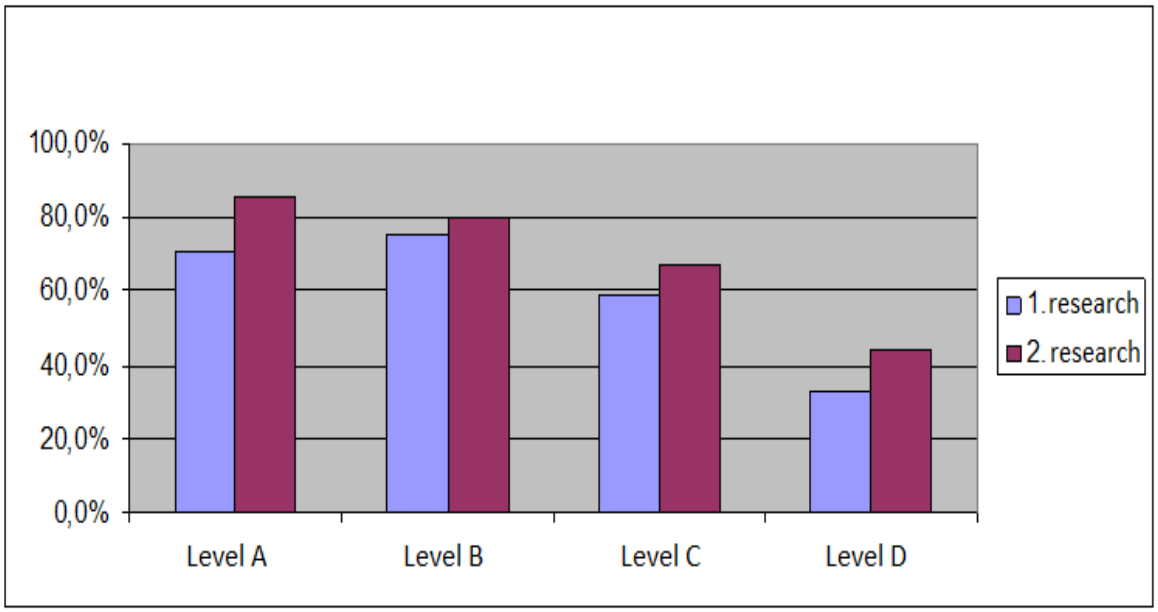
Table 6 Level D - Scores and Percentage Achievement of Partial Tasks

Task number	Point score	Total point score	Number of points scored in the didactic test.		Percentage of success	
			1. research	2. research	1. research	2. research
13.	3	63	29	38	46.0%	60.3%
14.	2	42	6	8	14.3%	19.0%
TOTAL	**5**	**105**	**35**	**46**	**33.3%**	**43.8%**

Source: Author´s processing

Level D evaluation has brought interesting results, and has also highlighted the low level of understanding of text- evaluation of language content and text elements. Task 4 in the first research was completed by 5 pupils who earned six points together (one pupil correctly stated both reasons, the other one only one). In the second research, the number of right answers increased to six pupils who reached eight points together (19.0%). The reasons for the use of the educational walk in Driny Cave were the following: *to know in what hills we are located, what plants grow around the cave, what animals live in the Little Carpathians, which rocks are located around the cave, how the cave was created.* In the thirteenth question, children were looking for a reason to invite a friend to a cave. In the first research, sixteen pupils answered and their score was 29. In the second research, the number of points scored was 38 and the children achieved a 60.3% success rate. The most frequent reasons for inviting a friend to a cave were:" *I would show you ponds with cave pearls, curtain decoration, Cake Hall, wall waterfalls, three ponds, cracked corridors, and the Treasury.* Wrong answers were: *"...because it's nice there, it's clean, there's good lighting."*

Graph 2 Percentage achievement of individual levels of text comprehension

Source: Author´s processing

The results show that the pupils achieved the best results at level A, B, where the percentage success rate in the second study was around 80% (level A 85.7%, level B 80.2%). When comparing the results at these levels with the first research, it can be seen that the percentage success rates of A and B increased by 5.5%. Children in the first research achieved 71.4% success rate at level A and 74.6% success rate. Level C tasks have been mastered at 59.2% in the first level of research and 66.7% in the second research. Questions from level D, where the percentage success rate in the first test was 33.3% and in the second test 43.8% caused children the biggest problems. The results of the test show that the pupils did not have a problem with tasks aimed at finding simple and direct information in the text as well as the tasks connected with direct conclusions. The problem for students is level C and D. The children do not handle the tasks aimed at taking a separate evaluation and opinion, they are not able to sufficiently integrate their own thinking with the information in the text.

Table 7 Scores achieved in the reader´s literacy test

	Scores achieved in the reader´s literacy test	Percentage score
1research	291 bodov	60.2 %
2 research	335 bodov	69.4 %

Source: Author´s processing

Based on the results obtained, it is quite clear that the scores of the reader´s literacy test in the second research was higher than the scores in the first research. Therefore, hypothesis H1: *"We suppose that by applying reading literacy methods, pupils will get better point scores in the reading literacy test at the end of the research than at the beginning of the research"*, was confirmed as the pupils achieved 291 points in the test at the start of the research, and 335 points at the end, which is 44 points more.

Based on the analysis of the quantitative and qualitative data obtained in the pedagogical research carried out in the area of reading literacy development, it can be stated that the research results contributed somewhat to the solution of the given issue in the sense of the stated goals.

The aim of pedagogical research was to identify the impact of methods developing reading literacy on the level of understanding the text, and to create a positive relationship of pupils to books and reading.

The basis of the research was to verify or reject the hypothesis:

• H1: We expect that by applying reading literacy methods, pupils will get a better score in the literacy test at the end of the research than at the beginning. The hypothesis H1 was verified by a didactic reading literacy test, exploring the level of understanding the text at the end and at the beginning of the research. The tasks that the pupils dealt with were four levels of PIRLS comprehension:

• Level A - Search for explicit information

• Level B - Drawing conclusions that are not directly listed in the text

• Level C - Interpretation and integration of information using prior knowledge and experience

• Level D - Evaluation of content, language and text elements

The hypothesis was judged on the basis of the results obtained. Input didactic test included in the research at the beginning:

• Level A - 75 points (71.4%),
• Level B - 94 points (74.6%),
• Level C - 87 points (59.2%),
• Level D - 35 points (33.3%),
• Score reached - 291 points (60.2%).

Output didactic test included at the end of the research:

• Level A - 90 points (85.7%),
• Level B - 101 points (80.2%),
• Level C - 98 points (66.7%),
• Level D - 46 points (43.8%),
• Score reached - 335 points (69.4%).

The results show that the understanding of the text really improved. It can be seen that at the beginning of the research, the pupils achieved a score of 291 points in the test and at the end of 335 points and the percentage of pupils in the final test also increased. From these results it is possible to characterize individual levels of understanding the text. It is clear that the highest score was reached by the pupils at level A, B and the lowest point score at level D. However, from the above data, some improvement can also be observed at level D. According to the results achieved in the didactic test, it can be said that the hypothesis H1 was confirmed.

Conclusion

Reading literacy is a complex phenomenon of cognitive components of value attitudes, strategies, routines and knowledge. By reading the selected text, the reader processes and selects information by appropriate activities such as: identifying the hierarchy of information in the text, distinguishing important information from marginal one, finding relationships between the main idea and supporting information, compressing text, drawing conclusions, extracting explicit and implicit information, evaluating of the use, usefulness, novelty, reliability and veracity of the information and its critical reflection. The result of text processing should be the discovery of the information core of the text as a manifestation of global understanding of the text. Procedures by which an individual completes the information core.

The main aim of the paper was to find out whether the chosen methods of developing reading literacy would increase the respondents' ability to understand the text. The main goal of the research was to analyse the level of reading literacy of 3rd year students according to the four levels of understanding of the text PIRLS at the beginning and at the end of the research. Four partial objectives helped us to fulfil the goal. The sample of respondents consisted of 3rd year pupils of the selected primary school who had problems with writing dictations, completing grammar exercises, as well as problems with reading and understanding the text. We were also interested in their negative attitude towards reading itself. When diagnosing selected respondents, we used the so-called Gardner's questionnaire of 8 intelligences, which showed that students have the least developed linguistic intelligence, which accounted for 40%. This information is very important for teachers to know which area of intelligence is to be influenced more.

To achieve the results of the research, we used a didactic test of reading literacy, which we applied at the beginning and at the end of our research. The test determined 4 levels of their reading literacy. The results show that in order to search for explicit information, it is necessary not only to understand the text, but also to understand how the information relates to the information sought. The success rate of the first task in the entrance test was 71.4% at the beginning of the research and 85.7% at the end of the research. We can see that the success of performing tasks in the final test increased by 14.3%. The second task was to draw conclusions from the text. 71.4% of students successfully completed the given task in the entrance test and up to 85.7% in the final test, which represented an improvement at the end of the research, i.e. in the final test by 14.3%.

In the third task, students had to interpret and integrate information and then find connections between them. The success rate at the beginning of the entrance test was 59.2% and at the end of the research in the final test 66.7%, which shows that again there was a small improvement of 7.5%.

In the fourth task, the respondents had to critically evaluate the read text, its form and content. Subsequently, they had to combine ideas from the whole text and interpret complex information on the basis of what they had read. The percentage success rate of the given task was only 33.3% on the entrance test and slightly improved by 10.5% on the final test.

The results of our research showed a low level of text comprehension processes - evaluation of language content and text elements. Subsequently, the results clearly showed that students have the most problems in the interpretation and integration of information. Based on our findings, we recommend teachers to obtain information regularly on pupils' reading literacy tests, to increase students' interest in reading by organizing various meetings, discussions, where an interesting book would be discussed on the basis of reading, to organize discussions with interesting writers and to visit libraries.

Reading, despite the penetration of modern information technology, remains a fundamental component in acquiring knowledge, human expertise, as well as gaining various practical and professional skills. That is why the relationship of children, pupils and young people to reading should be constantly deepened. Reading comprehension is an indispensable and important component of the entire education process. Reading texts can be used not only for the development of reading competencies, but at the same time, it fulfils the educational objectives of other subjects and promotes the quality of reading literacy, which is a prerequisite for further education. Developing an intense interest in reading contributes to the acquisition of reading skills that are essential to the success of pupils not only in school career but also in adult life.

REFERENCES

1. BOROVSKÁ, J. 2015. Rozvoj čitateľskej gramotnosti inovatívnymi metódami. Trenčín 2015. Metodicko-pedagogické centrum, Ševčenkova 11, 850 01 Bratislava. [online]. [cit. 18-04-2020]. Available on the Internet: chromeextensi-si-on://oemmndcbldboiebfnladdacbdfmadadm/https://mpcedu.sk/sites/default/files/projekty/vystup/16_ops_borovska_jana__rozvoj_citatelskej_gramotnosti_inovativnymi_metodami.pdf.
2. HELDOVÁ, D. et al. Výsledky štúdie OECD Pisa 2009 zaostrené na čitateľskú gramotnosť – tematická Správa. Available on the Internet: http://www.nucem.sk/documents /27/medzinarodne_merania/pisa/publikacie_a_diseminacia/2_tematicke_spravy/pisa_web.pdf.
3. PRŮCHA, J. - WALTEROVÁ, E. - MAREŠ, J. Pedagogický slovník. Praha: Portál, 2001. ISBN 80-7178-579-2.
4. STRAKOVÁ, J. a kol. 2002. Vědomosti a dovednosti pro život. Čtenářská, matema-tická a přírodovědná gramotnost patnáctiletých žáků v zemích OECD. Praha : Ústav pro informace ve vzdělávání. ISBN 80-211-0411-2.

5. WILDOVÁ, R. a kol. Čtenárska gramotnost a podpora jejiho rozvoje ve škole. Praha: Univerzita Karlova, 2012. ISBN 978-80-7290-579-9.
6. DOLEŽALOVÁ, J. Funkčná gramotnost-proměny a faktory gramotnosti ve vztazích a súvistlostech.Hradec Králové: Gaudeamus, 2005. ISBN 80-7041-115-5.
7. GAVORA, P. Rozvoj porozumenia textu. In Gavora, P. - Zápotočná, O. Gramotnosť: vývin a možnosti jej didaktického usmernenia. Bratislava: UK, 2003. ISBN 80-223-1869-8, s.113-133.
8. GAVORA, P. Žiak a text. Bratislava: SNP, 1992. ISBN 80-08-00333-2.
9. KAŠIAROVÁ, N. Čitateľská gramotnosť v primárnom vzdelávaní. Bratislava: MPC, 2011. ISBN 978-80-8052-383-1.
10. OBRANCOVÁ, E. et al.. Čitateľská gramotnosť žiakov 4.ročníka:výsledky medzinárodnej štúdie. Bratislava: ŠPU, 2004. ISBN 80-85756-85-4.
11. Ladányiová, 2006 -?

Information about the authors: Michal Lukac, PhDr. Department of Public administration, Faculty of Social Sciences University of Saints Cyril and Methodius in Trnava, Slovenská
ORCID ID:https://orcid.org/0000-0003-3067-7883
E-mail: michal.lukac@ucm.sk

Correspondent author

Michal Imrovic, PhDr.
Department of Social services and counselling,
Faculty of Social Sciences,
University of Saints Cyril and Methodius in Trnava, Slovenská
ORCID ID:https://orcid.org/0000-0002-2895-9817
E-mail: michal.imrovic@ucm.sk

Author:
Monika Orlikova, PaedDr.
Department of Social services and counselling,
Faculty of Social Sciences
University of Saints Cyril and Methodius in Trnava, Slovenská
ORCID ID:https://orcid.org/0000-0003-1885-5691

monika.orlikova@ucm.sk

Author: Edita Poorova, PhDr. Department of Public administration
Faculty of Social Sciences
University of Saints Cyril and Methodius in Trnava, Slovenská
ORCID ID:https://orcid.org/0000-0001-9877-1118
edita.poorova@ucm.sk
The authors have read and approved the final manuscript.
The article was submitted/Статья поступила в редакцию: 12.03.2021

Approved after reviewing and revision/Одобрена после рецензирования и доработки: 18.04.2021
Accepted for publication/Принята к публикации: 25.04.2021

The authors declare no conflicts of interests/Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Michal Lukac. 2021
© Michal Imrovic. 2021
© Monika Orlikova. 2021
© Edita Poorova. 2021
© «ИСОМ». 2021

Общая педагогика, история педагогики и образования
General pedagogy, history of pedagogy and education

Научная статья

DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-2-286-292
УДК 378.14

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ЭФФЕКТИВНОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ВОСПИТАНИЯ В УСЛОВИЯХ ТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

СОРОКИНА Елена Николаевна
Кубанский государственный технологический университет
г. Краснодар, Россия
karpanina.elena@yandex.ru

ГУЛЯКИН Дмитрий Владимирович
Кубанский государственный технологический университет
г. Краснодар, Россия
dvggti@yandex.ru

Аннотация: В статье рассмотрены теоретические и технологические аспекты формирования и эффективного функционирования системы воспитания в условиях технического университета. Выделена и представлена актуальная проблема формирования, совершенствования и эффективного функционирова-ния системы воспитания – проблема, заключенная в конфликте между возросшими требованиями государства и общества к подготовке будущих специалистов, способных к активной профессиональной деятельности, с одной стороны, и жесткими условиями современной социально-экономической системы, требующими от личности способности к эффективной трудовой деятельности, с другой стороны. Упор делается на периоды и уровни развития воспитательной системы в вузе. Представлены технологические и методические механизмы формирования и дальнейшего эффективного функционирования воспитательной системы в условиях технического университета.
Элементы научной новизны обозначены в гуманистической ориентации развития личности и качественно новом уровне профессиональной подготовки будущего инженера.
По результатам исследования авторы пришли к выводу, что воспитательная система технического вуза является актуальной, объективно целесообразной в поле зрения каждого члена коллектива, если движется по пути гуманизации, с опорой на демократические принципы, а в организации деятельности осуществляется творческий подход.

Ключевые слова: воспитание, воспитательная система, воспитательная среда, самовоспитание, саморазвитие, технология, технический университет

***Для цитирования*:** Сорокина Е.Н., Гулякин Д. В. Технологические аспекты формирования и эффективного функционирования системы воспитания в условиях технического университета.// Историческая и социально-образовательная мысль. 2021. Том. 13. № 2. с. 286-292
DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-2-286-292

Original article

TECHNOLOGICAL ASPECTS OF FORMATION AND EFFECTIVE FUNCTIONING OF THE EDUCATION SYSTEM IN THE CONDITIONS OF A TECHNICAL UNIVERSITY

Elena N. SOROKINA
Kuban State Technological University
Krasnodar, Russia

Dmitry V. GULYAKIN
Kuban State Technological University
Krasnodar, Russia

Abstract: The article deals with the theoretical and technological aspects of the formation and effective functioning of the education system in the conditions of a technical university. The actual problem of the formation, improvement and effective functioning of the upbringing system is highlighted and presented. The problem between the increased requirements of the state and society for the preparation of future specialists capable of active professional activity, on the one hand, and the harsh conditions of the modern socio-economic system, requiring the individual to be able to effectively work, on the other hand. The emphasis is on the periods and levels of development of the educational system at the university. Technological and methodological mechanisms of formation and further effective functioning of the educational system in the conditions of a technical university are presented.
The elements of scientific novelty are indicated in the orientation towards personal development and the qualitative level of professional training of the future engineer.
According to the results of the study, the authors came to the conclusion that the educational system of a technical university is relevant, objectively expedient in the field of vision of each member of the team, if it moves along the path of humanization, based on democratic principles, and a creative approach is carried out in the organization of activities.

Keywords: education, educational system, educational environment, self-education, self-development, technology, technical university

For citation: Sorokina E.N., Gulyakin D.V.Technological aspects of formation and effective functioning of the education system in the conditions of a technical university. Historical and Social-Educational Idea. 2021. Vol. 13. No.2. PP. 286-292. (In Russ.).
DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-2-286-292

Современная динамика развития общества, экономики, производства побуждает по-новому взглянуть на систему воспитания в образовании в целом и в техническом образовании в частности. Воспитание личности в период обучения в высшем учебном заведении – ответственный этап ее становления, в результате которого формируется система идей, идеалов, ее мировоззрение и морально-этические принципы. В период обучения студента в вузе происходит созревание его личности, когда он наиболее предрасположен к осознанию своих поступков и выбору жизненных ориентиров. Поэтому так важны в этот период ориентация на развитие личности и качественный уровень профессиональной подготовки будущего инженера.

Востребованность инженерного труда сегодня гарантируется осуществлением инновационной деятельности в управлении, на производстве, эффективной реализацией проектных задач, возможностью выдвигать целевые установки и решать задачи на платформе инноваций и передовых технологий. Прогресс науки и техники, который обеспечивает инженер, уже не представляется исключительно процессом; это «основанный на креативе научный подход, обеспечивающий эффективную системную деятельность, которая позволит путем расширения возможностей обеспечить объективно более совершенную ступень развития жизнедеятельности человечества» [4, с. 84-87].

В рамках реализации социально-педагогической деятельности технического университета просматривается близкое взаимодействие с обществом, с образовательными учреждениями и непосредственно работодателями. Профессиональная деятельность современных инженеров связана, прежде всего, с удовлетворением потребностей общества и каждого человека в отдельности в различных бытовых, производственных, информационных и других видах техники и технологий. Объективный процесс интеграции социокультурных систем гуманитарной, информационной и технической природы приводит к пониманию того факта, что инженер становится субъектом социальной деятельности и социальной ответственности [5; 6]. Мы солидарны с мнением А.В. Пономарева, который считает, что «основой реализации такой функции является «воспитательная деятельность», организуемая в «специально сконструированной воспитательной системе вуза, формирующей динамично развивающуюся воспитательную среду и одновременно формируемая ею» [2, с. 36].

Как известно, воспитательная система современного вуза не статичное, а динамичное явление, поэтому для ее успешного создания и управления необходимо знать механизмы и специфику ее развития, она всегда создается и формируется во взаимосвязи всех участвующих и организующих ее субъектов, с обязательным соблюдением ее целостности и способности к интеграции процессов воспитания и обучения. Положительные процессы интеграции параллельно сопровождаются отрицательными тенденциями между возросшими требованиями государства и общества в формировании специалистов, способных и готовых к

активной профессиональной деятельности, корректно строящих пространство своей жизнедеятельности на нормах этики и морали, с одной стороны, и жесткими условиями современной социально-экономической системы, требующими от личности способности к выживанию, с другой стороны. Противоречивость данной ситуации на самом деле является для воспитательной системы главным двигателем ее развития [2, с. 122].

Начальный период создания и развития данной системы характеризуется тем, что интеграционные процессы позитивно влияют на формирование воспитательной среды в вузе, направленной на личностное развитие студента в учебной деятельности и коммуникативном общении.

В последующие периоды становится важной роль стихийных компонентов, которые позволяют предоставить возможность выбора и дать дополнительную новизну всем системным элементам развития воспитательной системы по определенным уровням.

Первый уровень характеризуется процессом становления системы. Качественно показательной отметкой этого уровня можно считать прогностическую ступень, на которой происходит формирование теоретических положений концептуальной основы проектируемой воспитательной системы, структурируется ее модель, планируется взаимодействие всех ее компонующих элементов. Динамика системообразования на этом уровне должна иметь высокие значения.

Уровень второй – это устойчивые механизмы работы системы. Детали данного уровня представлены развитием коллектива и его управления, системообразующими факторами и такой же деятельностью, ведущими ориентирами работы системы, утверждаются приоритеты, осуществляется эффективное функционирование технологических аспектов.

Третий уровень представляет собой конечный вариант системы и характеризуется сообществом студентов и преподавателей, стремящихся к одной общей цели, реализующих обучение и деятельность в едином направлении, занимающихся творчеством, выстраивающих позитивные взаимоотношения.

Не менее актуальными являются и такие показатели, как повышение культурного и профессионального уровня, а также демократизация отношений. Согласно Е.В. Бондаревской, совокупность этих обстоятельств можно считать ведущим фактором «обновления» воспитания, с опорой на «принципы гуманизма» [3, с. 74].

Гуманизация ставит методы саморазвития, самовоспитания, самоуправления, самоконтроля, самооценки в приоритет, позволяет концентрировать, пополнять традиции и транслировать их подрастающему поколению. Обязательным условием является полноценное активно-творческое взаимодействие воспитательной среды и воспитательной системы [3]. По нашему мнению, самым оптимальным представляется комплексный подход к воспитательному процессу, подразумевающий следующие *методы*:

– направленные на формирование сознания, убеждений, взглядов (беседа, диалог, лекция, семинар и т.д.);

– педагогического внушения, в которых используются образные, эмоциональные и психологические приемы для создания положительной атмосферы обучения и воспитания;

– формирования поведения и трудовая деятельность (приучение, режим, требования, поручения и т.д.);

– контроля, самоопределения и самооценки, которые направлены на развитие аналитического и логического мышления, рефлексии и самоидентификации (анкетирование, тестирование, анализ и т.д.).

Рассматриваемые уровни позволяют производить процессы реструктуризации и реконструкции воспитательной системы. Таким обстоятельствам может способствовать усиление факторов дезинтеграции, что может привести к системному кризису, условиями формирования которого чаще всего являются:

– дискомфорт психологического климата коллектива;

– невозможность дальнейшего перспективного движения в развитии методико-содержательной и практической реализации;

– отсутствие инновационно-творческой динамики.

Направлением выхода из сложившихся обстоятельств можно считать системное реформирование, включая при необходимости смену топ-лидирующего состава, подъем творческого потенциала, формирование новых педагогических условий с опорой на инновации и практику психологии и педагогики [2].

Исходя из сказанного выше, можно говорить о конкретных *технологических и методических механизмах* формирования и дальнейшего эффективного функционирования воспитательной системы. Рассмотрим их более детально.

Технологические механизмы включают соответствующие технологии:

– технология индивидуализированного воспитания;

– технология воспитания субъектной социальной активности человека;

– технология организации самовоспитания;

– технология воспитания духовной культуры молодого поколения.

Методические механизмы:

– определение целевых установок;

– постановка задач и приведение алгоритма их решения;

– создание на этой платформе теоретической концепции;

– четкое моделирование компонентов системы и условий их взаимных действий относительно друг друга;

– обоснованный выбор и применение технологических и методических вариаций, включая проект педагогических условий [4; 7].

Установить степень сформированности воспитательной системы технического университета, опираясь на научные знания и педагогические исследования, можно с помощью двух оценочных категорий.

1. *Критерии факта* могут быть представлены такими показателями, как:

– упорядоченность жизнедеятельности (соответствие содержания, объема и характера учебно-воспитательной работы возможностям и условиям);

– наличие команды единомышленников или сложившегося единого студенческого коллектива.

2. *Критерии качества* складываются из таких показателей, как:

– степень приближенности системы к поставленным целям, реализация идей и принципов, лежащих в основе воспитательной системы;

– общий психологический климат, стиль отношений, самочувствие студента, его внутренний комфорт;

– уровень воспитанности учащихся.

Данные критерии условны, они могут быть конкретизированы применительно к той или иной воспитательной системе.

Категория первая дает возможность получить ответ на вопрос, имеется ли в принципе в данном техническом университете воспитательная система. Вторая категория позволяет получить информацию о степени ее сформированности и эффективности.

Таким образом, положительную динамику развития воспитательной системы в условиях технического университета можно констатировать в случае, если:

- система является актуальной, объективно целесообразной в поле зрения каждого члена коллектива;
- система движется по пути гуманизации, с опорой на демократические принципы;
- в организации деятельности осуществляется творческий и инновационный подход.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Сорокина Е.Н. Теоретические и психолого-педагогические аспекты воспитания студентов технического университета: Монография / Е.Н. Сорокина. – Краснодар: КубГТУ, 2019. – 178 с.
2. Воспитательная среда университета: традиции и инновации: Монография / А. В. Пономарев [и др.]. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. – 408 с.
3. Бондаревская Е.В. Воспитание как возрождение человеческой культуры и нравственности: Науч.-метод. разработка. – Ростов н/Д: РГПИ, 1995.
4. Карпанина Е.Н., Ронь И.Н. Структурно-функциональная характеристика вузовской системы воспитания / Е.Н. Карпанина, И.Н. Ронь // Перспективы науки. – 2017. – № 5 (92). – С. 84-87.
5. Гулякин Д.В. Современный вуз как среда, реплицирующая культуру общества // Научное обозрение. Сер. 2: Гуманитарные науки. – 2012. – № 6. – С. 91-95.
6. Гулякин Д.В. Концептуальные аспекты социально-информационной культуры студента технического вуза // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – № 1. – С. 208-210.
7. Гулякин Д.В., Сорокина Е.Н. Теоретические основы и практические предпосылки воспитания студентов технического университета // Мир науки, культуры, образования. – 2020. – № 5 (84). – С. 160-162.

REFERENCES

1. Sorokina E.N. Theoretical and psychological-pedagogical aspects of education of students of a technical university: monograph. E.N. Sorokin. Krasnodar: KubSTU, 2019. 178 p.
2. Educational environment of the university: traditions and innovations: monograph. A.V. Ponomarev [and others]. Ekaterinburg: Publishing house Ural. University, 2015. 408 p.
3. Bondarevskaya E.V. Education as the revival of human culture and morality: Scientific and methodological development. Rostov n / a: RGPI, 1995.
4. Karpanina E.N., Ron I.N. Structural and functional characteristics of the higher educational system of education. Karpanina E.N., Ron I.N. Prospects of science. 2017. No. 5 (92). Pp. 84-87.
5. Gulyakin D.V. Modern university as an environment replicating the culture of society. Scientific Review. Series 2: Humanities. 2012. No. 6. Pp. 91-95.
6. Gulyakin D.V. Conceptual aspects of social and informational culture of a student of a technical university. Humanities, socio-economic and social sciences. 2015. No. 1. Pp. 208-210.

7. Gulyakin D.V., Sorokina E.N. Theoretical foundations and practical prerequisites for educating students of a technical university. World of science, culture, education. 2020. No. 5 (84). Pp. 160-162.

***Информация об авторах**:* Сорокина Елена Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры строительных конструкций,
Кубанский государственный технологический университет,
г. Краснодар, Россия
karpanina.elena@yandex.ru

Гулякин Дмитрий Владимирович, доктор педагогических наук, доцент, доцент кафедры архитектуры гражданских и промышленных зданий и сооружений,
Кубанский государственный технологический университет,
г. Краснодар, Россия
dvggti@yandex.ru
Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи

Information about the authors: Sorokina Elena Nikolaevna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Building Structures,
Kuban State Technological University,
Krasnodar, Russia
karpanina.elena@yandex.ru

Gulyakin Dmitry V., Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Architecture of Civil and Industrial Buildings and Structures,
Kuban State Technological University,
Krasnodar, Russia
dvggti@yandex.ru
The authors have read and approved the final manuscript.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 28.01.2021
Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 16.04.2021
Принята к публикации / Accepted for publication: 27.04.2021

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов./ The authors declare no conflicts of interests

© Сорокина Е.Н. 2021
© Гулякин Д.В. 2021
© «ИСОМ». 2021

CC BY

Рецензия
Rtviews

DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-2-293-304
УДК 93/94

Рецензия на книги:

Гаврилов С.В. ПРЕДСТАВИТЕЛЬНАЯ ВЛАСТЬ КАМЧАТКИ (1917–1977).
Кн. 1. 782 с. с ил. Петропавловск-Камчатский :
Холдинговая компания «Новая книга», 2020.
ISBN: 978 -5-906904-55-3

Гаврилов С.В. ПРЕДСТАВИТЕЛЬНАЯ ВЛАСТЬ КАМЧАТКИ (1977–1993).
Кн. 2. 668 с. с ил. Петропавловск-Камчатский :
Холдинговая компания «Новая книга», 2020.
ISBN: 978 -5-906904-55-7

БУГАЙ Николай Федорович
Институт российской истории РАН
г. Москва, Россия
nikolay401@yandex.ru
ORCID id // orcid.org/0000-0002-8363-1638

Аннотация. В предлагаемой рецензии на научное исследование, изложенное в 2-х книгах, в хронологических рамках 1917–1977 гг. и 1977–1993 гг. проведен анализ социальных технологий, связанных с формами организации Советов как органов государственной власти, политической ее основы в СССР / России, их возможностей, имевших трансформации в периоды их становления и развития. Раскрыты также другие их виды – исполкомы, революционные комитеты (ревкомы). Рассмотрен процесс возникновения системы этих органов власти на территории Камчатской губернии / области.
Показано отношение исследователя к изучению аспектов темы, познание им как сущности существующих оценок их роли, так и вклада в развитие самой системы. Анализируется содержание направлений совершенствования управления и регулирования социальными процессами. Обращено внимание на направленность решений проблем укрепления государственности, достижения эффективной деятельности структурных подразделений, от низших до высших органов власти. Автором выявлено около 2000 портретов политических и общественных деятелей, представителей этой системы в Камчатской области, раскрыты формы и методы их работы по разным направлениям хозяйствования, развития сообщества народов на территории многонационального края.

Ключевые слова: Камчатка, представительная власть, советы, съезды. депутат, выборы, восстановление, консоциальность, этнические общности

Для цитирования: Бугай Н.Ф. Рецензия на книгу: Гаврилов С.В. Представительная власть Камчатки (1917–1977). Кн. 1. 782 с.; Представительная власть Камчатки (1977–1993). Кн. 2. 668 с. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2021. Том. 13. № 2. С. 293-304
DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-2-293-304

**S.V. Gavrilov: REPRESENTATIVE AUTHORITY OF KAMCHATKA (1917–1977).
Book. 1. 782. p. with ill. Petropavlovsk-Kamchatsky:
New Book Holding Company, 2020.
ISBN: 978-5-906904-55-3**

**S.V. Gavrilov: REPRESENTATIVE AUTHORITY OF KAMCHATKA (1977–1993).
Book 2. 668 p. with ill. Petropavlovsk-Kamchatsky:
New Book Holding Company, 2020.
ISBN: 978-5-906904-55-7**

Nikolay F. BUGAY
Institute of Russian History RAS
Moscow, Russia
ORCID id // orcid.org/0000-0002-8363-1638
nikolay401@yandex.ru

Abstract: In the proposed review of scientific research, set out in 2 books, in a chronological framework: 1917–1977. and 1977–1993, the analysis of social technologies associated with the forms of organization of councils as state authorities, its political basis in the USSR / Russia, their capabilities, which had transformations during the periods of their formation and development, as well as other types – executive committees, revolutionary committees (revolutionary committees). The process of the emergence of the system of these authorities on the territory of the Kamchatka province / region is considered. The attitude of the researcher to the study of aspects of the topic is shown. His knowledge of both the essence of the existing assessments of their role, and the contribution to the development of the system itself. The content of directions for improving the management and regulation of social processes is analyzed. Attention is drawn to the direction of solutions to the problems of strengthening statehood, achieving effective activity of structural units, from lower to higher authorities. The author identified about 2000 portraits of political and public figures, representatives of this system in the Kamchatka region, disclosed the forms and methods of their work in different areas of management, development of the community of peoples on the territory of the multinational region.
Materials and methods. In the writing of a review, the appeal to such methods as historical-genetic, historical-comparative, historical-typological, which allows, in aggregate, to trace the differences of the process, events that reflect the essence of the phenomenon that characterize the interaction, prevails. Along with this, a comparison of the processes of development of society and the management system at different stages of the period under study in 1917–1977, the military situation on the eve of the war, the war period of 1941–1945, post-war reconstruction, 1977–1993, the degree of generalization by the author of the material presented, revealing by him the essence of the transformations that took place. It is also obvious that there was every reason for attracting the prosopographic method of research, which allows not only to fully cognize the person (who represents power), but also to show the background of events. As for the materials directly,

the researcher evaluates those that are used by him in the narrative – "living sources" (archival documents, press, memoirs) Due to the lack of analysis of the historiography of the problem under study, it is possible to present not only an assessment of the work done by the author. They mention, with rare exceptions, for example, the works of the famous writer of the Kamchatka Territory A.A. Smyshlyaev, as well as a collection of documents. The author identifies in the course of his work a large corps of workers' deputies employed in the past or in modern conditions in the work of government bodies (since 1917), of whom about 2 thousand people are mentioned.

Keywords: Kamchatka, representative power, councils, congresses. deputy, elections, restoration, consociality, ethnic communities

For citation: Bugay N.F. Review of the book: Gavrilov S.V. Representative authority of Kamchatka (1917–1977). Book. 1. 782. p ; Representative authority of Kamchatka (1977–1993). Book 2. 668 p. Historical and Social-Educational Idea. 2021. Vol.13 No.2.P. 293-304. (In Russ.).
DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-2-293-304

Материалы и методы. В написании рецензии в большей мере преобладает обращение к таким методам, как историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический, позволяющим в совокупности проследить особенности процесса, события, отражающие суть явления, характеризующие взаимодействие. Наряду с этим сравнение процессов развития общества и системы управления на разных этапах исследуемого периода в 1917–1977 гг., военно-политической ситуации накануне войны, военного периода 1941–1945 гг., послевоенного восстановления, 1977–1993 гг., степень обобщения автором изложенного материала, выявление им сущности имевшихся трансформаций. Очевидно и то, что имелись все основания для привлечения просопографического метода исследования, позволяющего не только всесторонне познать личность (олицетворяющую власть), но и показать фон событий.

Что кается непосредственно материалов, то исследователь оценивает те, которые используются им в повествовании, – «живые источники» (архивные документы, пресса, воспоминания).

В связи с отсутствием анализа историографии исследуемой проблемы можно представить не только оценку проделанной автором работы, но и тех, кто упоминаются в настоящей работе, например, труды известного писателя Камчатского края А.А. Смышляева [7]. В этом плане представляют ценность и сборники документов.

Автор выявляет в ходе работы многочисленный корпус депутатов трудящихся, занятых в прошлом или в условиях современности в работе органов власти (с 1917 года), которых упомянуто около 2-х тыс. человек.

Обсуждение. Год-два тому назад в Институте российской истории Российской академии наук, в Центре «Историческая наука России», выступил с докладом известный историограф, доктор исторических наук, профессор Р.Г. Пихоя. В одном из выводов по докладу им излагалась мысль о том, что историки очень мало внимания уделяют изучению опыта Советов, более 80 лет выступавших в России, а

затем и в Союзе ССР в качестве политической основы государственности. За период своего существования ими накоплен огромный опыт и борьбы с альтернативными силами революции, и выбора управленческих решений, и выработки социальных технологий, заложивших многие направления совершенствования методов и форм руководства разными сферами народного хозяйства, преобразования культурной жизни сообщества народов, сохранения их самобытных культур.

Несомненно, идея, высказанная профессором Р. Пихоя, имеет право быть услышанной. Действительно, за более чем 80-летний период в историографии было подготовлено и транслировано в читательскую среду путем издания более тысячи разного рода книг, сборников статей по истории системы Советов, представительной власти на территории страны.

Однако при этом отсутствовала даже попытка в определенной мере обобщить этот опыт, представить его в науке, обществе как составную часть жизни самого общества с его полярными сторонами. Тем не менее это наша история Советов, история России и Союза ССР, и она имеет свое начало в далеком прошлом. И сами уже структурированные органы власти, именно органы государственной власти – советы, исполкомы, ревкомы, базировавшиеся на демократических принципах построения, шли к своему признанию годами, обретая при этом необходимый жизненный опыт.

Проявляется определенный интерес к этой проблеме и за рубежом [1, с.18].

С древних времен в истории известны органы власти подобного типа: в Псковском и Новгородском княжествах – вече, а у малочисленных горцев Северного Кавказа, например балкарцев, – высший выборный исполнительный орган власти – тере, подобные органы функционировали в 5 балкарских обществах и в балкарских селениях, своеобразные советы обществ и горных селений. Коллективные решения принимались населением на таких сходах и приобретали судьбоносный характер. Известны и многие другие формы выражения народовластия.

И вот эту грандиозную задачу, решение ее на примере и в масштабе Камчатского края взял на себя известный краевед-историк, доцент кафедры судовых энергетических установок Камчатского государственного технического университета, Почетный работник рыбного хозяйства России Сергей Витальевич Гаврилов. В солидном облике ученого, писателя ощутимы и профессиональная подготовка ученого, и сила духа, и неуемная энергия. Автор рецензируемого труда принадлежит к категории людей, которых характеризуют эрудированность, объемные знания истории Дальнего Востока, особенно истории Камчатского края, к которой он относится с каким-то трепетом, по-своему.

Представленный научный труд – свидетельство огромного вклада его автора в разработку истории рыбной промышленности, историю освоения обширного Охотско-Камчатского побережья (Охотский уезд до середины 1920-х годов входил в состав Камчаткой губернии), обустройства жизни в многонациональном сообществе, представленном более чем полусотней этнических общностей.

В современных условиях начала 2020-х годов С.В. Гаврилов совершил переход к новому этапу в своем творчестве – фронтальному изучению коренных изменений в камчатском сообществе, изучению главного инструмента в жизни сообщества – института власти. На всех этапах развития государственности она призвана заниматься и новыми социальными технологиями регулирования процессами во всех сферах жизни многонационального края, и консолидацией его народов, ставивших своей задачей сделать более пригодными для граждан условия проживания.

Те установки, согласно которым чиновники, жандармы, олицетворявшие давно ушедшее время и державшие в своих руках, не допуская туда коренных жителей, органы местного самоуправления, как отмечает сам автор, ушли в далекое прошлое (Кн. 1, с. 608).

С.В. Гавриловым подготовлены и опубликованы десятки научных работ по истории регионов края. Рецензируемый изданный научный труд – это монография, качественно выполненная в двух книгах. В разделах названной книги исследован эволюционный процесс на большом временном срезе: 1917–1993 гг.

В Камчатском краевом архиве царит четкий порядок, необыкновенно высокий уровень отношения к исследователю, стремление оказать помощь в решении поставленной задачи. Для С.В. Гаврилова это второй дом, каждую свободную минуту он работает в архиве.

На сей раз тема – органы представительной власти от губернаторства к народовластию, созданию Советов, их съездам, от 1-го съезда областного Совета депутатов трудящихся, действовавшего в 1917–1920 гг., и далее поэтапное отражение их деятельности в четких хронологических рамках развития самой государственности применительно к Камчатскому округу, губернии, области. Хотя следует отметить и тот факт, что исследователь все же постепенно накапливал материал, известны его более ранние публикации по этой теме [3; 4; 5]. В целом же тема, ее анализ в историографии Камчатки проведены недостаточно.

В рецензируемом труде объемно анализируются трансформации законодательной власти региона в указанные периоды, определены основные направления в развитии ряда отраслей хозяйства, общественной жизни Камчатского края.

Новая научная публикация, как замечает сам автор, выполнена «исключительно на "живом", то есть газетном и архивном материале» содержатся уникальные сведения о политических и общественных деятелях региона – депутатах всех созывов, которых названо более 2 тыс. Наряду с этим представлены и подробные биографические справки 160 депутатов, содержащие сведения о возрасте, партийной принадлежности, образовании, награждениях, места работы, занимаемой должности и другие.

Автором книги впервые приведены многие новые количественные характеристики самого процесса становления представительной власти на территории обширного края. Оценивая деятельность системы Советов, автор обращается к анализу богатой документальной базы 3 областных съездов Совета, 15 созывов Камчатского областного съезда Советов депутатов трудящихся, 121 секции, занятых в работе Советов, 1500 депутатам, избиравшимся в областные Советы с 1939 по 1977 г. Одним словом, можно определить, каким был потенциал избранников в области, в деятельности государственного аппарата власти.

Нельзя в связи с этим не согласиться и с итоговым выводом С.А. Гаврилова о проделанной работе. «Такие знания, – пишет он, – с точки зрения сохранения преемственности поколений людей, населяющих нашу Камчатку, должны заставить задуматься о необходимости сбережения сохранившегося исторического наследия, его приумножения». Судя по всему, и ученые должны вносить свой вклад в реализацию названной меры.

Одним словом, ученые профессор Р.М. Пихоя и С.В. Гаврилов, работая на далеком расстоянии друг от друга, пришли к единому аргументированному выводу.

Конечно, как и в других регионах страны, в Камчатском крае состоянием экономического сектора определяется успех общественного развития в регионе, уровень отношений между населяющими его народами.

Камчатский край на всех исторических этапах оставался многонациональной территорией (в современных условиях тут проживают представители до 60 этнических общностей), включая коренные народы. Это русские, эвены, коряки, чукчи, камчадалы, алеуты, ительмены и др., а также этнические общины из западных регионов страны, по разным причинам прибывавшие на полуостров.

В этой ситуации целью Советов (они четко обозначены и классифицированы автором книги) выступает прежде всего объединение усилий населения края для развития созидательных начал: консолидация народов, их единства и решимости в реализации задач экономического сектора; забота об условиях жизни населения; формирование установок патриотизма как составляющей идеологии государства и аппарата власти; формирование условий для обеспечения безопасности государства, дальневосточного региона, каждой семьи.

Представленное научное исследование приурочено к 80-летию начала действия 1-го состава Камчатского областного Совета, выборы которого состоялись в декабре 1939 г. Конечно, автор не мог обойтись без изложения обстоятельств, предшествующих этому знаковому событию в жизни области. Поэтому особую ценность представляет проведенный анализ деятельности органов власти, направленной на улучшение жизни на полуострове в тех сложных, в том числе и в климатическом отношении, условиях. В связи с этим не случайно и обращение С.В. Гаврилова к характеристике ситуации, связанной с фактором многонациональности и многоконфессиональности региона, существующих различий межкофессиональных, самобытных культур народов.

Автор с учетом тех задач, которые выдвигались Советами в числе приоритетных, повествует и о деятельности самих Советов, которым приходилось решать также и организационные вопросы в разных сферах экономики, культуры, образования, здравоохранения, средств связи, жилищного строительства, создания условий для удобного проживания граждан.

Ответить на возникавшие в процессе работы вопросы было возможным только при условии опоры на богатую источниковую базу. Автор книги проработал в первую очередь новые архивные документы, комплекс воспоминаний тех, кто непосредственно трудился в этой сфере жизни общества начиная с 1917 г., когда идеи советской власти на полуострове получали признание и поддержку со стороны граждан.

Для Камчатского региона во все времена было характерным наличие принципа пограничности и периферийности, что в определенной мере характеризовало специфику региона и одновременно обусловливало трудности функционирования аппарата власти, необходимость отвлекаться на решение других возникавших проблем.

Примечателен в связи с этим тот факт, что Советы уже в начале своей деятельности проявили повышенное внимание к так называемому «иногороднему вопросу», то есть национальному аспекту в жизни полуострова (Протокол 1-го заседания 1-го Камчатского областного Совета от 8 августа 1917 г.). Сформировалось мнение, отражающее истинное положение дел в этой сфере, о признании необходимости той обстановки, в которой «народы Камчатской области находились в крайне тяжелых и уродливых» жизненных условиях, которые были настолько ненормальными, что постепенно привели их в одних местах на грань вымирания, в других – к полному прогрессирующему вымиранию (Кн. 1, с. 579).

Судя по всему, эта задача в обществе должна была стать приоритетной в проведении энергичных и решительных мероприятий по «оказанию инородцами

всесторонней культурной помощи». Съезд Советов, естественно, «определил приоритетные направления деятельности».

Начиная с 1917 г. и практически до конца 1930-х годов органы власти обязаны были обращать внимание на задачи военного характера, поддерживая связи с иностранцами, особенно с Японией, не допускать «чужеземный захват». Надо было решать проблемы защиты Камчатской области перед Дальневосточным правительством. Приходилось заниматься также организацией борьбы на территории Камчатской области с альтернативными установившейся власти силами, то есть вести открытую борьбу с бандитизмом на пространстве от Охотска до Петропавловска-на-Камчатке, вести сражения на фронтах развязанной Гражданской войны, которая не могла не затронуть и Камчатский край.

В условиях острой классовой борьбы Советам всех уровней известны и отступления. Принимались меры по временному возврату, объясняемые необходимостью заниматься выработкой социальных технологий, связанных с упрочением новой власти. Реализацией этой меры на практике явилось формирование в центре и на местах чрезвычайных органов госвласти – революционных комитетов (ревкомов). Практически диктатура пролетариата принимала форму военно-пролетарской диктатуры.

Камчатская область пользовалась этой формой вплоть до 1932 г., когда были созданы условия для функционирования системы Советов. Ревкомам приходилось заниматься, наряду с решением военных задач и возникавшими проблемами, налаживанием экономического сектора и удовлетворением коренных интересов населения губернии. 1-й съезд Советов высоко оценил деятельность ревкомов. «Окрревком и райревкомы проявили глубочайшее внимание вопросам хозяйственного и культурного строительства в округе, чем достигнуты значительные успехи».

С.В. Гаврилов высоко оценивает работу ревкомов по сплочению многонационального сообщества, в решении проблем экономики, сохранении и развитии самобытной культуры народов. Постепенно уходила в прошлое и задача борьбы за выживание.

В это же время совершенствовалась структура самих органов власти всех уровней. На месте концентрировалось внимание на задачах культурно-просветительской работы, образовании, борьбе за грамотность. Особенно эти задачи приобрели актуальность после VII Чрезвычайного съезда Советов, утвердившего Конституцию 1936 года.

Несомненно, в Кн. 1 привлекает внимание работа областных и местных Советов по решению в первую очередь военных хозяйственных проблем, когда все было направлено, как на фронте войны, так и в тылу, на решение главной задачи – достижению победы над фашизмом. В Камчатской области в качестве главных хозяйственных задач выступало налаживание бесперебойной работы промышленных предприятий. В данном случае все подчинялось реализации продовольственной программы, особенно обеспечению продуктами Красной армии и населения. Автор приводит многочисленные примеры деятельности в годы войны рабочих коллективов области, их самоотверженного труда. Увеличение производительности АКО, выработки продовольственной продукции для внутреннего потребления, валовой продукции, объем которой в 1940 г. должен был составить 5791,9 тыс. рублей. Облпрофсоюзом была поставлена задача по увеличению продукции на 34.7% по сравнению с 1940 г.

При этом не следует забывать, что мужчины Камчатского края большей частью воевали на фронтах. А местным органам власти вместе с военными структурами пришлось заниматься еще и организацией борьбы с японским фашизмом, в том числе и в боях за Курилы.

Автор в книге выделяет в самостоятельный раздел проблему восстановления народного хозяйства в области, его переход в послевоенный период на мирные рельсы. И хотя дороги войны обошли Камчатку, однако вся жизнь людей, как показывает в разделах книги С.В. Гаврилов, была подчинена только достижению Победы. Усилия рабочих и колхозников были направлены на улучшение результатов труда. Только рыбакам области предстояло увеличить добычу рыбы на 45%, что составило бы в области 145 тыс. центнеров рыбы.

В процессе работы над темой автором выявлены совершенно новые количественные характеристики в развитии экономической базы области. И это касается в одинаковой степени как предприятий областного масштаба, так и районного. В связи с этим представлен иллюстративный материал по Усть-Камчатскому, Усть-Болшерецкому и другим районам области.

Автором всесторонне показаны и успехи, и недостатки в проведении государственной политики по созданию устойчивого положения в сфере экономики. Это в полной мере относится к новым формам и методам активизации работы партийных организаций, органов советской власти областного и местного, районного уровня (организация соцсоревнования, просветительская работа среди населения, чествование передовиков производства и пр.).

В связи этим обоснованно и обращение С.В. Гаврилова к такой сфере деятельности, как общественная работа, ее значению в формировании самосознания и национального сознания граждан, усилению работы среди молодежи, прежде всего совершенствованию ее в части воспитания патриотических чувств. Убедительная в этом плане иллюстрация – материалы о СМИ, областном театре.

Событием исторической важности в рассматриваемый период явилось прежде всего принятие Конституции СССР 1977 года. Ее ядром становилась идея о сложившейся новой исторической интернациональной общности – «советский народ». Эта идея широко транслировалась в массы, получив в целом признание. В Основном законе государства получило подтверждение и определение Союза ССР как государственности. «Российское государство олицетворяет государственное единство русского народа и других народов», то есть впервые обозначалась государствообразующая нация [Авакян... 2001: 6]. Несомненно, это предложение было верным по своему существу, как и в политическом плане, что, по мнению многих ученых, занимающихся изучением проблем истории государственности, снимало постоянный вопрос о необходимости формирования Русской Республики.

Ценность новой Конституции СССР была и в том, что она с учетом накопленного поколениями богатого опыта национально-государственного и советского строительства обобщила все составные изменения в этой сфере жизни общества и предложила механизмы для дальнейшего совершенствования этой системы. Проблеме в документе посвящен самостоятельный раздел, включавший 4 отдельные главы из 19 статей, в которых показано конституциирование изменений территориальной организации с середины 1930-х годов, дано идеологическое обоснование принципов федеративных отношений.

Демократичность постулатов Конституции государства не отменяет того факта, что Советский Союз был сверхцентрализованным государством, с фор-

мальными признаками федерализма и демократии и авторитарной структурой управления

Не менее привлекательным остается и историография жизни области в Кн. 2. в период 1977–1993 гг. Это своеобразный ориентир общества на «перестройку». Конечно же, этот этап имеет свои реперные точки. Это прежде всего совершенствование общественно-массовой работы среди молодежи области. Автор рассматривает многие формы такой работы и раскрывает ее ценное значение. Всесторонне отображена деятельность госаппарата, роль Советов в условиях перестройки конца 1980-х годов.

В рамках перестройки политической системы звучал призыв «осуществить назревшие меры по дальнейшему развитию и укреплению Советской Федерации на основе демократических принципов». На практике был выбран путь поощрения децентрализации, передачи ряда управленческих функций, перехода на принципы хозрасчета, установления прямых хозяйственных связей.

Определенные элементы демократии, внесение незначительных изменений демократизации общественно-политической жизни и гласность в годы перестройки обнажили десятилетиями накопившиеся проблемы в экономической, социальной, политической и духовной сферах, а также в области межэтнических отношений.

Обществом все отчетливее осознавалось несоответствие между декларируемыми целями развития «социалистических наций» и реальным их состоянием. Это означало наличие этнического кризиса и кризиса прежней формы национальной государственности.

В конце 1980-х годов одной из таких назревших мер явилось и казачество (о чем отмечено и в рецензируемом издании), потребовавшее как своего признания, так и определения своей ниши в союзном социуме, восстановления исторической справедливости по отношению к наследникам казачества и возрождению традиций. При этом в эволюции этого процесса меры набирали обороты, и уже в первой половине 1990-х годов они стали осязаемыми.

Таким образом, с конца 1980-х годов казачье движение, энергично выплеснувшись на широкую политическую арену, приступило к решению своих проблем и сразу оказалось в центре внимания противоборствующих партий и политических сил. Партийному руководству было необходимо держать под контролем процесс формирования многопартийности, следовательно, и возникшие в его результате партии и общественные движения, в том числе движение казаков.

Объявленный в 1985 г. в Союзе ССР курс на перестройку принес больше вреда, чем пользы, считают 55% россиян (2015 г.). Об этом свидетельствуют результаты опроса «Левада-центра», проведенного в марте 2015 г. (по сведениям агентства «Интерфакс») среди 1600 человек в 134 населенных пунктах. В 2013 г. неверным курс на перестройку считали 60%, в 2005 г. – 70%. В марте 2014 г. 24% населения считали, что курс на перестройку был взят правильно, 21% опрошенных затруднились с ответом[6]. Однозначное мнение среди россиян о том, что было бы, если бы власти не взяли курс на «перестройку», отсутствует.

«Интерфакс» констатировал, что 31% респондентов полагали: это помогло бы избежать конфликтов и сохранить единство страны, а 26% – уверены, что ситуация в стране постепенно улучшалась бы и без реформаторского курса. 16% полагали, что ничего бы не изменилось. А 12% респондентов считали, что нарастание социальных и межэтнических противоречий внутри страны привело бы ее к общему кризису и крушению. 9% опрошенных полагали, что СССР не

смог бы состязаться с более развитыми странами. Он неизбежно утратил бы статус великой мировой державы, а 5% не исключили возникновения опасных международных конфликтов. 41% респондентов выразили мнение, что было бы лучше, если бы в стране оставалось все так же, как было до начала реформ реформ [6].

Новое исследование историка-краеведа С.В. Гаврилова – существенный вклад в историю государственных учреждений, в частности представительной власти Камчатского края. Она будет востребованной не только в плане получения, использования выявленных ценных статистических планов, но и в плане знакомства с оценками автором той поры, сопряженной с преодолением разного рода трудностей социально-экономического порядка. Изучение избранной темы имеет исторический смыл, к тому же это еще и дань тем поколениям, представители которых исполняли государственную службу, наполнили свою жизнь активным участием в той работе. И они не могут не служить примером для настоящего и грядущих поколений.

В качестве пожеланий можно отметить следующее. Автору следовало бы все же обратиться к анализу всего того, что было создано до публикации этого солидного обобщающего издания, оценить вклад тех исследователей, кто трудился до него, кто работает рядом с ним, и лучше понять, что тревожило их в ходе преодоления разного рода перестроек и трансформаций общества.

Ведь и в оценке последней перестройки в камчатском сообществе не было адекватного отношения, как и к прежде проводимым перестройкам и реализации других преобразований.

Было бы также целесообразным сделать и общее заключение к двум книгам, что, несомненно, объединяло бы эти две самостоятельные книги, помогало читателю ориентироваться в изложенном автором материале. Ведь с книгой будут знакомиться представители разных поколений.

Тем не менее, Сергей Витальевич Гаврилов выполнил огромную изыскательскую работу и представил обобщающий научный труд, который займет достойное место в историографии Камчатского края и, возможно, явится составной частью научного труда по истории жизни и деятельности представительной власти в масштабе государства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ross C. Federalism and Democratization in Russia. Manchester: Manchester University Press, 2002. P. 18.
2. Авакян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность. М., 2001.
3. Гаврилов С. В. История законодательной власти Камчатки. От истоков к современности. — Петропавловск-Камчатский : изд-во "Новая книга", 2020. — 360 с.
4. Гаврилов С. В. Делегаты — "хозяева Камчатки" / Краеведческие записки: Камчатский краевой объединённый музей. — Вып. 12. — Петропавловск-Камчатский : изд-во "Новая книга", 2019. — С. 75—114.
5. Гаврилов С. В. От губернаторства к народовластию (Камчатские областные съезды 1917—1920 гг.) / Камчатка-2019: литература, краеведение. — Петропавловск-Камчатский : изд-во "Новая книга", 2019. — С. 417—442.

6. Объявленный в 1985 г. в СССР курс на перестройку принес больше вреда, чем пользы
// URL: http://www.vedomosti.ru/politics/news/2015/04/22/sokraschaetsya-dolya-rossiyan-kotorie-schitayut-gorbachevskuyu-perestroiku-vrednoi (дата обращения: 10 марта 2021 г.).
7. Смышляев А.А. Четверть века Камчатского парламентаризма. — Петропавловск-Камчатский, 2020 и др.

REFERENS

1. Ross C. Federalism and Democratization in Russia. Manchester: Manchester University Press, 2002. P. 18.
2. Avak'yan S.A. Konstitutsiya Rossii6priroda,evlyutsiya sovremennost'.[Constitution of Russia6nature, evlution modernity]. M., 2001.
3. Gavrilov S. V. Istoriya zakonodatel'noy vlasti Kamchatki. Ot istokov k sovremennosti. — Petropavlovsk-Kamchatskiy : [History of the Legislative Power of Kamchatka. From the origins to the present.] izd-vo "Novaya kniga", 2020. — 360 s.
4. Gavrilov S. V. Delegaty — "khozyayeva Kamchatki" [Delegates — "hosts of Kamchatka" / Local history notes: Kamchatka Regional United Museum] / Krayevedcheskiye zapiski: Kamchatskiy krayevoy ob"yedinonnyy muzey. — Vyp. 12. — Petropavlovsk-Kamchatskiy : izd-vo "Novaya kniga", 2019. — S. 75—114.
5. Gavrilov S. V. Ot gubernatorstva k narodovlastiyu (Kamchatskiye oblastnyye s"yezdy 1917—1920 gg.) [From governorship to People's power (Kamchatka regional congresses of 1917-1920)] / Kamchatka-2019: literatura, krayevedeniye. — Petropavlovsk-Kamchatskiy : izd-vo "Novaya kniga", 2019. — S. 417—442.
6. Ob"yavlennyy v 1985 g. v SSSR kurs na perestroyku prines bol'she vreda, chem pol'zy //
URL: http://www.vedomosti.ru/politics/news/2015/04/22/sokraschaetsya-dolya-rossiyan-kotorie-schitayut-gorbachevskuyu-perestroiku-vrednoi [The course of perestroika announced in the USSR in 1985 did more harm than good / URL: http://www.vedomosti.ru/politics/news/2015/04/22/sokraschaetsya-dolya-rossiyan-kotorie-schitayut-gorbachevskuyu-perestroiku-vrednoi] (data obrashcheniya: 10/05/2021]
7. Smyshlyayev A.A. Chetvert' veka Kamchatskogo parlamentarizma [A quarter of a century of Kamchatka Parliamentarism] - Petropavlovsk-Kamchatskiy, 2020.

Информация об авторе:Бугай Николай Федорович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории, Российской академии наук, действительный государственный советник Российской Федерации III класса. ул. Дмитрия Ульянова, 19. 117 292. Москва, Россия
ORCID id: https://orcid.org/0000-0002-8363-1638
nikolay401@yandex.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи

Information about the author: Bugay Nikolai Fedorovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Acting State Advisor of the Russian Federation, Class III
Moscow, Russia

ORCID id: https://orcid.org/0000-0002-8363-1638
nikolay401@yandex.ru

The author has read and approved the final manuscript

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 17.03.2021
Принята к публикации / Accepted for publication: 25.04.2021

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов./ The author declares no conflicts of interests

© Бугай Н.Ф. 2021
© «ИСОМ». 2021

ЗАИМСТВОВАНИЯ, ПЛАГИАТ, РЕТРАКЦИЯ

Редакционная коллегия журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» при рассмотрении статьи проводит проверку материала с помощью систем «Антиплагиат» и «Advego Plagiatus».. В случае обнаружения многочисленных заимствований редакция действует в соответствии с правилами COPE.

Политика антиплагиата

С точки зрения редакции, плагиатом является:

- дословное цитирование любых материалов в любом объеме без указания источника;
- использование изображений, рисунков, фотографий, таблиц, графиков, схем и любых других форм графического представления информации без указания источника;
- использование изображений, рисунков, фотографий, таблиц, графиков, схем и любых других форм графического представления информации, опубликованных в научных и популярных изданиях без согласования с правообладателем;
- использование без письменного разрешения материалов, авторы или правообладатели которых запрещают использование своих материалов без специального согласования.

Допустимый объем цитирований, установленный редакцией – не более 20% от общего объема статьи. Обзоры и другие статьи, по объективным причинам требующие наличия большего количества цитирований, рассматриваются редакцией в индивидуальном порядке.

Проверка материалов на наличие заимствований

Все статьи, публикующиеся в журнале, проходят многоступенчатую проверку по разработанной в редакции методике, включающей использование различных инструментов.

Проверка на уникальность проводится редакцией в двух системах: «Антиплагиат.ру» и «Advego Plagiatus».

В случае обнаружения заимствований, редакцией проводится их оценка, в ходе которой принимается во внимание авторство заимствованного текста, наличие или отсутствие должным образом оформленного цитирования и тип источника: научная статья, монография, диссертация, книга, учебное посо-

BORROWINGS, PLAGIARISM, RETRAINING

The editorial board of the journal “Historical and Social-Educational Idea” examines the material with the help of the Antiplagiat system. In case of multiple borrowings, the editorial board operates in accordance with COPE rules.

Anti-Plagiarism Policy

From the editorial point of view, plagiarism is:

- literally quoting any materials in any volume without indicating the source;
- use of images, drawings, photographs, tables, graphs, diagrams and any other forms of graphical representation of information without indicating the source;
- use of images, drawings, photographs, tables, graphs, schemes and any other forms of graphical representation of information published in scientific and popular publications without agreement with the copyright holder;
- use without the written permission of materials, authors or owners of which forbid the use of their materials without special agreement.

The permissible volume of citations established by the editors is not more than 20% of the total volume of the article. Reviews and other articles, for objective reasons requiring more citations, are reviewed by the editorial board on an individual basis.

Checking materials for borrowing

All articles published in the journal undergo a multistage check on the methodology developed in the edition, including the use of various tools.

The uniqueness check is carried out by editing in two systems: “Antiplagiat.ru” and “Advego Plagiatus”.

In the case of loans, the editors held their assessment, in the course of which takes into account the authorship borrowed text, the presence or absence of a formal citation and source type: scientific articles, monographs, theses, books, study guide, or simply found on the network text without explicit attribution. On the

бие или просто найденный в сети текст без явного указания авторства. На основе проведенного анализа принимается решение о возможности или невозможности публикации статьи.

Правила отзыва (ретракции) опубликованной статьи

Статья отзывается (ретрагируется) в случае:

- если в статье выявлены крупные некорректные заимствования (плагиат);
- если выводы, содержащиеся в статье, были ранее опубликованы в другом издании, и при этом отсутствуют надлежащие ссылки, разрешения и обоснования необходимости повторной публикации (т.е. случаи дублирующей публикации);
- если материал статьи описывает неэтичные исследования.

Цель отзыва (ретракции) опубликованной статьи

Отзыв является механизмом исправления опубликованной информации и оповещения читателей о публикациях, содержащих такие серьезные недостатки или ошибочные данные, которым нельзя доверять. Недостоверность данных может являться результатом добросовестного заблуждения или сознательных нарушений.

В случае отзыва (ретракции) статьи денежные средства, полученные издательством за редакционно-издательские услуги от автора (ов), не возвращаются.

Уважаемые авторы! По международным правилам этики научных публикаций уже опубликованная статья не может быть полностью удалена с сайта журнала. Будьте внимательны, отправляя статью для публикации!

Выявление технических приемов, искусственно повышающих уникальность текста

В последнее время участились случаи использования авторами различных программных продуктов и сервисов, искусственно завышающих уникальность текста при проверке.

Редакция настоятельно не рекомендует использовать любые технические приемы, позволяющие повысить оценку текста. Сотрудники редакции обладают достаточной технической и методологической базой для разоблачения всех подобных технических приемов.

Уведомляем Вас, что статьи, в которых обнаружены признаки технических модифи-

basis of the analysis, a decision is made whether the article is possible or not possible.

The rules of recall (retraction) of a published article

The article is recall (retracted) in the next cases:

- if the article identifies major incorrect borrowing (plagiarism);
- if the conclusions contained in the article were previously published in another publication, and at the same time there are no proper references, permissions and justifications for the need for a re-publication (cases of a duplicative publication);
- if the article's material describes unethical research.

The purpose of recall (retraction) of a published article

Recall is a mechanism for correcting published information and alerting readers to publications containing such serious flaws or erroneous data that can not be trusted. The inaccuracy of the data may be the result of bona fide error or conscious violations.

In the event of retraction of the article, the money received by the publisher for editorial and publishing services from the author(s) is not returned.

Dear authors! According to the international rules of ethics of scientific publications, an already published article can not be completely removed from the journal's website. Be careful when posting an article for publication!

Identification of techniques that artificially increase the uniqueness of the text

Recently cases of authors using various software products and services artificially inflating the uniqueness of the text during verification have become more frequent.

The editorial board strongly discourages the use of any technical means to improve the evaluation of the text. The editorial staff has a sufficient technical and methodological basis for exposing all such techniques.

We inform you that the articles in which signs of technical modifications are found

каций с целью искусственного повышения уникальности текста, в журнале не публикуются (даже в случае доработки). Если публикация статьи уже оплачена, деньги за публикацию не возвращаются.

Дублирующие публикации

Статьи, поступающие для публикации в журнале «Историческая и социально-образовательная мысль» не должны в момент поступления находиться на рассмотрении в других журналах. Если представляемый автором материал уже был полностью или частично опубликован ранее, автор обязуется сообщить об этом в редакцию, а также обосновать необходимость такой публикации. Решение по всем подобным случаям принимается редакцией в индивидуальном порядке. В случае обнаружения публикаций, полностью или частично дублирующих в журнале «Историческая и социально-образовательная мысль», редакция оставляет за собой право отозвать (ретрагировать) такую статью.

Обращаем Ваше внимание, что с 2018 года редакцией принято решение о повторной проверке уже опубликованных материалов на наличие заимствований. Это позволит:

- избежать последствий «веерных» рассылок статей авторами в несколько журналов одновременно, в результате которых одна и та же статья может быть опубликована в нескольких изданиях;

- выявить некорректные заимствования, которые не могли быть выявлены на момент публикации статей из-за отсутствия материалов в открытом доступе.

Повторная проверка статей будет проводиться дважды, через год и через два года после публикации. В случае обнаружения некорректных заимствований, которые не могли быть обнаружены ранее, или факта публикации статьи в другом издании, статья может быть отозвана (ретрагирована) в соответствии с правилами отзыва (ретракции) уже опубликованной статьи.

with the purpose of artificial enhancement of the uniqueness of the text are not published in the journal (even if it is modified). If the article is already paid for the money for publication is not returned.

Duplicate publications

Articles submitted for publication in the journal Historical and Socio-Educational Thought" should not be considered in other journals at the time of admission. If the material submitted by the author has already been published in whole or in part, the author undertakes to notify the editors about this, and also to substantiate the necessity of such publication. The decision on all such cases is made by the editorial board on an individual basis. In case of the detection of publications that fully or partially duplicate in the journal “Historical and Social-Educational Idea” the editors reserve the right to recall (retract) such an article.

We would like to draw your attention to the fact that since 2018 the editorial board has decided to re-check the already published materials for borrowings. This will allow:

- to avoid the consequences of the “fan” mailings articles by the authors in several magazines at the same time, as a result of which one and the same article may be republished in several editions;

- to identify incorrect borrowings that could not be identified at the time of publication of articles due to lack of materials in the public domain.

A second check of the articles will be conducted twice, one year and two years after publication. In case of detection of incorrect borrowing, which could not be detected earlier, or the fact of publication of the article in another publication, the article may be recall in accordance with the rules of retraction has already published article.

ИНФОРМАЦИЯ
для авторов журнала «Историческая и социально-образовательная мысль»

Редакция научного журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» рассматривает ранее не опубликованные авторские материалы в форме оригинальных, проблемных и дискуссионных статей, обзоров литературы, лекций, отчетов о научных мероприятиях и научных программах и исследованиях в области истории, социологии, педагогики.

Поступление заявки в редакцию подтверждает полное согласие авторов на обработку и публикацию предоставленной персональной информации, а также подтверждает согласие авторов с публичной офертой на размещение присланных материалов в полном объеме в электронной и печатной версиях журнала и предполагает, что описанная в ней работа ранее не была опубликована (за исключением публикации в виде реферата или как часть опубликованной лекции, автореферат диссертации); что она не рассматривается для публикации в ином издательстве.

Редакция журнала в своей деятельности руководствуется принципами научности, объективности, профессионализма, информационной поддержки наиболее значимых профильных исследований и соблюдения норм издательской и авторской этики. и придерживается принципов, разработанных Международным Комитетом по этике публикаций (COPE; www.publicationethics.org), и положений главы 70 «Авторское право» Гражданского кодекса РФ.

Все статьи, поступающие в журнал, проходят проверку по программе оригинальности текста «Антиплагиат».

Поступившая в редакцию рукопись проходит обязательное двойное слепое рецензирование (рецензент не знает авторов рукописи, авторы рукописи не знают рецензентов) и в 2-4-х недельный срок принимается решение о возможности ее публикации. Редактор информирует автора о решении редколлегии. Редакция вправе вносить в текст правки, не искажающие смысл авторских материалов. При переписке с редакцией автор каждый раз должен полностью указывать фамилию, имя, отчество и повод, по которому идет переписка.

Журнал издается на средства авторов.

Авторам, обучающимся в аспирантурах государственных вузов и имеющим право в порядке очередности на бесплатную публикацию материалов своих научных исследований, необходимо предоставить справку из аспирантуры вуза установленной формы. Справку об обучении в аспирантуре, заверенную согласно утвержденным формам, печатью вуза, высылается простым письмом на почтовый адрес редакции. Отсканированная копия справки прилагается к электронному письму отдельными файлами с расширением *.jpg или *.pdf. Статья аспиранта может быть опубликована бесплатно при условии, что он является единственным автором научного текста. Статьи, где аспирант выступает в качестве соавтора, к бесплатной публикации не принимаются.

При подаче статьи на электронный адрес akademus07@rambler.ru просим Вас:

- уточнять, в какой рубрике Вы хотели бы разместить статью;
- указывать почтовый адрес с индексом, на который можно будет выслать авторский экземпляр журнала;

Требования к оформлению авторских материалов:

- Материалы следует направлять по электронной почте: akademus07@rambler.ru, либо через online форму сайта журнала http://www.hist-edu.ru/.
- Загружаемый в систему файл со статьей должен быть представлен в формате Microsoft Word (иметь расширение *.doc, *.docx, *.rtf), шрифт - Times New Roman, размер шрифта – 14, междустрочный интервал – одинарный (1)
- Объем полного текста рукописи 12 - 20 страниц. В индивидуальных случаях по решению редакционной коллегии допускается публикация материалов большего объема. Количество авторов одной статьи допускается не более 3-х человек.
- Страницы текста должны иметь сквозную нумерацию.
- Автоматические переносы не допускаются.
- Автоматические сноски не допускаются.

Материалы должны быть оформлены строго в соответствии с изложенными требованиями и тщательно вычитаны.

- Индекс УДК (см. справочник УДК: http://teacode.com/online/udc/);
- Название работы (Приводятся на русском и английском языках)
- сведения об авторе (на русском и английском языках):
- фамилия, имя, отчество автора полностью,
- должность, звание, ученая степень автора,
- полное название организации (места работы автора), ее полный почтовый адрес,
- идентификатор автора в системе РИНЦ, Open Researcher and **ORCID ID,** (если нет ORCID ID, то можно зарегистрироваться в https://orcid.org)
- адрес электронной почты автора;

Аннотация

- аннотацию на русском языке — не менее 150-200 слов
- аннотация на английском языке — не менее 200-250 слов
- ключевые слова (6-8 слов/словосочетаний, отдельно на русском и английском языках).

Требования к аннотациям на русском языке:

Аннотация должна давать четкое представление о содержании статьи.

Структура аннотации:

- ***Введение (Introduction):*** вступительная часть, в которой формулируется актуальность, новизна, цели и задачи исследования;
- ***Методы (Methods):*** раздел, в котором автор излагает свою методику с аргументацией её выбора, характеризует источники и историографию исследования;
- ***Анализ (Analysis):*** раздел, включающий исследование проблемы;
- ***Результаты (Results):*** часть, в которой излагаются ответы, выводы, полученные в ходе исследования.

Требования к аннотациям на английском языке:

К аннотации на английском языке применяются те же требования по содержанию, что и к аннотациям на русском языке.

Abstract paragraphing:

- ***Introduction(Введение):*** вступительная часть, в которой формулируется актуальность, новизна, цели и задачи исследования;
- ***Methods(Методы):*** раздел, в котором автор излагает свою методику с аргументацией её выбора, характеризует источники и историографию исследования;
- ***Analysis(Анализ):*** раздел, включающий исследование проблемы;
- ***Results(Результаты):*** часть, в которой излагаются ответы, выводы, полученные в ходе исследования.

Англоязычная версия аннотации статьи должна по смыслу и структуре полностью соответствовать русскоязычной и быть грамотной с точки зрения английского языка. При переводе аннотаций должна использоваться англоязычная специальная терминология, следует избегать употребления общих, ничего не значащих слов, лишь увеличивающих объем, но не способствующих раскрытию содержания статьи. Англоязычная аннотация должна быть оригинальной, то есть недопустима калька (дословный перевод) краткой русскоязычной аннотации. Объем англоязычной версии аннотации должен быть не менее 200-250 слов. «Аннотации на английском языке в русскоязычном издании являются для иностранных ученых и специалистов основным и, как правило, единственным источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований. Зарубежные специалисты по аннотации оценивают публикацию, проявляет интерес к работе российского ученого, могут использовать ее в своей публикации и сделать на нее ссылку, открыть дискуссию с автором, запросить полный текст и т.д. Аннотация к статье призвана выполнять функцию независимого от статьи источника информации».

Информация о спонсорстве. (*Приводятся на русском и английском языках..*)

Необходимо указывать источник финансирования как научной работы, так и процесса публикации статьи (грант, фонд, коммерческая или государственная организация, частное лицо и др.).

Благодарности. Авторы могут выразить благодарности людям и организациям, способствовавшим публикации статьи в журнале, но не являющимся её авторами, рецензентам.

Текст самой статьи

Структурирование текста может зависеть от направленности исследования (эмпирическое или теоретическое). Эмпирические исследования должны соответствовать формату IMRAD (Структура статьи). Теоретические исследования могут носить авторскую логику изложения, в соответствии с порядком изложения аргументации.

- Введение **(Introduction)**;
- Обзор литературы **(Literature Review)**;
- Материалы и методы **(Materials and Methods)**;
- Результаты исследования и обсуждение **(Results и Discussion);**
- Заключение **(Conclusion)**.

Приведенные части требуется выделять соответствующими подзаголовками и излагать в данных разделах релевантную информацию.

1) ***Введение*** **(1–2 стр.)** – постановка научной проблемы, ее актуальность, связь с важнейшими задачами, которые необходимо решить, значение для развития определенной отрасли науки или практической деятельности. Во введении должна содержаться информация, которая позволит читателю понять и оценить результаты исследования, представленного в статье, без дополнительного обращения к другим литературным источникам. При его написании автор, прежде всего, должен заявить общую тему исследования. Далее необходимо раскрыть теоретическую и практическую значимость работы. Во введении автор также обозначает проблемы, не решенные в предыдущих исследованиях, которые призвана решить данная статья. Кроме этого, в нем выражается главная идея публикации, которая существенно отличается от современных представлений о проблеме, дополняет или углубляет уже известные подходы к ней; обращается внимание на введение в научное обращение новых фактов, выводов, рекомендаций, закономерностей. Цель статьи вытекает из постановки научной проблемы.

2) ***Обзор литературы*** **(1–2 стр.).** Необходимо описать основные (последние по времени) исследования и публикации, на которые опирается автор; современные взгляды на проблему; трудности при разработке данной темы; выделение нерешенных вопросов в пределах общей проблемы, которым посвящена статья. Желательно рассмотреть 20–25 источников и сравнить взгляды авторов; часть источников должна быть англоязычной.

3) ***Материалы и методы*** **(1–2 стр.).** В данном разделе описываются процесс организации эксперимента, примененные методики, использованные аппаратура и инструментарий; даются подробные сведения об объекте исследования; указывается последовательность выполнения исследования и обосновывается выбор используемых методов (наблюдение, опрос, тестирование, эксперимент, лабораторный опыт, анализ, моделирование, изучение и обобщение и т. д.).

4) ***Результаты исследования и обсуждение*****.** В этой части статьи должен быть представлен систематизированный авторский аналитический и статистический материал. Это основной раздел публикации, цель которого – при помощи анализа, обобщения и разъяснения данных доказать рабочую гипотезу (гипотезы). Результаты при необходимости подтверждаются иллюстрациями (таблицами, графиками, рисунками), которые представляют исходный материал или доказательства в свернутом виде. Важно, чтобы иллюстративная информация не дублировала уже приведенную в тексте, однако при этом сопровождалась необходимыми комментариями. Также должно быть обосновано, почему для анализа были выбраны именно эти данные. **Все названия, подписи и структурные элементы графиков, таблиц, схем и т. д. оформляются на русском и английском языках.** Представленные в статье результаты желательно сопоставить с предыдущими работами в этой области, которые предпринимались как автором, так и другими исследователеми. Такое сравнение дополнительно раскроет новизну проведенной работы и придаст ей объективности.

5) ***Заключение***. В этом разделе в сжатом виде повторяются главные мысли основной части работы. Всякие повторы излагаемого материала лучше оформлять новыми фразами, отличающимися от высказанных в основной части статьи. Необходимо сопоставить полученные результаты с обозначенной в начале работы целью. В заключении суммируются итоги осмысления темы, делаются выво-

ды, обобщения и рекомендации, вытекающие из работы, подчеркивается их практическая значимость, а также определяются основные направления для дальнейшего исследования в этой области. В заключительную часть статьи желательно включить прогноз развития рассмотренных аспектов проблемы.

В тексте статьи ссылки на источники приводятся после цитаты в квадратных скобках арабскими цифрами с указанием порядкового номера источника цитирования и страницы, например: [1, с. 25]

Документы (Архивы, **ГОСТ**ы, Приказы, Положения, Постановления, Нормативы, Федеральные законы) нужно указывать сносками в тексте, а не в списках литературы.

Библиографические ссылки на русском языке (пристатейные списки литературы). Статьи без ссылок на используемые источники и литературу **не принимаются.**

Сведения о цитируемых источниках приводятся в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования».

В оригинальных статьях желательно не менее 15 источников, в обзорных – до 50.

Самоцитирования в списке литературы не должны превышать 10%.

Ссылки на иностранные источники – не менее 30%.

В библиографическом описании каждого источника должны быть представлены ВСЕ АВТОРЫ. В случае, если у публикации более 4 авторов, то после 4-го автора необходимо поставить сокращение "и др." или "et al.". **Недопустимо сокращать название статьи.**

Источники приводятся в порядке их упоминания в тексте, но не в алфавитном порядке. В тексте ссылки на используемые источники даются после цитаты в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника цитирования и страницы, например [1, с. 25] (vancouver- стиль).

Документы (Приказы, **ГОСТ**ы, Архивы, Положения, Постановления, Нормативы, Федеральные законы) нужно указывать сносками в тексте, а не в списках литературы.

Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Если статья имеет DOI, обязательно указать его номер.

References: (пристатейные списки литературы на английском языке и транслитерация названия статьи)

Название статьи в ссылках должно быть транслитерировано (написана латинскими буквами) и дублирована на английский язык в квадратных скобках [***]. При транслитерации можно воспользоваться ссылкой https://translit.ru/

Если статья имеет **DOI**, обязательно указать его номер.

Следует обратить внимание на то, что Название статьи и журнала **НЕ** следует разделять знаком **«//»** и **«–»,** а описания даты выхода, тома, номера журнала и страниц, на которых опубликована статья, разделяются точкой.

Структура библиографической ссылки в REFERENCES для русскоязычных статей из журналов выглядит так:

- авторы (транслитерация),
- название статьи в транслитерированном варианте
- перевод названия статьи на английский язык в квадратных скобках [***]
- название источника (транслитерация),
- выходные данные с обозначениями на английском языке, либо только цифровые,
- необходимо указать язык, на котором написан полный текст рукописи. В случае, когда автор публикует статью на двух языках, необходимо указать двойную индексацию по языку (*например, [ru; en]* ; (in Russian); (in English) (in Italy) (in Arabic) ит д.

Пример:

> Khalilov T.A. Sistema i sovetskij chelovek. Obsuzhdenie knigi N.E. Erokhina [System and the Soviet Man. Discussion of the N.E. Erokhin's Book]. Politicheskaja konceptologija. Zhurnal metadisciplinarnyh issledovanij = Political Conceptology. Journal of Metadisciplinary Research. Rostov-on-Don. 2018, No. 2, pp. 270-285. (In Russ). DOI: 10.23683/2218-5518.2018.2.270285.

Ответственность за достоверность приведенных фактов, цифровых, графических или каких-либо иных данных, равно как за точность цитируемых текстов и отсутствие правовых препятствий к размещению информации, несет полностью автор.

Все статьи, размещенные на сайте, находятся в открытом доступе и могут быть использованы для цитирования, копирования, распечатывания и другого некоммерческого использования с соблюдением авторских прав.

Историческая
и социально-образовательная мысль
2021. Том 13 № 2

Дата выхода в свет 29.04.2021
314 ст.

© Редакция журнала «Историческая и социально-образовательная мысль»